

ЮЖНОЕ СИЯНИЕ

ОДЕССКИЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ

4(48)' 2023

Главный редактор
Станислав АЙДИНЯН

Выпускающий редактор
Сергей ГЛАВАЦКИЙ

Отдел прозы
Ольга ИЛЬНИЦКАЯ

Отдел литературной критики
Александр КАРПЕНКО

Общественный совет:
Дмитрий Бураго (Киев), Евгений Голубовский (Одесса),
Владимир Гутковский (Киев), Олег Дрямин (Одесса),
Алёна Жукова (Торонто), Олег Зайцев (Минск),
Вера Зубарева (Филадельфия), Андрей Костинский (Харьков),
Марина Матвеева (Симферополь), Юрий Работин (Одесса),
Олеся Рудягина (Кишинёв), Анна Стреминская (Одесса).

Интернет-версия журнала: ursp.org/index.php/yuzhnoe-siyanie

Ariella Publishing
Philadelphia
2023

Литературно-художественный журнал «Южное Сияние» (№4, 2023)

Literary magazine «South-lights»

ISSN 2226-647X

Учредитель – Общественная организация «Южнорусский Союз Писателей»

Founder – Public organization «South-Russian Writers Union»

Published by Ariella Publishing | Philadelphia, Pennsylvania

First printing December 2023

© «Южное Сияние», 2023

Георгий Цомакион. Верность.

В НОМЕРЕ

ПОЭЗИЯ

Одесса: Тина Арсеньева. Из книги «Луна в колодце». Стихотворения	6
Одесса: Константин А. Ильницкий. Прогулки в прошлое. Стихотворения	11
Одесса: Юлия Мельник. Душа, как весеннее платье. Стихотворения	17

ПРОЗА

Одесса – Филадельфия: Вера Зубарева. Школьный двор. Повесть в рассказах	23
--	----

ПОЭЗИЯ

Тамбов: Майка Лунёвская. Весна была – как метастазы. Стихотворения	45
Москва: Александр Карпенко. Эхо встречи меж нами и ними. Стихотворения	50
Мытищи: Елена Севрюгина. Человек у меня внутри. Стихотворения	54

ПРОЗА

Москва: Надя Делаланд. Гильермо. Рассказы	60
Москва: Евгения Джен Баранова. Бусины. Рассказы	69
Одесса: Анна Михалевская. Под крылом Ёля. Рассказы	75
Москва: Станислав Айдинян. Из раннего цикла «Новеллион». Новеллы	87

ПОЭЗИЯ

Москва: Илья Фаликов. Из книги «Прости». Стихотворения	91
Казань: Эдуард Учаров. Если капли рябины пустырьник. Стихотворения	97
Москва: Борис Кутенков. Переменное тело беды. Стихотворения	101

ПРОЗА

Москва: Елена Черникова. Шуберт и Верди. Рассказ-очерк	106
Ростов-на-Дону: Ольга Андреева. Софийское седло. Рассказ	110
Одесса: Галина Короткова. Тихая Варфоломеевская ночь. Рассказы	118

ПОЭЗИЯ

Евпатория: Елена Коро. Истории Тааль. Стихотворения	131
Борнмут: Борис Фабрикант. Поймать с рассветом стаю свежих слов... Стихотворения	137
Евпатория: Николай Столицын. Лунная кошка спешит. Стихотворения	142

ДРАМАТУРГИЯ

Москва: Елена Вадюхина. К небесному лотосу. Пьеса для музыкального спектакля	148
---	-----

ПРОЗА

Москва: Андрей Мадекин. Четвёртая ипостась. Глава из книги	158
Москва: Юлия Серебренникова. «Исчезновение». Новелла, основанная на реальных событиях	164

ДРАМАТУРГИЯ

Кишинёв: Сергей Сулин. Они в присутствии любви и смерти. Пьеса в пяти картинах	176
---	-----

«ФОНОГРАФ»

Париж: Кира Сапфир. **Штурм Бастилии или Мозаика странностей** 183

«КАМЕРА-ОБСКУРА»

Москва: Константин Кедров. **И.В. Гёте: «Фауст»** 187

«ЛИТМУЗЕЙ»

К 130-летию со дня рождения Анастасии Цветаевой

Вильнюс: Ольга Велавичюте. **«А помнишь?..».**

Образ автора и прошлого в «Воспоминаниях» Анастасии Цветаевой 193

Москва: Станислав Айдинян. **После бесконечной разлуки – М. и А. Цветаевы и Б. Пастернак** 203

Анастасия Цветаева. **Польнь. Стихотворение. Рукописный вариант** 205

Анастасия Цветаева. **Ральф. Рассказ** 207

Посвящения Анастасии Цветаевой

(Элис, Валерий Исаици, Марк Ляндю, Татьяна Мельникова, Анатолий Яни) 208

Смоленск: Валерия Кирсанова. **Сонеты к Марине Цветаевой** 211

Москва: Георгий Ковальчук. **Один из тысячи вечеров.**

С Хамовников на Каланчёвку к Анастасии Ивановне Цветаевой 213

Москва: Марина Урусова. **Короткая жизнь. Эссе** 222

«КНИЖНАЯ ПОЛКА» ЕЛЕНА СЕВРЮГИНОЙ

Мостик через время. *О книге Веры Зубаревой «Школьный двор»* 225

Остров забвения. *О книге Андрея Крюкова «Двое под одной крышей»* 227

Услышать музыку за снегом. *О книге Софии Максимычевой «Полотно»* 229

Из Казани с любовью. *О книге Эдуарда Учарова «Каменев идёт умирать...»* 231

Когда приходит речь. *О книге Алексея Прохорова «Не одинокий рай»* 233

«КНИЖНАЯ ПОЛКА» АЛЕКСАНДРА КАРПЕНКО

В Италии есть Витале. *О книге Серены Витале «Тайна Дантеса, или Пуговица Пушкина»* 236

«Там, куда я вернусь и уже никогда не умру...». *О книге Эльдара Ахадова «Там, куда я вернусь...»* 238

«Золото тигров на чёрном». *Цветомузыка Евгения Волкова. О книге «Наторморт»* 239

«Перелётные письма любви». *О книге Ольги Харламовой «Сегодня день. Избранное»* 241

«Для памяти не так уж важно время...». *О книге Елены Ткачевской «Улов искомым слов»* 245

«Сердоликовое имя». *О книге Юлии Белохвостовой «Синдром Айседоры»* 248

«КНИЖНАЯ ПОЛКА» АЛЕКСАНДРА РУДНЕВА

Обобщения искушённого москвича. *О книге Евгения Бея «Этюды московского наблюдателя»* 251

Исповедь женской души. *О книге Натальи Аришиной «Немилосердные лета»* 253

«Песнь красоты». *Ретрорецензия на книгу Станислава Айдиняна «Атлантический перстень»* 255

ТИНА АРСЕНЬЕВА

ИЗ КНИГИ «ЛУНА В КОЛОДЦЕ»

ЗВЕЗДОПАДЫ

1

Где птиц настигает небесная твердь,
По узкой панели
Ходили в обнимку цыганка и смерть
И в бубен звенели.

Цыганский зрачок разгорался хитро
Сквозь влажную щёлку,
А смерть проверяла на зуб серебро,
Совала за щёку.

Цыганка божилась, повыпытав сны,
Душой и утробой,
Да только гадалкины речи темны,
Проверь их, попробуй!

Да только у смерти дыряв её рот,
И кто тут виною!..
И часто под осень крестился народ
На небо ночное.

2

Мы проснулись на бледной заре
На весёлом своём пустыре.

Белы лица – с зарёй заодно,
Только платье некстати красно;

Только красен помятый наряд –
Память рыночных арлекинад.

Полистай травяную псалтирь,
Бесконечный, как небо, пустырь;

Ведь и мы бы на остром краю
Среди звёзд опознали свою,

Чья прохлада – как тайна, как мох,
А жива ли – то ведаёт Бог;

Да нашепчет ещё, на беду,
Каково просыпаться в саду...

Снова день посмеётся до слёз
Челобитной усердных колёс

И не вспомнит, покуда светло,
Как зарю зачеркнуло крыло,

Как ладонью коснулся чела
И тихонько сказал: «Умерла».

3

Где оконные стёкла ночами дрожат
В страхе,
Что сейчас запоют под алмазным резцом
Ветра;

Где в осколки разбит небосвод и летят
Звёзды
В пересохшее горло весны, словно горсть
Соли;

Где над теми, кто миру оставил лишь звук –
Имя,
Торопливо лягушки бормочут псалмы
В полночь, –

Польхающую душу далече от врат
Рая,
Словно вор, уносил в обожжённых руках
Ангел.

4

И такой же, Господи, вкусный хлеб.
И такой же, Господи, острый нож.
Вот и всё. А прочее – гнев нелеп:
Прав, как медный колокол, медный грош.

Там, куда приду я, солжёт вода.
Медью зазвонит толчая-тепльнь...
Если оборвётся в ночи звезда,
Да не обратится твой хлеб в польнь.

5

Где маленькая Парка, закрасив седину,
Нанижет по порядку сумятицу дождей,
Отчалит наша барка на запад, в ту страну,
Где чудеса, как ливни, но чудо! – нет людей.

Уже не соблазняясь посулами чудес, –
Ведь нас уже не будет! – поверим просто так
Ушедшему однажды: ведь с облачных завес
Ещё, должно быть, капли спадают на верстак.

Планету миновали, а холм стоит вдали;
Не вянет скомороший венец на голове;
Ещё в зрачке трепещет, как плач вся земли,
Доподлинное чудо – дождевка на траве.

6

Те звёзды, что колют глаза,
И те, что пронзают сердца,
Предвечны: сплетает лоза
Корзину, а зубья венца –
Терновник, – недвижны; а ты,
Летящею ранен звездой,
Тоскливый соблазн высоты
Погасишь подземной водой...

7

На младенческих лугах
Среди звёзд полураскрытых,
В лопотаньи дождевом,
Как в серебряных берегах,
Воды смиренные в корытах
Тихо помнят о живом.

Затевай, дитя, игру
Среди певчих вод отвесных
С мирозданьем заводным...
Знай, как вечное «умру»:
Горечь падалиц небесных
Не сравнить ни с чем земным.

8

Рассеяны по стойлам ревущие стада,
И полночью холодной
Прибилась к Вифлеему заблудшая звезда,
Чтоб зваться путеводной.

И пастырь, поклонившись, уже стада пасёт
Злачёной серединой,
Затем, что гневный ангел все звёзды отрясёт,
Все звёзды до единой.

9

Лоб во сне под ангеловой дланью,
Потому, наверное, всегда
Успеваешь выкричать желанье,
Видя, как с небес скользит звезда;

И о чём в ночи кричишь так страстно,
Никогда не вспомнить поутру...
Может быть, вот так: блаженно, ясно,
Всевознаграждённойше – умру.

10

Чьей-то жизни последняя денежка
В бездну – росчерком: помяни!
И, закинув голову, девушка –
Над бездонностью западни.

11

Рук сцепенье в замок – над ключом.
 (Вечный сполох косы за плечом).
 И смешок холодящий – в росе.
 (Вечный выблеск монеты в косе).
 Звёзд полушка покатится вдруг...
 (Пересмешница Вечности: круг).
 Смех надменной вселенской тоски,
 Рвущий Вечность, как сердце: в куски.

БРОСАЯ КАМЕШКИ

1

Я искала след ожога на поверхности земли:
 Там, обманывая Бога, мы костёр ночами жгли.
 Буйны травы укрывают место рая в шалаше:
 Знамо, раны заживают на земле, как на душе.

2

Прогремела Божья колесница –
 Затянулась тиной криница.
 Гляделась в тебя беззаконная пара –
 За это тебе и небесная кара:
 Тебе не струить приворотной отравы,
 Чтоб тут не плескались девичьи оравы;
 Не сбивать с пути на раздорожье
 Да не красть в потёмках звезды Божьи,
 Не припрятывать!

3

– Ты кто?.. –
 Беспельны и пугливы,
 Ручонки ловят прядку ивы:
 Нашли – вцепились больно-больно...
 Да вдруг – высоко и привольно –
 Струя! – и сто пелён в зажимах.
 Такой водницей одержимых
 Кропить – и выйдет сто чудес.
 Покойна?
 – Успокоил бес...

4

Нечаянный ключ под откосом
 Струился – по старым следам...
 Сидели, внимали колёсам,
 Завидуя всем поездам.
 Потом оказалось – мы дети.
 А вёрсты, гремящая рать,
 Поладят с ручьями в дуэте,
 И фуги не переиграть...

5

Как в час отлива дно морское,
 Душа, — лицом в истёртый плаш...
 В круг лампы поманив рукою,
 Наутро мне расскажет муж,
 Как ночью, ветреной и жалкой,
 В неверном свете фонаря,
 Стуча на перекрёстке палкой,
 Искала смерть поводыря.

6

Шли две девушки и пели.
 Месяц, брошенный в купели,
 Остывал, синел и плакал,
 И растаял наконец.
 Две матроны взяли пяльцы,
 Осень дунула на пальцы,
 Схоронила мёртвый месяц,
 Припечатала свинец.

Две старухи со свечами
 Ходят, звякая ключами...
 На рассвете пьяный сторож
 Заглянул в открытый склеп;
 Осень плакала всё глуше,
 А луна считала души;
 И сидел продрогший ангел,
 И жевал подмокший хлеб.

7

По утрам усмирённая проза
 Протирала глаза, как витрины;
 В них гляделась небитая грёза,
 Презируя тряпьё и перины.
 Жизнь расхваливал бойкий лоточник,
 Жизнь бранила усталая кляча...
 Горе, горе открывшим источник!
 Ибо путь их долиною плача.

8

Любила безлюдье.
 К незванным прохожим
 Волну ревновала,
 Собор и картину,
 И книгу давала,
 Как крестик нательный.

Люблю круговерть
 И бесстрашие сборищ...

КОНСТАНТИН А.ИЛЬНИЦКИЙ

ПРОГУДКИ В ПРОШЛОЕ

КАЧЕЛИ

Нелепые порывы,
как в кинофильмах ретро,
у моря над обрывом
раскачиваться с ветром.
Кроссовок отпечатки
травмируют песок,
качнув с носка на пятку
и с пятки на носок.

Расправив шире плечи,
чтоб парусность опорой,
направляюсь я на встречу
с ветрами из Босфора,
а может быть, из Истра,
Гипаниса чуток.
То медленно, то быстро,
то пятка, то носок.

Как новости к газете,
причём свежи на диво,
ветра тысячелетий
слетаются к обрыву.
Вре́мён ушедших запах
смешает ветра ток.
Качнёшься – это Запад,
обратно же – Восток.

Всё было. Столько было.
Оборванные боли.
Погосты и могилы,
курганы в Диком поле.
Бездонные глубины:
античность, неолит...
Но сквозь любые длины
ушедшее болит.

Всё прошлое – как тризны,
живём мы на земле,
где мириады жизней
размешаны в золе.
Нужна такая память?
Срок давности истёк.
А может быть, стихами?
И вновь скрипит песок.

Обманывает Запад,
войной идёт Восток,
а я сегодня занят –
то пятка, то носок.
Глупейшие заботы,
колдует идиот.
Но, может, где-то кто-то
впервые не умрёт?

***

Пришествие реки
к озёрному покою.
Там стелется туман
и ни к чему весло.
Щетиной топляки –
Венеция и Троя.
И оторопь ума –
куда так занесло?

Не это ли затон,
куда текут все воды?
Концы любых концов,
концы времён на дне,
И действует закон
безмыслия природы –
без грёз, без снов, без слов,
бессмысленно вполне.

Но смыслы, как мальки,
махнут во тьму гурьбою,
в подкорку, как под лёд,
в сознании двоясь.
Где греют родники
водою ледяною
заветный первород –
межбуквенную связь.

У РАЗВАЛИН ХРАМА АФРОДИТЫ

Адресность в истории бесценна.
Говорили, есть взаимосвязь
бухты, где волнение взбило пену,
с тем, что в ней богиня родилась.

У развалин храма Афродиты
колкие бессмертника цветы.
Столько лет... Молитвы все забыты
божеству любви и красоты.

Ныне рядом с храмом, хоть размеры
деревенской площади малы,
«Калиспэра»¹, слышно, «Калиспэра»²,
к свадьбе накрываются столы.

Детвора сбивает с ног туристов,
микрофон тестирует певец,
а соседи в переулке быстро
загоняют во дворы овец.

У кого любовь, а праздник людям,
хочется красиво и счастливо,
и уже гостям подносят блюда,
по рукам пошло вино и пиво.

Чем не боги здешние крестьяне?
Искрометны, веселы, небриты.
Сам Гефест меня на лавку тянет,
наливает узо Афродита.

Трезвые намеренья благие
сметены стремительной атакой.
А за сценой юные богини
рьяно репетируют сиртаки.

У развалин храма Афродиты
юная жена взхлёб рыдает,
на смерть все мечты её разбиты,
муж признал, что есть ещё другая.

Что никак он не хотел жениться,
только настояли папа с мамой,
а теперь ну разве угошиться...
Вот и новогреческие драмы.

Почему так много идиотов?
О богиня, вразумил бы кто-то.

¹ Святилище Афродиты в городе Палео Пафос на о. Кипр, построенное неподалёку от места, где, по легенде, родилась богиня, служило до 4 века н.э. более 1400 лет.

² Калиспэра (*греч.*) – Добрый вечер.

КОГДА ВСЁ ПО БАРАБАНУ

Человеческой природой
восхищаться не устану.
Нет счастливее в народе
тех, кому по барабану.

Наплевать, что неприлично,
они поняли давно –
то, что не коснётся лично,
это пофиг, всё равно.

И ещё секрет счастливых:
чтоб крепилась благодать,
негатива (кроме пива)
лучше в голову не брать.

Хорошо секрет известен
пофигистам разных стран,
только разговор уместен,
а при чём тут барабан?

А притом. Одна из версий –
у военных неспроста
барабан висит на месте,
что пониже живота.

Кстати, «пофиг» выраженье
всё про то ж расположение,
эротический намёк
пряма на фиговый листок.

Человеческой природе
сложно в тяготах и страхе.
Нет счастливее в народе
посылающих всех на хер.
Только чья ж она вина,
что несчастна та страна?

ПОЗИТИВ

Со временем становится противней
пиар о достижениях в стране.
Но мысли о здоровом позитиве
нет-нет, да и являются ко мне.

Я ничего сильнее не нашёл,
чем позитив – всё будет хорошо.

Лекарство для души и тьма примеров
давно и ныне, близко и далече.
Три слова, а по сути – символ веры,
присущей всей природе человеческой.

Молитва, заклинанье, утешенье...
Когда тебя пошлют, а ты пошёл,
не стоит торопиться с огорченьем.
Ведь шансы есть. Всё будет хорошо.

РАВЕННА

Как бы не было грустно,
несправедливо, зря,
реки меняют русла,
суша теснит моря.

Если ушли глубины,
на берегу пустом
мрут города-рыбины,
воздух хватая ртом.

Но сохранив бесценный
римских базилик стиль,
словно вдова, Равенна
будет свой крест нести.

Чтобы воздать по вере
тем, давно неживым,
кто красоту империи
создал, кто строил Рим.

МЕСТО ПРИЛОЖЕНИЯ ЛЮБВИ

Это место приложения любви:
дом, семья, машины, гаражи,
офисы, заводы, чертежи,
замки, кафедралы, витражи,
море, лес и горы, выражи,
собственная или чужая жизнь...
что уютно – только приложи!

АКВАРЕЛЬ

Как близорукость, живопись права,
когда видны не листья, а листва.
И в той листве, как в море штормовом,
дрейфует дом.

А в нём в тревоге, за окном
стоит семья.
И явленный всего одним мазком,
как будто, я.

И дом по зелени плывёт –
почти баркас.
Куда волной его снесёт
на этот раз?

Конечно, кистью правит стиль –
где явь, где сон?
На листья б резкость навести,
и дом спасён.

ОЖИДАНИЕ

Листья замерли в ожидании,
или с ветром какой-то знак
будет подан, и по желанию
можно падать хоть так, хоть сяк.

Но платанов подмёрзли кроны,
у предзимья, знать, аудит,
ни туда, ни сюда вороны,
взад-вперёд никто не рулит.

Словно предохранитель выбило,
обесточен дворцовый парк...
Без привычных пульсаций выбора
не работает жизнь никак.

Так ли эдак, с верхушек веток
листья сбросят на гладь пруда.
То ль к ответу, но точно в Лету
этапирует их вода.

ОТСРОЧКА

Сестра её учила умирать.
Ведь тело – это только оболочка.
И в деле, где бессильны доктора,
ну, просто глупо не урвать отсрочку.

Наукой не изучено пока,
сколь сила несогласья велика.

Конечно, все отсрочки – до поры,
а срок реальный где-то в сердце носим.
Но умерли врачи, и нет сестры...
Она ж звонит из Рима, Анкары:
«Ты как, живой? Ещё попылесосим¹!».

¹ Слово из стихов Владимира Друка.

АПОКАЛИПТИЧЕСКОЕ

Когда умрёт последний мой знакомый,
наполненный сознанием беды
я выскочу отчаянно из дома,
чтобы знакомств пополнились ряды.

Но город пуст, как будто в целом мире
исчезли все. Кому кричать: «Come back»?
Когда-то выскочит вот так же из квартиры
последний на планете человек.

***

Люди смертны, грядущее лихо
повсеместно смущает умы.
Но кому-то является выход,
как монашек из храмовой тьмы.

Пусть молитвы звучат невпопад,
и от ладана головы кружатся,
это очень полезный обряд –
приручение смертного ужаса.

Когда мир переполнен грехом,
актуален библейский рассказ.
Я уйду, ты уйдёшь, что потом?
Что потоп? Что придёт после нас?

ЮЛИЯ МЕЛЬНИК

ДУША, КАК ВЕСЕННЕЕ ПЛАТЬЕ

***

Может, Ганг и прекрасен, но Чёрное море – моё...
До последней песчинки, до самого тихого плеска...
Вот сижу я на пирсе, в руках моих – светлая леска,
И ловлю я мечту, и никто не отнимет её.

В Ганге – мудрые воды, а рядом – брахманы в шелках
Свои мантры, ладони сомкнув, нараспев произносят...
Но я к морю иду моему, ведь меня ты не бросишь,
Моё Чёрное море, святые мои берега.

Не была я у Ганга, прости, я прописана здесь –
На безлюдном причале, под крик неуживчивых чаек
Я прощаю себя, я дышу, начинаю сначала,
И лучи, словно хлебные крошки, слетают с небес.

***

Я хочу поверить красоте,
Как ребёнок молоку поверил...
Ведь даётся каждому по вере,
И лицо мерцает на холсте
Неразгаданное, в нежный плен
Нас берут черты его и складки,
И у этой тайны нет отгадки
Ни во мгле небес, ни на Земле.
Я хочу поверить красоте.
Если не поверю, что случится?
В жизнь мертвящий холод просочится,
Захлебнется сердце в пустоте.
И пойму вдруг – *некуда идти,*
Счастье, ты случилось не со мною...
Красоты дыхание живое –
Это всё, что есть в моей груди.

***

В мире может быть холодно, ты застегни пальто,
Выходя из мечты, тёплым шарфом окутай шею...
Здесь деревья вовсю, по-весеннему хорошеют,
Но старуха-печаль задевает меня зонтом.

Для чего нужна ненависть, кто бы мне объяснил,
 Для чего чья-то дурь так черна, беспросветна, тшкетна...
 Если сотканы мы из сквозного, вешнего ветра,
 Отчего мы враги для кого-то, поди спроси...

Мы, рождаясь, кричим не о том ли, что из воды
 Выплываем на холод встревоженными мальками –
 Из тепла, из любви, и хватаем воздух руками,
 Чтоб укрыться от боли, от страха, от суеты.

***

Прилетит румяный Алконост,
 Защебечет в утреннем тумане
 Всё, что после бормотать под нос
 Сам себе поэт, проснувшись, станет.

Он увидит в кружке молоко,
 Он услышит горький дух ромашки,
 И заставит позабыть покой
 То, что птица подмешала в чашке.

В гулком царстве синих поездов,
 В споре с законною тоскою
 Он пойдёт искать её гнездо,
 Словно, в самом деле, есть такое.

***

Вдруг камень остановит: «Подожди...»,
 И тронув пальцем сизые прожилки,
 Припомнишь то, как медленно дожди
 В лихие превращаются снежинки,

Как постепенно наступает ночь,
 Как подорожник тянет в небо стрелки...
 Ну кто, скажи, сумеет мне помочь
 Оставить спешку, суетливой белке?

И всё-таки смиряю быстрый шаг,
 И смотрит дерево светло и строго...
 Не для того ли мне дана душа,
 Чтоб задержаться здесь ещё немного?

***

Права только вишня, цветущая всем вопреки
 Приметам иным... Лепестки голубые слетают,
 И птицы, как вещие духи, на ней обитают
 Послушно и звонко, им спорить с такой – не с руки.

В ней соки весенние бродят вином молодым,
 И можно её поломать, но убить – невозможно:
 Ни этого светлого пламени, этой тревожной,
 Таинственной неги, ни тихой её красоты.

Цветущего дерева слишком привычен сюжет
Солидному умнику, снова он мимо несётся...
Лишь божья коровка в цветке белоснежном пасётся,
И водит ладонью прохладной по веткам расцвет.

***

Я стану деревом в Твоём лесу,
Там, под землёй, напуыввая влагу,
Не превращусь ни в мачту, ни в бумагу,
А первый снег в ладонях понесу.

Ты так задумал, так Ты захотел,
Так свет зажжёт звезды, так стал ручьями...
Где старый филин ухает в печали,
Без слов, без снов я буду шелестеть

О том, как в теле тесно и темно,
О том, как сердца бабочка коснётся,
И март придёт, и первый лист проснётся,
И ветка вдруг покажется струной.

***

Как хочется поговорить с Ремарком
И, не пригубив терпкого вина,
В весне, в её свечении неярком,
Как в храме, засидеться дотемна.

Скользнуть по линиям его ладони
Лучом заката, встретить грустный взгляд,
И небо пить, подобно тёмной кроне,
И задавать вопросы невпопад.

Печаль – не трезвенник и не святоша,
И нам грехи отпустят облака...
На крылья ангелов так непохожа,
В моей руке лежит его рука.

И даже то, что он придуман мною,
Не опечалит и не отрезвит...
И старое, усталое, земное
Нам в души солнце кроткое глядит.

***

Попробуй, перепрыгни через лужу,
И полети – как просто, как светло...
В кармане ворох писем обнаружив
От Господа и – позабыв про зло.

Ты улетишь не дальше сизой тени,
И всё-таки – раскинув два крыла...
А письма после тысячи прочтений
Всё драгоценней, суть их – не зола.

Им не гореть в огне, не раствориться
 В текучих водах... Досчитав до ста,
 Летишь, а солнце в лужицу глядится
 Ребёнком, не умеющим читать.

***

Ноевы голуби жёлтые зёрна клюют,
 Зёрен немерено крошечных, времени много...
 Что тебе чудится, голубь, летящий от Бога,
 Голубь, летящий от Господа в наш неуют?

Ной тихо тянет ладони, а значит не зря
 Крылья прохладные зимнее небо кроили...
 Нас разглядели, ты слышишь ли, нас не забыли,
 Как свежевывавший снег два крыла сизаря.

Ты покорми его, если умеешь, с руки,
 Ты различи его говор по нежной повадке.
 Он так стремился к тебе, он летел без оглядки,
 Зову послушный надежды твоей и тоски.

Если дожди прекратятся, то лишь оттого,
 Что нам хватило терпенья, хватило доверья...
 Лёгкие крылья распахнуты, светятся перья,
 Знаешь, у нас кроме этого нет ничего.

СОКРАТ

Не покидай Афин, старик Сократ,
 Умрёт тебя приговоривший к смерти,
 А ты, слов не бросающий на ветер,
 Лишь драгоценней станешь во сто крат.

Что чаша с ядом? Глупость, пустяки...
 Ты, как ребёнок, сладко спишь в темнице
 И смерти ждёшь... Тебя убьют тупицы,
 Предатели, луны и дураки.

Кто без тебя Афины уведёт
 От пошлости, от лени, от проказы?
 Старик молчит и, не вздохнув ни разу,
 Глядит на нас и чашу с ядом пьёт.

***

Жаль тратить время на самые сладкие сны,
 Прятаться в ночь, как в перчатку ладонь золотая,
 В зыбком тумане причудливых образов таять,
 Отданным быть на забаву случайной волны.

Если б глаза распахнуть широко навсегда,
 Знать всё на свете, а если не всё, то отчасти...
 Верить в цветка золотистого хрупкое счастье,
 В света охапку, что нам посылает звезда.

И не бояться (возможно ль?) уже ничего,
Не возвращаться из дальних краёв на рассвете,
Если же Господа вдруг в тесной комнате встретить,
Тихо коснуться ладонью ладони Его.

***

Синий лёд колокольного звона,
Быстро тающий в пламени дня...
Этот миг – непоседа ворона,
Что притихла в руках у меня.

Чернокрыло нахохлясь, заснула,
Жёстким клювом души не дробя,
И тогда я ладонь протянула,
И чуть слышно коснулась Тебя.

А ворона во сне закричала,
А ворона открыла глаза...
А вороне приснилась сначала
Боль Земли, а потом – небеса.

***

Дерево уйдёт, оставив трепет
Листьев в чьём-то сердце золотом
Непонятный, словно детский лепет,
Рыжий пенёк исчезнет под песком.

Под слоями смеха и печали
И пока мы пили дней вино,
Мы его с тобой не замечали,
А теперь нам без него темно.

Да, конечно, прорастёт другое,
Да, конечно, горевать грешно...
Но такой звенящей тишиною
Нас уже не тронет ни одно.

***

Пока медитирует кошка о кротком луче
Февральского солнца, всё мудрому сердцу возможно –
Звучать незатейливой флейтой, не биться тревожно...
Пока наша жизнь вырастает из зимних вещей,
Возможно любое. И в нас прорастает трава,
Прости, что порою горька, и остра, и некстати...
Под курткой тяжёлой душа, как весеннее платье,
И шлейф за спиною летит, и не жмут рукава.
А впрочем, всё проще – на жёлтые клювы весны
Вот-вот поглядят небеса – благосклонно и ясно...
О чём я дышу? Не о том ли, что чуду причастна,
Что нас не забыли, что мы этой тайне нужны.

***

Впрок не выпить воды. Не шагнуть по лучу из сансары...
Ты останешься здесь – на усталом и пыльном шоссе –
Пробегать муравьём, молчаливую ношу спасая,
Искупив невесомое тело в дожде и росе.

Ты останешься здесь – одинокой, дрожащею жилкой
Суетливого города, кварца вкраплением, грехом
И тоскою... Зачем тебе ведать, какую из жизней
Можно всё изменить и проворным сбежать мотыльком?

Впрочем, если так лучше, лети, покидай – покидая,
Лёгок будь, словно пёстрым крылом, пожимая плечом...
Официант у кафе неподкупным застыл Гаутамай,
Вот откроет глаза, и предъявит единственный счёт.

***

Время пахнет сухой травой и предчувствием слов.
Но слова подождут. Надыхаться б сухой травой.
Вот синее гора. Я не знаю, что там, за горою,
Я её не коснусь, я на ней не оставляю следов.

Только взгляд путешествует тихо и просто по ней.
Он по склонам летит. Как ему путешествовать просто –
По далёкой горе незнакомой огромного роста,
Не пугаясь холодных ветров, не касаясь камней.

Путешествую – в мире мечты. Что случится со мной?
Я не знаю, как сердце твоё излечить от испуга...
В небе облако – словно письмо от далёкого друга.

ВЕРА ЗУБАРЕВА

Я с огромным удовольствием прочитала «Школьный двор». Это чтение было для меня утешением, в котором я нынче так нуждаюсь. Эта вещь всецело обаятельная и магнитно-притягательная, и она будет иметь большой успех, если книоторговля позаботится о рекламе и доступности книги. Это действительно повесть в новеллах, потому что в каждой главе есть своя сюжетная фишка с завязкой и развязкой. Даже не знаю, что мне особенно понравилось. Понравилось всё: и действующие лица, и одесский быт, и проделки, и любовь. Радость от чтения «Школьного двора» усугубилась тем, что позитивное чтение – само по себе нынче не просто редкость, а целебный рафитет.

Ирина Роднянская

ШКОЛЬНЫЙ ДВОР повесть в рассказах

Посвящается школе № 90

В престижную одесскую спецшколу с немецким уклоном отбирали тех, кто успешно прошёл собеседование с учителями немецкого языка. Новичков тщательно прослушивали, анализируя произношение, другие способности, а прошедших отбор сортировали по классам. По какому принципу формировались классы, было не очень ясно. Но можно было совершенно точно сказать, что ни один из нашего «Б» класса не вписался бы ни в «А», ни в «В», ни в какой другой класс. Наверное, здесь сыграло роль профессиональное чутьё комиссии.

Школа напичкала нас тем, чем мы живы и поныне, что несём в себе и будем нести всегда. И не только мы, но и те, что придут и пришли после нас, каждое последующее поколение. Дух школы, получившей в 2013-м году диплом телепроекта «Достоиние Одессы», не умер и не устарел. Он по-прежнему обитает в её стенах. Всё, что мне хотелось, – это передать этот дух, воссоздав образ наших отношений.

Это не документальное повествование. Посему не удивляйся, читатель этих историй, если далеко не всё в них в полной мере соответствует тому, что было в действительности. У пера – своя правда.

КАЗЁНКА

Феля предложила пойти на казёнку. Идея вынашивалась с прошлого года, но в пятом классе было ещё стрёмно, а в шестом сам бог велел.

– Куда ты ходишь на казёнку? – выспрашивала Феля Фащ, влюблённого в Ритку.

– Какую ещё казёнку? – пытался отцепиться от неё Фащ, подозревая, что она хочет его поймать с поличным: Феля была в числе лучших учеников, а Фащ ходил в отстающих.

– Слушай, я для себя спрашиваю, – доверительно сказала Феля, понизив голос.

– Точно?

– Точно, точно! Точнее не бывает.

– Контрольную по алгебре дашь скатать?

– Дам. Ну, рассказывай.

Фащ лукаво улыбнулся:

– А Ритке от меня записку передашь?

– А ты что, сам не можешь?

– Передашь или нет?

– Передам. Ну?

– Ладно. С утра иду в кино, притворяюсь, что учусь во вторую смену, если что. Потом покупаю мороженое, иногда две порции. Потом в парк. Там никого в это время нет, красиво, тихо.

- А что ты там делаешь один?
- Голубей гоняю, на траве валяюсь, думаю.
- О чём? Небось у кого потом домашнее задание скатать? – Феля хихикнула.
- Да иди ты! Я о Ритке думаю. Почему она с тобой такой дружит, а со мной не хочет.
- С какой «такой»?
- Ну, такой. Зловредной.
- За это контрольную не получишь.
- А я скажу, что ты на казёнку пошла, когда тебя в классе не будет.

Феля вздохнула и согласилась на все условия.

На следующее утро Феля зашла за мной, как всегда, и мы отправились якобы в школу.

Феля обладала удивительным свойством внушать доверие взрослым. У неё был какой-то правильный вид. И говорила она в их присутствии очень правильно. И вела себя со мной рядом, как старшая сестра. Модель поведения она, положим, удачно скопировала со своей старшей сестры, уже замужней, а всё остальное шло на интуиции.

Феля была хитрюга. Только своего любимого папочку она не могла обвести вокруг пальца. Он как глянет в её плутовские глазки, так сразу всё просекает.

– Ах ты, плутовка, – улыбаясь говаривал он, трепля её по щеке.

А Феля и не отпиралась – только смеялась в ответ, зная, что папочка её обожает и все шалости сойдут ей с рук. Тем более что отметки у неё всегда были хорошими и ни один учитель ещё никогда на неё не пожаловался.

Феля как-то рассказала мне по секрету, что папочка вечерами играет на одной квартире в преферанс и почти всегда выигрывает. Партнёров своих он умел читать только так, ничто не ускользало от его пронизательного взгляда. И считать он умел дай бог каждому. Так что семья была обеспечена, несмотря на то, что Фелина мама работала всего лишь медсестрой.

Мы вышли со двора, и я автоматически повернула направо.

– Стой, – одёрнула меня Феля, – нам налево. Мы сейчас сядем на троллейбус и поедem в кино.

У меня дух захватило от предвкушения полупустого зала и фильма, который будут показывать практически для нас.

У кассы мы отсчитали мелочь, и Феля направилась покупать билеты.

– Два билета, – сказала она уверенно. И на всякий случай прибавила: – Мы во вторую смену учимся.

Кассирша взглянула на неё с усмешкой:

– Те, кто во вторую смену, ещё дрыхнут.

– А вот мы не дрыхнем, – бодро и без капли смущения отпарировала Феля.

Кассирша только головой покачала.

В зале было абсолютно пусто, промозгло и неуютно. Мы поёжились, ожидая, когда погасят свет.

– Сколько там до начала? – спросила я.

– Две минуты, – ответила Феля, которой недавно подарили часы.

Через две минуты зажётся экран, и нам стали промывать мозги какими-то урожаями и достижениями в науке и технике.

– Перешли бы сразу к делу, – прошептала я.

– Ты чего шепчешь? Кроме нас, тут никого нет, – громко сказала Феля.

– Привычка, – ответила я опять шёпотом.

– От вредных привычек нужно избавляться, – веско сказала Феля. – Ну, давай скажи чего-нибудь вслух.

– Отстань! Чего прицепилась? Дай на комбайн посмотреть.

Мы расхохотались на весь зал.

– Вот видишь, это и есть свобода, – сказала Феля, всхлипывая от смеха.

Фильм был какой-то нудный. Журнал был куда интересней, и из кинозала мы вышли с нулевым впечатлением.

Начало казёнки явно не задалось.

– Ну что, пойдём хоть мороженого поедим, – предложила Феля.

– А у меня больше нет денег. Все на кино истратила, – виновато сказала я.

– У меня есть. Мне папа всегда даёт больше на всякий случай. Хочешь в «Снежинку»?

Ну, Феля! Ну, даёт! В «Снежинку» я ходила только с родителями и только по воскресеньям, да и то если они выпадали на какие-нибудь праздники или семейные торжества.

Мы потопали по Дерибасовской прямо в сторону «Снежинки», предвкушая праздник живота. На пути у нас вырос лоток с мороженым, но мы и глазом не повели в сторону продавщицы, предлагающей свой ассортимент.

– Девчонки, купите мороженое! – зазывала продавщица. – У меня и эскимо на палочке, и пломбир, и фруктовое, и сливочное. Ну куда же вы? Денег, что ли, нет?

- Есть у нас деньги! – важно ответила Феля.
- Так в чём же дело?
- В свободе выбора!
- Чего?

Феля махнула рукой и ускорила шаг.

В кафе было тихо и немногочисленно. Несколько пожилых пар сидело за столиками, и одна молодая мамаша напротив качала младенца в коляске. Ничего интересного. Ни потолкаться в очереди, ни место занять заранее, стоя наготове и переминаясь с ноги на ногу возле перспективного столика... Даже младенец и тот спал.

Мы подошли к витрине, за которой стояли высокие кастрюли с несколькими сортами мороженого, и заказали себе по три шарика каждого сорта.

- Чем поливать будем? – спросила продавщица.
- Мне вишнёвым сиропом, – сказала я.
- А мне клубничным, – сказала Феля.

В последний раз, когда я была здесь с родителями, вишнёвый сироп кончился, и я вынуждена была заказать с клубничным, что испортило праздник. Теперь же любимого сиропа было навалом, хоть ведро заказывай, а праздника – пшик. Мы взяли в руки пиалы с мороженым и двинулись в зал.

- Ну, куда сядем? – спросила Феля, оглядывая пустые столики.

От такой свободы выбора даже дыхание перехватило. Вот бы на всех посидеть! Но нет, нельзя...

– Давай возле окна! – предложила я. Мне всегда хотелось возле окна. И ни разу не удалось. Вечно там кто-то сидел.

- Возле окна?! Скажешь тоже!

– А что?

– А то. Вот начнём лопать мороженое, а по улице директриса пройдёт. Увидит нас – и кранты.

– Чего это она вдруг по Дерибасовской ходить станет во время уроков?

– А ты чего по Дерибасовской ходишь во время уроков?

– Ну...

– Вот и она тоже.

Мы прошли в глубь зала и сели за столик в углу.

Мороженое было вкусным, но отсутствие ажиотажа притупило некоторые вкусовые качества. Когда ждёшь, волнуешься, что оно закончится и тебе предложат другое, которое ты не очень любишь. Когда следишь за тем, кто сколько взял, и пытаешься сообразить, сколько ещё осталось, обостряется не только зрение и нюх, но и вкус. Выделение слюны, например, очень тому способствует.

– Скучновато как-то, – сказала я, слизывая сироп с ложки.

– А на уроках что, веселее? – Феля строго посмотрела на меня. – Не умеешь ты наслаждаться свободой. На свободе всегда так – сначала скучновато, а потом привыкаешь. Вон, видишь, люди сидят на свободе, мороженое себе спокойно едят, газетки почитывают, и никто не жалуется.

– Так то ж пенсионеры!

– Ну, пенсионеры. А у пенсионеров, что ли, не такая свобода?

– Да что ты заладила! Свобода, свобода... А что такое свобода, ты хоть знаешь?

– Знаю, конечно! Свобода – это осознанная необходимость.

– В смысле?

– В смысле, мы вот осознали с тобой, что нам необходимо сорваться с уроков, и пошли на казёнку.

– Ни фиги себе! Откуда ты это знаешь?

– От папы.

– А он откуда?

– Из книги какой-то. У нас дома полно книг. Даже Шекспир есть в старинном издании с картинками и золотыми страницами.

– Вот это да! Так, наверное, Шекспир это и написал про свободу.

– Ну да, он! Как же я сразу не догадалась! В «Ромео и Джульетте» это было, точно! Ромео, когда к балкону подходит и Джульетта ему про своих предков говорит, что они, мол, с его предками враждуют, он и выдаёт ей, что свобода – это осознанная необходимость.

– А при чём тут это?

– А при том, что они потом взяли и без спросу поженились.

– Ну и ничего хорошего из этого не вышло. Видишь, чем всё закончилось.

Феля задумалась.

– Нет, наверное, я ошиблась. Это в «Гамлете» было. Он там спрашивает: быть или не быть? И вырыгается на свободу.

– Так ведь и в «Гамлете» ничем хорошим не кончилось.

Мы взглянули на наши пустые пиалы.

– Ладно, встаём! – скомандовала Феля.

На улице было хорошо, солнечно, куда светлее, чем в нашем углу в кафе. Феля взглянула на часы, прищурив свои морские глаза.

– Куда теперь? – спросила я, понимая, что она подготовилась к казёнке основательно.

– В парк. Там сейчас красота, листопад.

Насчёт красоты Феля оказалась права. Парк Шевченко осенью – это что-то из Пушкина. Тихо, небо синюшное, листья с позолотой мягко раскачиваются в воздухе, птицы в траве крошки выискивают. И столько всяких тропинок между кустами и деревьями, что, кажется, любая приведёт в волшебный лес.

– Слушай, а давай будем голубей гонять, – предложила Феля ни с того ни с сего.

– Это как?

– А вот так!

Она бросилась к стайке голубей, и они с шумом поднялись в воздух.

– С чего это ты голубей варуд решила гонять? – спросила я, наблюдая, как они постепенно приземляются поодаль.

– Потому что это весело и свободу ещё лучше ощущаешь! – Она снова разбежалась и врезалась в гущу голубей. – Кшш!

Свободы в парке было действительно хоть отбавляй, куда больше, чем в городе, и возможности её испытать не шли с городскими ни в какое сравнение.

– Слушай, у меня в портфеле бутерброд лежит, – сказала Феля. – Давай будем голубей кормить!

– А гонять когда?

– А мы сначала будем кормить, а когда они вокруг нас соберутся, мы начнём их гонять. – Она открыла портфель, достала бутерброд и разломала на две части. – Хватай, это тебе.

Мы стали крошить хлеб, и через несколько секунд голуби окружили нас плотным кольцом, норовя выхватить хлеб из рук. Феля усмехнулась.

– Ну, теперь держись, – пробормотала она, бросая им последний кусочек.

Голуби, ничего не подозревая, ещё плотнее подступили к ней. И тут Феля издала какой-то гортанный звук типа индейцев из немецких фильмов и с хохотом ринулась на растерявшихся от неожиданности голубей. Они бросились в разные стороны, а Феля преследовала их и, как только они приземлялись, вновь норовила врезаться в их группки.

Как долго мы гоняли по парку – Феля за голубьями, а я за Фелей, – сказать было трудно. О времени мы начисто забыли. Осталось только пространство и мы. Наверное, настоящая свобода и есть без примеси времени.

За бегом нам грозило прозевать всё на свете и получить за это дома хорошенькую взбучку, но тут в нескольких шагах от нас зашевелился куст, и из него выскочил мужик в чёрном плаще, с густо лоснящимися наподобие грачиных перьев волосами. Его непроглядные, как ночь, глаза впились в нас, и он быстро-быстро задвигал фалдами плаща, словно тоже хотел взлететь.

– Помчали, – шепотом, будто мы находились в переполненном кинозале, скомандовала Феля.

Мы синхронно повернули на сто восемьдесят градусов и рванули к выходу. За нами послышались развешивающиеся фалды плаща.

– Не оглядывайся! – выдохнула Феля. – Добежим до главной дорожки, там люди.

Через минуту мы уже вылетели из зарослей на главную дорожку. Там действительно были люди.

– Ну всё, отстал! – сказала Феля, переводя дыхание.

У меня дрожали руки и ноги.

– Да ты не бойсь, – попыталась успокоить меня Феля. – Эти дегенераты обычно никого никогда не преследуют. Прячутся по кустам, а если на них прикрикнуть, то убегают, чтобы их не видели.

– А ты откуда знаешь?

– Я слышала, как папе один психолог рассказывал, когда пришёл к нам в гости.

– Тоже ещё нашёл о чём в гостях рассказывать, – фыркнула я.

Вдруг Феля изменилась в лице. Глаза у неё выкатились, и она заорала на всю улицу:

– Полундра!

Краем глаза я заметила чёрные фалды, вынырнувшие из переулка. Мы припустили что есть мочи.

– Так не бывает, так не бывает, – приговаривала на бегу Феля.

Мы бежали, ничего вокруг не замечая и глядя только под ноги, чтобы не споткнуться.

Неожиданно кто-то возник у нас на пути, перекрыв дорогу.

Прямо перед нами, раздвинув руки, стоял какой-то толстенный дед, на которого мы чуть не налетели.

– Куда это вы так мчитесь? От кого это вы убегаете и почему это вы не в школе? – грозно вскричал он, как Мойдодыр из мультфильма, наклоняясь вперёд всем корпусом и преграждая нам путь.

– Мы, мы...

Он сделал движение, словно желая сгрести нас в охапку, но мы вывернулись и с визгом бросились вниз по улице.

Дед отстал. Мы пробежали ещё немного и собирались уже остановиться, чтобы отдышаться, как из-за угла вновь вынырнули чёрные фалды.

Не раздумывая ни секунды, мы сорвались с места и понеслись во всю прыть.

– Так не бывает, так не бывает, – хрипела Феля на бегу.

Казалось, что это не мы бежим, а улица превратилась в эскалатор и несёт нас к Фелиному дому. Если бы это было на физре и Федора засекала бы время, она бы точно отправила нас на городские соревнования.

Мы влетели во двор, рванули дверь Фелиного парадного и взмыли на четвёртый этаж её высокого старинного дома, как на скоростном лифте.

Дома у Фели никого не было, кроме полусумасшедшей Манни, её двоюродной бабки. Феля трясущимися руками впустила ключ в скважину и отперла дверь. Почти так же молниеносно она её захлопнула за собой.

На стук выползла Маня из своей комнаты и стала что-то вкять.

– Маня, спишь! – рявкнула Феля так, что покосилось зеркало на стене в прихожей.

– Маня бесшумно исчезла.

Мы влетели в комнату и первым делом подбежали к окну.

Сверху двор просматривался идеально. Можно было увидеть каждого голубя и каждого воробья.

– Никого, – с облегчением сказала Феля и пошла переодеваться.

В ту же минуту из подъезда нарисовался чёрный плащ.

– Смотри, смотри! – заорала я.

Феля дёрнула к окну, и у неё отвалилась челюсть.

– Полный атас...

Посреди двора стоял наш преследователь и шарил глазами по окнам. Фелины окна были высоко, под самой крышей, а днём они вообще отсвечивали солнцем, так что разглядеть что-либо было невозможно. Плюс к тому ещё и занавески были из плотной благородной ткани. Несмотря на это, нам стало не по себе, когда чёрный плащ, задрвав голову, буквально впился взглядом в Манино окно.

Несколько секунд мы стояли, оцепенев, а он продолжал смотреть без отрыва, словно что-то безудержно влекло его к этому окну.

Вдруг Феля затряслась от беззвучного смеха. Я вопросительно посмотрела на неё, но она не могла остановиться, выдувая из горла какие-то кричающие звуки, будто на уроке, когда нельзя смеяться и от этого расширяет ещё больше.

Я уставилась на неё:

– Ты что?

Словно страдая от удушья, Феля еле выдавила из себя:

– Я... я... представь только... вот если бы... он увидел... Маню вместо нас. – Она согнулась в три погибели и захлебнулась от хохота.

Чёрный плащ по-прежнему не сводил глаз с Маниного окна.

Мне стало жутковато, но Феля разогнулась и, грозя ему пальцем, выпалила:

– От вредных привычек нужно избавляться!

Тут и меня прорвало. Мы обе повалились на пол и катались по толстому персидскому ковру, хоча до изнеможения.

Когда приступ смеха прошёл, мы ещё какое-то время лежали, глядя в потолок и всхлипывая. Наконец всё утихло.

– Есть хошь? – спросила Феля.

– Зверски.

Мы отправились на её самостоятельную кухню – чудо из чудес для ребёнка, выросшего в одесской коммуналке, – и стали поедать всё подряд, уставившись на крыши соседнего двора, куда выходили окна. Кухня была вытянутой в длину, и на ней могло бы запросто уместиться несколько соседок. А слева, по всей ширине, были ступени, ведущие в просторнейший и тёплый туалет с ванной и душем.

– Хорошо у тебя, – говорила я, заедая сыр шоколадной конфетой из «Золотого ключика».

– А у тебя что, плохо разве?

– И у меня хорошо. У меня соседи, как родные бабушка с бабушкой. Они, наверное, уже волнуются, почему я задерживаюсь.

О том, чтобы возвращаться домой одной после всего этого, не могло быть и речи.

– Покажи мне Шекспира, – попросила я, дожевав последний кусок.

Феля повела меня в комнату, где располагалась библиотека, и перед моим взором за стеклом книжного шкафа неимоверной красоты развернулось королевство старинных книг, доставшихся Фелиному отцу от предков.

Феля бережно вытянула массивный том с «Ромео и Джульеттой», и мы упивались иллюстрациями, переложенными специальной полупрозрачной бумагой по типу той, на которой моя мама переснимала выкройки из журналов мод. Ради этого стоило познать горький вкус свободы.

Вскоре пришёл Фелин папа. Он был немного удивлён, застав меня в гостях.

– Вы что, проказёнили сегодня? – с усмешкой спросил он у Фели.

Её плутовские глазки забегали, но вместо ответа она попросила его пойти с нами прогуляться и заодно провести меня домой.

Папа погрозил ей пальцем, мы оделись и отправились втроём ко мне.

По дороге мы с Фелей усиленно вертели головами по сторонам, желая удостовериться, что никто нас не подкарауливает, но чёрный плащ как сквозь землю провалился.

– Ну слава богу! Почему так поздно? – всплеснула руками тётя Витя, открывшая нам дверь. – Всё в порядке?

Увидев рядом Фелиного папу, она немного встревожилась.

– Да, да, не волнуйтесь, всё в полном порядке, – уверил её Фелин папа.

Он объяснил, что я была у Фели и он не хотел, чтобы я шла домой одна. Что и было правдой. Как и почему я оказалась у Фели, никто не уточнял.

– Ну и хорошо! Спасибо вам большое, что проводили нашу красавицу, а то я уже обед в который раз разогреваю!

Мы распрощались, и я пошла мыть руки.

Вечером, засыпая, я думала о том, как хорошо возвращаться из школы в этот дом, где ждёт обед, где со двора раздаются знакомые голоса, где мама по ночам строчит на машинке, ожидая папу с дежурства, и где голубь с утра стучит в окно.

На следующее утро Феля зашла за мной, поздоровавшись с моими родителями как ни в чём не бывало, и мы отправились в школу.

Как только мы вышли из ворот, она быстро зыркнула влево.

– Даже не думай, – предупредила я её.

– А я и не думаю. У меня так само получается, – призналась со вздохом Феля. – Наверное, это необходимость свободы. В особенности по утрам.

Она посмотрела на часы.

– Значит так, Феля, – сказала я внушительно. – Свобода – это никакая ни необходимость. Свобода – это когда не нужно смотреть на часы.

Феля удивлённо подняла брови:

– А что же тогда необходимость?

– А необходимость это всё остальное.

До школы мы дошли, не проронив ни слова. Феля переваривала сказанное, а я – впечатления вчерашнего дня.

Когда мы вошли в класс, Фащ подозвал нас с Фелей и заговорщицки спросил:

– Ну, как?

– Всё класс, – сказала Феля.

– В кино ходили?

– Ага.

– Мороженое ели?

– Ели.

– Голубей гоняли?

– Гоняли.

– Сначала мы их, потом они нас, – добавила я.

Мы прыснули.

– Это как? – не понял Фащ.

– Долго рассказывать, – решила закруглиться Феля.

Мы направились было на свои места, но Фащ окликнул нас:

– Эй, вы куда? Ты мне записочку задолжала.

Феля вернулась:

– Давай уже свою записочку.

Фащ вырвал из тетради листок, с тоской взглянул на Ритку в противоположном конце класса и написал: «Пошли на казёнку!».

АЛЛЕЯ СЛАВЫ

Ноябрь погодой не баловал. Ветрено, пасмурно, зуб на зуб не попадал. Серые мешки облаков грозили просочиться дождём, но ветра отгоняли их и насылали туман и изморось на город.

У памятника Неизвестному матросу промозглость была особо ощутима – 21-метровый обелиск возвел на краю обрыва над морем, где беспрестанно кружили ветра.

Парк помрачнел. Голые ветки облетевших деревьев только усиливали ощущение бесприютности озябшей природы в ожидании ещё далёких новогодних радостей.

В один из таких дней перед началом уроков в класс вошла завуч и сообщила, что группа учащихся будет освобождена от занятий на неделю, чтобы нести вахту на Аллее Славы в парке имени Шевченко.

Памятник Неизвестному матросу – место святое для одесситов. Там во все времена присягали в верности городу, его традициям, туда отправлялись почтить память погибших молодожёны. Сразу после зага спешили не в ресторан и не к столу, а на Аллею Славы возложить цветы.

Памятник был поставлен не только погибшим в 1941 году в Григорьевском десанте – первом морском десанте на Чёрном море, задачей которого было совместно с воздушным десантом разгромить группировки румынских войск, движущихся на Одессу с Фонтанки. Задача была выполнена с честью: две румынские пехотные дивизии были разгромлены, и к вечеру 22 сентября линия фронта была отодвинута на 5-8 километров от города.

На четырёх сторонах обелиска четыре барельефа запечатлели четыре героических периода в истории Одессы. Помимо Григорьевского десанта, это ещё и оборона города в апреле 1854 года, во время Крымской войны, когда эскадра союзников, не сумев высадить десант, отступила в Крым, а также восстание на «Потёмкине» в 1905 году и Январское вооружённое восстание 1918 года. Такой историей можно было не только гордиться, но и учиться на ней победоносному духу города.

Стоять на вахте у обелиска было большой честью. Попасть в группу хотелось каждому, и вовсе не потому, что на занятия ходить не нужно было. Независимо ни от чего от домашних заданий никого не освобождали и поблажек никому не давали. Нести вахту означало ещё и выполнять школьные обязанности и вообще быть достойными тех, кто отдал жизнь за Одессу. Комсомольско-пионерский Пост № 1 был установлен в 1968 году, 10 апреля, в день празднования освобождения Одессы от немецко-фашистских захватчиков. И всё это вместе и по отдельности было очень и очень значимо.

Отбирали не только за успеваемость и примерное поведение, но и по внешним параметрам. Требовались рослые, стройные десятиклассники, и из наших отобрали Сабоню с Крищенко, а из девчонок в поле зрения попали мы с Кошелевой и Ольга с новенькой, которая только перевелась к нам и была круглой отличницей.

Новенькую забраковали сразу, так как она носила очки, а они запотевали на холоде каждую минуту, так что стоять по стойке «смирно» у памятника или даже дежурить на Аллее было проблематично. Ольга тоже отпала, как только взглянула на комиссию своим изумлённым взглядом, когда её попросили пройти строевым шагом. Мы же с Кошелевой бойко зашагали, отчеканивая шаг, и по всему очень даже приглянулись начальству. Нас попросили пройти на бис, и мы так тянули носок, что все были в отпаде от этого варьете.

– Ну, девчонки, ну покажите ещё, как вы там канкан отчеканивали! – умолял Зелинский после просмотра.

Кошелева только хихикнула, поправляя перед зеркалом полученную пилотку, а я с сожалением смотрела на фото Обелиска на стене с фотографиями караульных.

В караульные нас с Кошелевой не взяли. Назначили дежурными по Аллее. В наши обязанности входило следить за порядком, чтобы никто не бросал окурки на землю, не сорил и не действовал на нервы тем, кто стоял в карауле. Нам выдали бушлаты и пилотки, повесили на стене расписание дежурств, и под надзором начальника группы мы должны были в положенное время отправляться на место патрулирования, а старший потом возвращался в штаб.

В домике, который и был штабом, мы с утра переодевались в форменную одежду, и туда за нами приходили старшие отряда, чтобы отвести на Аллею. В штабе была специальная комната с длинным столом, за которым можно было перекусить, выпить горячего чаю и сделать домашнее задание. Всё-таки это был десятый класс, и каждый старался получить лучшую оценку в аттестате.

В первый же день, когда Курица с Риткой заявили, чтобы навестить нас и дать нам домашнее задание, мы обсудили план действий. То, что парк Шевченко был местом не очень благополучным для длительных проходов юных дев, даже и в бушлатах, понимали все, кроме начальства. Курица с Риткой пришли с целью нас охранять, и если надо, то и защищать от тёмных элементов – любителей копошиться в кустах.

– Значит так, вы пилите по Аллее, а мы за вами на стрёме, – говорила Курица, которую предупредили, чтобы на Аллее никто с дежурными рядом не прогуливается. – Чуть что, подсказываем и поднимаем хаяж. Только задом не вертите.

В первый же день, пока мы следили за порядком, а Курица с Риткой – за кустами, обнаружилось, что за нами тоже следили. Мужик в сером плаще и кепке постоянно тёрся рядом, даже не притворяясь, что рассматривает достопримечательности. Его, конечно же, сразу вычислили, но он не сообразил, что мы четвером.

– На стрёме, на стрёме, – негромко за нашей спиной оповещала нас тоном разведчицы Курица.

Поскольку мужик в наступление не шёл, мы продолжали делать обход в соответствии с уставом. Надеялись, что он наконец отклеится – погода паршивая да и что толку за нами брести? Так мы и ходили туда-сюда, наблюдая боковым зрением, как он делает пару шагов и останавливается, потом снова пару шагов и останавливается.

Идти по направлению к памятнику было куда приятнее. Хотя ветер с моря дул прямо в лицо, грозя сорвать пилотки, тщательно прикрепленные заколками к волосам, это с лихвой компенсировалось тем, что у памятника несли вахту Сабоня с Крищенко. Сердце переполнялось гордостью при взгляде на них, наших мальчишек, стоящих на страже святая святых. Форма преобразила их. Они смотрелись как настоящие защитники города – статные, широкоплечие, мужественные. Лицо героической Одессы. А выправка! Как удалось им коренным образом преобразиться за короткое время? Куда только подевались те оболтусы, что задачи у доски не могли решить?

– Ритка, ты видела, как мальчишки сегодня смотрелись? – спросила я, отогреваясь чаем в штабе.

– Видела, конечно. Защитники наши будущие. – Ритка отхлебывала из чашки, обхватив её ладонями. – Им там над обрывом ещё холоднее было, чем нам. Дуло прямо с моря, а они и пошевелиться не могли.

Вошла Курица с чаем и, усаживаясь напротив, громкогласно заявила:

– Так, девки, вы как хотите, но если этот чмырь ещё раз нарисуетя...

– Курица, заглохни! – оборвала её Ритка. – Не видишь, люди тут к занятиям готовятся, да и вообще...

– О чём базар? – поинтересовался, подсаживаясь к нам, Зелинский. – Лизок, иди, я тебе чаю принёс с печеньями, – окликнул он Кошелеву, которая собиралась разжиться кипятком. – Угощайтесь, девчонки! – Он поставил на стол тарелку с печеньем. – Ну, так что там у вас стряслось?

– Да падла одна всё дежурство пейзаж портила, – сказала Курица, беря печенье.

– Кто такой?

– Ничего особенного, просто смотрел, как наши павы обходят Аллею, – попыталась сгладить неровности Ритка. – Пока что для паники нет никаких причин.

До конца дня всё было тихо. К Курице с Риткой прибавился ещё Зелинский, и с таким эскортом было совсем уже спокойно.

Серый плащ больше не появлялся, и после дежурства, решая, как быть дальше, мы пришли к выводу, что назавтра конвой не нужен, тем более что погода обещала быть дождливой.

Как же мы ошиблись! На следующее утро плащ поджидал нас. Мы заметили его только после того, как старший по группе ушёл. А может, он просто прятался где-то за деревьями, дожидаясь, пока мы останемся одни.

– Что делать будем? – шёпотом спросила Кошелева.

– Ничего. Будем ходить как ни в чём не бывало. Будто его нет.

– Но он есть!

– Наша задача – следить за порядком. Порядок он не нарушает. Стоит себе и стоит. Ходим кругами, до него не доходим. В случае чего побежим к нашим к вечному огню.

Мне самой стало легче, когда я вслух определила план действий. Ну конечно! Что он нам может сделать на Аллее, где все друг у друга на виду, плюс мальчишки стоят в карауле?! Мы даже развеселились, стали нести какую-то чушь, но это было нервное.

Трижды в течение дня возвращались мы на дежурство, и трижды серый плащ появлялся, как только старший по группе уходил. Он устроил себе поодаль нечто вроде наблюдательного пункта в кустах, прямо за захоронениями, и стоял там истуканом.

На следующий день всё повторилось. Это уже настораживало.

После уроков примчались Ритка с Курицей.

– А Зелень где? – осведомилась я.

– Слёг. Грипп у него, – сказала Ритка. – А что? Снова появился?

Мы с Кошелевой кивнули.

– Не нравится мне всё это, – покачала головой Ритка. – Нужно, наверное, оповестить старшего по группе.

– Да, как же, оповестишь его, – с досадой сказала Кошелева. – Когда мы в сопровождении старшего, никого нет. А потом как из-под земли вырастает и стоит столбом в кустах, прямо за плитами. Привидение...

Решили пока держаться вместе и играть по слуху. Заодно опросили других дежурных, не видал ли кто кого-то подозрительного, но никто ничего не видал, никакого мужчину.

– Представляете, девки, какая падала! Хочет сделать из нас истеричек, – возмущалась Курица. – Никто его не видит – ни старший, ни другие дежурные. Только мы. Вот ублюдок! И где прячется – за захоронениями! Ничего святого!

– Нужно перестать его бояться, девчонки, – сказала я.

– Это как? – спросила Кошелева.

– А вот так. Не мы для него, как он думает, а он для нас. Мы должны с ним расправиться.

Курица всполошилась:

– Ты что, предлагаешь залабать ему Шопена? – имелось в виду сыграть похоронный марш. – Так я мазу соберу на раз!

– Не ему, Курица. Нашим страхам нужно залабать Шопена.

– Легко сказать, – вздохнула Кошелева.

А ублюдок уже поджидал нас на том же месте. Мы прошли мимо, и когда отошли на порядочное расстояние, Ритка сказала нам в спину:

– В натуре, девчонки, это становится уже опасным.

Мы замедлили шаг.

– Что ты предлагаешь? – спросила я, не оборачиваясь.

Ритка собиралась что-то ответить, но тут раздалась звуки «Реквиема», запись которого играли на Аллее через определённые промежутки времени. Мы слышали его не раз, но на нашем дежурстве это звучало впервые. Музыка, голос, читающий строки Рождественского, вечный огонь, пляшущий под низким скорбным небом, море, рокочущее внизу, фигурки мальчишек вдалеке по обе стороны обелиска, невидимый враг... Всё это вдруг соединилось в картину жизни и смерти, в которую отныне были включены и мы со всей нашей родословной как частью родословной города.

Волна неведомых доселе эмоций захлестнула нас. Мы стояли не в силах пошевелиться. Глаза слезились то ли от ветра, то ли оттого, что перехватило горло. Мы мысленно оплакивали тех, кого не знали, а внутренним взором видели облик наших мальчишек. И мы готовы были встать на их защиту, принять удары ветра на себя...

Когда запись закончилась, мы попытались вернуться в исходное положение, то есть продолжать обход, но совершенно неожиданно Курица сорвалась с места и с воплем ринулась к захоронениям.

– Урою! – судорожно выкрикивала она, несясь по направлению к серому плащу.

Он поначалу не сообразил, что это относилось к нему, а когда сообразил, то словно врос в землю.

– Урою, падала! – орала Курица, приближаясь к нему со скоростью теннисного мячика. – Наши предки жизни сложили за этот город, а ты... ты, сука, топчешь тут их память!

Такого патриотического подъёма никто из нас от Курицы не ожидал. Она готова была уже прыгнуть на подлеца и вырвать ему глаза, как из-за кустов выскочил патруль. Не успели опомниться, как нарушителя скрутили, повалили на землю и в наручниках затолкали в машину.

Мы только присвистнули, глядя, как машина стремительно уносила его к участку.

– Ну дают! Прямо как в кино, – сказала Кошелева.

Кино нас тоже ожидало, но чуть позже. А на тот момент мы думали только о загадке своевременного вмешательства патруля. Она разрешилась почти сразу. Оказалось, что наш опрос дежурных в штабе касательно подозрительного типа не остался без внимания. Те, с кем мы говорили, заподозрили что-то неладное и обратились к старшему группы. Тот, не мешкая, вызвал патруль, и пока Курица мчалась с криком к нашему преследователю, ребята обошли его со стороны посадки и без труда схватили.

– Отвлекла внимание и способствовала успешному завершению операции по взятию нарушителя, – подытожил начальник штаба на вечерней линейке, поблагодарив Курицу за проявленную бдительность. – Мы давно за ним охотились, но он как сквозь землю проваливался всякий раз, как мы отправляли патруль на его задержание. Молодец, птичка-невеличка! Смелость города берёт.

Так Курица стала героиней дня и получила за это грамоту за подписью начальника. На этом, конечно, теневой мир парка не рассеялся, но до конца дежурства мы чувствовали себя в полной безопасности и просто купались в лучах победы.

Последний день выдался особо холодным. Ветер хлестал по щекам. Досталось и ногам в тонких колготках. Щёки ещё можно было защитить, подняв воротник, а вот ноги... Бушлат был довольно короткой, а юбку не хотелось надевать такую, чтобы она из-под него выглядывала. Подпрыгивая и поминутно похлопывая себя по замерзшим местам, мы с Кошелевой кружили, как два анста, по пустынной Аллее.

– Эй, девочки, подойдите-ка сюда, – окликнул нас какой-то плотный человек, рассматривающий надпись у плиты.

Рядом с ним стояла стройная молодая женщина и приветливо улыбалась нам.

Ёжась, мы потрусили к ним.

– Здравствуйте, – поздоровались мы, стараясь унять дрожь.

– Ну здравствуйте, здравствуйте, красавицы, – сурово поприветствовал нас незнакомец. Мушка на его левой щеке дрогнула, словно он подавил усмешку. – Не холодно в таких юбочках дежурить на ветру? А если продует?

Я опешила. Да ведь это же Моргунов! Похоже, Кошелева тоже сразу смекнула, кто перед нами.

Мы смотрели на него во все глаза, а он продолжал как ни в чём не бывало:

– Что же это ваше начальство выпускает вас дежурить в такой холод в таких коротких бушлатах? У них что, подлиннее ничего не нашлось? Или решили на молодёжи сэкономить? Безобразие да и только! Комсомолки?

Мы кивнули. Женщина уже еле сдерживалась от смеха за его спиной.

Он же невозмутимо продолжал:

– Сегодня же позвоню вашему начальству, спрошу, почему они не берегут своих комсомолок. Вам бы на обложку комсомольского журнала, а они вам такие короткие бушлаты выдают. Непременно позвоню в райком. Или нет, лучше даже в горком.

Женщина уже заливалась востро:

– Да не обращайтесь на него внимания, девчонки. Он всегда такой. Любит пошутить, разыграть. – Она утёрла слёзы. – Розыгрыш нас и познакомил.

– Это как? – спросили мы.

– Да просто. Сама же и помогла себя разыграть. Я тогда в технологическом училась и готовилась к зачёту. Ну, позвонила на кафедру, чтобы время зачёта узнать, попросила профессора к телефону. Только случайно вместо кафедры набрала телефон подруги. А там сидел Евгений Александрович. Он взял трубку и на мой вопрос ответил, что он сотрудник кафедры и вскоре перезвонит мне с ответом. Я дала ему свой номер. Так всё и закрутилось. Он звонил мне несколько раз, а потом сознался, что разыграл меня, представился и пригласил на свидание.

– Ну надо же! – всплеснула руками Кошелева и прибавила, глядя на Моргунова: – А я вас сразу узнала.

– И я, – призналась я следом за ней.

Моргунов заулыбался. Мы ещё немного постояли, он расспросил нас о том, из какой мы школы, когда заканчиваем, но его жена уже начинала поёживаться.

– Нам пора, – сказал он, обняв её за плечи. – А вы, девчонки, правда, подлиннее что-то надевайте, а то обморозите ноги-то.

Мы счастливо закивали в знак согласия, проводили их до лестницы и помахали на прощание.

– Наши ни за что не поверят, что мы с самим Моргуновым тут повстречались, – говорила Кошелева, глядя им вслед, пока они не исчезли из виду.

Ритка с Курицей действительно поначалу не верили, но мы их в конце концов убедили.

– Эх, жаль только, что не на чем было автограф получить! – сокрушалась Кошелева.

А Зелинский, который тоже приплёлся, всё ещё кашляя, сказал:

– Да попросила бы прямо на коленке автограф оставить, Лизок. Он бы не отказал.

Кошелева залилась смехом.

– Зелень, ну чего ты припёрся? – укоризненно посмотрела на него Курица.

– Да грустно дома, чаю некому подать.

– На тебе чаю, – сказала Ритка, отдавая ему свою чашку, которую только что принесла. – Попьёшь, и мы тебя домой проводим. Отлежишься на выходные.

Зелинский кивнул и отхлебнул из чашки:

– Хорошо. Горячий. Душу согревает. Ох, девчонки, чтобы я без вас делал!..

Наступила пауза. Было слышно, как листают страницы учебника «апки» и травят анекдоты «вэпки». Дверь открылась, и совершенно озябшие Сабоня с Крищенко направились напрямик к чайнику.

– Интересно, где мы будем в это время в будущем году, – сказала, провожая их взглядом, Ритка.

– Почему ты об этом подумала? – спросила я.

– Подумала, и всё.

Сабоня с Крищенко налили себе полные чашки и осторожно, чтобы не расплескать чай, подошли к нашей группе.

– Ну и холодина!

Они присели рядом, отогреваясь над паром, обильно поднимавшимся из чашек.

– Где бы мы ни были в будущем, – откликнулся Зелинский на Риткину реплику, отхлёбывая из чашки, – а в понедельник снова встретимся в нашем классе. И это – главное.

Все согласно закивали, ухватившись за соломинку определённости перед лицом неизвестного будущего. За окном сгущался туман. День подходил к концу, а с ним и наше дежурство.

ПОБЕДЫ И ПОРАЖЕНИЯ СУСАНИНА

В «А» классе учились дети парткомовских и обкомовских работников, дети директоров и ректоров, ещё чьи-то дети. Все стремились отдать своих детей в класс учительницы Евдокии Ивановны, которая была самой строгой и требовательной из всех учителей младших классов. И это сказывалось на успеваемости. «Ашки» преуспевали. Причём все. Впечатление было такое, будто они там между собой соревновались, кто получит лучшую оценку, кого больше похвалят и заприметят, у кого будет меньше всего пропусков. Нужно было отдать им должное – все они пахали по-чёрному. Никто из них не позволял себе такой роскоши, как рассматривать желтеющие листья в окне на уроке математики или писать на биологии записку другу с предложением казёнки. Все взгляды были устремлены на учителя, все помыслы были устремлены на получение необходимых знаний. В этот класс было страшно войти во время урока, такая там стояла полная боевая готовность.

Самым слабым был «В» класс. И самым невыразительным. У него не было своего стиля. Просто сбор разнокалиберных учеников с неярко выраженными способностями. Кто-то с кем-то дружил на переменках, но всё это исчезало после окончания уроков, как наряд Золушки после полуночи. Из ярких там были только Илона и Игорь. Илона была известна нестандартным бюстом и тем, что встречалась со старшеклассниками. После уроков её иногда видели на Приморском бульваре, покрашенную и в окружении каких-то моряков не отечественного разлива. Позднее к ней присоединилась её подруга, но, в отличие от грандиозной Илоны, она так и не стала достопримечательностью класса.

Игорь выделялся смазливой внешностью и тягой к активизму. Он постоянно посещал то пионерские, то комсомольские собрания, хорошо учился и был явно ориентирован на большое будущее. В старших классах он стал ухаживать за перспективной Соней из «А» класса, и его вскоре перевели в тот же класс, чтобы дети не страдали в разлуке. Вскоре Игорь прослыл официальным женихом мечтательной Сони, и им позволялось даже держать друг друга за руки и обмениваться нежными взглядами. Учителя, проходя мимо, всегда грозили им пальцем. В шутку, конечно же. После успешной сдачи выпускных экзаменов блестящая пара появилась вместе на выпускном вечере, и все смотрели с умилением, как Игорь ухаживал за своей невестой, буквально сдувая с неё пылинки.

Они расстались на рассвете, он проводил её до двери и больше никогда не появлялся в её жизни. Говорят, Соня впала в депрессию, отказалась поступать в институт, но её почти силой втащили туда, и она успешно закончила юрфак, став юристом. Наверное, чтобы вылавливать впоследствии таких негодяев, как Игорь.

«Ашки» сходились на почве учёбы. Перед ними сразу была поставлена задача не посрамить марку класса и получить хороший аттестат. Ничего больше этого их не связывало. Нас же связывало всё, кроме учёбы. Учёба была фоном нашей жизни, но не её главной составляющей. Наша классная руководительница – милейшая Ольга Дмитриевна – была душой первоклашек, которые липли к ней и продолжали липнуть вплоть до смены декораций. Благодаря ей в нашем классе с первого момента воцарилась атмосфера душевности.

С учителями отношения складывались по-разному, в отличие от «Ашек», которые выдерживали ровный тон со всеми. Особенно недолюбливали мы учительницу по литературе и языку Сусанну Ивановну. Её родители явно находились под впечатлением истории об Иване Сусанине, за что она и получила кличку Сусанин. Когда Сусанин бодрым шагом впервые вошёл в класс, и без того находившийся под стрессом после потери Ольги Дмитриевны, всем стало ясно, что прежним доверительным отношениям пришёл капут.

Сусанин был хитёр и всё время норовил сбить нас с толку. Например, он мог отвлечь наше внимание всякими душещипательными подробностями из жизни Герасима, о которых все и так уже были слышаны, а потом вдруг вызывал одного из нас к доске и спрашивал, как звали домашнего лекаря барыни Герасима. Ну какой нормальный пятиклассник, которому со двора орут «Выходи!», обратит внимание на эту деталь! Если, конечно, он не из «Ашек».

– Садись, два! – так обычно подытоживал Сусанин мучения у доски очередного бедолаги.

Сусанин требовал ежедневной подготовки и знания текста не понаслышке и муштровал нас будь здоров как. Мне он вообще продукту не давал. Мало того что вызывал вне очереди, то есть, когда я по своим расчётам могла отдохнуть преспокойненько, так ещё и норовил отправить меня домой с позорной четвёркой. И это было запахло. Мои сочинения были самыми творческими в классе, но Сусанин, как назло, копался только в запятых и других мелочах, постоянно снижая мне оценку. Из-за его вопиющей зловредности приходилось готовиться к каждому уроку до конца отбывания срока в школе. Но Сусанину это даром не прошло. Я знала, в чём моя сила, и понимала, что иногда и Сусанин от меня зависит, причём по-крупному.

Дело в том, что каждый год у нас проводилась олимпиада старшеклассников по разным предметам, в том числе и по литературе. У Сусанина были имя и репутация в кругу городских учителей, и, конечно,

Сусанин стремился к тому, чтобы на олимпиаде прозвучали имена его учеников. Отличников по литературе в «А» классе было предостаточно. В нашем классе пятёрки всегда получали идущие на золотую медаль Даша Мороз и Янка Гаусс. Я же колебалась между «пятеркой» и «четверкой», так как в творческом запале обязательно допускала какие-то мелкие огрехи. Морозко с Янкой считались «крепкими», т.е. писали как надо, а я – не очень крепкой, но зато литературно одарённой. Разница, как между добротной штампованной продукцией и уникальной вещцей. Сусанин понимал в этом толк и держал меня на грани «пятерки» и «четверки», чтобы я не расслаблялась.

Участие в олимпиаде было как бы добровольным. Но «как бы» в данном случае не считалось.

Когда Сусанин вызвал нас с Морозко к себе после урока и предложил поучаствовать в олимпиаде, я наотрез отказалась. Это было ответом на его козни. Своего рода протест. Я ожидала, что отказ вызовет возмущение Сусанина с последующими репрессиями, но Сусанин вдруг подобрел и пообещал учесть мои старания в конце года, отпустив мне мимоходом пару комплиментов. Он был хитёр и знал, как обернуть дело в свою пользу. Делать было нечего. Я согласилась. Но с одним условием – на заданную тему писать не стану, только на свободную. Сусанину ничего не оставалось, как тоже согласиться. Так состоялась эта сделка.

Свободная тема была отвоёвана, но Сусанин даже представить себе не мог, как вольно обойдусь я с этой свободой. Он всё-таки мыслил по старинке, в рамках правил. А я мыслила в рамках исключений. Сюрприз, который ожидал Сусанина, был почище того, который его тёзка устроил ненавистным полякам.

Придя домой, я с воодушевлением взялась за перо. Ну, Сусанин, держись! Объектом своего сочинения я, не колеблясь, выбрала фильм «Генералы песчаных карьеров», который недавно посмотрела в каком-то кинотеатре повторного фильма и который – внимание! – шёл с предупреждением «детям до шестнадцати».

Когда Сусанин увидел тему моего сочинения, он потерял дар речи. Мало того что я проникла в кинозал незаконно, так я ещё и осмелилась это обнародовать. Да где! На олимпиаде, которая шла через райком и горком. Это был удар ниже пояса. Но ничего поделать уже было нельзя. Заявки были поданы в начале месяца, и заявленные работы должны были быть отправлены чуть ли не на следующий день после того, как я принесла Сусанину сочинение.

Несколько недель Сусанин со мной не разговаривал и даже не удостоивал меня взглядом. На уроках литературы я отдыхала и ожидала своей годовой четверки или чего-нибудь похуже.

– Слушай, с чего это тебя Сусанин в покое оставил? – допытывался Зелинский, явно что-то заподозрив.

– Оставил и оставил, – отмахивалась я.

– Уж не написала ли ты ему тёпленькое сочинение про Ильича? – хмыкал Зелинский, зная, что со мной такого произойти не могло.

– Какого ещё Ильича? – вступилась за меня Янка. – Это я про Ильича писала, а она взяла свободную тему. «Генералы песчаных карьеров»...

Зелинский присвистнул:

– Ну, теперь жди наряды вне очереди от Сусанина.

Я и ждала. Вопреки моим ожиданиям за всю последующую неделю от Сусанина по-прежнему не последовало ни одного вопроса на засыпку, ни одного вызова к доске. Тучи сгустились с каждым днём.

– Не бери в голову, – всякий раз пронизывал Зелинский после урока. – Ещё вызовет. Мало не покажется.

Он оказался прав, но только наполовину. Как по мановению волшебной палочки, моё зыбкое положение сменилось весьма устойчивым. В одно не очень уж прекрасное утро, когда хотелось подольше поваляться в постели и вообще предаться чтению более интересному, нежели то, что навязывала школьная программа, я притащилась в школу. Не успела переступить порог вестибюля, как раздались громкие аплодисменты. Я быстро оглянулась, думая, что они адресованы идущему за мной, но оказалось, аплодисменты были в мой адрес. Прямо передо мной выскочил Зелинский и, энергично размахивая руками, стал показывать на стену в лестничном пролёте. Я подняла глаза и, к своему изумлению, увидела огромный плакат с поздравлением победительницы в городской олимпиаде по литературе, которой оказалась я.

Что тут началось! Меня подхватили под руки и поволокли вдоль рядов прямо к лестнице, ведущей на третий этаж, где располагался наш класс. Звонок уже прозвенел, когда мы открыли дверь и ввалились в класс, где нас поджидал Сусанин.

– Ну что, голубчики, с опозданием вас! – произнёс Сусанин с усмешкой, полностью игнорируя победный дух класса. – Ещё раз такое устроите, всем будет снижена оценка по поведению в четверти.

Мы притихли, быстро заняв свои места и вытаскивая учебники.

– Так, кто у меня тут давно не отвечал... – Сусанин притворно уткнулся в журнал. – А, вот, вижу. – Она подняла глаза на меня. – Ну, давай, голубушка, расскажи нам, какой там главный конфликт в «Капитанской дочке».

Я вышла к доске и поведала всё, что потребовал Сусанин, не споткнувшись ни об одну деталь и ответив на все дополнительные каверзные вопросы. Сусанин слушал меня с каменным лицом, а когда допрос с пристрастием был закончен, сказал:

– Садись. Пять с минусом. Минус за опоздание.

Класс загудел, но тут Сусанин задал ещё какой-то вопрос и полез в журнал, выискивать новую жертву. Все тут же притихли и с бешеной скоростью стали перелистывать страницы.

После занятий Зелинский предложил:

– А почему бы нам не отметить сегодняшнее событие походом в кино?

Идея пришлась всем по вкусу.

– А смотреть что будем? – поинтересовался Кучер, поглядывая на Ройтманшу.

– Как что? «Генералов песчаных карьеров», вестимо.

– Так они ж до шестнадцати! – загалдели все.

– Были до шестнадцати. А теперь табличку сняли, я сам вчера проверил.

– Как сняли?

– А вот так и сняли! Велика сила искусства слова. Слушай, а что ты там такого написала?

И тут я вспомнила. Сочинение заканчивалось риторическим вопросом: «Так стоит ли закрывать от нас ту жизнь вывеской „Только для взрослых“?» Под «той жизнью» имелись в виду нищета и прочие беды капитализма, о которых я живописала в сочинении со всей пылкой искренностью советской школьницы. Уж не знаю, было ли это простым совпадением, но в дальнейшем фильм в городе шёл без ограничений на возраст...

А ещё через два года, в десятом классе, я наконец расставила все точки над «ф» в наших отношениях с Сусаниным, открыв ему глаза на то, чем в действительности был наш пресловутый 10-й «Б».

По традиции Сусанин отдавал свой последний урок ученикам. Каждый класс должен был самостоятельно провести его, выбрав тему и показав, чему он научился. Обязательное условие: урок был открытым. На него могли прийти учителя и ученики из других классов и вообще все желающие.

– Ну, чё делать будем? – с усмешкой спросил Сокол, когда воля Сусанина была объявлена.

– Будем веселить Сусанина, чтоб подобрел к выпускным экзаменам, – в тон ему ответил Зелинский.

– А иден вообще-то есть какие-то? – поинтересовалась Ритка, которая всегда уважала предметное обсуждение.

Взгляды переместились на меня.

– Только вот не надо никаких премудростей! – заволновалась Курица. – И так времени ни на что нет.

– Курица, зачем тебе время? Ну на что ты его будешь тратить? – взъелась Ритка.

– Ладно, не сорьтесь. Есть у меня идея, – сказала я. – Забудем про Сусанина и его предпочтения.

В конце концов, урок – наш. Будем исходить из того, что нам самим интересно.

– Мне нравится твой ход мыслей, – с улыбочкой сказал Зелинский.

– Так что же такое нам интересно? Просвети.

И я предложила тему любви.

– Та-ак... – задумчиво протянула Курица. – Стишки, что ли, о любви будем читать перед Сусаниным или как?

– Не будем, – заверил её Сокол, с которым у Курицы недавно охладилась отношения.

– Я уж точно не буду. А то ещё примет на свой счёт, – сдохмил Буратина (мы называли его «Буратина», сменив окончание по типу «Юра»).

Это разрядило обстановку.

– В общем так, – сказала я. – План такой. Нужно показать разные аспекты любви. Например, любовь материнскую, любовь к своим питомцам...

– Любовь к родине, – съязвил Сокол.

Курица косо взглянула на него, но от колкости воздержалась.

– ...и все это многообразие проявлений любви выискиваем в литературе, находим подходящие эпизоды и готовим к последнему уроку. Есть иден?

– «Муму», – сказал Чебурек.

– Отлично. Ещё?

– А пусть на Герасима попробуется, – предложил Кучер.

– Точно! – подхватил Зелинский. – Ведь вылитый Герасим.

– Ну хорошо, – согласился безотказный Чебурек. – Раз надо, так надо...

– А Прыткова пусть монолог Наташи Ростовской прочтёт, – сказала Феля.

Прыткова польщённо кивнула.

– Ба! Так у нас ещё Офелия готовая есть! – воскликнул Зелинский, указывая на Фелю.

Феля потушилась, но возражений с её стороны не было.

– А я вот люблю «Гома Сойера», – ни с того ни с сего признался Фац.

– Так ты сам вылитый Том Сойер! – воскликнула Ритка. – Разве я не права? Ну посмотрите на него!

У всех в памяти сразу возник Фац, славящийся проказами в младших классах.

– Похож, похож! – послышалось со всех сторон.

– Ну, раз хочешь быть Томом Сойером, то тебе нужна Бекки, – сказала я. – Ритуха, ну как? Поддержишь?

– Да поддержу, как не поддержать!

Фащ расплылся в улыбке.

– А ты, Лизунчик, кого хотела бы сыграть? – вкрадчиво спросил Зелинский.

– Душечку, кого же ещё! – ответил вместо Кошелевой Сокол.

Все взглянули на Кошелеву и согласно закивали.

– Не возражаю, – кокетливо согласилась Кошелева.

– А я хотела бы быть Элли из «Волшебника Изумрудного города», – несмело сказала Ольга.

Все немедленно согласились, учитывая её тяжёлое детство.

После того как репертуар был согласован, мы разбежались по библиотекам.

Сценаристом и режиссёром последнего урока стала я. Предстояло отобрать небольшие, но яркие монологи и диалоги, начать прослушивание с репетициями, обсудить костюмы и т.д., и т.п. Подготовка шла втайне от других классов, чтобы никто не повторял идеи другого, и втайне от Сусанина. Это было ещё одним условием Сусанина, который благородно устранился, чтобы в конце пожать плоды нашего труда. Забегая вперёд, скажу, что «Ашки» выбрали тему «Одесса» и сделали всё так формально и наспех, что Сусанин даже расстроился. Это ведь был его образцово-показательный класс! Хитрый, но не дальновидный Сусанин просто не учёл, что после того, как годовые были практически выставлены, никто в нём больше не нуждался. «В» класс вообще ничего не сделал, потому что и на годовые, и на Сусанина им было глубоко наплевать. А мы...

А мы неустанно репетировали, придумывая мизансцены и заучивая текст, и так увлеклись, что почти забросили подготовку к контрольным и экзаменам. Мне ещё до сих пор снится, как я вдруг спохватываюсь, что ничего не прочла для экзамена по истории или не дорешала задач по тригонометрии. Уверена, что в нашей стихийно сложившейся театральной труппе подобный сон посещает не меня одну.

Наконец настал день премьеры. Все сидели за партами в самодельных костюмах и ждали появления Сусанина.

Сусанин появился минута в минуту в сопровождении ещё двух учителей – исторички Лидии Филипповны и химички Галины Николаевны, которая впоследствии поставила мне пятёрку на выпускном экзамене за то, что, как она считала, у меня талант великой актрисы. Правда, предварительно взяв с меня слово, что я не буду поступать в вуз, где сдают химию.

Мы поднялись, приветствуя вошедших.

– Садитесь, – сказал Сусанин и занял с учительницами места на галёрке.

Урок должен был открываться моим вступительным словом. Я вышла на середину класса и сказала:

– Ни для кого не секрет, что урок литературы всегда был одним из самых стрессовых. Волнение, которое каждый из нас испытывал, когда Сусанна Ивановна открывала журнал, можно только изобразить. – С этими словами Чебурек, как было заранее условлено, вскочил с места и сделал безумное лицо. Руки его тряслись. Галёрка взорвалась смехом. Я продолжала: – Но даже страх угрозы получить плохую оценку не может сравниться с тем волнением, которое испытываем мы сегодня, в последний раз представ перед взыскательным оком Сусанны Ивановны.

– Можно просто Сусанин, чего уж там! – отпарировала Сусанна Ивановна.

Партер взорвался ответным смехом.

– Мы долго думали, как лучше построить наш последний урок, чтобы выразить благодарность и вместе с тем показать, чему мы научились за эти годы. И не придумали ничего лучше, чем, оставаясь собой, обратиться к литературе и поведать о самом сокровенном. Тема нашего последнего урока – любовь. За порогом школы нас ждёт жизнь, которая сама есть и божество, и вдохновение, и жизнь, и слёзы, и любовь. Литература учит любви. Но увидеть это самому совсем не просто. Вы научили нас видеть.

Заиграла музыка, которую мы заготовили для нескольких сцен, и Ритка в шляпке с полями медленно двинулась с Фащем по направлению к доске, ведя беседу Бекки и Тома.

– *Вы любите крыс?*

– *Терпеть не могу.*

Класс грохнул. Фащ, не обращая внимания на бурную реакцию, ответил с нарастающим вдохновением, меняя предлоги на одесский лад, что сделало его монолог ещё более натуральным:

– *Ну да, живых – я тоже. Но я говорю за дохлых, которых можно привязать на веревочку и махать ими вокруг головы.*

С этими словами он неожиданно вытащил из кармана шнурок, на котором болталось что-то серенькое, и стал раскручивать его над собой.

Ритка взвизгнула. Ничего подобного на репетиции не планировалось. Ай да Фащ!

Да, о таком Томе Сойере и такой Бекки можно было только мечтать. А когда его Том, смущаясь, сделал предложение Бекки, это прозвучало так, будто Фащ и впрямь просил Риткиной руки. Как знать? Может, так и было, учитывая его давнюю симпатию к ней. Во всяком случае, на репетициях этот подтекст

не возникал, а тут все даже притихли, ожидая Риткиной реакции. Она вопросительно подняла брови, а он продолжал словами Тома:

– *Просто вы говорите мальчику, что вы будете его всегда, всегда, всегда, а потом поцелуетесь с ним, и всё тут. Всякий может сделать это.*

Если Фацц и впрямь имел в виду что-то личное, то это был его единственный шанс. Ритка всегда от-метала его ухаживания, и довольно резко притом. Как бы то ни было, Фацц был удивительно натурален, и казалось, он действительно надеялся на поцелуй. Увы! Ритка ограничилась воздушным поцелуем, хотя мы договаривались, что поцелуй будет в щёчку. Фацц тут же погрузнел, но она уже потащила его за рукав к их парте.

Тем временем, вниманием зрителей уже завладела Душечка, которая прямо с места обратилась к ошеломлённому Сабоне, самому рослому в классе, и провела с ним сцену с мальчиком Сашенькой, говоря:

– *Сашенька, вставай, голубчик! В гимназию пора...*

Все за бока хватались. Сабоня же, для которого это было полной неожиданностью, сначала ступеш-вался, а потом стал поддирать Кошелевой, поминутно зевая и протирая глаза.

Почти в самом конце вышла Ольха с плюшевым пёсиком в руках. Прижимая его к себе, она тихо и быстро пролепетала:

– *Мамочка, а теперь волшебники есть?*

Мама у Ольхи умерла, когда она была в третьем классе. Когда это произошло, её неделю не было в школе. В её отсутствие учительница объяснила нам, что случилось, но никто всё равно не мог понять, о чём она говорит, как мама вообще может умереть. На следующий день мы отчитались друг перед другом до начала уроков.

– *Моя жива, – сказала Фея.*

– *И моя, – сказала Курица.*

И так мы спросили весь класс. Это немного успокоило, возникло даже подозрение, что учительница что-то не так поняла, но, когда на следующей неделе появилась Ольха с чёрной лентой на голове вместо пышно повязанного белого банта, сомнения рассеялись. На перемене мы обступили её, и она рассказала, как перед смертью мама попросила, чтобы отец привёл дочь к ней в больницу попрощаться. Она хотела что-то сказать, что-то важное. Но Ольха так ничего и не поняла.

– *И зачем она меня вызвала туда? – недоумевала она. – Я ей: «Мама, что ты хочешь?» А она мне: «Ира, Ира...» Что, Ира? Ну что, Ира?*

Казалось, она была недовольна, даже рассержена на мать. Но так она просто прятала недоумение и страх. С этого момента Ольха всегда ходила с одним и тем же изумлённым выражением глаз и говорила почти шёпотом.

Роль матери и дочери в отрывке из «Волшебника изумрудного города» Ольха решила играть сама. Когда наступила очередь материнской реплики, она оторвала пёсика от себя, и он словно ожил у неё в руках, двигая лапками и махая головой.

– *Нет, моя дорогая, – отвечал пёсик, – жили волшебники в прежние времена, а теперь перевелись. Да и к чему они? И без них хлопот хватит.*

В классе воцарилась гробовая тишина. Было более чем ясно – Ольха разыгрывала перед нами вну-тренний монолог со своей мамой, которых у неё, наверное, было предостаточно в течение этих лет.

Ольха продолжала:

– *А всё-таки без волшебников скучно. Если бы я вдруг сделалась королевой, то обязательно приказала бы, чтобы в каждом городе и в каждой деревне был волшебник. И чтобы он совершал для детей разные чудеса.*

– *Какие же, например? – спросил пёсик.*

– *Ну, какие... – призадумалась на минуту Ольха и понесла отсебятину. – Чтобы можно было вернуть назад время, и чтобы можно было всё исправить и переписать начисто, как в тетрадке по русскому языку.*

Урок завершался чтением монолога Джульетты в моём исполнении под музыку Нино Рота. Как толь-ко зазвучали первые такты его чарующей музыки, сидящие за одной партой (я рассадил всех парами) повернулись лицом друг к другу, взялись за руки и продолжали так сидеть, пока монолог не закончился.

В глазах у железной леди стояли слёзы.

– *Вы были моим самым тяжёлым, самым непокорным классом, – сказала она срывающимся голо-сом. – Мне казалось, что мои ученики были в «А» классе. И только теперь я поняла, что мои настоящие ученики были здесь...*

Спустя лет пять я встретила на улице Ольху. Мы обменялись новостями. Семьи у неё не было, она закончила кулинарный техникум и работала в какой-то столовой, потом появился человек, но она не была уверена, хочет ли отношений... Всё это она рассказывала с тем же изумлённым выражением глаз. А на прощание вдруг призналась:

– *Знаешь, наш последний урок мне снится. Это самое светлое, что было у меня в жизни.*

БОЙКОТ

Последний урок обернулся острой ностальгией для всех нас, включая и учителей, присутствовавших на нём. Мы просто заболели им и практически сразу после того, как урок был закончен, вместо радости ощутили глубокую, глубокую грусть.

– Вот бы повторить ещё разок! – мечтали мы между собой, понимая, что это практически невозможно.

Этому настроению не поддался только Зелинский.

– Остановись мгновенье, ты прекрасно, – усмехался он. – Помните, чем всё закончилось?

– Это ты у нас начитанный, – тоже с иронией отвечал Сокол. – А мы люди простые, нам бы в машине времени прокатиться разок.

– Ну прокатитесь, прокатитесь. Позади вас ждёт светлое прошлое.

– Чего, ты, Зелень, в самом деле? – протрубил Парибон басом.

– Да ничего. Просто чтоб знали, что светлое прошлое – это такая же химера, как светлое будущее.

А так катите, куда хотите. Только не говорите потом, что я не предупреждал.

Дело шло к завершению, дописывались годовые контрольные, подтягивались хвосты, подготовка к выпускным шла вовсю. Казалось бы, ностальгия должна была отойти на задний план. Ан нет! Атмосфера ухода только обостряла желание вновь пережить очарование последнего урока. И тут вдруг на истории Лидия Филипповна обратилась к нам с предложением. Начала она издали – с новости о том, что нашу бывшую классную руководительницу Грету Самойловну недавно положили в больницу с раком груди, затем прооперировали и теперь она дома. Мы вопросительно уставились на историчку, пытаюсь понять, что конкретно она имеет в виду. То, что Грета Самойловна так серьёзно захворала, вызвало, конечно, общее сочувствие. Мы даже оторопели от такой новости. Но, с другой стороны, Лидия Филипповна ведь была в курсе скандала, который произошёл у нас в прошлом году с Гретой!

История была и впрямь не из приятных. Грета слыла самой сильной немкой в школе и даже в городе. Её произношение, знание языка, умение красиво и точно перевести любой текст, а также великолепная техника синхронного перевода сделали её известной в среде переводчиков. Частые приглашения в германское консульство были обусловлены именно этими её талантами. В группу к Грете Самойловне попасть было почти невозможно. Каждый родитель, отдавший своё дитя в школу с немецким уклоном, мечтал увидеть его бегло говорящим на немецкой мове, в которой ученики Греты Самойловны преуспели куда больше, чем в украинской. Одна треть нашего класса была продвинутой в плане немецкого языка, а другие две трети валяла ваньку с Анной Андреевной и Светланой Андреевной. Их отчество было полнейшим совпадением, и они отличались друг от друга. Анна Андреевна не видела причин для напряжения, и уроки у неё проходили в светских беседах с вкраплениями немецких слов. Светлана Андреевна старалась больше, но до Греты ей было как до Рейхстага.

Короче, Грета звезда так долго, что и сама уже перестала волноваться по поводу возможной конкуренции. И тут, прямо как по Пушкину, на вопрос о том, кто на свете всех милее, зеркальце в учительской голосом директрисы поведало Грете, что приехала из «зелёных дубрав» некая Маргарита Петровна, мужа которой командировали в Одессу. Эта Маргарита Петровна уже покорила полконсульства с консулом в придачу и получила прекрасные рекомендации. По мере поступления информации от директрисы губы Греты Самойловны сжимались всё плотнее, и не успела директриса оповестить Грету о том, что берёт эту Маргариту Петровну в штат, как в учительскую влетела Маргарита собственной персоной. В ореоле смоляных волос и в развевающейся белой кружевной блузке с воланами, она привела в движение сквозняки и другие опасные силы учительской и затараторила на немецком, приветствуя Грету Самойловну. Грета оторопела, но быстро взяла себя в руки и протараторила несколько ответных любезностей. Начало войны было положено.

Маргарита была молода, энергична, хороша собой. Грета была немолода, суха в обращении и с внешностью немецких переводчиц. Стихи и проза, лёд и пламень – это было о них, и всё дальнейшее развивалось в пушкинском русле. И не удивительно! Школа ведь была имени Пушкина! Его огромный портрет висел в вестибюле, а дух его витал во всех уголках школьного пространства.

Сама того не подозревая, Маргарита в короткий срок наделала много шума. Слух о ней пошёл по всей Одессе великой, и родители спешно ринулись к директору, упрасывая, чтобы их детей срочно перевели от Елены Андреевны или Анны Андреевны к Маргарите Петровне. Обе с облегчением вздохнули. У них не было амбиций Греты, но зато было неимоверное количество контрольных и домашних заданий. Так Маргарита попала к нам, разделив одну из групп с Анной Андреевной, а другую – с Гретой Самойловной. За это Грета посоветовала директрисе отдать добавок наш седьмой «Б» под классное руководство Маргариты, которая как-то обмолвилась, что не имела никогда опыта работы классным руководителем.

К тому времени восхищение Маргаритой достигло пика. Она сумела сделать то, чего не смог ни один из учителей немецкого, включая Грету. Маргарита сделала немецкий язык общения. До неё немецкий был всего лишь предметом для изучения, скучное единство словаря, грамматики и синтаксиса – мёртвые

знания, которые никому не могли пригодиться в будущем за исключением особо одарённых. И действительно, к чему было изучать язык, если вылезти за пределы страны не было ни малейшей возможности даже под предлогом обмена опытом? С приходом Маргариты всё переменялось, словно она окропила наши скудные знания живой водой, и сразу стало ясно, что с ними делать. Став нашей классной руководительницей, Маргарита постоянно переходила на немецкий, и эта форма общения приобрела оттенок секретности, наподобие того, как это было, когда немки хотели сказать друг другу что-то, что было не для нашего слуха.

Теперь и мы пользовались этой возможностью на переменках и после занятий, выучив идиомы, которых не знали наши сверстники и тем более учителя по другим предметам. Наш словарный запас, произношение и беглое владение устным языком стали на порядок выше. И даже отстающие из всех сил подтягивались, чтобы не хлопать ушами и быть в курсе происходящего.

Поначалу Грета ничего не заподозрила и тараторила в нашем присутствии как ни в чём не бывало. Но в один прекрасный день кто-то не выдержал и хмыкнул на одну из её реплик, брошенных Маргарите, и у неё вытянулось лицо. Она гневно взглянула на Маргариту и быстро вышла из класса.

Наши успехи Грета расценила как посягательство на её вотчину, а Маргариту – как предателя, выдавшего противнику военную тайну. С этого момента она никогда больше не заходила в наш класс во время уроков и очень сухо здоровалась с Маргаритой. Мы же веселились вовсю, набирая словарь и продвигаясь вперёд семимильными шагами.

Два года с Маргаритой перевернули наши представления о многом. Седьмой и восьмой классы прошли под знаком демократичности отношений между нами и ею, нашим классным руководителем. Маргарита была демократична по природе. Она не притворялась, не стремилась завоевать наше доверие панибратским отношением. Даже наоборот, учила нас почтительности и уважению, но делала это как друг, который делится опытом, а не в качестве назидания. Это ещё сильнее сплачивало нас вокруг неё. Нам действительно было интересно её мнение, почему она думает так, а не иначе по тому или иному вопросу, и это становилось предметом обсуждения.

Всё оборвалось в девятом классе. Первого сентября Маргарита объявила нам, что мужа её командировали в другое место, а это означало только одно... В классе воцарилась тишина, будто это не мы только что радостно галдели, приветствуя Маргариту – загорелую, стройную, напитавшую наше черноморское солнце.

– Да не переживайте вы так, у нас ещё полно времени, – лепетала Маргарита, сама растерявшись от такой реакции.

– Сколько? – выпалила Фея, будто речь шла о жизни тяжелобольного.

– До декабря...

Это немного успокоило.

– Потом я вам свой новый адрес оставлю, будем писать друг другу. Но Маргарита ошибалась. До декабря ей продержаться не удалось.

Засылав о том, что её соперница покидает школу, Грета немедленно взяла дело в свои руки. Она побежала к директорисе и стала убеждать её, что нехорошо в середине года менять классного руководителя и что нужно всё оформить в начале, включая и новые немецкие группы. Об этом нам поведала Прыткова, которую Сусанин отправил в учительскую принести очки, забытые на столе. Дверь в кабинет директорисы была приоткрыта, и Прыткова, которая собиралась уже бежать обратно, вдруг услышала весь разговор и почти забыла о поручении.

Когда она наконец появилась в классе, на ней лица не было.

– Что-то ты сегодня долго за очками бегала, – пробормотал Сусанин, кивая в знак благодарности.

Прыткова тихо села на место и просидела так до звонка, не поднимая глаз. После урока она прикрыла дверь и жестом попросила всех оставаться на местах.

– Слушайте, – начала она прерывающимся голосом, – Маргариту забирают.

– Что? Куда? Кто забирает?

Еле сдерживая слёзы, Прыткова поведала нам всё, что слышала.

– Сволочи, – процедила Фея сквозь зубы. – Пожалеют ещё!

На следующий день Маргарита пришла в класс заплаканная и после урока стала прощаться. Мы окружили её, ни о чём не спрашивая. Всё было так безнадежно, что дальше уже некуда.

– А знаете что? – сказала Маргарита перед тем, как уйти. – Приходите-ка ко мне. Посидим, выпьем чаю с тортом.

Все резко повеселели:

– Конечно, придём! И торт захватим.

– Да не нужно, я сама испеку... – Маргарита заулыбалась. – А если понравится, то рецепт дам.

В назначенное время мы заявились к Маргарите с кулечком шоколадных конфет и открыткой, которую сочинили все вместе.

– Раз торт у вас уже есть, мы вам конфеток принесли, – сказала Феля, отдавая кулёк, а заодно и открытку.

Маргарита взяла открытку, и слёзы так и хлынули у неё из глаз. Открытка была написана нами по-немецки. Это было объяснение в любви с благодарностью за всё, что Маргарита для нас сделала, и клятвенные заверения в том, что мы никогда, никогда не забудем то, чему она нас научила. Имелась в виду не только познания в немецком, но и понятия чести, которые она сумела нам привить.

Мы даже представить себе не могли, что совсем скоро наши клятвы пройдут испытание на прочность. Произошло это уже в десятом классе. Когда всё и так стало распадаться, у нас появилась новая немка – практикантка из иныза. Анна Андреевна привела её в нашу группу и представила:

– Это Мария Ильинична. Она проходит практику в нашей школе. Пропу любить и жаловать.

Хоть практикантка и была одета по школьным стандартам, но было видно невооружённым глазом, что никакая она не Мария Ильинична, а самая что ни на есть борзая Машка. И впрямь, как только Анна Андреевна оставила нас с ней наедине, Машка лёгким движением руки сняла резинку с туго стянутых волос, плюхнулась на стул и, мотая облегчённо головой, вытянула длинные тонкие ноги в туфлях из Торгсина:

– Уф-ф!

Около минуты мы созерцали, как она взбивала руками рыжую копну освобождённых волос, расплазаясь в напомаженной улыбке.

– Терпеть не могу эти школьные условности, – наконец вымолвила она низким, с трещинкой голосом. – Ну что ж, давайте знакомиться. – И она с лёгкостью перешла на немецкий, который шёл ей куда больше, чем школьный русский.

Машкины уроки не стоили доброго слова. Она болтала без умолку о себе и о своих представлениях о жизни, будто её персона вообще кого-то интересовала. Нет, мальчишки, конечно, повелись на неё, в особенности, когда она заявила на следующий день в прикиде то ли с Толчка, то ли из того же Торгсина, выставявшего на обозрение её тощей низ и плотный верх. Но ненадолго. Чебурек покрутился возле неё ради понта, но на Прыткову это не произвело никакого впечатления, и он быстро отпал. Дольше всех крутился возле неё Кучер, но как только Ройтманша перестала с ним разговаривать, тут же утомился.

Сабоня несколько раз понуро глянул на неё, но потом и вовсе перестал замечать. То ли соблюдал верность своей новой пассии, то ли стыдился общего обозрения. Машка, наоборот, не только не стыдилась, но и жаждала его. Она не могла жить без двух вещей – обозрения и длинной чёрной сигареты, которую раскуривала с нами в развалинах на школьном дворе.

– А чё, неплохо тут у вас, – сказала она, когда на вопрос, где можно покурить, мы отвели её за школу. – Угощайтесь. – Она протянула нам пачку More.

Мы с Риткой застенчиво взяли сигарету на двоих, Курица вытянула одну для себя, Янка воздержалась, а Феля вообще не курила.

– Да берите, сколько хотите, – сказала Машка, видя, что мы стесняемся. И бросила пачку на стол. – У меня их много. Philip Morris есть, Salem... Вы с ментолом любите?

Разговор завязывался. В смысле, мы молчали, а Машка развязывала язык. У нас был девичник, так что вырисовывался трёп по душам.

– Ну, как девки? Лады у вас тут с вашими... Ну... этими...

– Отурцами, что ли? – звонко спросила Ритка.

Машка залилась хриплым смехом:

– Ну, да, с ними самыми. – Поскольку ответа не последовало, она продолжила: – Эх, девки, девки. Где мои школьные годы! – И пошла чесать языком про свои приключения в подворотнях. – Мутерша доставала меня тогда по-чёрному. Не поступишь никуда, орёт, экзамены на носу, а ты ни в зуб ногой! А с чего бы это мне не поступить? Отец у меня – о-го-го кто в городе! А тут ещё и репетитор из иныза не простая шишка. Я в мини-юбке к нему как завалю, так урок у нас на час дольше без перерыва. При этом всё на немецком, заметьте! – Она расхохоталась. – Я способная. На лету всё схватываю.

– Вот оторва! – процедила сквозь зубы Курица, когда мы наконец отделались от Машки. – И как только такие в иныз попадают?

Машка была больная на всю голову. Ей ужасно хотелось ходить в наших подругах, сравняться с нами по возрасту, внедриться в наши отношения. Мальчишки постепенно стали её презирать. И делали это открыто до неприличия. В Машкином присутствии они проходились вслух по её внешнему виду, да так, что мы какое-то время даже перестали их узнавать. Это были не наши мальчишки, это были какие-то пацаны с площадок и из дворов, которых мы сторонились. Машка, словно вирус, меняла в них что-то изнутри, вытягивая на поверхность накипь и прогрызая червоточины в атмосфере класса. Мы прозвали её между собой злым гением. Она проникла в нашу среду под маской свободы, которая ничего общего со свободой не имела. Она была рабой страстей, большой, с изломанной психикой, стегающей её хлыстом жучей неудовлетворённости.

Мальчишки язвили, когда она входила в класс:

– О, неуд явился!

Машка расцветала, думая, что они комплимент ей откальвают, мол, ученица с плохим поведением.

– Я женщина свободных взглядов! – любила она повторять, явно желая, чтобы имидж свободолобия закрепился за ней.

Но мы-то хорошо освоили с Маргаритой разницу между свободой и «гуляй, вая».

Всякий раз слушали её чуть и думали, что наваяла бы она дров тут у нас, кабы не школа Маргариты, которая закалила наш иммунитет против таких вот Машек. Жалели, конечно, что Маргарита не с нами, но как хорошо, думали, что она у нас была!

Машка не дотянула до положенного срока. Её отправили восвояси через три недели, в начале апреля.

Мы нарочито медленно собирали вещи в конце урока, стараясь избежать прощального ритуала, но она терпеливо дожидалась нас и двинулась в нашей небольшой девчоночьей стайке к выходу.

Когда мы вышли, она достала пачку сигарет и, кивнув в сторону развалин, спросила:

– Ну что, покурим на дорожку?

Мы замялись и уж было собирались что-то ответить, но Курица нас опередила.

– Что, валишь? – спросила она Машку.

– Валю, – хмыкнула Машка. – Хахаль хочет меня взять на пару недель, проветрить. Позвонил вашей директрисе, всё обтыпал. Он у меня такой... Покровитель. Без покровителей нам никуда... Учитесь, девки! В жизни пригодится.

– Валишь и вали! Чего стала? – огрызнулась Курица. – Советы она тут раздаёт. Прощмандовка.

– Курица, ну зачем ты так, – подобрев, вступилась Ритка, которая сама уже была на грани закипания.

Машка не ожидала такого поворота и застыла с вытянутым лицом и пачкой сигарет в руках.

– И курево своё не суй тут! – не отреагировав на Риткину реплику, продолжала Курица, наступая на Машку. – Чё стоишь? Вон пошла, я сказала.

Машка повернулась и пошла прочь. Мы смотрели ей вслед, пока она не исчезла за углом, а потом повернулись к Курице.

– Ну и как это называется? – спросила Ритка.

– Так, чтоб больше не бухтели! Рассказываю, – сказала Курица. – Я эту тварь в коридоре, где мужской туалет расположен, засекала.

– Где? – почти выкрикнула Ритка.

– Что ты там делала? – в тон ей спросила Фея.

– Мимо проходила, что! – рассвирепела Курица. – Дадите досказать или нет?

– Давай валий, – сказала Фея.

– В коридоре ты её увидела. Ну и? – не отрывая взгляда от Курицы, спросила Ритка.

– Ну и увидела, как эта шалава там с ножки на ножку переминалась в кругу наших мальчишек. «Дверью ошиблась, – бормотала, – не постоите ли на стрёме, пока я тут... Очень хочется, – говорит, – не добегу...».

– Дальше.

– Дальше я к директрисе завалилась без стука и такой хаёж подняла, что её со стула в момент сдуло.

– Ну?

– Что ну? Директриса помчалась к туалету, но мальчишки уже и без неё дали этой шалаве оторваться.

Директриса вбежала в тот момент, когда они её к выходу выпихивали, а она: «Да что вы, да я ведь случайно, да я никому...».

– Она тебя видела?

– Какой видела! Я спряталась. Мне директриса строго-настрого запретила за ней идти.

– Молодцы, мальчишки, – сказала Ритка. – Маргарита бы гордилась ими!

– Сто процентов, – согласились мы и отправились провожать друг друга, всю дорогу вспоминая Маргариту.

Расставание с Маргаритой было тяжким. Мы бесконечно прощались, подолгу топчась то в коридоре, то на лестничной клетке, и в конце концов просто разревелись. Мальчишки стояли, опустив голову и загнав эмоции вовнутрь.

– Что делать будем? – спросила Фея, когда мы вышли на улицу.

Имелась в виду конечно же Грета.

Стали думать.

– Бойкот, – наконец предложила я.

– Бойкот, – многократно прозвучало со всех сторон.

На следующий день Грета появилась в классе как ни в чём небывало, с журналом под мышкой, и бодро поприветствовала нас. Никто не поднялся для ответного приветствия. Она остановилась в изумлении и, глядя поверх очков, повторила приветствие на немецком. Класс безмолвствовал.

– Что, за лето разучились, как приветствовать на немецком? – попыталась разрядить атмосферу Грета. Шутка не удалась. – А я слышала, что Маргарита Петровна была блестящим преподавателем, – сделала вторую попытку Грета.

Это был удар ниже пояса. За Маргариту мы могли порвать кого угодно, но у нас был железный уговор не поддаваться на провокации. Никто не шевельнулся.

– Ну что ж, – сказала Грета, – усаживаясь за стол и открывая журнал. – Проверим, как вы справились с домашним заданием.

Мы с замиранием сердца ждали, кого она вызовет первым. Понимая, что двоечникам терять нечего, Грета приступила сразу к отличникам, которые шли на золотую медаль.

– Мороз, – вызвала она нашу круглую отличницу.

Я так и предполагала. Это был единственный шанс сломать бойкот. Поэтому я предусмотрительно договорилась с Дашей и Янкой, чтобы они остались дома примерно на неделю. Больше Грета не выдержит.

– Мороз! – повторила Грета, оглядывая класс. – Где Мороз? – увидев, что Мороз отсутствует, она взглянула в журнал и сказала: – Ну что ж, тогда Гаусс.

Янкино место было тоже пусто. То ли Грета заподозрила, что это не случайно, то ли что, но на этом её выдержка закончилась. Она стала вызывать всех по списку в алфавитном порядке. Каждый поднимался и молча стоял, не отвечая на вопросы. За ним поднимался второй, третий, четвёртый... Никто не садился, и лес продолжал расти. Поначалу Грета попыталась пригрозить двойкой молчунам, но когда их количество сравнялось с количеством присутствовавших, эта угроза оказалась недейственной. Не мог же весь класс получить двойки! Если бы она привела угрозу в исполнение, то стала бы следующим кандидатом на двойку, только уже от директрисы.

Мы простояли так до конца урока. Педантичная Грета дождалась звонка и только после этого покинула класс. На следующий день она приказала всем остаться на собрание, но никто и ухом не повёл. Не пришли не только на собрание, но и на её урок. Это привело к тому, что о бойкоте прослышала директриса, чего Грета опасалась больше всего.

На третий день бойкота на урок заявила директриса. Мы встали, приветствуя её.

– Садитесь, – немного в замешательстве сказала она. Мы сели.

– Тихо у вас тут. Это что, новая форма изучения языка?

Зелинский кивнул:

– Да. Есть обучение во сне, а у нас обучение в тишине. Экспериментальная группа...

Все захихикали. Грета оскорблённо вышла из класса.

– Хватит! – рассвирепела директриса. – Шутить будете на перемене. Значит так. Я понимаю, что вы недовольны решением уволить Маргариту Петровну досрочно.

Все закивали.

– Но это не повод для бойкота. Вы что ж теперь каждого нового учителя бойкотировать будете?

– Нет, только этого, – сказала я.

– Ты зачинщица?

– Решение было общим, – вступилась Ритка.

– Всё ясно. Обе получите удовлетворительное поведение в аттестате. А теперь послушайте, что я вам скажу. Решение об увольнении принимала я, так что можете меня бойкотировать вместо Греты Самойловны.

– Нет, не будем, – сказал Сокол.

– Это почему же?

– Идея исходила не от вас. От вас – только решение.

– Ну и что?

– А то, что вот вы же не ставите всем нам уд за поведение в аттестате? Не ставите, хоть мы принимали решение все вместе. Вы наказываете только тех, кому, по вашему мнению, пришла идея бойкота.

У Сокола была железная логика.

– А что, разве идея была не их? – не зная, что ответить, спросила директриса.

– Не их, – как-то особенно чётко и вместе с тем глухо сказал Сокол. Мы насторожились. Уговор был не выдавать зачинщиков, даже если наказан будет весь класс. Сокол не мог никого выдать. Это было так же верно, как то, что Пифагоровы штаны на все стороны равны. У Сокола все стороны были равны. В смысле, он был честен, куда ни глянь.

– Ну если не их, так чья же? – тоже понизив голос, спросила директриса.

– Моя, – так же глухо сказал Сокол.

Мы ахнули.

– На две недели исключён. Мать в школу сегодня же, – отчеканила директриса и, не дав нам опомниться, стремительно вышла из класса. Она явно боялась, что мы начнём оспаривать это признание.

Ещё несколько секунд мы стояли, не проронив ни звука. Сокол упорно смотрел в пол.

Наконец, не сговариваясь, словно шок отпустил всех одновременно, мы заорали:

– Ты что, спятил? Какого ты это сделал? Мы же договаривались!

Это звучало в разных вариациях и на крещендо.

Сокол дождался, пока все успокоятся. А может, это Ритка прикрикнула:

– Да заглохните же! Дайте ему сказать наконец!

Так или иначе, ответ последовал такой:

– Просто просчитал, что это будет оптимальный вариант для всех. Мне лично на аттестат наплевать, а в школу я и так прихожу через раз.

После уроков мы отправились провожать Сокола домой.

– А что ты предкам скажешь? – с нежностью поинтересовалась Курица.

– Правду. За правду меня никогда не ругают. А в данном случае правда была на нашей стороне.

Две недели Сокол сидел дома, а мы носили ему уроки, что выглядело скорее как привилегия, а не административное наказание. Может, привилегия и есть обратная сторона наказания за благородный поступок.

Но и мы тоже с этого кое-что поимели. Кто приносил задание Соколу, сразу садился с ним за стол и получал готовые задачки по физике, химии, алгебре и геометрии за считанные минуты. Получая эти «передачки» от заключённого, каждый с радостью думал о том, как хорошо, что вину на себя взя Сокол, а не Чебурек. Хотя Чебурек и просчитать бы такой оптимальный для всех вариант не сумел. Так что в результате всё получилось наилучшим образом. Плюс к тому же на следующий день заявила директриса и сказала:

– Ну хорошо. Чего вы хотите? Другую учительницу?

Все закивали.

– Бойкотировать не станете?

Все отрицательно замотали головой.

– Ладно. С завтрашнего дня у вас будут Светлана Андреевна и Анна Андреевна. А классным руководителем назначу Юлиа Самуиловича. Он же будет преподавать у вас физику вместо Любови Сергеевны. Всё. Сбор закончен. Можете расходиться по домам.

Эту весть сразу принесли Соколу, ожидая, что он тоже обрадуется. Но он только усмехнулся. Неужели и это просчитал?

Анна Андреевна вошла в нашу группу, как входят в клетку тигра неопытные дрессировщики. Мы пытались её расслабить, но она смотрела на нас стальным взглядом и упорно не шла на контакт.

– А казалась такой милой! – с удивлением произнесла Феля, когда урок закончился.

– Гестаповка! – фыркнула Курица.

Эта кличка навсегда закрепилась за тихой Анной Андреевной.

Всё это пронеслось в памяти, пока Лидия Филипповна поведала нам о болезни Греты. Тем временем Лидия Филипповна мягко подошла к сути дела:

– Мы с Галиной Николаевной всё никак не можем забыть вашего показательного урока у Сусанны Ивановны. Вот я и подумала. А что, если повторить его для Греты Самойловны? Она там совсем одна днём. Как бы она обрадовалась, увидев вас! – Лидия Филипповна выжидательно посмотрела на нас.

Только тут до нас дошло, что нам предлагается форма перемирия с тяжелобольной, возможно, умирающей учительницей.

– Когда к ней можно прийти? – спросила я.

Лидия Филипповна просияла:

– Завтра. Пойдите к ней завтра. Мы с Галиной Николаевной отпустим вас со своих уроков. Только квартира у неё маленькая, человек семь – десять, не больше.

На следующий день после четвёртого урока мы, как и было условлено, отправились к Грете. Пошли всем классом, решив разделить на две группы, а по дороге купили большущий букет цветов.

– Для любимой учительницы, да? – проницательно спросила торговка цветами и выбрала самый лучший букет. – Свеженькие, не подкрашенные, как у некоторых. – Она покосилась на соседа восточной внешности, продававшего розы. – Всегда ко мне приходите. У вас и выпускные на носу. Знаю, у самой внучка в этом году заканчивает. С Богом, – отсчитав сдачу, сказала она напоследок.

Шли с камнем на сердце. Цветы были шикарные, но в них крылся траурный смысл, которым мы их наделили, не сговариваясь. И предназначены они были вовсе не для любимой учительницы – оттого что Грета была под секирой, отношение к ней не изменилось.

Грета жила в пятиэтажке неподалёку. Мы поднялись на третий этаж и позвонили в дверь.

– Входите, входите, дверь не заперта, – послышалось из комнат.

Часть из нас осталась на лестничной клетке, а оставшиеся гуськом прошли через малюсенькую прихожую в гостиную.

Гостиния напоминала коробку, заполненную так, что пространства для гостей почти не оставалось. Половину её занимала разложенная софа, напротив которой стояли стол со стульями и телевизор.

– Проходите, – повторила Грета.

Мы едва разглядели её на постели. В школе она была у всех на виду, а здесь просто потерялась в простынях и подушках.

– Здравствуйте, как же я рада, что вы пришли, – сказала Грета совсем домашним, новым для нас тоном.

Всю дорогу к ней мы пытались понять, как же показать ей наш последний урок, предназначенный вовсе не для её глаз. Для неё бы мы сделали что-то формальное, типа того, что сделал «А» класс, или что-то на немецком, а если и на русском, то уж точно не о любви. Грета и любовь были для нас две вещи несовместные. Мы абсолютно не ожидали, что сухая немка преобразится в жену, мать и бабушку...

На стене висели портреты её семьи, и мы стали разглядывать их, пытаясь определить, кто кому приходится. Грета заметила наш интерес.

– Это мои родители, – пояснила она, указывая на крайнее фото слева. – А справа от них – родители мужа. Их расстреляли в Бабьем Яре вместе с его младшими братьями. А он был на фронте в это время. Моих расстреляли под Одессой, а меня укрыли соседи... А на столе фотографии наших детей и внуков. – Она улыбнулась.

– Расстреляли. Вот сволочи! – рубанула Феля. – И как же это вы смогли их язык учить после всего?

– После всего и решила учить... Думала, что ещё сумею пригодиться родине и отомстить...

– Тяжело, наверное, такое на сердце держать, – вздохнула Ольга.

– Поначалу невыносимо было, это правда.

– А потом? – спросила Ритка.

– А потом... Потом любовь, девочки. Она раны заживает. Мы с Исааком Аркадьевичем как встретились, так до сих пор неразлучны, – сказала она как-то даже застенчиво.

Это всё, что требовалось. Слова Греты подействовали как катализатор, и мы взлетели на этой волне, проведя урок на одном дыхании. Это был совершенно другой урок – урок, в котором любовь побеждала войну, потери и смерть. В котором из романтического чувства она выросла в самое главное жизненное начало, в средоточие веры и оплот надежд.

Участники менялись местами с теми, кто ожидал своей очереди на лестничной клетке, и это превращало движение в бесконечный конвейер, направленный к вершине – монологу Джульетты.

В окружении портретов убитых родственников Греты «Что в имени?» неожиданно прозвучало как прозрение человека перед стихией бесчеловечности, породившей Бабий Яр и другие ужасы войны с её расправами над теми, чьё имя вносилось в чёрный список. Монолог стал той нотой, на которой разговор устремлялся в сферу наивысшей гуманности.

– Спасибо, – после продолжительной паузы сказала Грета. – Спасибо.

– И вам спасибо, – заговорили мы наперебой. – Простите нас, простите. Мы не хотели. Мы не думали, что...

Грета подняла руку:

– Подождите. Я должна вам сказать. Я должна вам сказать. Вы вступились за учительницу, которую любили. Правильно, наверно, вступились. Я действовала с точки зрения учебного процесса. Вы действовали с точки зрения любви. Вы не предали её. Не забыли. Не выбросили из сердца. Оставайтесь такими. Не предавайте тех, кого любите...

Мальчишки внесли букет роз, который вдвое увеличился в миниатюрном пространстве гостиной.

Грета всплеснула руками:

– Красота какая. А у меня даже вазы такой нет. Ребята, там в кухне высокая кастрюля на полке. Налейте воды и поставьте цветы.

Когда всё было готово, мы поставили цветы в кастрюле на стол перед Гретой.

– Поправляйтесь, – пожелали мы ей нестройным хором.

– Вы ведь поправитесь, правда? – спросила Курица, у которой глаза были на мокром месте.

– Обязательно. Летом оздоровлюсь, а с осени уже буду преподавать, – заверила её Грета.

Курица издала вздох облегчения и порывисто обняла Грету, чуть ли не запрыгнув на софу.

– Курица, ты поосторожней там! Человек всё-таки после операции, – одёрнула её Ритка.

– Ничего, ничего, – сказала Грета, счастливо похлопывая Курицу по спине. – Всё будет хорошо.

Мы вышли от Греты. Светило яркое солнце. Мы и не подозревали, что так распогодилось. Квартира Греты выходила на теневую сторону, и нам казалось, что утренняя пасмурность не рассеялась. Несколько кварталов мы прошли, перебарывая впечатления и жмурясь от солнца.

– Ну, что, куда теперь? – спросил Сокол, когда мы дошли до школы.

– Может, на пляж? – предложил Кучер, поглядывая на Ройтманшу.

– Вода ещё холодная, – возразила Кошелева.

– Лизок, так мы ж не купаться, – усмехнулся Зелинский. – Ни плавок, ни купальников у нас всё равно нет. Пойдём побродим по песку, море послушаем.

И мы отправились к морю.

МАЙКА ЛУНЁВСКАЯ

ВЕСНА БЫЛА – КАК МЕТАСТАЗЫ

***

повторю уже в который:
«я» стирается в «Росси...»
а лишаешься опоры
то в себе её носи
сколько можно сколько надо
это видеть и молчать
огради меня ограда
охрани меня печать

ходят кони над рекою
ты носи меня река
ходят кони с ними трое
ждут четвёртого пока
след копытный рожь золотая
и куда ни бросишь взгляд
не видать конца и края
тишина стоит такая
тишина стоит такая
молча с косами стоят

где воронка рядом с домом
где разбита колея
ну-ка дети скажем хором
воронк воронка врон
это родина моя

не вини не соболезнай
приучай себя к труду
сколько гусениц железных
соберёшь в своём саду

обескровленные осы
и бескрылые шмели
дети учимся доносы
что вы дети принесли

воробья для ямочки
овода на палочке
смерть давай в считалочки

***

шум листового железа на лом
спутанных проволок ржавые гнёзда
серое море из шиферных волн
каплями вниз ледяные наросты

долго смотреть и тебе надоест
что это между провал или проблеск
столб или дерево кажется крест
поиск себя а похоже обыск

свет закругляется
что за стеной
там электричества тянутся стебли
там отвечают вопросом на твой
камни слепые давно ли ослепли

время пускает по кругу стрелу
к чёрному там припадают стеклу
верят вранью потому и не свергли
страх берегуг поклоняются смерти
выбрать не могут но выбрали мглу

я это видеть уже не могу

***

Ни в мести и ни в милости.
В чём справедливость? В силе?
Затем и дали вырасти,
что всех потом убили.
А были кости твёрдые,
платочки кружевные.
Когда вернутся мёртвые,
тогда поймут живые.

***

Стоят следы в осколочной воде,
у лужи сходят корки ледяные.
Прав пессимист – в возникшей пустоте
он видит смысл, не то что остальные.
И бьётся лёд, как билось бы стекло, –
нельзя же не проверить прочность брода.
Прав пессимист, ему не повезло,
есть в этом притягательное что-то,
что можно упиваться пустотой,
ломать и разрушать себя, поскольку
и это тоже значит быть собой,
не вам судить о целом по осколку.
И ближе, чем чужой самообман,
уныние своё, свои надломы.
Как в воду лёд и как вода в туман –
мы травм круговорот, известно кто мы.

***

Как спички отгорели черноголовки мака.
И яблоки, и листья – всё переходит в гниль.
Корсет коры расстёгнут, видна его изнанка,
к стволу приставлен черенок-костыль.

Каллапки узоры по деревянной ткани:
оранжевый и жёлтый, за лоскутом лоскут.
Плоды под лёгким снегом теперь лежат как камни.
Так, потеряв последнее, растут.

И так себе находят в развалинах опору,
и держатся за почву всей глубиной, и так
ещё надеются на светлый день, в котором
цветёт синап и вспыхивает мак.

***

Когда заканчивался минус
и вверх подпрыгивала ртуть,
я замечала: жёлтый вырос,
и шла гулять куда-нибудь.
А город, к празднику готовый,
уже стоял навеселе.
На остановке пахло сдобой,
собаки спали на земле.
Летали в воздухе пакеты,
бумажки плавали в грязи,
и мальчик, в лёгкое одетый,
садился в белое такси.
Во всём предчувствуя удачу,
смеялась юность и ждала
(не так, как ждёт больной лежачий,
а так, как крови ждёт игла).
Я шла по набережной к парку,
там музыкант для денег пел,
а ворон всем бесплатно каркал,
пока на дереве сидел
(оттуда было видно трубы,
в другую сторону – вокзал).
Я подставляла солнцу губы,
а мне их ветер целовал.
С тобой не встретившись ни разу,
я шла, сверяясь по звезде.
Весна была – как метастазы –
не только в лёгких, а везде.
Я шла и шла, земля кончалась,
«вчера» звучало как «пчела».
А в парке девочка качалась
и нежность розовым цвела.

***

Наверно, да, я чувствую вину,
 что бросила, оставила одну,
 хотя никто верёвкой не привязан,
 хотя когда мы вместе шли по дну,
 на этой почве мы сдружились, ну
 а до того не виделись ни разу.

А по другую сторону волны
 остались те, кто помнить не должны,
 наверно, да, я чувствую обиду,
 хотя никто меня не покидал,
 а жизнь свою налаживал, не ждал,
 пока со дна я поднимусь и выйду.

Как хорошо сидеть на берегу,
 не звать, не знать, кто перед кем в долгу,
 а жизнь начать и кончить параноюю.
 Мне лучше быть с собой наедине,
 чем быть на дне, в обиде и вине.
 Здесь только я. Я остаюсь со мною.

***

Во всю длину зауженной межи,
 нарушив все предчувствия и сроки,
 гусиный пух белым-бело лежит
 на выпуклых полях и на дороге.
 «Когда мы полетим в свои края?» —
 они молчат и спрашиваю я.
 Лиса бежит, следа не оставляя.
 Там косточка припрятана моя
 до будущего сада и сухая
 трава лежит, готовясь воскресать,
 сама себе и мачеха, и мать.

Во всю длину зауженной межи
 стоял бы свет, но день теперь короткий.
 Подсолнух неба голову сложил,
 и уложилось прошлое в коробки.
 Но сколько ни откладывай отъезд,
 я помню то, что времени в обрез,
 пришла пора подсчитывать убытки,
 что год прошёл с бедой наперевес,
 родных берёз посадки и отсидки
 кто долго наблюдал и будет впредь,
 но сколько можно плакать и смотреть?

***

На кладбище подснежники цвели.
 Мы прогребли могилы перед Пасхой
 и, оторвав сухое от земли,
 снесли на простыне траву и мусор.

Я думала о сходстве и родстве,
какая в нас ещё сокрыта сила...
Коровка божья ползала в листе,
семейство муравьёв домой спешило.

И свет стоял известкой у коры,
и день сиял, где крыльями ложили.
Уже взошли зелёные ковры,
серёжки появились на лещине.

Твои дары по-прежнему щедры.
Мои долги по-прежнему большие.

***

Зло сильнее, но правда не в силе.
Это в фильме сказал персонаж,
а не в фильме его бы убили.
Отче ваш, говоришь? Отче наш.

Мало крови? Действительно мало?
Хочешь больше добавить в сюжет?
Зло и раньше всегда побеждало,
и сейчас победило уже.

Нет, не так, то есть дело не в этом,
справедливость – иллюзия, но.
Как мы звёзды на небе заметим,
если в небе не будет темно?

Это пафос, но он неизбежен,
без него я сказать не смогу.
Жизнь другая, а люди всё те же,
так же смерти желают врагу.

Что же делать? Дождаться финала,
до конца этот фильм досмотреть.
Смерть и раньше всегда наступала,
чьей победой считается смерть?

АЛЕКСАНДР КАРПЕНКО

ЭХО ВСТРЕЧИ МЕЖ НАМИ И НИМИ

***

В туннеле страха путь так долог.
Он не приемлет ворожбы.
Что знаешь ты, больной астролог
Своей мятущейся судьбы?

Как напоён тревогой воздух!
Какой туман в пространстве лет!
И кажется, на небе звёзды
Все поменяют вдруг свой цвет.

И наши вздорные привычки
Не будут значить ничего,
И кормится из рук, как птичка,
Безумье – шаткостью всего.

Но помнишь: под покровом ночи,
Когда по листьям дождь хлестал,
Ты сам себе всё напророчил,
Ты сам свой путь предначертал –

И эту боль, и эти строки,
Немое зарево мольбы,
Где сердцу светит одиноко
Туманная звезда судьбы.

Нигде спасения нам нету,
И в этот час постигнем мы:
Кто исчерпал дорогу света,
Спускается тропею тьмы.

***

Темнота, как фальшивая нота.
Обагрённый предчувствием снег.
Чернота... Чернота и Чарнота.
Воскресает булгаковский «Бег».

Убегают от страха седые.
И, отвагой отказа сильны,
От призыва бегут молодые.
Все бегут в никуда от войны.

Распадается всё. Не сойдётся.
У Икара оборван полёт.
Меланхолия чёрного солнца
У живущих не скоро пройдёт.

И мелькают вагоны, перроны,
В старом доме оставлена мать.
Но к штыку приравняли перо мы –
И теперь не хотим умирать.

***

Какая странная страна!
Приют ревущей в муках нови,
Где чья-то старая вина
Искала выход к морю крови.

Какая странная страна
На перекрестках мироздания,
Где начинается страда –
И не кончается страданье.

И в этой странной стороне,
Предвестник озарений ранних,
На красно-огненном коне
Появится творящий странник,

И тени страждущих веков
Свои мечи опустят мудро,
И стаи мирных облаков
На флейтах звёзд сыграют утро.

***

У мальчишки украли лицо,
Заменив на шинель пальтецо.
Отобрали родную страну –
И послали его на войну.
Он не знал, что обманчив уют,
Он не ведал: здесь лица крадут!

Отчего ж, принимая дары,
Мы нечасто бываем мудры?
Молчаливые, будто в гостях,
Позволяем на наших костях,
Даже если ты стоек и храбр,
Танцевать этот злой дэнс макабр.

И за шторами влажных ресниц
Больно мне от сворованных лиц;
От похищенных солнечных дней,
От растерянных слёз матерей.
И, увы, мне не легче с тех пор
Оттого, что я знаю, кто вор.

***

Кольцо утрат сжимается всё туже,
 Солёной болью подло бьёт под дых.
 Я не уверен, что ушедшим хуже –
 Как мы бы ни оплакивали их.
 Я не уверен, что живущим легче
 Брать на душу терзания и грех.
 Иных уж нет, а те уже далече –
 И только вечность уравнивает всех.

Господь не забирает без причины –
 У Господа на всё есть свой резон,
 И плачут, словно мальчики, мужчины,
 Подавленные грустью похорон –
 Не лицедеи, не лгуны, не вралы,
 Не те, кого прельщают миражи...
 Они сегодня друга потеряли,
 А вместе с ним – и часть своей души.

Так что ж мы рошщем, что мы всё канючим?
 Все наши дни давно наперечёт!
 Не сомневайтесь: мы своё получим,
 Как только подкрадётся наш черёд.
 И сам Господь придёт по наши души –
 И примет нас, свободных и нагих.
 Нет, я не верю, что ушедшим хуже.
 Любите, пока время есть, живых!

НАГРАДЫ

Так случилось со мною – был отдан
 Я, израненный, в руки врачей –
 И искал меня новенький орден
 Двести семьдесят дней и ночей.

Как тебя в этой жизни застал я?
 Сердце сжалось, как огненный ком,
 Между орденской красной эмалью
 И засевающим в лопатке свинцом...

Мы идём грозowymi путями,
 Ополчась на невзгоды и смерть,
 И наградам, летящим за нами,
 Так непросто за нами успеть!

Вот опять предо мной то мгновенье,
 В тишине раскатившийся взрыв...
 Может быть, награждён уже тем я,
 Что остался в аду этом жив!

...Ты идёшь по нескучному саду,
 Обещанием счастья маня.
 Что же ты, дорогая награда,
 Догоняешь так долго меня?

ВЕТЕР РАН

Валерию Горбачеву

Ветер мало печется о ранах.
Лишь стаккато бутылки в стаканах
Да застенчивый чайник осипший –
Словно соло живых о погибших.

Захлебнутся рыбацкие лунки
Непрозрачную горечью рюмки.
Перекусит волна океанов
Всю перкуссию гулких стаканов!

Так неужто и вправду мы в силах
Вновь вернуть к нам товарищей милых –
И призвать, как волшебную строчку,
Тех, чьей жизнью живём мы в рассрочку?

Тонкий мир между ними и нами
Станет тоньше, отпетый ветрами,
И взлетят голосащие очи
По наточенным лезвиям ночи,

И замрёт, окликаясь на имя,
Эхо встречи меж нами и ними.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ БОЙЦА

Тише, тише, небо звёздное – ветхая крыша –
Тихо трассеры прощуршат
Выше, выше – в твердокаменной нише
Я не слышу, о чём говорят
С ветром души...
Шёпот глуше,
Барабан за моей спиной –
Грому снятся военные марши –
Станет мир на мгновение старше,
Тёмной ночью простившись со мной.

ЕЛЕНА СЕВРЮГИНА

ЧЕЛОВЕК У МЕНЯ ВНУТРИ

***

человек у меня внутри
падает умирает на счёте три
оживает потом умирает вновь
говорит не губи меня
не гони я твоя любовь
ты верни мне меня
внутрименячеловек
дай срастись опять
по косточке по хрящу
я прошу тебе боль и боль
и дрожанье век
только дай мне покой и свет
я прошу прошу

человек внутри
приходит ко мне с мешком
тот гремит железом
пахнет чужой бедой
загустевшей кровью
ложью и наждаком,
и хмельной водой
мне брататься с ней
причащаться ей поутру
мне нести в себе грозы
небо и облака
человек внутри
говорит мне что я умру
что река мелка

я не верю тебе
мой самый глубокий сон
мой молчащий страх
железный капкан и сеть
я проснусь проснусь
вопреки предсказаниям сов
я не буду жить
словно вниз головой висеть
головой да над пропастью
черной голодной злой
что меня поджидая
ощерила волчью пасть
человек внутри
оседает седой золой
и уже не упасть мне
над пропастью не пропасть

***

а если я умру а если завтра
 последний день москвы или помпей
 не для меня горят кассиопей
 и ловятся миры в пылу азарта
 нелепый призрак сумеречной чащи
 по ниточке по ниточке тончайшей
 иду печаль и крик в картине босха
 марионетка куколка из воска
 я царь я раб так некогда державин
 я червь я бог проржавлены скрижали
 подвергнуты сомнению законы
 моей мечты квартирно-законной
 закутавшись в полночную аллею
 я свой бессонный вакуум лелею
 пока могу пока ещё не поздно
 в котёл небес подбрасываю звёзды
 поскольку «завтра» призрачно и зыбко
 как бабочкой слетевшая улыбка
 с кота что был (простите бога ради)
 случайно мной у кэрролла украден
 что я кто я
 чернила и тетради
 сожжённые
 воскресшие тетради...

***

жмут сильнее памятные кольца
 осыпает небо на рассвете
 жизнь моя похожая на солнце
 жизнь моя похожая на ветер
 знает что навеки нас связали
 речь моя похожая на горы
 и к тебе не видима глазами
 я приду однажды – значит скоро

я вернусь дорогой гильгамеша
 я свершусь мольбами моисея
 светом ослепительно крошечным
 озарю печальное веселье
 жизни неизбежно-непреклонной
 где хвалы звучат как обвиненья
 где стремятся киберы и клоны
 на людей устраивать гоненья

я вернусь чтоб нам вернуться вместе
 в мир доисторически молчаливый
 где небес воздушное поместье
 примет нас простых и настоящих
 заселив на вечные квартиры
 где встречаются новых постояльцев
 запахом амброзии и мирры
 мы пришли – и можно не бояться

***

будет или не будет
 вечер или не вечер –
 поговорим как люди
 на подлинном человечьем
 глаз голубые льдины
 светят но дна не видно
 чтобы не так обидно
 давай хоть на миг едины
 и в этом непобедимы
 снова печали горше
 вечер на дно уронен
 сядем в двоём чтоб больше
 ни близких ни посторонних
 ни жён ни сестёр ни братьев
 ни звёзд ни луны ни солнца
 на мира дырявом платье
 узоры по звукам сотканы
 и сонорное «л» рифмуется
 с губно -губным пе-чаль
 давай говорить-молчать
 вдоль громогласной улицы
 вдоль памяти обезглавленной
 вдоль сломанных позвонков
 сколько душеспасительных пустяков
 сколько слов от людей избавленных
 выются над нами
 испуганной мошкаррой
 подлетают ближе
 в надежде на яркий свет
 но опять открываю сайт
 «gazgovogov.net»
 и молчит земля
 и уходит за строем строй...

***

по дорогам сошедшей с катушек земли
 проходили слепые незрячие шли
 по яругам кривым против солнца
 по песчаной косе по речной полосе
 и считали они их ведёт Моисей
 в жданный край что эдемом зовётся

шли вперёд обжигались вечерней росой
 пулемётную дробь называли грозой
 крупным градом приклад называли
 и когда у кого-то щемило в груди
 разъярённо кричал тот кто шёл впереди
 что привал уготован едва ли

их стегали то ветер то холод и лёд
 но как прежде они порывались вперёд
 продолжая хождение по мукам
 и однажды устав от земного пути
 вдруг дошли... и отчаянный ляг гильотин
 был последним прижизненным звуком

***

день или ночь
 или просто случайный фантом
 прошлое прочь
 голоса покрываются льдом
 холодом колкой коростой
 свинцовой водой
 кто там стоит
 над моей око-явной бедой?
 брат или враг
 с неприкаянной птицей в груди?
 кто бы ты ни был –
 не думай не стой уходи
 где бы ты ни был –
 с собой навсегда забори
 это несбытое тайное
 с чёрным внутри
 мне не стерпеть –
 переломана в сердце весна
 мне не успеть –
 перепаяна с миром война
 буду стоять недвижима
 с оболком в руке
 видишь ночная дружина
 плывёт по реке
 очи темны
 безучастны как смерть голоса
 сильные ветры
 гуляют в седых волосах
 и никого не спасут
 ни сомненья ни стыд –
 это не ветер
 проснувшись колышет листы
 это не чья-то зима
 замедляет края
 это сума и с ума –
 но не ты и не я
 и никого ничего
 никогда и нигде
 сон и осколки
 вчерашних небес по воде
 только одним
 разгонять эту вязкую мреть –
 не обернуться на голос
 и вниз не смотреть

***

проносится как ветер сквозь тайгу
 вчерашний день в котором не могу...
 в котором только стужки забытия
 и под дождём намокшая скамья
 где мы сидели не сидели не
 ни рядышком ни врозь наедине
 а впрочем на войне как на войне –
 да впрочем на войне как на войне...

и время отпускает тормоза
и снова смотрят жадные глаза
на солнца вырастающую ртуть
и ждут кого-нибудь когда-нибудь
на фоне отцветающих огней
езде нигде в один из прошлых дней
вот кажется дождя тягучий мёд
на отдалённом облаке пойдёт
и чёрный мир бесплодного труда
омоет золотистая вода...
вот мы с тобой стоим открывши рты
у края бесконечной немоты
и ждём когда пройдя земной зенит
негаданное слово прозвенит

ПОСВЯЩЕНИЕ КАЗАНИ

я выхожу из вагона – мои глаза
щурятся, в сотый раз привыкают к свету
в пламени зимнем гордо горит Казань
спят сияньем храмы и минареты
в сердце кремлёвском
тайны хранит мечеть
непостижима
прелесть восточных черт

и оттого,
словно у мотылька,
поступь моя
радостна и легка
и оттого
мой ускоряет шаг
гул площадей в ушах

вот прохожу
там, где слова пролила
горькой слезой
честный Муса Джалиль
храмы стоят,
словно столпы из льдин –
славный Тукай
бьётся в моей груди

славься, Казань,
ибо тебя любил
первый романтик
Каменев Гавриил
манит меня
город, стоглав и бел,
тот, что старик Державин
в стихах воспел

город чудес,
твой не померкнет ним,
если двумя
архангелами храним,
так за тебя
против людского зла
два Гавриила
держат свои крыла
...

я захожу в вагон – а глаза чадят
словно впитали горечь свечного плача
им тосковать по снежным твоим дождям
по куполам, от вечных молитв горячим
тронется поезд,
дымом рассеет грусть
знаю что скоро
снова сюда вернусь...

НАДЯ ДЕЛАЛАНД

ГИЛЬЕРМО рассказ

Утомившись от города и работы, я на весь сентябрь сняла мансарду в небольшом домике у моря. Второй этаж пустовал, а на первом жил пожилой мужчина, с которым мы молчаливо раскланивались, когда случайно пересекались в летней кухне. Я дала себе слово ничего не делать и продуктивно отдыхать, но примерно на третий день заскучала. Дефектив, который я купила в аэропорту, оказался нудным, с лежанием под солнцем я вчера переусердствовала и берегла себя до вечера в тенистой беседке, рассеянно разглядывая наш дворик и размышляя о том, как я здесь продержусь столько времени. Беседка, плотно увитая виноградом, расположилась под углом к летней кухне, и мне было отлично видно, как мой сосед вошёл туда, трепетно прижав к животу маленькую кастрюльку с подгоревшим дном. Что он там делал, я не видела, но минут через пять или даже меньше сосед снова вошёл в летнюю кухню с той же кастрюлькой... Я офигела. Выхода со слепой для меня стороны там не было, на лицо, что называется, имел место, что называется, сбой матрицы. Я потрогала себе лоб, он был горячий, и кожа болела. Мне это не понравилось. Выходило, что я так перегрелась, что уже начались глюки. «Ну нет» – подумала я, не до конца отдавая себе отчёт в том, что именно я отрицаю, и пошла удостовериться, что на кухне толкуются два одинаковых соседа с двумя одинаковыми кастрюльками.

Решительно завернув за угол и сразу же оказавшись у небольшого выступа, символизировавшего порог, я резко остановилась и туло уставилась перед собой. В кухне никого не было. То есть совсем никого. Для верности я на полшага заступила внутрь и постояла так примерно полминуты, повернулась и...

– Аааааа, – завизжала я, вздрогнув всеми шестью руками, это был настоящий скример. Прямо напротив меня молча стоял сосед, прижимая к животу кастрюльку и вопросительно на меня глядя слезящимися красноватыми глазками. Мой крик ничуть не напугал его, он не шелохнулся. Я захлопнула рот и отступила в сторону, давая ему пройти. Он благодарственно кивнул, проследовал к плите и принялся там колдовать, впрочем, закрывая своим телом от меня все кулинарные подробности. С опаской я выглянула во двор – не идёт ли ещё один сосед («Жаль, что нам так и не удалось послушать начальника транспортного цеха»), во дворе было подчёркнуто пусто. Только одинокий бесстрашный воробей выклевывал невидимую вкуснятину из щелястого старого стола.

Я поднялась к себе наверх и через некоторое время обратила внимание, что хожу по комнате, сжимая и разжимая кулаки. Может быть, позвонить хозяевам? Я снимала комнату у милой семейной пары – она русская, он итальянец.

– Pronto, – трубку поднял Гильермо, – Ciao, Marina.

– Buon giorno, – сказала я и зависла. Во-первых, по-итальянски я знала два с половиной слова, а, во-вторых, что, ну что я могла спросить?! Как так случилось, что мой сосед утонул? Гильермо бы сказал: «Devi bere Di meno!». Ну или подумал про себя.

– Come ti rilassi? – не дождавшись от меня продолжения, Гильермо решил приветливо расспросить меня о том, что нас связывало.

– Yes, thank you, I'm fine. I got a little burned, so I stayed at home today, – я перешла на более привычный для себя английский.

– Ahì, ahì, ahì, – Гильермо поцокал языком, всячески посокрушался и посоветовал мне взять в ванной в шкафчике средство от ожогов. И там же – какое-то чрезвычайно мощное средство, чтобы окончательно не обгореть в будущем. Я искренне поблагодарила, и мы распрощались. Когда я уже сбросила звонок, подумала, что могла бы просто попросить рассказать что-то о мом соседе – откуда он, давно ли снимает здесь жильё...

Вечером я решила не идти к морю, хотя кожа после чудо-средства чувствовала себя вполне приемлемо, а вместо этого спустилась ужинать во двор. За столиком уже сидел сосед, он пил кофе и курил. Увидев, что я приближаюсь с тарелкой и стаканом, он спешно загасил сигарету прямо о стол. Мы традиционно улыбнулись друг другу и кивнули, однако обстоятельства требовали чего-то большего.

– Il mio nome è Marina, – натужно выдавила я из себя плоды необременительных уроков итальянского, которые мне давала Моника семь лет назад.

– Я говорю по-русски, – с лёгким акцентом произнёс сосед. Он чуть наклонил голову, – Гильермо.

– О, вас зовут так же, как хозяйина дома! – восхитилась я.

– Да, вы верно заметили, – Гильермо рассмеялся. – Как вы отдыхаете?

– Спасибо, с кремом от ожогов существенно лучше.

– Солнце уже мягкое, но первое время всё равно лучше быть осторожным, – Гильермо серьёзно на меня посмотрел. – Берегите себя.

Мне почему-то сделалось неловко, я замолчала и поковыряла вилкой моцареллу и помидоры в тарелке.

– А вы давно здесь отдыхаете? – вспомнила я то, зачем, собственно, спускалась во двор.

– Отдыхаю? – переспросил Гильермо, – Я здесь отдыхаю, можно сказать, всю жизнь.

– Вы прекрасно говорите по-русски, – похвалила я.

– Да, спасибо, – он глотнул кофе, вздохнул и добавил, – моя жена была русской. Мы были женаты тридцать шесть лет. Я похоронил её в прошлом году, – он сделал жест, словно бы похоронил её прямо в этом дворе под деревом.

– О, простите. Примите мои соболезнования.

– Хорошо, что вы здесь, я хотел поделиться с вами кое-чем... Хотя не уверен, что должен это делать. Не знаю, как лучше, – он посмотрел мне в глаза, как бы ища в них ответ.

– Конечно, я слушаю, – сказала я.

– Даже не знаю... Понимаете, тридцать лет назад мы сдавали мансарду одной русской девушке. Она вот так же точно приехала в сентябре, прожила у нас неделю, потом пошла на пляж и пропала. Мы снарядили целый отряд на её поиски, но ни её, ни её тела так и не нашли.

– Печальная история, – я не совсем понимала к чему он клонит.

– Да, очень печальная. Дело в том, что вы мне очень напоминаете ту девушку. Нет, не так. Вы просто копия той девушки. Мне кажется, я немного схожу с ума и образы из прошлого начинают жить не только в моём сознании, но и переселяются в реальность.

Я молчала, не зная, что на это ответить.

– В общем, на всякий случай, я прошу вас быть особенно осторожной и беречь себя, – он поднялся, взял чашку и бычок от сигареты и нетвёрдой походкой направился в дом.

Следующие два дня я меланхолично наблюдала за тем, как около полудня Гильермо в обнимку с кастрюлькой трижды заходит в летнюю кухню. У меня созрел план. И вот, когда на следующий день первый Гильермо двинулся к летней кухне, я вышла из своего укрытия и направилась к нему. Он остановился.

– Вы не пошли сегодня к морю? – удивился он.

– Да, у меня здесь оказались дела поинтересней, – я следила за выражением его лица, оно выглядело спокойным и непроницаемым.

– А я решил согреть себе на обед вчерашнюю пасту, – Гильермо приподнял кастрюльку. – Угостить Вас?

– Не откажусь, – согласилась я неожиданно для себя. – Гильермо, я тоже хочу поделиться с вами странным наблюдением, вы позволите? – моей целью было задержать первого Гильермо до прихода второго, но я решила заодно поговорить с ним о творящейся здесь мистике.

– Да, конечно, только давайте зайдём в кухню, я могу греть пасту и слушать, – было видно, что он устал держать кастрюльку.

– Я подержу, – сказала я невежливо и буквально вырвала из рук старика кастрюльку. Гильермо изумлённо на меня посмотрел, но никак это не прокомментировал. – Мы можем сесть за стол?

Гильермо молча протянул руку, показывая, что, мол, садитесь. Мы сели. Я поставила кастрюльку перед собой и посмотрела на часы в телефоне. Второй Гильермо должен был появиться с минуты на минуту. Сердце у меня колотилось. Гильермо терпеливо ждал.

– Понимаете, каждый день... только не подумайте, что я принимаю что-то, нет. Каждый день, уже три дня подряд... с тех пор, как я обгорела и не пошла на пляж. Но это не солнечный удар, нет... с тех пор я около двенадцати дня наблюдаю, как вы заходите в летнюю кухню с этой кастрюлькой, а потом...

– Да, всё так и есть, вы в полном порядке, я в самом деле каждый день около двенадцати захожу в летнюю кухню с этой кастрюлькой. Я в ней разогреваю еду, которую для меня готовит донна Мариса.

– Дело не в этом... вы заходите на летнюю кухню трижды. Понимаете?..

– Признаться, не совсем...

– Один Гильермо зашёл, а через пять минут второй, а ещё через минуты три – третий. Но когда я сама захожу на кухню, там только один Гильермо. Или даже ни одного, если зайти после второго...

В этот момент я краем зрения заметила движение рядом с домом. Посмотрела туда и увидела, что Гильермо дубль два вышел с кастрюлькой из двора.

– А, вот и он, вот и вы, смотрите же, – завопила я, показывая пальцем на второго Гильермо. Второй Гильермо услышал меня, посмотрел в мою сторону и выронил кастрюльку, паста вывалилась на старые плиты. Я лихорадочно обернулась на первого Гильермо, но рядом никого не было.

И кастрюльки на столе тоже. Второй Гильермо уже охал, наклонившись над аварией, и пытаясь магическими движениями ладоней в воздухе вернуть пасту обратно. Я подбежала к нему и собрала всё руками.

– Простите меня, – наконец догадалась я извиниться, – не знаю, что на меня нашло...

– Ничего страшного, – улыбнулся вежливый Гильермо, – мне как раз совершенно не хотелось доедать вчерашнюю пасту, а выкинуть жалко, но вы меня спасли.

– Могу я угостить вас обедом?

– К сожалению, я совсем не выхожу отсюда, – покачал головой Гильермо.

– У меня есть фантастический суп-пюре, с креветками.

– Моя жена тоже готовила суп-пюре.

– А как её звали?

– Елена...

– О, так же, как нашу...

В этот момент из дверей дома появился третий Гильермо, я не стала кричать, просто перевела взгляд на второго, но его уже не было. Третий Гильермо увидел меня сам, спросил, почему я не на море.

– А хотите я угощу вас супом-пюре, – от всей этой белиберды мне дико захотелось есть.

– Благодарю вас, – сказал Гильермо, – но с условием, что вы поможете мне справиться с вчерашней пастой.

Мы мило пообедали вместе. На следующий день я поняла, что вряд ли смогу как-то расстроить этот сбой, кожа моя уже совершенно пришла в порядок, поэтому я собралась на пляж и спустилась во двор. Двор был пуст... Но не совсем. Оглядывая его, я зацепилась взглядом за что-то в беседке. Присмотревшись, я с ужасом поняла, что это мои ноги в моих шлёпках... Пока я в оцепенении соображала, что к чему, ноги исчезли. Я подошла к беседке, она была пуста. Я села на скамейку. Облако закрыло солнце, подул ветер. Это что же получается, меня тоже зациклило? Может, вот я сейчас сижу в беседке, а тем временем из мансарды спускаюсь другая я и вот-вот увижу мои ноги? Но куда мои ноги исчезли? Нет, так не пойдёт! Я решительно встала и вышла из беседки, облако тоже сошло с солнца, и снова всё осветилось.

– Марина, – я обернулась. Из окна первого этажа на меня смотрел Гильермо, – вы решили пойти сегодня на пляж?

– Да, уже несколько дней не была, схожу, – я всё ещё была под впечатлением от своих исчезнувших ног.

– А если я попрошу вас остаться сегодня дома? – Гильермо печально покивал.

– Вы себя плохо чувствуете? – догадалась я.

– Признаться, нехорошо. У меня плохое предчувствие.

– А давление? Померить вам?

– Да, если можно.

В тот день я просидела с Гильермо несколько часов, уложила его в постель, мы разговаривали, он рассказывал мне, как учился в школе, как болел корью, как дрался с братом...

Потом он устал, и я ушла к себе. Утром я зашла проведать его, но никого не нашла. Его комната выглядела так, как будто в ней никто не живёт. Сзади раздались шаги, я обернулась. На пороге стоял другой Гильермо, хозяин.

– Ciao Marina, – сказал он. Я вдруг осознала, что старый и молодой Гильермо похожи, как отец и сын.

– Good morning! Here, I went to check on a neighbor, but he left or moved out. Do you know where he is? Did he feel bad yesterday?

– A neighbor? Marina! No one lives in the house except you, – Гильермо смотрел на меня с тревогой. Наблюдая его выражение, я подумала, что он хочет вызвать мне психиатрическую бригаду. Честно говоря, я сама себя чувствовала сумасшедшей.

В общем, когда он ушёл, не собирая вещи, я схватила сумку с деньгами и документами и ушла из этого странного места. Когда я отошла на достаточное расстояние, я вызвала такси и уехала в аэропорт.

МЕССЬЕ 31

рассказ

В дверь продолжали стучать. Спокойно твёрдой рукой я наливал себе в рюмку, но почему-то всё равно немного расплескалось. Абсолютно не огорчившись (я был хладнокровен, как никогда), я стёр пролитые капли рукавом своей белой офисной рубашки, которая аккуратно лежала на полу, вернул её обратно, залпом выпил и заколодился, как старик Ромуальдыч. После этого я проследовал на кухню, на душе уверенно светлело. В холодильнике нашёлся прекрасный маасдам с плесенью. Точными движениями я соскрёб с него всё лишнее, идеально нарезал и разложил веером на блюде. Стук в дверь не прекращался. Я скорбно покачал головой, с мягким укором выматерился, закусил кусочком сыра и, дожевывая его на ходу, пошёл открывать этому нетерпеливому непрощённому гостю. В трусах и в очках.

Я открыл дверь. Потом закрыл её и снова открыл. Но нет, на пороге по-прежнему стоял инопланетянин. Такой сероватый, с огромными неподвижными глазами без век, с крошечными носом и ртом. Его тело тоже было серым и очень худым, тоненьким. То есть это был не человек в костюме инопланетянина, как я первым делом предположил, нет, человек бы просто не влез своими габаритами.

– Здравствуйте, – сказал инопланетянин, неестественно шевеля носом, – я ваш сосед.

– Снизу? – зачем-то уточнил я.

– Из галактики Андромеды, – ответил инопланетянин. – Вы нас заливаете.

– Тудить... – я осёкся. Как-то невежливо было принимать гостя с другой планеты, а точнее, даже из другой галактики, используя инвективы. – Пройдёмте, – я сделал широчайший приглашающий жест. – Давайте посмотрим, заливаем ли вы нас, мы нас вас...

Инопланетянин торжественно прошествовал в квартиру, длинноного размахивая руками.

– Прошу вас, – я чуть склонился, указал в ванную и проследовал за ним. В ванной была тишь да гладь. Инопланетянин постоял, как бы прислушиваясь. Хотя ушей у него не было вовсе.

– Не в этом смысле, – произнёс он наконец. – Я имел в виду другое.

– Выпьем? – предложил я. Одного кусочка сыра оказалось явно недостаточно, и меня повело.

– Можно, – согласился инопланетянин.

– Антон, – представился я.

– Эуородинортис-та-та-вама-гу-ник. Можно Коля, – ответил инопланетянин.

Я сходил в комнату за початым пузырьём, достал вторую рюмку, изящно обдул с неё пыль, и мы расположились за кухонным столом, где уже стояло блюдо с нарезанным сыром. Мы выпили. Коля раскрыл свой маленький круглый ротик необычайно широко, вставил в него рюмку и резко закинул голову назад. Издал характерное побряхтывание, схватил в узловатые пальцы сыр, свернул в трубочку и вдумчиво закусил. Мы повторили.

– Респект, Колян! Ты профи! – я не мог скрыть своего восхищения. – Так, ладно, расскажи мне, чем там я вас заливаю.

– Понимаешь, – голос у Коляна всё же немного опьянел и в нём появились нотки знакомой доверительности. – Я – из галактики Андромеды.

– Так! – я разлил нам по новой, мы чокнулись. – За галактику Андромеды! – мы выпили.

– Галактика Андромеды очень похожа на вашу.

– Да я вижу уже, чего там! – я подмигнул Колян и ласково толкнул его плечом. Он оказался тёплым и чуть шершавым.

– Мы живём в планетарной системе на периферии шаровых скоплений, наша планета называется «...» *(Колян издал что-то вроде длительных ультразвуковых посвистываний, но ближе к концу названия был кнаклаут)*. И вы, – продолжал он сердечно, – заливаете нас своим идиотизмом.

– Вот же ж блин! А как мы дотягиваемся?

– Квантовая запутанность, – Колян посмотрел на меня бездонно и свесил голову.

– Погоди, – я оживился, – то есть ты хочешь сказать, что наши планеты запутаны, как частицы?

А почему?

– Не знаю, – Колян пожал отсутствующими плечами. – Сам в шоке.

– А ты – это типа я? – предположил я.

– Не думаю. Скорее всего, всё не так буквально, – предположил Колян. – Но мы с тобой тоже связаны, запутаны. К тому же – сфера твоей деятельности: ты пьёшь, и ты писатель.

– Да какой я писатель?!

– Известный. Но что я хочу сказать... если было бы нужно максимально точно обозначить сейчас наше положение, я бы сказал, что мы в жопе.

– А мы?

– Ну вы тоже в жопе. Но вы-то прилагаете все усилия для того, чтобы туда попасть, а мы-то туда не хотим. Понимаешь? – спросил он с надеждой.

– Отчасти, – соврал я. Что-то во всём этом было обидное, ущемляющее моё земное достоинство.

Мы помолчали. Коля вяло и безуспешно отколушывал серым пальцем с поверхности стола засохший кетчуп.

– Неприятность в том, что наше правительство хочет уничтожить Землю, надеясь тем самым покончить с вашим тлетворным действием на нас. Кто-то им там просчитал, что это безопасно.

– А откуда ты всё это знаешь?

– Я работаю кем-то вроде дипломата здесь у вас, поэтому в курсе наших планов.

– Взбунтовавшийся дипломат?

– Да. Но и слону ясно, что есть большая вероятность, уничтожая Землю, уничтожить и нашу розовую «...», – он снова засвистел и защёлкал.

– И ежу, – поправил я.

- Что и ежу? – удивился Колян.
- Ясно и ежу. Ты сказал слону.
- Какая разница?
- Ну просто у нас говорят: «Ясно и ежу». Ты видел ежей?
- Конечно!
- А слонов?
- Только на фотографиях. А ты?
- Мда... – я задумался, – я видел живьём в Зоопарке.
- И как?
- Что как?
- Они умнее ежей?
- Думаю, да. Знаешь, какая у них память? Оооо...

– Почему мы об этом говорим? – Колян огорчился. – Антон, скоро погибнут наши цивилизации. Ваша – точно, наша – с большой вероятностью. И все слоны, и все ежи тоже. Я пришёл к тебе, потому что это наш с тобой последний шанс.

– Говори, – разрешил я.

– Вот ты – известный писатель (я энергично запротестовал, но Колян остановил меня, и я смирился), да, ты работаешь в журнале, но – ты известный писатель. К тому же блогер.

– Я сегодня уволился из журнала, – горько признался я.

– Из себя же ты не уволился? – пресёк моё намерение поныть Колян. Я энергично кивнул, и из моих очков выпало левое стеклышко.

– Пердимонокль, пардон, – я стал напаривать его на грязном полу. И вдруг услышал, что Колян задыхается, я резко подскочил и треснулся затылком об стол, взвыл, но вылез и вознамерился спасти гостя. Колян смеялся.

– Что такое пердимонокль? – отсмеявшись спросил он.

– Это когда очко выпадает... то есть, – новый взрыв задыханий сотряс худое серое тельце, – то есть, изначально, когда выпадает монокль. А вообще – удивление типа. Ну я имел в виду стеклышко из очков, – я заметил его наконец, поднял и попытался вставить обратно в оправу. – Постоянно, зараза, вываливается.

– Пердимонокль! Надо же! Надо будет запомнить. Если выживем, блесну непременно у нас на станции!

– Не знал, что у тебя такое тонкое чувство юмора, – сказал я сухо. Ударенный затылок ныл. Стеклышко не хотело обратно, я решил обмануть его бдительность, отложив в сторону, а потом, когда оно расслабится, я неожиданно схвачу его и вставлю.

– В общем, Антон, я предлагаю тебе сделку. Ты уничтожишь все правительства на Земле, а я...

– Погоди, погоди... Как «все»? Как я смогу?

– Смотри, – горделиво произнёс Колян, доставая, боюсь предположить откуда, тонкую чёрную палочку. – Этот прибор всё сделает. Но. Кто-то должен задать ему параметры. Я не могу, у нас на это запрет. А ты, я знаю, можешь. Но скажи, ты согласен со мной, что все беды у нас от правительств? Смотри, они же постоянно всех срамливают, они же не считают людей за людей. И вот ты уничтожишь все правительства на Земле, и на нашей розовой (свист и цокот) они тоже уйдут со сцены мировой истории.

– Ты затеял планетарный переворот?

– Ага, – Колян торжествовал, его единственная ноздря раздувалась. – А потом мы с тобой сможем основать новую цивилизацию, где не будет правительств, границ, захватнических войн, все будут жить в мире...

Я покачал головой.

– Мне кажется, твой план не сработает. Возникнут новые правительства, и новые границы. Надо как-то обойтись без уничтожений.

– Ты меня не слышишь! – Колян волновался. – Сегодня в полночь мы уничтожим вашу планету, нам надо помешать! Иначе всё! Понимаешь?

– А мы можем этим твоим прибором воспользоваться в мирных целях? Как он вообще работает?

– Если не вдаваться в подробности, то это нечто вроде волшебной палочки. Мы ей пользуемся по мелочам, глобально нам нельзя, договор, обещание.

– Так, – я почесал затылок, а мы могли бы тогда не уничтожить все правительства – официальные и теневые – а как бы их вразумить? Ну чтобы они почувствовали ценность каждой отдельной жизни, а не только своей собственной?

– В принципе, можно попробовать...

– И про твои правительства я тоже могу загадать, так?

– Да! Ты гений! Давай!

– Тогда, – я осторожно взял из рук Коляна чёрную матовую палочку, – сейчас... Как ты говоришь этим пользоваться?

– Надави немного на центр, он засветится красным, поднеси ко рту и вербализуй.
 – Так, – я надавил, палочка засветилась, – пусть все правительства на земле и на розовой планете прямо сейчас станут гуманными, добрыми и умными, перестанут вести войны, истощать ресурсы, обогащаться и начнут думать о жителях своей планеты, любить их и помогать им.
 – Нажми ещё раз, – шёпотом произнёс Колян.
 Я надавил на палочку, и она выключилась.
 – Хорошо, – шёпотом произнёс Колян. – Посмотрим, что будет.
 Он взял из моих рук прибор, развернулся и направился в прихожую.
 – Погоди! – крикнул я, – а на посошок?
 Мы выпили на посошок, я проводил Коляна, запер за ним дверь и лёг спать. Во сне мне привиделись добрые правительства наших планет. Они улыбались и тянули ко мне руки.

ОТШЕЛЬНИК

рассказ

– Ну это мы утром решим... всё, иди их укладывай, – Алька с энергичным усилием засунула в посудомойку крышку от сковороды и повернула ко мне лицо с таким выражением, что было ясно, что она предельно серьёзна.

Из детской раздавался визг, хохот и толчки чего-то огромного и твёрдого об пол. Время на часах было – без пятнадцати соседи вызовут полицию.

Когда я зашёл в комнату, они замедлили необузданное скакание на кровати, радостные и разгорячённые накинулись на меня и потребовали сказку.

– Сказку? – я завалился на спину, побарахтался, поправил сползшие набок очки. – Давайте сказку.

Дети напоследок весело взвизгнули и охотно улеглись под одеяло.

– А какую сказку?

– Про отшельника, – уверенно выкрикнула Марийка.

– Про отшельника, – согласился Робик.

– Про отшесельника? Но я вам её уже сто раз рассказывал. Нет, сто тысяч раз. Сто пятьсот тысяч миллионов раз!

– Про отшельника, – твёрдо повторила Марийка и ещё больше стала похожа на маму.

– Нет-нет, я же не хочу... Сто пятьсот... Ну ладно. Тогда слушайте, – я перевернулся на бок, подпер голову рукой и начал.

– Жил-был на свете один парень...

– Один глупый парень. Ты пропускаешь, – ревностно поправил Робик.

– Один глупый парень. Просто я хотел сказать потом, что он был очень глупый. Ну ладно. Но вообще – не перебивайте, это же моя история.

– Не перебивай, – Марийка со своей кровати дотянулась ногой до кровати Робика и легонько её толкнула. – Рассказывай.

– И вот он влюбился в прекрасную принцессу. Безответно.

Совершенно безответно, шансов было ноль. Я и тогда понимал, что она была настроена на другое. Я был бедным студентом, жил в общежитии. Родители у меня погибли, когда я был ещё маленьким, воспитывали меня дядя с тётей, у которых было своих трое детей, так что, когда я уехал в другой город, им стало чуть легче. Помогать мне они, разумеется, не могли. Но влюбился крепко, просто сходил с ума. В конце концов наделал глупостей, вылетел из института. А она забеременела и вышла замуж. Жить мне было негде (из общежития меня тоже, естественно, попросили), не на что и незачем. Я мог бы пойти куда-то работать, но мотивации, как в том анекдоте, не хватало.

От общей неустроенности я кантовался у своего друга Федыки, который работал сторожем на кладбище и состоял на учёте в психиатрической клинике. И вот сидели мы ночью и выпивали (газетка, рыба, все дела). И Федыка заснул, и я тоже стал задремывать... прямо сидя за столом. Голову на руки уронил... Вдруг чувствую, кто-то ласково так трогает меня за плечо. Я поднимаю морду и вижу старичка. Он успокоительно так говорит: «Ты, Ванюша, пошёл бы воздухом подышал. Только возьми с собой вот эту штуку» и показывает на огнетушитель в углу. А сам улыбается: «Давай, иди». Я говорю: «А вы кто?». А он мне: «А завтра, Ванюша, поезжай в горы. Помнишь, куда вы всем классом летом ездили? Вот туда, только один поезжай, никого с собой не бери. И оставайся там. Молись. Ешь, что рядом с собой найдёшь. Теперь иди». И показал почему-то на окно. Я посмотрел туда, а когда обернулся, никого рядом не было. Сон с меня слетел. И тут я услышал такой характерный шелест и почувствовал, что воняет гарью. Я схватил огнетушитель, выскочил за дверь и увидел, как пламя разрастается с северной стороны нашей сторожки, ещё несколько минут... а если бы я спал... В общем, я затушил огонь, растолкал Федыку. Показал ему сначала следы разбушевавшегося пламени и моего героизма, а потом рассказал про старичка. Я боялся,

что Федька начнёт надо мной издеваться, но он крайне серьёзно всё выслушал. А потом, вооружившись фонарём, отвёл меня в маленькую кладбищенскую часовенку, подвёл к какой-то потемневшей от времени иконе и осветил её. На ней был изображен тот самый дедушка, только он не улыбался и смотрел на меня, как живой.

— И решил стать отшельником. Собрал он свои вещи в рваный (а другого у него не было) рюкзак и ушёл в горы. Нашёл себе пещеру, расположился там и стал жить. Еды там не было, то, что он взял с собой в дорогу, быстро закончилось. Из того, что можно было поймать и съесть, он заметил только птиц, которые летали очень высоко, но, по его внутренним ощущениям, они сами рассматривали его в перспективе как еду. В общем, он уже ослабел от голода и почти всё время лежал в углу пещеры, но проснулся и вышел, извините, пописать. Чего вы ржёте? Да, представьте себе. Вышел и в нескольких метрах от входа в пещеру обнаружил корзину с едой. Там был кусок хлеба, немного овечьего сыра и кувшин с чистой водой. Видимо, кто-то из жителей деревни, мимо которой он проходил, когда искал своё уединенное место, увидел, что он здесь, того, скоро двинет кони, и пожалел. Он, конечно, поел. И с тех пор примерно через день-два ему приносили корзину с едой и забирали пустую.

Он много молился. Так и проходили его дни. Он оброс, одежда превратилась в лохмотья. Короче, он стал уже настоящим отшельником. Что удивительно, он ни разу не увидел тех, кто его кормил. И, наверное, он не особенно старался, потому что в глубине души был уверен, что это Господь подаёт ему пищу, а каким способом он это делает — дело десятое. В молитвах он неустанно благодарил Господа и чувствовал, что свет всё ближе. Так прошло двадцать лет. То есть, он точно не знал, сколько лет прошло, но потом выяснилось, что прошло двадцать лет, три месяца и одиннадцать дней.

И вот прошло уже четыре дня, а рядом с кустом стояла пустая корзина. Он уже вытряс и съел все крошки, которые там затерялись. На следующий день тоже никто не пришёл. Очень хотелось пить. Он знал, куда нужно спуститься за водой. Дорога к ближайшей деревне заняла бы около часа. Он стал молиться, чтобы Господь дал ему знак. Следует ли ему лечь и медленно умереть от жажды и голода или последовать за ними, чтобы они привели его в деревню. Он молился очень долго, устал и сам не заметил, как прилёт и задремал. И во сне увидел, как прямо к нему на гору, на крошечный участок плоской земли рядом с пещерой, забрела отара бляющих овец, а за ними пожилой пастух. Он шёл и прикрикивал на них: «Иди! Иди!». На отшельника он не смотрел. Но когда отшельник проснулся, он понял, что это был ответ на его вопрос. Тогда он поднялся, поправил свои лохмотья и стал спускаться вниз. Он сильно ослаб и каждое движение давалось ему сложно. Несколько раз он чуть не сорвался вниз, подвернул по очереди обе ноги, содрал кожу на руках. В общем, с горем пополам он дошёл до той самой деревни. Каково же было его удивление, когда дом за домом оказывался заколочен, заброшен. В деревне никого не было. Она пустовала. Не было людей, собак, скота. Тихо, безжизненно. Он совсем выдохся и присел на бревно, чтобы подумать, как быть дальше. Нужно было найти колодец. Про себя он непрестанно молился. Он осмотрелся и увидел дом, в котором ставни не были заколочены. Он встал и подошёл к нему, вошёл во двор через открытую калитку, входная дверь тоже была не заперта. В сенях царил полумрак, на скамейке стояла кадка с водой. Он первым делом напился. Потом он заглянул в комнату и сразу увидел, что на кровати лежит женщина с закрытыми глазами и тяжело дышит. Он набрал в жестяную кружку, из которой только что пил сам, воды и подошёл к женщине. Она была без сознания. Очень бледная. Почти прозрачная. На звук его шагов она никак не отреагировала. Он приподнял её голову вместе с подушкой и попытался её напоить. Но вода в основном натекла ей за шиворот, хорошо, если несколько капель попало в рот. Женщина застонала и приоткрыла глаза, но потом сразу закрыла.

— Не бойтесь, — сказал отшельник, — я постараюсь вам помочь. Но нужно выпить воды. Я сейчас.

И он пошёл и снова набрал воды из кадки. И снова приподнял голову вместе с подушкой. Видимо, женщина его услышала и поняла, потому что на этот раз она выпила почти всю воду. Хотя её глаза были по-прежнему закрыты. И после этого она заснула и дышала ровно и спокойно. А он сидел рядом и смотрел на неё.

Потом она проснулась и посмотрела на него так, как будто они давно знакомы.

Честно говоря, меня это больше всего и потрясло. Мы как будто знали друг друга, и вот встретились. Наверное, я озверел от одиночества и любое человеческое существо показалось бы мне близким и знакомым. Я это понимал, но одновременно знал и то, что это всё уникально и исключительно.

— Живот, — сказала женщина, с трудом разлепив губы.

Хотя почему я называю её женщиной? Это была молодая девушка. Очень красивая.

— Сильно болит живот, — и опять закрыла глаза.

Отшельник мысленно затаился. Нужно вызвать врача. Но как? Никакого телефона он не наблюдал. Тогда он решил бежать (это сильно сказано, конечно) к дороге и караулить машину. Чтобы девушку повезли в больницу. Так он и сделал. Как только он вышел на трассу, которая проходила недалеко от деревни, он увидел фуру. Остановил её. Вышел мужик с ломиком. Отшельник объяснил ему ситуацию, и мужик легко согласился довезти их до ближайшей больницы.

– Только, эта... фура не пройдёт. В деревню, – мужик почесал коротко остриженный затылок.

И они придумали нести девушку на одеяле до фуры. Остановили так близко, как можно. И на одеяле донесли.

Это, конечно, был тот ещё квест (вот те квест. Хотя я тогда ещё таких слов не знал). Во-первых, нам надо было её аккуратно переложить, а она стонала от каждого прикосновения. Потом, точнее до этого, нам предстояло её переодеть – ночная рубашка на ней и всё постельное белье были насквозь мокрые. Как-то мы с этим справились. Водитель фуры, его звали Артём, сообразительнее меня находил всё в доме. В шкафу быстро отыскал что-то вроде спортивного костюма. Как мы её донесли, как доехали, как ждали в приёмной – я помню в тумане и с пропусками.

– В общем, они отдали её врачам, Артём уехал, а отпельник остался ждать в приёмной. Наконец полная печальная женщина, которая сидела за стеклом и постоянно отвечала на телефонные звонки, слегка привстала со стула и грустно ему сказала:

– Дедушка, подойдите сюда, пожалуйста.

Он не был уверен, что она обращается к нему, но поскольку больше никого рядом не было, подошёл. В стекле отразилась его всклокоченная грязная голова, длинная бесформенная борода. Он опустил глаза на свои лохмотья и понял, что его ещё лестно называли дедушкой. Логичней было бы обратиться к нему: «Эй ты, бомжара».

– Нам нужно заполнить карточку пациентки. Вы знаете, как её зовут, сколько лет? Где живёт?

– Знаю только, где живёт. Правда... адрес не скажу. В деревне тут, недалеко, – отпельник сделал движение, как будто собирался пойти показать.

– Ясно, – грустная женщина погрузилась ещё больше.

– А как она?

– О, ну это вам врач скажет. Пока в операционной.

Отпельник вздохнул и отошёл. Примерно на полпути к стулу, на котором он уже привык сидеть, ему стало окончательно нехорошо, мир съехал влево и отпельник потерял сознание. Когда он очнулся, то уже лежал на кровати, а из руки у него торчала капельница.

– Марийка уже спит, – шёпотом сказал я Робику, – давай я завтра дорасскажу?

– Я не сплю, – сонным голосом отозвалась Марийка, – просто так лучше представлять. Могу и открыть. Вот смотри, – она мучительно-широко распахнула глаза. – Могу и так. Рассказывай.

– Да, ты права, с закрытыми глазами представлять лучше. Ну хорошо. Отпельник лежал на кровати в больнице и вспоминал, что случилось и как он тут оказался. И тут в палату зашла та самая девушка. Она была в больничной одежде, шла она медленно, буквально ковыляла. В руках у неё было большое красное яблоко. А ещё она улыбалась. Отпельник обрадовался и испугался. И пока он пытался понять, чего в этом больше – радости или испуга, она села на краешек его кровати, положила яблоко на тумбочку, заправила за ухо вьющуюся каштановую прядь и тихо сказала «привет».

Потом они разговорились, познакомились. Она рассказала ему, что ей вырезали аппендицит. Он рассказал ей, как её нашел, как ловил попутку, про Артёма и вообще. Потом попытался съесть яблоко, но у него не хватило сил, это было ужасно смешно. Он пробовал его укусить, но зубы проскальзывали, челюсть уставала, и они хохотали. Но нашли выход. Первая откусила Саша (девушку звали Александра), а потом уже он, цепляясь за уступы сочной белой мякоти, смог отъесть по маленькому кусочку.

– Ванечка, – Саша задумчиво посмотрела в окно, – а давай тебя подстрижём?

Отпельник ошалел. Но не подал виду. Через минуту Саша уже притащила раздобытую где-то машинку, выставила на ней длину щетины 1 сантиметр и твердой рукой побрила отпельнику голову и лицо. Потом достала из кармана пакет и собрала в него длинные грязные в репьях и соломе волосы. Аккуратно завязала и скромно унесла. Когда она вернулась, отпельник спросил у неё:

– Саша, а ты тоже носила мне еду в пещеру?

Саша помолчала.

– Я видел у тебя в доме знакомую корзину. Ну или просто похожую.

– Рассказать тебе?

– Да.

– Когда ты проходил мимо нашей деревни, мне было пять лет. Потом мы с дедушкой пошли в горы гулять и увидели тебя в пещере. Ты лежал там без воды и еды и умирал. Когда мы вернулись, я рассказала двум своим друзьям. Дедушка спросил, хотим ли мы отнести тебе еду. И мы стали носить. Иногда по очереди, иногда все вместе, как получалось. Потом многое менялось. Мы выросли. Дедушка умер. Из нашей деревни постепенно все поехали. Я долго оставалась единственным здоровым человеком на пять домов с бабушками. Одна из них умерла, остальных забрали родственники. И я осталась одна.

– И ты всё это время продолжала носить мне еду?

– Конечно.

– Но почему?

Саша молчала, а потом заплакала.

– Саша! Я же даже не знал, кто мне приносит эти корзины. Я даже не думал. Почему? Как так вышло? – бритый отшельник недоумевал и сокрушался.

– Что значит «сокрушался»? – Робик нахмурил брови.

– Ну это значит огорчился, но очень заметно. И, как мы помним, отшельник был глупый. И за двадцать лет отшельничества он не только не поумнел, а наоборот – стал ещё глупее, особенно в том, что касается женщин. Поэтому вместо того, чтобы обнять Сашу и успокоить, он продолжал её допрашивать. И тогда она сама перестала плакать, посмотрела на него, как она умеет, очень серьёзно и строго, и сказала: «Потому что я тебя люблю».

И для отшельника это было просто как удар молнии. В этот момент одна его жизнь закончилась и началась другая. Они поженились и жили вместе долго и счастливо. Конец.

– Папа, – не открывая глаз, позвала Марийка, – а Бог на отшельника не обиделся?

– За что?

– Ну он же выбрал не его, а девушку.

– А, в этом смысле... Мне кажется, Бог не обиделся. Он даже обрадовался. И благословил их.

– А как?

– Очень хорошими, просто замечательными детьми. Вот такими вот и вот такими вот, – я по очереди поцеловал тёплые засыпающие щеки и многозначительно выключил настольную лампу. – Ночник оставляю. Спокойной ночи!

Вышел из комнаты и прикрыл дверь.

ЕВГЕНИЯ ДЖЕН БАРАНОВА

БУСИНЫ рассказ

Он любил хостелы и не любил гостиницы. В хостеле бурлит жизнь; в гостинице усталые люди отсыпаются после напряжённого дня. Или напиваются после напряжённого дня. Или приводят чью-то оболочку, чтобы расслабиться после напряжённого дня. Вешаются, кстати, всегда в гостиницах. Вы когда-нибудь слышали, чтобы кто-нибудь повесился в хостеле? Кончат с собою под «Радио-востоком»?

Он включил кондиционер и внимательно посмотрел на виниловые обои. Открыл дверь на балкон, на балконе оказалось приятно. Упёрся подтаявшим взглядом в точку рядом с электрическими часами.

Почему я не курю? Потому что не нравится. А мог бы сейчас следить за огоньком, пепел сбрасывать уверенным жестом. А мне не нравится. Ну если не нравится, то и сиди здесь, ищи бритвенный станок среди четырёх футболок. Белая, коричневая. И где он? Белая со скелетом лошади и снова коричневая. И зачем тебе Липецк? Ты даже фенибут купить не можешь. Мудак.

А в самом деле, почему бы и не Липецк? Стоял поздний август, бунинский, спелый. До столовой, переименованной в арт-кафе, спускаться было две минуты.

Не две, а все четыре. Вечно ты так. Всё через задницу. И не побрился. Очки хоть протри.

Литературные девушки накатывали волнами:

– Я не понимаю, нет, я не понимаю, как можно спать со своей...

– Оль, ну хватит. Надоело.

– Нет, ну это же отвратительно. Нет? Завтра в десять встречаемся?

– В десять уже экскурсия.

Он подошёл к футуристическим кубам с морковным соком, взял стакан:

– Вы лучше со сливками.

– Со сливками полезно.

– Ага.

– Тимур.

– Алиса.

Какой, к чёрту, Тимур?

– Я Сергей, Сергей Геннадьевич.

– А я всё ещё Алиса.

После семинара пили чай у него в номере.

– Вы сладкое любите? Я вот купил. Свежие.

– А я больше остренькое люблю.

И засмеялась. Точнее, хохотнула.

Ну и дебил. Ты бы ещё пирожков с капустой купил. А что в пирожках плохого? Пирожки и пирожки. Тетя их жарила, плоские такие, с неровными пятнами, с мучными проплешинами. Запах висел на лестничной клетке. И пальцы потом жирные, хотя полотенцем вытер.

Она глядела вопросительно:

– ...И как вам?

– Мм?

– В номере за три тысячи в сутки нет чайника.

– Это ужасно.

– А я что говорю?

Ноги у Алисы были ровные. Коленки походили на аккуратных щенков – мягкие, округлые, левая с ямочкой. Наверное, их стоило поцеловать. Он представил, как целует и чувствует губами плотный капрон. Стало забавно.

– Мёртвые? С ними всегда можно договориться. Свечку поставишь – и спокойно. Оградку мыть нужно.

Оградку. И что ты забыл в Липецке? И как теперь её вытолкать? Женщины такого типа сначала говорят о себе, потом о мёртвых, потом убиваются, потом лепечут, потом приходится всю фестивальную неделю изображать героя Юзефовича.

– Может, пойдём уже?

– Минуточку.

Она причмокивала губной помадой. Уап-уап. Вместительный звук. Саша тоже так делала.

– Мы опоздаем на ужин.

– Не опоздаем.

И отправилась в ванную.

Пожинали котлетами по-киевски и варёной картошкой. За соседним столом говорили о премиях.

– Всё-таки безобразие. Могли бы хоть горчицу поставить. Вы стихи пишете?

– Не пишу.

– А читаете?

– Иногда.

– А хотите, я вам Иванова почитаю?

Потом пили кагор в комнате с чёрными чашками. Какие-то люди дружелюбно и неразличимо знакомись. Цветные солнечные капли растворялись в окне. Алиса становилась розовой и молочной.

Слева от него бородатый мужик, по-видимому, завсегдатай, протяжно читал с телефона. Другой, симпатичный блондин с лицом порочного деверя, постоянно перебивал бородача.

– Кижуч такой толстенький был, рыжий. Огромный! Носиком тёрся. Выставишь его на балкон, потом заберёшь – а лапки холодные, влажные. И мурлычет, как пылесос. Когда его закопали, я так плакала, просила папу, чтобы сохранил, сберёт для меня. Был же у нас олень. Ну знаешь, такой олень на стене. Рога красивые, острые. Глаза нежные-нежные. Я только потом поняла, что это бусины.

– Потому что они высыхают.

– Что?

– Настоящие глаза высыхают, поэтому их закрывают монетами или заменяют пуговицами.

– Ты поэт?

– Нет, я пишу стихи.

В половине четвёртого его разбудил странный звук: кто-то медленно точил нож о дверцу ретро-автомобиля. Он попытался улечься, устроиться, растянуться, но Алисина нога придавливала, словно контрольная по геометрии. Девятый Б, достаём двойные листочки.

– Ууу, сука!

Дверь застонала.

– Открывай, сука.

Дверь втянула живот и задрожала.

– Нахер иди, а?

– Это ты у меня пойдёшь, сука. Открывай.

Алексеева – четыре. Будницкая – четыре. Володин – три. Не удивлена.

Алиса смотрела на него спокойно и даже торжественно.

– Ты не злишь, Серёж, не злись. Это муж мой.

– Какой, нахер, муж?

Кудимов, три, стыдно, Кудимов.

– Ты куда?

Когда одеваешься в темноте, сложно попасть в джинсы с первой попытки. Вокруг что-то мелькало и уже позвякивало, когда он наконец справился.

- А ну сюда иди, мудила.
- Вадик, ну пожалуйста, ну Вадик.

Алиса лежала на полу и пыталась уговорить Вадикову ногу успокоиться.

- Вадим, что вы делаете!.. Оставь её, урод!

Вадим аккуратно переступил через жену и направился вглубь комнаты.

- Утром была экскурсия.
- Что у вас с щекой, Сергей Геннадьевич?
- Ударился. Порезался, когда брился.
- Хорошо начинаете. Жаловались на вас.

Теперь, пожалуй, и не заплатят. Да нет, заплатят, билеты же оплатили, значит, и остальное будет. Солнце в затылке жгло уже нестерпимо.

- Анна Матвеевна, вы случайно не видели... Девушку... Женщину... Чёлка светлая. Алиса.
- Пермякову, что ли? Так она выехала.
- Как выехала?
- Так за ней мужчина приехал. Представительный. Прямо ночью её и забрал. Номер им не понравился. В «Лагуну», наверное, переехали. Вас на встречу с Розовским записывать?

ЛЁНЬКА рассказ

Арбузы были хорошие, Лёнька сразу это понял. Лобастые, гулкые, с припёкшейся где-то землицей. К таким ребятам следует со всем уважением. Взять хоть дыню – никакого величия. Арбузу же требуется почтительность.

- Почём?
- Тридцать пять.
- А если большой возьму?
- Тридцать пять.
- А по тридцать?
- Тридцать пять.

Лёнька выпрямился.

- Берёшь?
- Да беру, беру. Вон тот давай.

Через 13 минут смуглый и некрупный Лёнька пытался втиснуться со своим приобретением в троллейбус номер 14.

- Молодой человек, ну куда вы давите?
- Я не давлю.
- Нет, давите. Передаём за проезд.
- Я не могу передать. У меня руки заняты.
- А вы свою авоську-то пристройте.
- Да куда ж я её пристрою?
- А куда хотите. Передаём за проезд.
- У меня там друг.

– ...

- Шенок у меня там. Держите.
- А какой породы?
- Бойцовской. Укусит. А сдача?
- Нужна мне твоя сдача. Жадюга.

Девушка в клетчатой рубашке заинтересовалась.

- А сколько ему?
- Четыре. Месяца.
- А вы где живёте? А то у меня питбуль.
- На Хрусталёва. Мне уже выходить.

В 14-40 арбуз был погружён в ванную и там вполне обустроен.

«Щенок. Бред какой-то. Слепые, что ли. Видно же, что круглый. Куда мне щенка? Совсем ауели». Лёнька достал мокрый, пахнувший солнцем арбуз и обтёр его коричневым полотенцем.

Сентябрьское солнце, ядовитое, как цветы на Ленькиных бермудах, прелести жилью не добавляло.

«Разрежу его пополам. Затяну пленкой. Сегодня съём одну половину, а завтра другую. Всё равно, блин, испортится. Зачем купил».

Арбуз смотрел на человека отсутствующими глазками и ждал. Человек думал.

«Надо Леху позвать. Лопну».

– Лех?.. Это Ленья. Ну, с работы. Та не, со стройки. Да. Слушай, Лех, приходи ко мне вечером. У меня арбуз есть. Хбы, да не пил я. Клёвый арбуз, на меня сейчас смотрит. Ну, с Юлькой приходите. А чё? Да нормально. Посидим... Ну, как хочешь. Ладно, давай.

– Слышь, арбуз, – арбуз насторожился. – Не придёт к нам Леха. Сам тебя и зарежу.

Лёнька отправился на балкон и вернулся с пластиковым ведром.

Арбуз молчал.

Лёнька принёс из коридора газету, просмотрел заметку о досрочных выборах губернатора, взял нож с оранжевой рукоятью.

Арбуз молчал.

– Нет, ты пойми, дело ведь не в тебе.

Арбуз молчал укоризненно.

– Ты для того и есть, чтобы я тебя резал. Понимаешь?

Лёнька занёс нож над зелёной гирею, с каким-то беспешством вонзил его в ягодный бок, провернул, хрустнул, поднажал и понял, что арбуза ему не хочется.

ХАРДКОР

рассказ

Понедельник

– Сто долларов.

– Кирилл мне говорил, что четыреста.

– Кирилл уже третий год снимается.

– Кирилл говорил...

– Да в жопу твоего Кирилла. Я сказал – сто долларов за съёмочный день. Еда и напитки наши.

Мигунов прикинул – если получится два через два, то вполне. И свободного времени уйма.

– Ну ок.

Среда

– Смотри, сценарий такой. Ты – пожарный, она – с плюшевым медведем.

– А медведь ей зачем?

– Ну, допустим, сиротка она. И так, ты заходишь в комнату, смотришь по сторонам, всё в дыму. Пока понятно?

– Ага, я записываю... медведь... в дыму.

(Хех, записывает он)

– Ну вот, ты берёшь её на руки и несёшь прямо на камеру, в камеру не смотреть, люди не за твою морду платят. А дальше – по ситуации.

– Понял.

– Смена в одиннадцать. Быть к десяти. Костюмер, гример.

– Я вас не подведу.

– Ты, главное, на съёмке не подведи, чудила.

Мигунов, разумеется, опоздал.

Четверг

- Маась, ты новенького уже видела?
- Неа, пудру передай.
- Говорит, что съёмка у него первая.
- Бедняжечка. Ты уж на него не набрасывайся.

(Хихикает)

- Ой, на кого там набрасываться. Ты его видела? Он гладкий, как селёдка.
- Девчонки, ну хороший же мальчик, перестаньте.
- Гриш, да у тебя все хорошие.
- Знаете, кто у него дедушка?
- Лёгчик-испытатель?

(Смеются)

- У него дедушка – Степан Мигунов, мастер соцреалистического искусства.
- Гриша, трёхминутная готовность.

– Вот, пожалуйста. «С.И. Мигунов – советский (российский) художник, автор известных полотен „Радость труда“ (1964), „Комбайнёры“ (1968), „Бетон“ (1971). Основные живописные работы выполнены в академической манере, отличаются психологизмом и эмоциональностью».

Гришу, двухметрового увальня с картонными глазами, уводят на съёмку.

Пятница

Когда Мигунов напивался, то разговаривал. Иногда с женой – она этого не любила. Иногда с кошкой, но кошка была глухая, кусала за ногу, когда он чистил лоток. Чаще других Мигунов разговаривал с Валечкой. Когда-то они учились вместе, он это отлично помнил. Ну как вместе? У них были общие занятия по начертательной графике. Валечка работала тщательно, изредка облизывала карандаш, а Мигунов обычно разглядывал тулово парты, изъеденное чернильными язвами, протёртое и высушенное, как вчерашний морковный салат. Мигунова не интересовали правила оформления чертежей, не интересовало проектирование перпендикулярами на некоторые плоскости, интересовал Мигунова Валечкин за-тылок. Скрученные безжалостно волосы кое-где пробивались на волю, впивались в девичью шею лёгкими коготками, оставляли гремучие тени. Когда у Валечки не получалось, она немного потела – Мигунову это нравилось. Познакомиться так и не вышло.

Валечка, Валечка! Почему тебя нет? Кому теперь явишься?
«Бросили все Мигунова», – подумал Мигунов и допил.

Да, Валечка его слушала, Валечка его понимала. Она бы спросила, а почему всего сотка, Юрий? Ты же работал истоиво, Егор, работал даже не на четыреста, а на честных пятьсот. Но не было пока что Валечки, а был Портвейн Массандра Алушта розовый ликерный 0,75 за 399 рублей по акции «Жёлтый ценник».

– Ну ты и тряпка, Георгий.

Голос глухой, бесноватый.

- Тряпка. Лишениец. Баляба.
- Ба – ля – ба?
- Вот взять бы тебя за патлы и... Клопомор!
- Валечка?
- Сам же, гнида, понял, что не Валечка.

Мигунов почувствовал, что оскорбительная речь доносится из-под дивана, полез было, но устал. Облокотился.

- Ты куда подрамники дел, спрашиваю?
- Под-рам-ники?
- Валандаешься, будто яблоко в ведре, а мне теперь разгребай. Здрасте-пожалуйста, дорогой Степан Ильич.

- Деседуушкаа?
- Ну не бабушка же. Где подрамники?
- На «Авито» п-п-продал.
- А голову ты не продал? Трощкист.

Дедушку Мигунов не любил. Только хорошего у него и было, что квартира.

- Деньги нужны очень.
- Где растворитель, прод?

Суббота

Здравствуйте, это Мигунов. Помните меня? Неважно, я с Аллой Леонидовной раньше договаривался. Очень приятно, Георгий. Так вот, Анна, я по поводу картины. Ага, я понимаю. Да-да. Но это совершенно новая работа. Совершенно.

(Делает какие-то отметки на коробке из-под пиццы)

Нет, это совершенно новая работа. Холст, масло. Рабочее название – «В бане». Да, состояние хорошее, нет, состояние идеальное! Семьдесят на сто тридцать, на сто тридцать два. Да, я понимаю.

(Отглатывает виноградно-яблочный сок)

На Щепкина? А дом какой? За зелёной дверью? Понял, ага.

(Загадочно слушает)

Анна, я надеялся хотя бы на двести, это же масло. Разумовская за триста у вас идёт! Вялов за шестьсот восемьдесят! А Мигунов – не имя? Не имя?

(Смотрит на желтоватый от времени холодильник)

Ладно. Я сказал – ладно. Согласен. Нет, всё в порядке, с чего вы взяли. Да, конечно. Да, можно частями. Хорошо, я к двум подъеду.

Воскресенье

Здравствуйте, дорогие друзья! Как приятно в этот воскресный день видеть такие заинтересованные, молодые, не побоюсь этого слова, вдохновенные лица. *Катя, ты снимаешь?* Степан Ильич Мигунов был бы счастлив, если бы знал... Степан Ильич любил и понимал молодежь... До последнего дня, до последней минуты... Из самых глубин... Душа его тянулась, но здоровье... Долгий творческий путь... *Кать, где этот внук херов?*

Мигунов подошёл к микрофону и откашлялся.

АННА МИХАЛЕВСКАЯ

ПОД КРЫЛОМ ЁЛЯ рассказ

Рыночную площадь Торна вывернуло наизнанку.

Бульжники разметало, как хлебные крошки, и они валялись вперемешку с покорёженными остовами телег, сплюснутыми колёсами, обломками утвари и месивом из съестных припасов. То тут, то там алели плодами кайю изуродованные тела: на них пятнами налипла мука, мякоть овощей, зёрна какой-то крупы.

Недавний пир Ёля.

Йорга перешагнула мертвеца, сапог задел когтистую лапу. Девушка окинула взглядом когда-то бойкую площадь, теперь – кладбище.

Предупреждая об опасности, рыкнул за спиной Тень, крупный пёс с густой серой шерстью.

– Жди здесь!

Пес неодобрительно посмотрел на хозяйку. Но делать нечего, приказ есть приказ. Он сел у кромки разлома, наострил уши.

Йорга стиснула рукоять ножа, ногти врезались в ладонь.

Она ходила между трупами, изучая мертвецов. Задержалась у последнего, тело бедняги изменилось до неузнаваемости: на изуродованном лице выступил птичий клюв, позвоночник неестественно изогнулся, вместо локтя торчали обломки кости, а на плечах топорщились перья. Метаморфозы проходили стремительно – прорывая плоть и ломая кости, из человеческого тела прорастало птичье. Глаза мертвецов блестели страхом и болью, и оттого казалось, что они никак не могли умереть до конца. Братья ловчие говорили, что человеку не под силу пережить превращение, да и Йорга таких не знала.

Она была готова к этому – боль, искорёженное тело – всё будет после. Она не успокоится, пока не наступит Ёля! Чтобы метнуть нож, хватит пары мгновений...

Лас попал под крыло Ёля в полную луну месяца гроз. С башни ловчих Йорга увидела вдали похожую на птицу чёрную кляксу, та стремительно приближалась к городским стенам. Рваное пятно – прореха в безоблачном небе – зависло над покрытыми дёрном крышами, выплонуло веретено урагана. Оно росло и росло, сжирая всё на своём пути – дома, людей, скот, деревья...

Присыпанный дерном, Лас лежал на груде обломков и, казалось, улыбался. Йорга трясла его за плечи, била по щекам, кричала... Её нашли братья ловчие, на руках отнесли в башню. Разглядывая беленый потолок кельи и перебирая обрывки воспоминаний, Йорга вдруг поняла, что Лас сумел сохранить человеческий облик – ни клюва, ни когтей, ни птичьего хребта! Особая милость Ёля или проклятие? Хотя, какая, в сущности, разница...

Девушка накрыла лицо мертвеца обрывком рубахи – как делала со всеми – чтобы по-своему почтить погибших.

Завидев Йоргу, пёс поддел носом её ладонь, вильнул хвостом и затрусил рядом.

Она шла по знакомым улицам и видела их будто впервые. Деревья кайю, прозванные гнёздами Ёля, – невысокие с белёсыми пушистыми, будто оперёнными, ветками – засели каждый дюйм земли. Пробивая мощёные дороги богатых кварталов, вылезая из пыли, луж и помоев окраин, они буйно разрослись по всему Торну. Бурые сморщенные плоды напоминали застывшие сгустки крови, и разило от них так же тошнотворно.

Засилье кайю – нехороший знак, скоро война доберется и сюда. До недавнего времени северный Торн неплохо держался. Но вспыхнувшие на юге междоусобицы, точно мор, разоряли город за городом. Графы-наместники дрались за земли, и обезумевшие люди вслед за ними готовы были перегрызть друг друга глотки. Они все стали вечными беженцами – в прохудившемся платье и с такой же прохудившейся бесприютной душой.

Она остановилась у ворот башни, постучалась условленным кодом. Привратник открыл окошко, встретился с хмурым взглядом Йорги. Лязгнул засов, и девушка переступила порог.

Во дворе царила сумятица: братья стаскивали вниз вещи, связывали их в платки и грузили тюки на повозки. Тень поднял морду и принялся нюхать воздух. Фыркнул, оглянулся на Йоргу.

– Знаю, – коротко сказала она. – Он придёт ещё раз. Сегодня.

Завидев Йоргу, невысокий мужчина с вытянутым лицом и острым носом направился к ней.

– Ёль явится очень скоро. Собирайся, Йорга! – Мужчина подтолкнул девушку к окованной железом двери.

Йорга не шелохнулась.

– Я останусь, настоятель Ове.

Ове ответил ей колючим взглядом, недовольно поджал губы.

– Ты ведь помнишь, что случилось с Ласом? Живой отсюда не выйдешь.

Имя ловчего отозвалось болью в груди. Но Йорга не подала виду, выдержала взгляд Ове, и тот, будто признавая за ней право на бестолковую смерть, всё-таки отступил.

– Позаботьтесь о нём! – она махнула на ощерившегося Теня. Пёс переводил настороженный взгляд с Йорги на Ове, снова на Йоргу и тихо рычал.

Ове кивнул, подошёл к Теню, тот оглушительно залаял. Настоятель вздрогнул и сквозь зубы произнёс:

– Я не притронусь к твоей собаке...

Йорга присела на корточки, погладила Теня по загривку. Упираясь всеми четырьмя, тот всё-таки дал подвести себя к повозке. Девушка устроила его между мешками с пожитками, и пёс нехотя повиновался. Проводил хозяйку долгим взглядом...

Скрипнули петли двери. Йорга осталась в башне одна.

***

Этаж за этажом винтовая лестница накручивалась на ось башни. Йорга миновала дверь в погреб, прошла помещение для гостей и паломников, поднялась на второй этаж кухни и трапезной, ещё выше: мастерские, кельи братьев и настоятеля, зал собраний, библиотека...

Стропила чердачной крыши были увешаны пучками трав, из которых братья делали лечебные настойки и яды. Йорга глянула на красно-синие соцветия паты. Было дело, она еле выкарабкалась: три дня валялась без памяти, пока тело боролось с ядом. С патьей нужна предельная осторожность – стоит нарушить меру, и человек уже не очнётся...

Йорга выбралась на террасу крыши, прошлась вдоль балюстрады по круту. Рука невольно потянулась к поясу. Небо было обложено кляксами, и все они ползли к башне ловчих.

А ведь братья подозрительно легко отказались от борьбы, подумала Йорга, никто не вызвался её подержать, и даже настоятель, который везде совал свой длинный нос, не стал отговаривать. Конечно, Йорга бы не приняла помощь, это её сражение! Но вот так бежать, как последние труссы...

Испокон веков братство ловчих противостояло Ёлю. Легенды рассказывали об этом на разные лады, но все они сводились к одному: людям явится вестник последнего сражения, и тогда, если самый слабый ловчий победит Ёля в поединке, птица горя наконец уступит место Кануку, птице благоденствия. Братья положили все силы на воспитание учеников – чтобы даже слабые стали сильными. Но легенды оставались легендами, а смутные времена уносили жизни. Первый раз Йорга увидела пришествие Ёля ещё девочкой. С тех пор он всё чаще навевался к людям.

Она играет ножом, лезвие мелькает, как крылья бабочки. Йорга подбрасывает нож, ловит зубами рукоять, достаёт из-за спины шляпу, насаживает её на острие. Шляпа вертится волчком. На площади города Скилле собралось немало зевак – все пришли посмотреть на ловкого мальчишку. Шутливый поклон, шляпа падает тульёй вниз, нож уже заткнут за пояс штанов. Юбок Йорга не носит, девчонкам не место на дорогах. Да и время беспокойное, на юге война, оттуда приходят исхудалые страшные беженцы, отряды наемников шаптанут из города в город.

Йорга частенько ночует в лесу, высылаясь по несколько дней. Ей снятся крылья Ёля и убегающие люди. Она долго отходит после этих снов и отмывает в ручьях запачканные руки...

В шляпу летят монетки. Йорга довольно жмётся – на хлеб и сыр хватит! Завтра она запрётся в чью-то повозку, будет новый город, новое представление. На неё поглядывает парень, нос с горбинкой похож на клюв, в глазах – пасмурное небо, на поясе – большое перо. Йорга хочет расспросить, что это за перо, но её отвлекает возня неподалёку. Трое школяров каждый к себе дёргают щенка. Наконец самый рослый и крикливый перетягивает верёвку, петля впиивается собаке в шю, тьяканье переходит в хрип. Мальчишки гогочут, задние лапы щенка отрываются от земли, он вот-вот задохнётся.

В мгновение ока Йорга выхватывает нож – и обрывок верёвки остаётся в руках верзилы. Щенок неуклюже плюхается на землю, мотает мордой, скулит. Йорга подхватывает его на руки, прижимает к себе. Чувствует как бешено колотится собачье сердце – от страха. И её собственное – от гнева. Школяры наступают, и Йорга пятится. Драться она не умеет, да и соперники на две головы выше. А убежать не успеет. Можно воспользоваться ножом, но Йорга не хочет убивать.

Краем глаза она видит, как парень с пером на поясе пробивается к ней сквозь толпу зевак. Но верзила-школяр опережает незнакомца, он хватается Йоргу за ворот куртки, изношенная ткань бедняцкой одежды трещит. Руки девочки заняты — она крепко держит щенка. Тот дрожит и прячет морду ей подмышку.

Верзила ужмыляется, кивает другому школяру, и мальчишка тянется за собакой. От отчаяния Йорга кричит. Крик разрывает людскую разногласию, лица школяров искажаются ужасом, но Йорга здесь ни при чём. Школяры смотрят куда-то за её спину. Хватка разжимается, и, забыв шляпу, Йорга бежит прочь. Она перепрыгивает канавы, протискивается сквозь узкие переулочки — по ступенькам вверх. Переводит дыхание, оглядывается. Отсюда площадь славного города Скилле видна как на ладони.

Йорга смотрит и не верит глазам. Там, где только что толпились зеваки, небо рвёт чёрным смерчем.

— Клянусь ребром Канука, это же Ёль!.. — за спиной вырастает парень с пером на поясе.

Он пытается остановить Йоргу, но девочка снова несётся на площадь... Она находит школяров, вернее, их тела. Вывернутые судорогой птичьего превращения, они преследуют Йоргу в снах. Она не желала для них такой участи...

Йорга вцепилась в перила, побелели костяшки пальцев. В лицо ударили первые порывы ветра — Ёль подлетал всё ближе. Небо над башней ловчих загустело смолой, в воздухе проступила сероватая взвесь — капли упали на террасу, и камень вмиг покрылся оспинами. Йорга почувствовала на руке влагу и сразу жжение: капля зашипела, раздвигая ранку...

Йорга злится на Ааса... Тень, уже годовалый пёс, переминается с ноги на ногу у порога, и ей тоже хочется на волю. Она привыкла к свободе и ветру, а тут — пустая келья да мрачный двор без единой травинки. Братья не жалуют деревьев кайю, поэтому вблизи башни нет ни сада, ни даже захудалого цветника — чтобы, не приведи Канук, они не заселись сами. По правде, Йорга могла бы давно сбежать — её ножик откроет любой замок, и однажды она уже проделала этот трюк. Дошла до городской стены и вернулась. Не за похлёбкой, не за сухой кельей и тёплым шерстяным плащом. За чем-то другим. Она пока сама не поняла, за чем.

Аас учит её грамоте, через каждое слово поминая ребро Канука. Зря он ругается. Йорга уже сносно читает летописи братства и пробует переписывать их на пергамент. Теперь она много знает о Ёле. Птица горя всегда появляется в смутные времена. Эпоха Ёля, чёрного ворона, длится, пока людям есть, что оплакивать. За нею наступает эпоха Канука, белого орла. Эпохи не накладываются друг на друга, и смена, если ловчий выигрывает битву, происходит резко, в один миг, подобно тому, как тела несчастных превращаются в птички... Аас посмеивается над ней, говорит, если она не будет прилежной, то никогда не победит Ёля. Йорга фыркает — не собирается она ни с кем драться! Но всё-таки старается — ради Ааса. Ей хочется, чтобы он гордился ею.

По вечерам девочка учит ловчего метать нож. Аас всё время мажет, шепчет под нос ругательства, но это не помогает — нож всё равно летит мимо набитого соломой мешка. И Йорга с плохо скрываемым удовольствием показывает наставнику, как держать рукоять, целиться...

Завтра её с другими воспитанниками будут гонять по внутреннему двору до упаду, учить драться на палках, врукопашную... Аас рассказывает про яды, Йорга морщится, но слушает. «Ты привыкнешь к ним, — говорит наставник, — помучаешься первые месяцы, когда братья начнут понемногу добавлять настои в пищу, потом и не заметишь. Ловчему нужен закалённый ум, дух и тело. Только тогда выступишь против Ёля».

Ветер усилился так, что Йоргу начало мотать по террасе из стороны в сторону. Рядом кружили похожие на перья листья кайю, разнося удушливый запах. Братья всё-таки не усмотрели, ростки пробились сквозь плиты двора и, карабкаясь по стенам башни, потянулись к небу...

На шпиль саваном опустилась чернота. Вот оно, крыло Ёля!

Девушка запрокинула голову:

— Чего ты ждёшь?!

***

Сквозь вой ветра пробился собачий лай.

Тень!

Йорга метнулась к чердаку, распахнула дверь. Пес выскочил навстречу, едва не сбив её с ног; Йорга опустилась на колено, обняла Теня, запустила руки в густую шерсть. Пальцы наткнулись на свежие раны.

— Уходи, нельзя здесь оставаться!

Тень мотнул мордой, тихо рыкнул — ни за что, хозяйка!

Девушка приоткрыла дверь, выглянула — теперь уже не капли, струи грязного, смешанного с мусором дождя хлестали по террасе. Под таким дождём пёс точно погибнет.

Ветер завыл тут же, словно обезумев, тонко засвистел. Башня ходила ходуном — казалось, Ёль хочет сбить её своими крыльями.

Сперва надо спрятать Теня, а потом они поговорят с вороном!

Пёс вильнул хвостом, громко залаял и подбежал к лестнице.

– Наконец ты образумился. Спускаемся!

Йорга едва успевала за Тенем. Лестницу качало, как последнего забулдыгу, и чтобы не упасть, приходилось всё время хвататься за перила. Стонали от натуги стены, крошились вековые камни, трескали балки перекрытий. Пёс то и дело оглядывался, проверяя, не потерялась ли Йорга. На третьем этаже Тень остановился, поднял нос, принюхиваясь, и побежал к кельям.

– Нет! Вниз, Тень!

Йорга хотела было ухватить пса за шкуру, но тот оказался проворнее. Он проскочил мимо её кельи, на миг задержался у кельи Ласа и шмыгнул в приоткрытую дверь покоев настоятеля Ове. Девушка – за ним. Она настигла Теня, с трудом оттащила его от сундука настоятеля. Тот однако успел ухватить чёрное перо. Положил у ног Йорги, ткнул носом в ладонь хозяйки.

– Хочешь, чтобы я посмотрела? Не понимаю...

Крошка с потолка посыпалась на голову. Поморщившись, Йорга подобрала перо. Похожее всегда носил на поясе Лас. Станный запах. Она лизнула оперение. Тёрпкий горький вкус... Патья!? И только сейчас Йорга обратила внимание на знакомую проплешину в оперении...

Она не отрываясь смотрит на Ласа. Костер догорел, тлеет запертый в углях, укрощённый огонь. И не в пример потухшему костру небо изнутри поджигает рассвет. Подперев тёплым боком спину, спит, положив морду на лапы, Тень. Лас сидит влоботорота: у него чуть удлинённые глаза, отчего кажется, что ловчий всегда посмеивается. Сегодня хмарь ушла из них, и глаза стали почти прозрачными. Йорга может изучать его лицо бесконечно. Ей пятнадцать и она влюблена...

Лас не делает ей поблажек: пусть Йорга единственная девушка в братстве, но испытания проходит наравне с парнями. Наставник посвящает ей почти всё своё время. В братстве шушукуются, настоятель Ове косо поглядывает на них, но помалкивает. Йорга вздыхает, жаль, подозрения неоправданы – всё это лишь учения.

Сегодня они ночуют в Вороновом лесу недалеко от Горна. Угрюмое, недоброе место. Лас заводит учеников в чащобу, где ветви кайю сплетаются в глухую стену, и внезапно исчезает. Волна страха сменяется дикой злостью – высколенные сдержанные ученики бросаются друг на друга! Отбивая удары обезумевших товарищей, Йорга ищет лазейку. Не мог же Лас испариться! С каждым новым кругом, проделанным вдоль живой стены, Йоргу всё больше подмывает связаться в драку, она слышит звериные вопли товарищей, ненависть набуждает в ней, как нарыв. Девушка хватается за пояс – ножа нет. Лас распорядился не брать оружие.

Задыхаясь от убийственного аромата кайю, Йорга падает на колени, ползёт, цепляясь за листья-перья, и вдруг видит просвет. Она через силу поднимается, разнимает учеников и толкает между стволов. Сама выползает последней.

– Думал, не дождусь! – Лас подхватывает её на руки, несёт к костру. Там сидят другие, ошалело смотрят на порванную одежду, ощущают заплывшие синяками лица, приходят в себя.

Учитель бережно укладывает Йоргу на плац. Она чувствует прикосновение тёплых рук, мокрый нос Теня. Йорга счастлива. В глазах Ласа – уважение... и ещё что-то новое, незнакомое...

В суматохе падает с пояса наставника перо, приземляется у костра. Умный Тень оттаскивает его, но поздно – в оперении прогорела дыра. Лас улыбается и прячет перо под рубаху. Наклоняется и тихо говорит:

– Останется на память!

Зачем на память? Йорга не понимает. Вот она здесь, рядом, живая, она не хочет, чтобы её помнили когда-нибудь потом. Она хочет, чтобы Лас был с ней сейчас!

Ученики понемногу успокаиваются, засыпают. Лас обработал раны бедолаг настоями, обошлось без смертей. «Это ты, Йорга, ты спасла их!» – шепчет Лас на ухо.

Он подсаживается к девушке, обнимает. От Ласа пахнет дымом костра и туманом. У наставника в руке её нож, он легко издает им, подбрасывает, не замахиваясь, метает в дерево.

– Обманывал меня, – посмеивается Йорга. – А я и правда верила, что не можешь попасть в тот треклятый мешок.

– Не мог, – Лас прячет в борде улыбку. – Но ты была хорошей наставницей.

Йорга фыркает. Теперь-то она понимает: ловчий поддавался, желая пободрит её, показать, что даже она, площадная фиглярка, чего-то стоит.

Тень дёргает во сне лапами и тихо поскуливает...

Лас ещё крепче прижимает Йоргу к себе, и ей кажется, что они единое существо: четырёхрукое и четырёхногое, только сердце одно на двоих...

Небо выкатывает из-за деревьев пылающий шар, и сумерки сгорают дотла.

Стену вздыбило волной, поперёк комнаты рухнула потолочная балка – Йорга едва успела отпрыгнуть. Тень выскочил вперед, ощерился, защищая хозяйку от невидимой опасности. Девушка снова глянула на перо. Неужели настоятель отравил Ласа? Но зачем? Наставник был лучшим ловчим. Да и погиб Лас не от яда, а под крылом Ёля. Но тогда почему метаморфозы не изуродовали его тело? Ох, Светлый Канук, где искать ответы?..

Йорга огляделась, прислушалась к гулу за стенами. Заткнула перо за пояс.

– Тень, бежим!

Лестница на первый этаж была полностью разрушена, сквозь бреши в стенах хлестали струи воды. Йорга отыскала на кухне верёвку, привязала к массивному трапезному столу. Подхватив Теня на руки, она соскользнула вниз.

Стены просели, и дверка погреба никак не поддавалась. Но башню снова тряхнуло, из кладки вылетел камень и вышиб доску – в двери образовался просвет. В кромешной тьме Йорга спустилась по волглой лестнице. Миновав бочки с остатками съестных припасов, она добралась до старой утвари и только здесь перевела дух.

В погребе было спокойно, только поскрипывали доски потолка, да зловеще завывал ветер. Йорга достала из скобы факел, чиркнула кресалом. Всполох огня выхватил пару привалившихся к стене тюков, настороженного Теня.

– Я знаю, ты всё понимаешь. – Йорга опустилась на колени, погладила пса. – Пережди здесь, пожалуйста. Хоть ты должен выжить!

Пёс сделал вид, что не слышит хозяйку, и принялся деловито обнюхивать тюки. Она попыталась к выходу. Тень залаял, ухватился зубами за полы плаща, потянул назад.

На этот раз Йорга была внимательнее. Может, пёс ведёт её на запах Ласа? Девушка оттащила тюк, надрезала мешковину – побитые молью плащи, прохудившиеся башмаки – ничего интересного... Хотя... В стене за тюком зияла брешь! Неплотно пригнанный камень вывалился, открывая... Тайник? Йорга запустила туда руку, вынула свитки. Похоже на недавние летописи – наверное, их обронили в спешке сборов!

Она прочитала:

«Деяния месяца первых трав...»

О, великий Ёль, пророчество исполнится, и ты падёшь! Самый слабый ловчий стал самым сильным! В полную луну месяца гроз женщина Йорга перейдёт последний рубеж и сразится с тобой...»

Нет! Самый сильный ловчий – её наставник! Она всего лишь женщина, которая жаждет отомстить Ёлю. И что значит – последний рубеж? Полная луна месяца гроз... Именно тогда погиб Лас!

Она торопливо выхватила второй свиток:

«Деяния месяца гроз...»

...О, Светлый Канук, наш брат Лас готов отдаться на твою милость... Он принял яд и его тело умащено ядом, благослови же его путь! Ёль ворует жизни одну за другой, мы не можем больше ждать... Ловчий Йорга отравится за своим возлюбленным...»

Строчки поплыли перед глазами. Что всё это значит? Ловчие убили Ласа, чтобы она захотела отомстить Ёлю?! Настоятель не мог так поступить!

Йорга осела на пол, опустошённая, безразличная ко всему. И через бесконечно долгое время, когда она снова смогла думать, вдруг поняла: мог! Ради того, чтобы спасти других. Йорга горько усмехнулась. Ове всё точно рассчитал: пока Лас был рядом, она не стала бы готовиться всерьёз к сражению с Ёлем.

Погреб задрожал, посыпались ступеньки.

Что ж, пора! Ловчие хотели сражения, они его получат!

– Я тоже предатель. Прости! – Йорга потрепала Теня по загривку.

Пёс не сдвинулся с места, не издал ни звука. Не оглядываясь, она пошла к ступенькам.

***

Месиво из обломков досок, крошки камня, разбросанной утвари ничем не напоминало величественную трапезную башни. Йорга с трудом забралась на второй этаж и сейчас карабкалась по лестнице вверх. Кое-где в пролётах зияли бреши – девушка зажимала нож в зубах и подтягивалась на руках. Через плечо на всякий случай был перекинут моток верёвки.

Горечь предательства, боль потери Йорга будет переживать и оплакивать потом – когда Ёль сдохнет. Или не будет вовсе, если погибнет сама. А сейчас нужны силы, чтобы добраться до террасы: она не имеет права опоздать на поединок – самый важный в её жизни.

Глухой стук в дверь. Йорга подскакивает на кровати, хватается за нож. По ночам с добрыми новостями не приходят. Дверь скрипит, на пороге появляется Лас. Наставник непривычно серьёзен.

– Я отдал тебе всё, что имел... Йорга, ты превзошла меня.

Неделю назад она расшифровала древний манускрипт, над которым братство билось долгие годы. А сегодня вывела из Воронова леса заблудившихся ловчих. Все в здравом уме, без единой царапины. Никто из братьев не умеет искать в лесу. Разве что Лас. И то – не задерживается дольше, чем на день. Она продержалась три. Но разве это что-нибудь значит?

– Лас, не говори так. Ты лучший ловчий! Всегда лучший!

Наставник садится на кровать, берёт за руку.

– Йорги, милая Йорги, нет ничего скоротечнее, чем это «всегда».

В словах Ласа сквозит обречённость, она не хочет с нею мириться. Но и противиться не может.

– Не оставляй меня, – Йорга сфывается на хрип.

– Мои сердце и воля принадлежат братству. Должны принадлежать... – Лас смотрит на неё, теперь открыто, не таясь, и Йоргу бросает в жар. – Но сейчас я пришёл к тебе. Давным-давно на площади Скилле я встретил девочку, которой служил все эти годы. П ей я тоже не могу изменить. Я разрываюсь...

О чём он говорит? Почему всё так сложно?

Йорга гладит заросшую щетиной щеку. Он перехватывает её руку, целует тыльную сторону ладони, притягивает девушку к себе. Сердце наставника бешено колотится, и Йорга вспоминает, как, спасая, прижимала к груди беспомощного щенка...

Лас уходит на рассвете. Йорга перебивает ощущения вчерашней ночи как драгоценные бусины: прикосновение шершавых пальцев, мягкая прядь волос на её щеке, овечье одеяло сброшено на пол, жар выжигает их изнутри. Нет Йорги, нет Ласа, у них одно на двоих тело и снова одно сердце...

Она не хочет думать о Ёле и о том, что ждёт их. Сегодня она будет думать о Ласе... О них...

Одолев мастерские, Йорга заметила, что на руках, на месте ранок, стали пробиваться ростки перьев. Тело ломило, как при лихорадке.

Метаморфозы начались. Надо спешить, но спешить не получалось. Руки, казалось, удлинились, под ногтями саднило. Дыхание перехватило, и Йорга почувствовала острую боль, из глаз брызнули слёзы – это на месте носа стал пробиваться клюв... Она стиснула зубы и принялась карабкаться дальше.

В коконе боли, различая лишь очертания предметов, девушка кое-как выбралась на чердак. Цепляя отросшими перьями венчики трав, выползла на террасу. В лицо ударил ветер с дождём, но Йорга не стала прятаться. Ей нужен всего-то миг: прицелиться и метнуть нож.

Легко сказать. Глаза затянуло плёнкой, и теперь Йорга различала лишь размытый крылатый силуэт, парящий в грозовом небе... Нет, так не пойдёт, ей нужно видеть цель. Лас должен быть отомщён!

И девушка вспомнила Воронов лес. Ведь не глазами она искала просветы между стволами кайно, она чувствовала их. Видела нить и шла за ней. Йорга представила огромную птицу: немигающий пустой глаз, загнутый книзу красноватый клюв, хищно поджатые когти, капли дождя на смоляных перьях. И сердце – вот оно, глухо бьётся в предвкушении встречи с её ножом. Она мысленно провела нить от руки к Ёлю. Слишком высоко. Надо ждать.

Пальцы слабели, птичьи когти, её когти, царапали ладонь, мешали держать нож...

Небо загустело, крыло ударило по плечу.

Йорга собрала остатки сил, замахнулась и метнула нож по скользящей нити – прямо в сердце Ёлю.

Пространство расколол надсадный крик, и Йорга без сознания повалилась на камни.

***

Он ловит поток ветра и, расправив крылья, зависает над башней. Внизу доживает последние мгновения остов прежней тюрьмы. И, спрятанный под грудой обломков, томится его вестник и поводырь.

Ворон наслаждается полётом и свободой, ветер треплет перья, и он впитывает силу стихии, наполняется ею. Новый порыв – нож царапает грудь. Глухая женщина Йорга хочет убить Ёля! Он хрипло каркает, встряхивает крылья, и на землю падает вязкая тень.

Теперь можно не прятаться в человеческом теле женщины. Не ждать, пока она окрепнет, чтобы отдать Ёлю силы. Не туманить её память. Его час пришёл!

Оставив позади башню, Ёль устремляется к окраинам города. Летит и сбрасывает с крыльев людские беды – всю долгую прошлую эпоху он собирал и хранил их меж своих перьев, пока брат Канук дарил благоденствие и отворачивал от смертных скорби.

Ворон кружит над Торном, оглядывая окрестности. Что он ищет здесь? Под его крылом весь мир! Но голос глухой женщины Йорги не отпускает. Ещё вчера они делили одно тело, но сегодня есть он и только он! Йорга не понимает этого, она гонит его к окраинам, и он простирает крылья над кучкой людей, спрятавшихся в лесу. Они называют себя ловчими и думают, что могут уничтожить его. Глухие люди – такие же, как Йорга. Но глупее всех ловчий Лас. Он хотел обмануть Ёля! Ворон надрывается в хриплом карканье.

«Лас, я знал, что ты притворялся. Это Йорга думала иначе!».

Йорга плачет. Упрямая Йорга не хочет уходить. И он впитывает её неверие, обиду, стыд, злость – они оседают на крыльях, собираются едкими каплями, и он сбрасывает их на крыши домов. Те прожигают насквозь.

«Как же так, – говорит Йорга, – Лас не обманывал меня, он погиб, погиб!».

«Нет, – говорит Ёль, – твой возлюбленный был лучшим ловчим, разве мог его отравить яд паты? Он предал тебя, Йорга, предал ради меня, ради братства, ради того, чтобы остаться лучшим! Ты глупая, глупая женщина!».

Чёрный туман густеет, Ёль всё шире расправляет крылья.

«Я уничтожу всех, – говорит Йорга. – Выверну наизнанку их лживое нутро!».

«Как на площади Скилле, когда первый раз дала мне волю?» – спрашивает Ёль.

Йорга молчит.

«И тогда ты уйдёшь?».

«Тогда я уйду», – соглашается Йорга.

Ворон кружит над городом всё быстрее, растёт веретено урагана. На окраинах грязными клочьями оседает туман. Рупшатся дома и дворцы, корчатся люди, их тела покрываются струпами. Ёль чувствует решимость Йорги, его полёт становится всё стремительнее... И вдруг натывается на преграду.

Он видит ловчего глазами Йорги. Лас бежит к башне, выкрикивает её имя, имя глупой женщины. И Йорга приказывает Ворону остановиться. Крылья тяжелеют, ураган затихает. Ворон парит над Ласом, ждёт. В Йорге борются любовь и обида. И пока обида пересливает, под перьями Ворона собирается туман, и Ёль стряхивает его – на Ласа, на ловчих, на весь мир.

«Я не могу...», – говорит Йорга.

«Я помогу, – уговаривает Ворон. – Закрой глаза и я сделаю всё за тебя. Ты забудешь...».

«Нет! – кричит Йорга, – не смей! Пусть он живёт, слышишь!».

Ворон каркает, взмывает ввысь, пытаясь освободиться от назойливого голоса. Но его крылья сдавливает петля, и, пойманный невидимой сетью, Ёль несётся вниз – на остов своей бывшей тюрьмы – башни.

Глупая, глупая женщина, эта Йорга...

***

Она очнулась от собственного стога. Пошевелила рукой, поднесла её к глазам. Рука как рука – ни перьев, ни когтей. Только ныло в груди, как от застарелой раны. Йорга с трудом села, облокотилась спиной о перила.

По небу расплзались ошметки грозowych туч, и ветер неистово гнал их прочь от Торна.

Девушка огляделась: каким-то чудом левое крыло башни уцелело, а на шпиле, будто насаженная на вертел, издыхала огромная птица. Вороновы глаза затянулись пленкой, клюв открылся в беззвучном крике.

Глупая, глупая женщина Йорга – так её звал Ёль. Или она сама себя так назвала?

Йорга осторожно поднялась, сделала пару шагов по террасе, размяла ноги и принялась спускаться. Долго возилась с веревками, отмеряя каждое движение, каждый шаг...

Прошло немало времени, прежде чем она смогла разгрести заваленный камнями вход в погреб. Из последних сил потянула на себя дверь – Тень выскочил навстречу, звонко залаял, облизал с ног до головы.

– Я вернулась, Тень, – прошептала Йорга и расплакалась.

За ночь деревья кайю облетели, листья пожухли и теперь хрустели под сапогами. Скрюченные голые ветки, будто стариковские пальцы, тянулись к Йорге. И никак не дотягивались.

Улицы были полны народа. Мужчины разбирали завалы. Стонали раненые, рыдали над трупами женщины, к их юбкам жались молчаливые дети. На дороге выстроилась очередь из телег и карет – уцелевшие горожане спешили покинуть Торн.

Холодок пробежал по спине. Это всё сделала она...

– Мир! Наместники заключили мир!

Йорга привстала на цыпочки, стараясь разглядеть говорившего.

Сквозь толпу суетящихся горожан со стороны ворот протискивался гонец, взмыленный конь под ним храпел, парень едва не валился из седла, но крепко сжимал в руках древко со стягом – белая птица на алом фоне. Посланник южных земель, догадалась Йорга. Что ж, легенды не врал, эпоха Канука стремительно вступала в свои права.

– Йорги!

Ловчий нагнал её на подходе к городским воротам.

– Наконец я нашёл тебя!

Лас крепко обнял Йоргу. Прядь волос на щеке. Жар изнутри.

Девушка отстранилась.

– Лас, я была той птицей. Часть меня так и осталась на шпиле.

– Йорги, ты победительница, герой!

– Я чуть не убила вас, весь город... – голос Йорги дрогнул.

– Пойми, никто не знал наверняка, чем всё обернется. Мы хотели остановить Ёля и верили, что поступаем правильно... – Лас нахмурился.

– Хотели остановить Ёля, – повторила Йорга, – но всё это время учили меня быть беспощадной. Вы, вы сами дали ему силу!

– Йорги! – в посветлевших глазах Ласа блеснули слёзы, он сжал руку девушки. – Прости, я должен был тебя предупредить о плане братьев, но тогда...

– Тогда бы я не затеяла эту битву, тогда бы я не вспомнила, как убивала, тогда бы продолжали гибнуть под крылом Ёля люди...

Йорга осеклась, отвернулась.

– Ты нужна братству, предстоит столько работы...

– А тебе, Лас? Я нужна тебе?

Наставник выдержал её взгляд, но так и не ответил.

Йорга махнула рукой на прощание и вышла на дорогу. Впереди уже трусил Тень, виляя хвостом, то и дело оглядываясь на хозяйку. Тень-вестник, пробудивший душу Ёля, может, теперь ты сможешь найти свою?

Девушка последний раз оглянулась, солнечный блик отразился от алебард стражников. Она отдала этому городу всё, что имела. Её карманы пусты. И сердце – тоже.

Но будет новый город и, может, новая жизнь. Йорге очень хотелось в это верить.

ЗВЁЗДЫ ЗА СПИНОЙ ЮНЫ

рассказ

– Она мертва, Юна!

Кайл фыркнул, резко встал, громыкнула тяжёлая скамья. Упала корзинка, красным и синим языками выплеснулись на пол шали.

Юна промолчала, лишь плотнее прижала ладонь к маленькому тельцу кошолопки. Хижина наполнилась душным ожиданием.

Пламя свечи дрожало, отбрасывая пьяные всполохи на выскобленный стол, развешанные под потолком венчики пряных трав, печь в углу, трупик кошолопки на коврик у печи и склонившуюся над ним Юну.

– Почему ты не можешь оставить всё, как есть?

– А тебе не жаль, когда что-то гибнет? – Юна подняла на Кайла удивлённые глаза, – ведь именно твой сапог лишил её жизни.

Кайл виновато опустил голову. Он случайно наступил на зверька – тот бросился под ноги перед самым крыльцом. Кайл нёс Юне подарки: плетёную корзинку, шали с пёстрыми узорами, сласти. Он предвкушал радость Юны и был невероятно горд собой – распродал на рынке весь улов из подземного пруда и выручил ни много ни мало пять серебряных монет! Конечно же, Кайл не смотрел вниз – разве люди глядят под ноги, когда счастливы? Глупец! Почему он думал, что Юна обрадуется подаркам? Или вообще их заметит?

Он подобрал тельце кошолопки, хотел похоронить, но Юна не позволила. Она никогда не давала событиям просто случаться. У девушки было своё мнение об этом мире, и оно часто шло вразрез с естественным ходом вещей...

Раздался писк, Кайл подошёл ближе, заглянул за плечо Юны – мохнатое тельце зверька судорожно дёрнулось, угольки глаз испуганно смотрели на него. Кайл снова почувствовал укол вины. Нет, он не хотел смерти кошолопки. Но страстно желал, чтобы хоть раз фокус Юны не удался. И злился, когда у неё получалось снова и снова.

Это неправильно, так не должно быть! Зачем рушить разумный мир и создавать хаос ради одного зверька? Нельзя что-то вытащить из ниоткуда или отправить в никуда! Он видел, что делает девушка, но не верил её трюкам. И своим глазам.

Между ним и Юной зияла пропасть, а Кайл мечтал о близости.

Девушка бережно взяла кошолопку на руки, открыла дверь, выпустила зверька в темноту.

– Видишь, всё хорошо! – она повисла у него на шее, чмокнула в щёку.

Как бы не так! Кайл вдохнул Юнин запах – аромат весны и сирени, вздрогнул, тёплая волна прошла по телу. Он отдёрнул руки, отстранился.

Юна отступила на шаг. Тёмно-каштановые со светлыми русыми прядями волосы разметались по плечам крыльями дикой тарлаи, а сквозь распахнутые глаза смотрел на Кайла незнакомый мир. Наполненный изумрудом весенней листвы. Естественный и до жути пугающий.

Вдруг стало нечем дышать. Так бывало всегда, стояло девушке хоть мизинцем дотронуться Кайла. Её волшебство делало с ним странные вещи.

Он схватил с крючка у выхода плащ, и, не поднимая глаз на Юну, нырнул в ночь вслед за воскресшей кошолопкой.

***

Кайл направился было к амбару, но передумал.

Амбар вёл в чопорный парк с идеальными прямоугольниками клумб и хрустальным фонтаном. Парк вполне мог быть королевским, но королей там не водилось. И других людей тоже. Лишь они иногда гуляли с Юной. И неважно, что по пути к выпранным аллеям приходилось переступать через огородную утварь, старые мешки из-под зерна, щепки поленьев – Юна утверждала, что выход в парк открывается только через заднюю стенку амбара, и Кайл не спорил.

Он вздохнул. Без Юны бродить по пустым аллеям тошно.

Он нашёл лестницу возле поленницы, прислонил к соломенной крыше. И не спеша начал подниматься. Знал – чтобы всё получилось, надо поймать ритм, нельзя торопиться, но и медлить не стоит. Кайл посмотрел вниз: полная луна огромным фонарём высвечивала хижину, амбар справа, притулившуюся к нему поленницу, колодец с подземным прудом на дне, огородик за хижинкой, жутковатое пугало. С каждой ступенькой картинка уменьшалась вдвое, пока не исчезла из виду совсем. Ещё одна придумка Юны – лестница, сколоченная из чёрной древесины суа-бата – соединяла их нехитрое жилище с бесконечными просторами полей.

Кайл вскарабкался по склону неглубокого оврага, ухватился за пучок колосьев и оказался на поле. Сюда ночь пока не добралась – последние лучи солнца гладили колоски, поджигали их изнутри янтарём. А может, ночи и вовсе не было в этих краях. Во всяком случае, Кайл её ни разу не застал. Хоть и навевывался сюда часто – расставлял силки на тарлай, что гнездились в редком леске за полями. Мясо птицы было нежным и вкусным, а разноцветные, отлаивающие перламутром клювы и когти на рынке сразу разбирали на украшения. Юна настрого запретила убивать здоровых молодых тарлай – силки ставились в траве на земле, куда опускались ослабленные птицы...

Кайл шёл через поле напрямик, сминая колосья, не выбирая протоптанных тропинок.

Сейчас он проверит силки, освежит птицу, отделит клювы – это займёт руки и мысли. И он не будет думать о Юне. И о том, как хочется её поцеловать. И что он ей не пара. И что между ними пропасть. Закончит работу только к утру. По крайней мере, в их хижине будет утро. Он пойдёт на рынок и продаст тушки тарлай так же быстро, как выловленных в озере марун сегодня. Дары из придуманных Юной земель всегда идут нарасхват. Он принесёт домой пять, а то и семь монет, и не будет знать, что с ними делать. Кайл бы купил на эти деньги новую душу, которая могла бы понять Юну, но души на рынке не продаются...

Они встретились две луны назад. Первое, что Кайл увидел, когда очнулся, было озабоченное лицо странной девушки. Слишком большой рот, слишком широко расставленные глаза, вздёрнутый нелепый нос, тёмные вперемешку со светлыми пряди волос. Но стояло девушке улыбнуться, и захватило дух – как она красива! И сразу пришло волнение другого толка: Кайл забыл, кто он. Из чаши с водой смотрел незнакомый угрюмый мужчина с проседью в ореховых кудрявых волосах. Прошлой жизни как не было, осталось лишь имя.

Вспоминалось поле – Юна тащила Кайла сквозь колосья. Потом – хижина и пряные отвары, которые вливали силы в ослабевшее тело. Девушка уходила на день, а он вздрагивал, когда слышал малейший скрип – всё ждал, вот Юна откроет калитку, вот войдёт в дверь. Кайл влюбился раньше, чем стал на ноги. И понял, что его сердце разбито, прежде, чем Юна показала колодец и подземное озеро. Это была первая прогулка в её сумасшедшие неправильные миры.

Они долго спускались по выступавшим из камня петлям корней; ползники, облепившие стены колодца, слабо мерцали, не давая погрузиться в темноту. Каменная кладка постепенно сменялась тугим переплетением корневищ.

Юна легко прыгнула в то, что казалось водой, но было лишь дымкой тумана. Кайл – следом. Они приземлились перед знакомой хижинкой. Только здесь из окон росла буйная зелень, уходя корнями вверх. Причудливо сплетаясь, корни занимали всё небо, оставляя мерцающий призрачным светом кружок – дно колодца.

Там, где наверху стоял колодец, внизу было озеро. В нём слабо плескались маруны. Кайл протянул руку, без труда поймал рыбу. Но под взглядом Юны выпустил в пруд. Она не любила, когда кому-то причиняют боль. Может, потому что сама придумала этот колодец, и пруд, и рыб... Кайл не нарушал её правило – ловил марунов раз в луну, когда те всплывали умирать после нереста.

И таких мест рядом с хижинкой была уйма. За поленницей открывался вход в сосновый лес с гладью моря вдалеке. Каморка погребца выводила в мрачный лабиринт с невидимым рыкающим зверем. Чердак служил дверью в перевёрнутую башню, повисшую высоко в облаках.

Юна звала за собой, но Кайл редко соглашался на путешествия, чаще отсиживался дома, а если и выбирался, то поохотиться. Девушка расстраивалась и днями молчала. Но Кайл ничего не мог поделать – он не хотел гулять по абсурдным мирам, и если б умел, закрыл бы навсегда не к месту открывшиеся входы и выходы.

Однажды, когда Юна обернулась попроситься, он заметил за её спиной светящиеся шары, и лишь потом понял, что невероятно близко увидел звёзды! Юна шагнула за край, а Кайлу тогда показалось, что девушка упала в пропасть, и ничто её не спасёт. Ту пропасть, что он ненавидел. Которая разделяла их.

Хижина Юны стояла на отшибе. В деревне девушку не любили, кричали вслед проклятья, лнали под ноги помои – однако близко не подходили – чуяли чужака и боялись. Кайл неизменно выпагивал рядом с Юной и гадал, когда ему придётся взять в руки палку и начать отгонять разъярённую толпу.

Но нет-нет и беда загоняла соседей в Юнину хижину. Кайл видел, как девушка сжималась при виде гостей и каким резким становился её взгляд, но она ни разу не отказала в помощи. Будь то неурожай, поиски пропавшего ребёнка, сильная хворь. Кайл не мог этого понять и злился пуще прежнего...

Он миновал поля, вошёл в редкий лесок и направился к местам, где расставил силки.

Кайл осматривал одну петлю за другой – всё нетронуто. Он задрал голову, прислушался. Ни шороха от взмаха крыла, ни чёрно-белых птиц в небе. Лес был пуст, тарлаи исчезли.

Обескураженный Кайл добрался до конца просеки, свернул на тропинку в обход леска. За ним следом плелась тишина. Стоит ли искать объяснение ещё одной странности и без того чудных Юниных миров?

Кайл слотнул, навалилась тяжесть.

Он опасливо огляделся. Никогда раньше не заходил дальше леска – не было надобности. Но за леском тянулись такие же пшеничные поля, вдалеке торчал одинокий холм.

Расстроенный неудачей с тарлаями, Кайл не спешил возвращаться к Юне. Надо немного успокоиться. Он вздохнул и направился к холму.

***

Путь оказался неблизким. Поля всё не заканчивались, от размеренной ходьбы клонило в сон, ноги заплетались – так было, пока он не заприметил дом на вершине холма. Небольшой аккуратный домик с низким забором и соломенной крышей очень походил на Юнину хижину. С каждым шагом Кайл узнавал всё больше мелочей. Луну назад он перестилал прохуdivиющуюся крышу – справа виднелась полоска светлой соломы. Слева торчало пугало, Кайл никак не мог решить, кого оно отпугивает больше – ворон или людей. Пугало напоминало остановленного в движении человека и выглядело жутко. У соломенной крыши лестница. Именно так Кайл её выставил часа два назад...

Он топтался у порога, не решаясь войти в дом. Хотелось повернуть обратно и навсегда забыть о двоящейся хижине. Но нет, он узнает правду! Кайл хмыкнул: с каких это пор он стал любознательным? И вдруг понял: в прошлой забытой жизни так было всегда.

Наконец он толкнул дверь. Всё выглядело знакомо, но тут не было Юны, и Кайл пока не мог понять, хорошо это или плохо. Дерево стен казалось темнее, старее, скамьи и стол – тоже потемневшие, давно не скобленные, печь стояла в другом углу. Крышка сундука откинута. Кто-то уходил в спешке?

Кайл подошёл ближе, с интересом заглянул вовнутрь. Вместо Юниных платьев и пары его рубаш в сундуке лежал камзол из дорогой чёрной ткани с позолоченной оторочкой и нашивкой на груди в виде звезды. Кайл погладил звезду – по ободу были вышиты буквы. И даже не пытаясь разобрать надпись, он и так понял, что прочитает: «Королевское научное общество».

Память вернулась болезненной вспышкой.

Он выпустил из рук камзол, вышел во двор. Солнце и не думало садиться. Порыв ветра качнул руку пугала – тряпичный человек будто поздоровался с Кайлом. Тот кивнул, опустился на землю рядом с поленицей. Спина уперлась в полукружья шершавых стволов.

Кайл идёт за ней по лесной просеке.

Голова гудит после утренней работы – он провёл оптические эксперименты и пришёл к любопытным выводам. Нужен час на прогулку и отдых, потом он повторит эксперимент и сделает записи. За это лето в деревне он закончит манускрипт по естествознанию и с чистой совестью вернётся в город – к интригам общества и студиям.

Но девушка впереди не даёт расслабиться. Её волосы ахроматичны – крупные тёмные пряди чередуются с выгоревшими русыми, точно клавиши органа. Хотя сегодня он кое-что понял про белый цвет, и это делает волосы девушки вершинной гармонии и наполненности.

Она оглядывается и исчезает. Озадаченный Кайл остаётся один посреди просеки...

Он держит в руке призму, свет проходит насквозь, распадается на разноцветные лучи. Амфитеатр полон студийцов, они сидят, затавив дыхание, пытаются осмыслить увиденное. Одинокие хлопки взрывают зал.

Кайл поворачивается – девушка с чёрно-белыми волосами встает из-за скамьи и улыбается ему. Кайл смущён и почему-то раздражён...

Через год он возвращается в деревню, всё время посвящает работе, делая передышки на сон, приём пищи и короткие прогулки. И на улице снова видит ту девушку – её хватает за руку парень в мятой коричневой шляпе, тянет в глухой

переулоч. Кайл не умеет драться, но он расправляет плечи и спешит на выручку. Однако девушка обходится без его помощи – толкает парня в грудь, тот неловко падает и проваливается сквозь пыль деревенской улочки.

Кайл замирает на полдороги, не зная, стоит ли верить увиденному. Так не бывает! У природы строгие законы, он посвятил всю жизнь их изучению. Ничего не принимал на веру, всё доказывал опытами! Предметы и люди не появляются из ниоткуда и не уходят в никуда от одного касания руки. У тел есть инерция, и чтобы началось движение, нужна сила! А сила действия равна силе противодействия. Но девушке с чёрно-белыми волосами это не важно.

Он должен её найти! Хотя бы для того, чтобы увериться – то был лишь фокус...

Он жаждет новой встречи, гуляет дольше обычного и натывается на девушку в неожиданном месте – среди рыночных лавок. Она сидит на корточках и успокаивает плачущего мальчугана лет пяти. Мальчик не унимается, и тогда девушка вытаскивает один за другим леденцы из рукава. Ребёнок всхлипывает, тянет руку за сладстями. Но леденец перехватывает Кайл:

– Как ты это делаешь? – он сверлит глазами девушку, – в чём секрет?

Ребёнок, не получив угощение, снова заходится плачем.

– Его надо успокоить, поэтому я это и делаю, – она пожимает плечами, вытаскивает из-за спины мальчика новый леденец и сует в детскую ладошку.

– Я не спрашиваю «почему», я спрашиваю «как»?

В эту минуту Кайл уверен, что ненавидит девушку. Она разрушает его мир!

– Не знаю.

Девушка снова пожимает плечами. Поднимается с колен, отряхивает платье.

– Хочешь, покажу?

Кайл качает головой. Он достаточно видел, он ждёт объяснений.

– Не бойся, – говорит девушка, – это всё равно, что сделать из одного прозрачного луча много разноцветных.

Конечно же, он не боится. Но...

Девушка гладит воздух, будто перебирает отрезки тканей в лавке. А потом вдруг находит нужный и отводит руку, открывая несуществующую штору. Кайл видит за её спиной ночное небо и светящиеся шары звёзд – слишком близкие, чтобы быть настоящими.

Он смеётся, он понял фокус. Это лишь искусное полотно, ловко спрятанное до поры до времени в длинном рукаве платья. Кайл шагает вперёд, желая схватить полотно, и проваливается в бездну...

Он тяжело поднялся, снял с огородного чучела коричневую шляпу, нахлобучил на голову.

Интересно, подумал Кайл, почему Юна его ни разу не превратила в пугало?

***

Тишина угнетала. Без привычного клёкота тарлаё становилось жутко.

Кайл возвращался той же дорогой и не узнавал её. Пшеница выцвела, посерела, стебли пригнулись к земле. Почва на глазах высыхала, шла трещинами, низкорослые деревья раскалывались надвое, словно под ударами гиганта-дровосека, обычно чистое небо заволакивало тучами цвета сажи.

Он ускорил шаг.

Любому действию всегда есть равное противодействие, напомнил себе Кайл. Когда-то он с пеной у рта доказывал этот постулат профессорам старой школы, а столкнувшись с необъяснимым, предпочёл забыть всё. Жизнь. Науку. Себя.

Кайл задохнулся пониманием, побежал. Баланс сил не может быть нарушен, если этот мир умирает, значит, дрогнула вся ось.

С Юной случилась беда!

Перепрыгивая через трещины, уворачиваясь от падающих деревьев, помятый крупным градом, Кайл добегал до оврага. Даже не пытаясь отыскать тропинку, кубарем скатился на дно, ухватился за шершавую перекладину лестницы и, ломая ногти, заскользил вниз...

Брезжил рассвет. Хижину Юны плотным кольцом окружала толпа. Кто держал на изготовку вилы, кто – мотыги, кто мял в руках верёвки. Женщины, мужчины, дети кричали, улюлюкали, скалились. В глазах – страх и ненависть. Парень впереди победоносно потрясал палкой с заточенным концом. Острие было окрашено алым.

Юна сидела, опёршись спиной о поленницу, точно как сам Кайл час назад. Глаза закрыты, руки прижаты к боку. Кайл подбежал к Юне, наклонился. Крылья носа девушки чуть вздрогнули, складка на лбу разгладилась.

Он осторожно коснулся её плеча:

– Они скоро будут здесь, нам надо уходить.

Бесполезный, глухой совет.

– Это должно было произойти. Лучше бы ты не возвращался.

Голос Юны стал бесцветным и тихим.

– Юна! – Кайл сорвался на крик. – Ты вытащила меня из бездны, ты спасла не одного человека, ты оживила какую-то кошолопку, будь она проклята! Открой дверь, и мы уйдём, куда скажешь!

Она слабо улыбнулась.

– В любом мире это повторится. Люди не очень-то меня любят, – Юна махнула в сторону беснующейся толпы. – Да и сил нет, мне и обычной двери не открыть.

Кайл взял её на руки, отнёс в дом. Сел на скамью, крепко прижал девушку к себе. В кои-то веки пропасть между ними сжалась, Юнина душа на миг обнажилась для Кайла.

Сколько у них времени до того, как толпа осмелеет и снесёт старый забор перед хижиной? Четверть часа, меньше?

Сейчас, когда Юна слаба, Кайл должен репять за двоих, как это делала она, вытаскивая его из бездны. Но он не волшебник, он учёный. «А тебе не жаль, когда что-то гибнет?» – вспомнились слова Юны. «Жаль. Очень жаль!» – захлебнулся отчаянием Кайл. Но, проклятье, он не умеет оживлять. И до сих пор не верит, что это происходит наяву. Всё кажется – вот-вот проснётся от кошмара в своей кровати.

За дверью раздался победный возглас – это пал забор. Сейчас толпа начнет испытывать на прочность дверь хижины.

Кайл встал, осторожно положил Юну на скамью.

Она умирает, и вслед за ней тают миры, которые она отыскала или придумала сама. Бежать некуда, даже если у него получится открыть дверь...

Но ведь Юна не могла возникнуть из воздуха. И она должна вернуться туда, откуда пришла.

Он коснулся щеки девушки, длинные ресницы дрогнули.

– Юна, где твой дом?

– Помнишь звёзды? Ты ещё подумал, что это холст... Но ты не сможешь...

Кайл не нашёлся с ответом.

Куда угодно, только не в бездну! Даже ради Юны. Люди не способны летать между звёздами. Им нужен воздух, движущая сила. То был сон, морок. Он не мог оказаться в звёздном небе и остаться в живых. Кайл просто потерял сознание, сильно ушибся, на время забыл прошлое. Не было никаких звёзд и полётов. Юна – мастер миражей и только.

Он беспокойно зашагал по хижине. Девушка тихонько вздохнула, закрыла глаза. Лицо покрыла мертвенная бледность.

Но кошолопка ожила. Люди выздоравливали. Дети находились. Это тоже мираж? Он сам гулял по её мирам, ловил тарлай, продавал их.

Кайл зажмурился.

Что он делает? Зачем оправдывает свой страх и зависть? Он потратил десятилетия, пытаясь понять природу, её законы. Но лишь узнавал буквы. А Юна играючи превращала буквы в новые миры. Нанизывала их на одну ось – саму себя. И если её любили, девушка оживляла королевские парки и волшебные пруды, а чья-то ненависть добавляла в её огород новое пугало и жухлую траву. Сегодня именно его недоверие лишило Юну сил, оставило на растерзание соседей. Действие всегда равнялось противодействию.

Кайл до сих пор не знал наверняка, кто Юна на самом деле. Ворожея, ангел, падшая звезда? Это не имело значения. Он её любит. Любой. Непонятной, далёкой, недостижимой. В конце концов, девушка спасла его, и он будет негодяем, если не отдаст долг.

Кайл осторожно подхватил Юну, стараясь не задеть раненый бок. Закрыл глаза. «Это всё равно, что сделать из одного прозрачного луча много разноцветных» – вспомнилось незатейливое объяснение Юны.

Он представил белый свет над их головами, вспышка ударила по опущенным векам, ослепила. И тогда Кайл начал различать цвета. Алый, изумрудный, синий – потоки свивались, закручивались, рождали жёлтый одуванчиковый, оранжевый цвет зари, лиловый. С закрытыми глазами он увидел, как зажглись разноцветьем чёрно-белые волосы Юны. Почувствовал, как она вздрогнула, очнувшись.

Треснула под натиском обезумевших соседей дверь. Чья-то палка опустилась на спину Кайлу, и он, не думая и не выбирая более, прыгнул в лиловый поток, как в омут.

***

Они плыли, обнявшись, между планетами. Бездны больше не было, и Кайл счастливо улыбался.

Скоро Юна уйдёт – открывать миры и спасать тех, кто её ненавидит.

Кайл будет грустить, но он знает, что так надо. Юна не принадлежит никому – как луч света или вновь открытый закон природы. Всё, что он может – понять её и отпустить на волю.

Вдохновением на эту историю я обязана волшебным работам польского художника Яцека Йерка (Jacek Yerka): «Эпитафия» («The Epitaph»), «Под водой» («By The Waters»).

СТАНИСЛАВ АЙДИНЯН

ИЗ РАННЕГО ЦИКЛА «НОВЕЛЛИОН»

ПУТЁМ ОБРЕТЕНИЯ

Сон гневный и странный приснился царю в день, когда яркий Небесный диск показался из мрака задымленных утренних туманов.

Трубы звали с верхних кровель храмов на молитву. В узкие окна были видны коленопреклонённые чернокожие рабы. А царь, возлежа на подушках, полуприкрыв глаза, цепенел от ужаса, вспоминая, как он во сне спускался с дымным факелом в какое-то подземелье по лестнице, по которой рассыпаны были чьи-то побелевшие кости. Царь спускался всё ниже и гневался на свои ноги, которые тяжёлым шагом спускали его по бесконечной лестнице – вопреки его воле. Как заклятый тёмными чарами, шёл он вниз, хотя порывался остановиться, но не мог, ноги не слушались, они несли его... И от бессилия царь беззвучно кричал во сне, исторгая проклятия, но – не слышал своего голоса, он слышал только гулкий грохот своих шагов, что стремили по нескончаемой лестнице вниз...

Гигантским усилием он приказал себе – остановиться...

Но лишь на миг замедлился его шаг, он всё шёл спотыкаясь, спускаясь.

Дымно мигал смолистый огненный факел, освещавший путь. Царь шёл и шёл, как идёт обречённый на казнь.

Он почти смирился со своей участью, хотя в смятении думал о том, чья же воля ведёт его в подземелье, кто гонит его в неминуемую, каменную западню – и зачем? – чтобы заковать в холод оков или утопить в длинном колодце подземной реки, что была уже слышна где-то внизу, под ступенями лестницы...

И вот – вдалеке наконец – царь увидел... Свет... С каждым неверным чужим шагом свет приближался, приближался всё ближе – уже виделось какое-то освещённое пространство – зал, залитый чудным и прозрачным голубым светом, в центре зала – трон и на нём – старец в длинном одеянии, глядящий прямо перед собою. Перед старцем – прозрачный Кристалл на треножнике. В сияющую глубину кристалла погружён взор сидящего, полный суровой силы, полный неземного могущества.

Не его ли Волей я шёл сюда предавшими меня ногами? Не им ли, старцем, отнят божественный дар защищённости от чужих – воли, воздействия, желания? – как только подумал об этом царь, – во внутреннем слухе его раздался ответ:

– Да, ты верно угадал.

В этом старце сила, приведшая на дно веков, в тёмный подвал бытия.

– Кто он? – беззвучно задал вопрос поникший царь. И сразу получил ответ:

– Он – Тайна.

– Кем дана ему Воля надо мною?

– Тем, чьё имя Молчание.

– Не проклята ли его сила?

– Нет, сила его светла, как Луч исходящий от меча в руке ангела, как Свет звезды таинственной, полумночной.

Где-то вверху, где темнели своды подземелья, показались звёзды и тонкая мелодия отдалённо зазвучала в нависшей тишине...

Сметённый царь ощутил почтение к старцу. В глубине своей он стал обретать смирение, был готов опуститься на каменные плиты пола этого большого подземного зала. Старец оторвался от кристалла, выше поднял голову, и над нею различился в волнистом жёлтом сиянии еле видимый Крест – древний знак, маяк вечности.

Царь опустился на колени. Он почувствовал теперь, что стал покорен своей участи. Познал смирение. И когда чувство смирения и готовность к нему объяли его еще недавно надменную душу, в противоположной стороне зала он увидел осветляющийся в темноте путь, ведущий куда-то наверх, будто засветлела дорога к спасению.

Ноги его вновь стали послушные ему, будто теперь воля царя и старца стали едины. Ничего не мешало движению. И царь, уже повинаясь собственной, возвращённой ему воле, двинулся вперёд и, проходя, он увидел, что старец медленно и печально благословил его вслед...

Лёгкими неожиданно стали шаги его...

Не незримая сила, а собственная воля уже влекла наверх, вверх по лестнице, к солнцу, – в жизнь. Под сводами тьмы он обрёл благословение и уносил с собой видение подземной тайны и образ того, чья цель – направлять заблудших, тех, кого в глубину подземелий завлекут их дороги. Он понял, что он не одинок, что за ним наблюдает недреманное око. Он уносил с собой веру в Неизречённого, веру в того, чьё имя Молчание... И смирение понимать и повиноваться Тому, кто создал Вселенную.

СЛЫШАВШИЙ, ВИДЕВШИЙ

– Итак, ты видел и слышал пение...

– Нет, это было не пение, это было иначе, это как лучи, которые распрямляют душу. Душа ложиться в колыбель и качается в звуке...

– Ты смеешь воспевать соблазн. (Ах, если бы это услышать!).

– Соблазн? Нет, это пища души – и счастьем, и страданием, и шумом реки, и памятью.

– Твоя пища отравлена. (Он смеет касаться света...)

– Из любой, проникшей в нас отравы, высота наша извлечёт тонкую вытяжку, хрустальную, как спящая ёмкая грань...

– Мы не понимаем тебя. (Скажем, что не понимаем!)

– Выйдите с голубем в руках в утро, когда над горою – пение птиц, когда деревья безмолвны ветвями – познайте первую весть – задержите её в душе – и ноты сомкнутся в захваченный ветром мотив – зрение озарится радостью тихой, шемяще-печальной...

– Ты осмелился одушевлять творение. Путь этот запрещен и тёмн. Мы не понимаем его. (Все понимаем, но мы слепы и не в праве сознаться в своей слепоте, от этого мы не прозреем. Опасен зрячий! Пока он жив, нам не будет покоя, но детям нашим и детям наших детей понадобится зрение).

Пусть продолжает:

...Во вне и внутри, во всём и в каждом, кто видит и слышит, воспринет затишье. Откройтесь, пусть солнце заглянет в глубины!

– Довольно. Ты злоумышляешь нам искушение. (...Всё решено: предательство, казнь – вот, что нужно, чтобы преданию выросли крылья! Он будет сожжён. Ему светел Логос. Наш хаос земной ему бесполезен). Костёр, факелы, пакля! Дать ли ему последнее слово? Не нужно. Излишне. Отвергнем последнее слово, потому что слово его не станет последним. Придёт время... И ради того, чтобы это случилось, конечно: костёр, факелы, пакля... Молчание вслед.

Свет. Тишина. Бог.

ТРАКТАТ О МЫШИНОМ ДВИГАТЕЛЕ

Задолго до того, как был изобретён машинный двигатель, человечество, само того не зная, стало созерцать мышинный двигатель. Приглядимся к движениям мыши – они подчинены строгой логике целесообразности, заложенной в инстинктивной природе этого «подпольного» существа.

Понять мышинный двигатель, проявления которого видны в пунктирных по сути движениях мыши, мы можем, так как мы обладаем таким ментальным сокровищем как Дхарма или *Вечная Дхарма*, то есть закон неукоснительной целесообразности бытия... Дхарма предписана и предначертана всем слоям земной жизни. Тайна Дхармы в том, что ей подчиняется даже камень, хотя в веках он молчит об этом. А вот мышь в целесообразности её движений, в её стремлении к питанию зерном и к размножению – есть в наших глазах не более, как само по себе мельтешащее хаотично существо... Мы видим в мышши не Вечность, а лишь серую сумму куда-то спешащих движений. На самом деле *вечный двигатель Жизни*, живущий в каждой мышши, в её родовом потенциале, убеждает нас и в «регламенте» вечной Дхармы, и в том, что мир динамически вечен, в какие бы формы и энергии он ни преобразовывался, меняя свои причудливые и насмешливые лики...

ДВОЙНИК

Дома, дома и над ними – далёкий факел заката. Стихия воздуха меркнет.

Когда почти стемнело, зашёл я к приятелю. У него собрались друзья. Они много говорили, но без огня. Беседа их была – как разорванная рыбачья сеть, у кромки которой дремлет заблудившийся в лунном свете маленький паучок – неторопливая, но живая точка жизни.

Ушёл в соседнюю комнату. Там было темно – не хотелось ни света, ни слов. Кто-то ещё вошёл и чиркнул спичкой в темноте. Стоя к вошедшему спиной, я не увидел огня. Лишь неясный отсвет на стене.

Каждый из нас глубоко молчал о своём. И когда я далеко ушёл в размышлении, слышались уходящие шаги. Как и тот, ушедший, я извлёк из кармана коробок и зажёл спичку – в темноту. На миг высветлилось настенное распятие и угасло во мраке.

Тлела в руке прогоревшая спичка. И тут в полной темноте я увидел второй уголёк светящейся точки. Вопреки реальности, моя спичка, холодная, выгоревшая, вновь засветилась, и ответный огонёк стал ярче.

Я помахал огнём в воздухе и незримая рука ответно повторила движение. Что-то заставило меня включиться в игру, какое-то предчувствие... Но что это за игра? В призрак, ироническую загадку пространства? В театр теней, где тени играют актёров? Была какая-то особая странность в тех ответных движениях, и эта странность перекрывала для меня своего загадочностью необычность происходящего. Но я не мог понять, в чём она заключена.

И тут – озарение! – я заметил, что он, неизвестный, – левша. Он движения мои повторяет наоборот. Значит, если я встретил своего двойника, то он – повторение меня, но – обратное повторение, моя полная отражённая противоположность. Внешнее сходство разобьётся о невозможность понимания, о безысходность контакта.

Но... в нём есть пустота от отсутствия меня, а во мне есть пустота от отсутствия его... Неужто настал час единства?

И – из меня – шаг к нему. Таинство слова уже рождалось в груди. Но чем ближе я подходил, тем более тускнели, умирали в руках наших огни, был уже виден – знакомый абрис фигуры. Дыхание стеснилось, как перед трудным прыжком. И за спиной кто-то безжалостно включил свет. Ослеплённый, я различил перед собою только старинную раму зеркала и в отчаянии сделал последний шаг.

Темнота вновь замкнулась надо мной. Я обернулся к струящемуся из-за спины свету, поражённый. В руке моей яркий вспыхнул огонёк. Наши огни и наши глаза на миг встретились. Ток незримой волны коснулся нас. Он, неизвестный и близкий, стоял в светлом проёме на том месте, где только что был я. Он стоял, на меня похожий, и смотрел в меня. Но в глазах его я прочёл – прощание, и понял со светлой решимостью – настала его очередь.

Комната оптически исказилась. Я увидел звёзды над собою. Почувствовал парение и свободный, уносящий полёт. Успел лишь различить в безвоздушном просторе исчезающую точку, подобную планете, на которой остался жить он, затепливший мне огонёк в темноте.

ЗЕЛЁНЫЕ ГЛАЗА

Сад тёплый, осенний, затянутый поблескивающей паутиной, – засыпающие цветы, трепет последнего тепла.

Во всю протяжённость спуска из сада под гору по прутьям решётки ветвится, струится побегими виноградная лоза. Я спускаюсь под нависшей тяжестью тёплых зеленоватых гроздей. Виноград свисает в обрамлении желтеющих листьев.

И вот уже внизу, у порога горы, – сумеречный овраг. Цветы здесь белые, замершие, ждущие. Ручей – тихий, как осторожный зверь, быстро крадущийся меж камней, холодный, как глаза зверя.

Пока я спускался, смотрел. Всё увиденное становилось мною, и ручей и грозди, рождённые в позднее солнце и нисходящий, осенний путь.

Там, внизу, я ступил в нетронутую зелёную траву – и увидел тень...

У тени изумрудные глаза. Они глядят – весело, остро, дико.

Искристые глаза из тени наблюдают – способен ли я на удивление, на звук, на слово, на страх...

Когда я понял их выражение, я собрал к центру груди моё солнечное тепло и через зрачки, не отрываясь от обманчиво-спокойной зелени на меня глядящих глаз, выпустил силою потока лучи – в зелёный, чуткий мир. Зелёные, зрячие кружки сошурлились, выгнулись овално. Невидимым лучом я сказал зелёным глазам:

– Твоя жизнь тёмная, она крадётся меж скал. Взгляд твой приковывает, сила твоя опасна не носящему в груди света. Но солнцем в груди я понял твою углублённость зрачков, кошачий блеск и первобытную, радостно возбуждённую кровь.

Я буду любоваться тобою, а ты – смотреть на то, что притягивает тебя во мне, что не позволяет одолеть порог силы твёрдой, невидимой, отделяющей сейчас – твою холодную улыбку от прыжка.

Во взаимоприятии сил – наш огонь. Мои глаза тоже искристы, – тело моё тоже гибко и опасно для тебя... Мирно встретились только глаза, только глаза, мимо смерти скользнула – их таинственная, как равновесие, встреча...

Я поднял руку над головою, – солнечный луч коснулся кончиков пальцев – и отразил в ладони – небо...

Большая, пушистая, зеленоглазая рысь, оглядываясь и улыбаясь острым оскалом, упруго вздрагивая хвостом, уходила, переступая сильными когтистыми лапами по древней зелёной траве, мягкой и сочной, как во времена, когда к Адаму приходили звери и прилетали птицы.

СОВА

Ночь создала сову, чтобы было существо, преданное темноте. Когда нависает и царствует день, сова, сложив сердитые крылья, прячет в еловых ветвях преданность ночи. Когда вечерний красногющий шар спускается в облачный дым горизонта, сова чувствует наступление ночного бдения во имя той лунной слепоты, которая видит всё...

Полёт совы – скольжение в час молчания птиц, в час, когда видны мерцающие перекрёстки высоких путей. Люди, не засыпающие в ночь, обращают глаза к зрячим точкам и лучам. И над ними, не достигая высоты светлых сплетений, пролетает в синей мантии тишины – вещая птица тёмной преданности.

ПОСЛЕДНЕЕ БЕГСТВО

Она не знала, почему живёт в этих ночах, отчего – страшно, почему – не заснуть.

Случайное пристанище бегства – нечто среднее меж полуразрушенной часовней и гротом. Здесь камни покрыты пылью. Камни роняют пыль, бегство роняет страх...

Первый страх испуганной птицей коснулся её в тот день, когда стало казаться, что невидимая за плечами стена огня начинает движение, наступает, стоит только закрыть глаза. С тех пор пылающий под небо огненный вал преследует, гонит её дальше и дальше...

И вот здесь, в случайном, робком меж скал убежище, она широко открыла глаза, шевельнулась ящерицей на камне. В бессонном пещерном холоде пыльный покой, обманчивый, как ночной свет.

Посмотрела из каменного пролома на звёзды. От них – высоко, неярко, покорно. Снова прислушалась к себе, снова чуть не закрыла глаза – но опасение бегства остановило тяжелеющие в сон веки.

Вокруг – только ночь и тишина, их долгое тихое сомнение...

Она сидела в убежище тишины на камне пока, испугавшись её покоя, не отлетел, не покинул последний страх...

На лице слабым отсветом потухающих стен задремала улыбка уходящая, бледная, как последняя заря. Глаза её так и остались открыты.

ОТПЛЫТИЕ

– Возьмите вёсла! – приказал кто-то, – Гребите! – Мы отплываем от слабо-мерцающего берега. В тоскливом предчувствии, уже обращённом в прошлое, встают образы воздуха и простора, которые я оставляю навсегда на том берегу. Воспоминания, набега, тревожат, как несбывшиеся сны...

Особенно жалко своего одиночества в час лучистого восхода в горах. Опуститься бы снова на колени пред малым зелёным ростком, по которому ползёт крохотное, но убеждённое в своём движении существо. Стоять бы, вдыхая мятно-зелёный свет, слушать, как там, внизу, шумит куда-то река – её тихий, протяжный напев, как полёт вечности над седою скалою.

Но я уже в лодке – мы отплываем – наше солнце закатилось, слышен только чей-то безустый шёпот, слепой, как волны. Он шепчет, повторяя:

– Греби, греби, Харон!..

ИЛЬЯ ФАЛИКОВ

ИЗ КНИГИ «ПРОСТИ»

***

Патриарх задумался, болен и сердит.
У часовни девушка голая сидит,
шоколадка-девушка, киндер и стюприз.
Мощи стариковские выпали из риз.
На её купальнике слёзы донных рыб.
Патриарх по памяти тыщу раз погиб.

А шалман «История», что стоит впритык,
исторгает шлягеры, порченный язык.
В глубине часовенной молится народ,
всю вину истории на себя берёт.
Брежат свечки отблеском Страшного Суда,
ходят мимо берега белые суда.

В гору поднимаются звёздные миры,
стали белым городом, катятся с горы.
Голая не думает, где она гола,
а гора не ведает, что она гора.
Пляжная поэзия, пламенный закат,
ризы патриаршие по небу летят.

***

Тут тебе не место, ласточка норд-веста.
Что же твою душу тянет в это место?
Дело в Дерекойке, в речке Дерекойке,
мечущейся ночью на больничной койке,
но под Полцейским мостом пели жабы,
жалобные песни, жалобы неслабы.
Что это такое? Это не такое,
где толпятся овцы, как на водопое,
но речное устье смотрится в ночное
чёрное зеркало – небо нефтяное.
Не было пожара, но белы как сажа
труженицы пляжа и еврамассажа.
Старый мост насижен крапеными львами,
мраморными псевдо, около Kalvani,
около Armani – в плане гей-славяне;
лестницей успеха топают без лифта
авторы проекта «Солнечная кривда»;
мучается правда, мечется молитва,
став над этажами Графского проезда
чёрными стрижами, песнями протеста.
Двойственная бездна.
Тут тебе не место.

***

Формы листа виноградного
вспомнить никак не могу.
Отдыха второразрядного
в хижине на берегу.
Грохота моря и прочего
шума. В ночных родниках
запаха пота рабочего
не позабуду никак.

***

Там, легко разоблачаясь,
одеваясь не трудней,
живописью увлекаясь,
отвлекаясь на людей,
от родителей в секрете
в новый возраст перешла,
убегая на рассвете
на великие дела,
начинавшиеся рядом,
над оврагом под горой,
где, командуя парадом,
ждал хозяин мастерской.
Нет, не стирка и уборка,
но мгновенно и легко
на полу вставала горка
из кроссовок и трико.

***

Долголетие – условие
сверхулова, а в ином
варианте – безуловье.
Пахнет хлебом и вином,
ходит рыба, свищет птица
у высоких берегов,
над которыми коптитя
и сияет звёздный кров.

Над тобой в твоём заплыве
блещет яркая судьба,
белый город на обрыве
и боспорские гроба.

В длинных водорослях вьётся древнегреческая речь,
где бы ты с конём бок о бок по-сарматски смог залечь.
Золотую стружку с моря срежет ветер, и она –
кудри старого поэта в мире хлеба и вина.

Подняло тебя с подушки
и глубоко занесло.
Рядом, целя по макушке,
бьёт рыбацкое весло.

Ты бы мог уйти на флоте
в сумрак вымытых костей,
на дельфиньем эхолоте
без вести и без вестей.
Не дошло ещё до точки,
и глубокая вина
продолжительной отсрочки
только Делии видна.

ДОМ МУРУЗИ

Между Зиной Гиппиус и Осей
Бродским в новогоднем хороводе
дружно отплясав с повадкой козьей,
ты стихи читала при народе.
Хорошо на новогодней ёлке!
Хорошо служить российской Музе!
Девочки и мальчишки! Осколки
солнца украшают дом Мурузи.

Кашу заварили – эта каша! –
неорганизованные предки.
Пойте, Зина, Ося и Наташа!
И своё читайте с табуретки!
С табуретки? Ой, уже со сцены.
Потому что быстро повзрослели.
В памяти столетия бесценны
всех пород порубленные ели.

Ты тогда училась в первом классе,
твой отец сиял мундиром флотским,
место твоё было на Парнасе
где-то между Гиппиус и Бродским.
Не ходили вы в один детсадик,
выросли на вольной воле сами,
вас ни бледный конь, ни медный всадник
не пугали белыми ночами.

Если поругаетесь – поладьте.
Всех дороже мне девчонка эта
в белоснежном фартуке и в платье,
помнится, коричневого цвета.
Прибежал с далёкой стороны я,
чтобы засвидетельствовать пылкий
голосок, и волосы льняные,
и ромашку шёлка на затылке.

***

Коралловое дерево увяло
и вымерзло, раздето догола,
и под пилой безжизненно упало,
но встало вновь по линии ствола.
На лютой стуже, при любом раскладе,
оно в живых останется одно.
Не путай с кипарисом, бога ради.
Коралловое дерево. Оно.

Оно полно действительности горней,
и в генах у него морское дно,
и состоят мозги его из корня.
Коралловое дерево. Оно.

ДЖАНИБЕК. 1346

Обратиться, опять же, к шкафу
со скелетом, да ни к чему.
Джанибек, осаждая Кафу,
на Европу наслал чуму.

Он забрасывал через стену
зараженные трупы, чтоб
генуэзцы познали цену
транспортируемых хвороб.

Разрастающийся некрополь
чернобокие корабли
быстрым ходом в Константинополь
и в Италию повезли.

В белых банях до блеска парясь,
хан уснёт на халате, но
превращается в чёрный парус
черноморское полотно.

Стаи белых и чёрных тучек
бескорыстно гоняет бриз,
тенью чёрных стрижей летучих
стала армия чёрных крыс.

Так чего ж не поёте, черти,
на текущем пиру чумы,
что дыханием Чёрной смерти
треть Европы спалили мы.

***

Тринадцать избушек. Солдаты да местные греки,
а также татары, да море, да горные реки.
Ловили ставриду, тонули, стреляли из пушек
по страшному турку. Исчезли тринадцать избушек.
А что остаётся? О чём назвенели века мне?
Река моя вьётся, река моя бьётся о камни.
И горлица плачет о том, что печаль постоянна –
тринадцать избушек покинули мыс Иоанна.

На камни и пепел по ветру пришёл Торричелли¹ –
и выросла церковь, и ветер ушёл из ущелий.
Но чёрная чайка стоит на устойчивом дыме,
глаза и затылок закрыла крылами седыми.
На белом соборе, на башне его восьмигранной,
зияют глазницы, и каждая кажется раной.
Но ветер заносит в пустынную грудь маловера
прошедшее имя реки его – Кремастенеро².

¹ Джорджио Торричелли (1800-1843), архитектор.

² Кремасто-Неро (др.-греч. Κρεμαστόν νερόν – «висящая вода»).

***

Это правда. Боль проходит –
остается красота.
По холсту художник водит
кистью, пленницей холста.
Крепнет каменная штора –
в укрепляющейся мгле
светит лампочкой шахтёра
третье око на челе.

Про физические муки
не расскажем никому.
А когда откажут руки,
кисть привяжем к рукаву.
Беспросветней антрацита
залетейские пласты.
От артрита есть защита.
Нет её – от красоты.

***

От Лютеции до Курил,
не задерживаясь нигде,
ты её по земле водил,
ты водил её по воде.
То, что спутнице показал,
в память штопанную кладешь –
ветер в поле, базар-вокзал,
воробьиной шпаны галдёж.

Благодарно изумлена,
дальний свет над глухой тропой
засвидетельствовала она
сверх показанного тобой.
Шумных трав и воловьих жил
незахлебывающийся звук –
факт того, что ты пел и жил,
получаешь из первых рук.

***

Так с холодными ногами и заснул,
так с холодными ногами и проснулся,
а над морем не стихал крошечный гул,
мореход из кругосветки не вернулся.

Лапа кедра и ржавеет, и дрожит,
соловьи о мореходе не запели,
но, возможно, это он сейчас лежит
вместо автора, зарытого в постели.

***

Пока мы блуждаем в Лебязьем
в виду Боровицких ворот,
неслыханной важности, скажем,
событие произойдёт.
В деревьях, похожих на трубы,
возникнет серебряный звук,
и, видимо, девичьи губы
окажутся розами вдруг.

Двух всадников серого волка
в дорогу позвал соловей,
завёлся, зашёлся, защёлкал,
назвался защитой твоей.
Береза как лебедь крылата,
и тополь как Пушкин богат.
В расцвете ума и таланта
поёт Александровский сад.

***

Я должен заниматься только тобой, только тобой,
покуда другие тут держат хвост трубой.

А там, где худо выглядят, где дело швах,
где убыль населения набирает оборот,
где то и дело падают в двух шагах
от нас с тобой, мне следует орать – вперёд!
Я должен перед Господом, когда он есть,
но чаще перед пропастью, в которой мрак,
я должен утром яблоко тебе принести,
спалить – и пепел вымести – чумной барак.

За это причитается не тут, а там,
где музыкой уравнины Катулл и младотурок,
а нам с тобой наставили по ягодным местам
капканов златокованных, играющих шкатулок.

ЭДУАРД УЧАРОВ

ЕСЛИ КАПЛИ РЯБИНЫ ПУСТЫРНИК

***

Апреля не было, а был бетонный дом,
и Седаковой непомерный том
торжественную участь параллелил.

Горели смсок пропуска,
полиция вертелась у виска,
но маски и перчатки осмелели.

А прели не было, пришёл цветущий май –
последнего луча не отнимал,
под окнами звуча крапивной елью.

И еле-еле в этот календарь
любил всех нас любимый государь,
но мы крепчали и макиавелли.

***

Звонкая синица,
словно напоследок,
бесконечно снится
в канонаде веток.

Гарь грачей и копоть –
на дубовой коже,
а сосулькам хлопать
по плечам прохожих.

Где снимает скальпы
с зимних крыш погода,
солнцу зубы скалю –
мне четыре года.

От того апреля
никуда не деться –
я весной расстрелян
при попытке к детству.

***

Снег поскользнулся и упал –
лежит, лицом белеет,
беднягу давят, как клопа,
сапожки по аллее.

Грядёт лопата и насвай,
и соль на эти раны...
Ох, дворник, ты уж не вставай
сегодня слишком рано!

КРЕЩЕНИЕ – 2020

Ногам – асфальт, а голове – дожди,
в январских лужах плещется крещение,
в купелях тонкопение вожди
лебяжьим телом затыкают щели.

Задумчив Петропавловский собор,
стоит в лесах, но в этой глухомани
растёт до звёзд его барочный бор
и красных рыб колоколами манит.

На все грехи всего себя ограбь,
плавь туда, где с ветхого завета
торчащая колодезная рябь
пробьёт любую кожу домоседа.

Всенощное свечение воды
всей толщей волшебства так жабры сдавит –
что ты не сможешь в чудо не войти
и окунуться в православный дайвинг.

***

А не в княжеско-невском ли имени
покопаться, коль шут и не трус?
На задворках Москвы, во Владимире –
нарасхват домонгольская Русь.

Вот пшенично-тяжёлыми вязями
шелестя по шершавым углам,
Красно Солнышко бродит над Клязьмою,
проедая всю плешь куполам.

И плескает успенская звонница
гулкий зов до заокских краёв,
и в мятущейся светлой бессоннице
штукатурствует снова Рублёв.

Встрепенулись князя Долгорукие,
Боголюбские строятся в ряд,
и над городом вместе с хоругвями
Золотые Ворота парят.

Но тускнеет Ярило за тучами
и другое глазам навезло:
Мономахом по шапке получено,
сиротеет Большое Гнездо.

То ль поляки подянку устроили,
то ль литовца доносится хруст –
тяжела невесомость истории,
весела постмонгольская грусть.

ЕКАТЕРИНБУРГ

Вот ночь. И к ней луна приделана.
И пахнет звёздами вокруг.
Такими тайными пределами –
по рельсам в Екатеринбург.

Мы обойдём платину с севера,
пока свинцом не напекло,
мы разобьём стихи о дерево,
резной наличник и стекло.

Пока над садом Харитоновским
не начала заря лысеть,
мы вознесёмся в эти отблески
и уплывём с тобой в Исеть.

Охрипшими шагами коротко
/я ваших гор не воровал/
проходим красной нитью города,
сшивая за собой Урал.

И вот, над башнями высококими,
безбашенно достигнув дна,
лишь из аллюзий прочно сотканы,
поймём ли смысла второго дня? –

когда уже свобода роздана,
ты правдой больше не криви
в невяновских чертогах Ройзмана,
где спайс разрушен на крови.

ЯСТРЕБ НАСМЕРТЬ

К.А.

В небе петелька – ты, как чудесный блик.
Ястреб осенний клюв превращает в крик.

Птице не снится бродский и белый шум,
вон, я на ветке тоже петлей вищу.

Стонут петельки. И на разрыв души
«не уезжай», – в горле моём першит.

Но уезжала. Но убывала прочь.
Рельсы да шпалы, грохот в сырую ночь.

В каменном небе крымской волной косой
сладко на рану сыпала соль Ассоль.

***

Иногда умираешь, но остаёшься живым,
получаешь ф-письма и м-телеграммы,
смотришь на почерк, осязаеть нажим
и всю глубину эпистолярной драмы.

Можно ответить скупо, без новизны,
спрятав клавиатуру под толстой кожей,
ибо за пятый месяц этой весны
сизый конверт слишком уж вчетверо сложен.

Марку наклеишь – вышлет Aliexpress
самой последней модели отличный вирус –
дома качать дутого кресла пресс,
в окна смотреть, мысли носить на вырост.

Волен душою во четырёх стенах
воздух читать в тайной скрижали птицы.
Голубь почтовый пишется словом страх
и смской на телефон садится.

М.Н.

Пусть это будет хорошо,
и пусть нехорошо –
живи свободой небольшой,
дыши судьбой большой.

В любви порочной костеней,
а в светлой отмокай,
пусть пишет заново о ней
твой пушкин, твой тукай.

Пусть будет небо и земля,
и боль, и страх, и смерть.
Пусть будет только строчка для
того, чтобы успеть.

Себя научишься прощать,
поймёшь откуда грусть:
мы курим тексты натошак
и пьём их наизусть.

***

моё дело дрожать говорит мне февральский пёс во дворе
моё дело гореть дрожит под шапочкой снега рябина
моё дело в шляпе говорит мне старый шапочник поглаживая длинношерстного февральского пса
моё дело труба лает пёс помечая рябину

только точки и снег
только длинного сердца тире
только пёс и следы
только всполох рябины на лысине старого мастера
и труба и труба и труба задыхается дымом

моё тело дрожать если пёс превращается в шапку
моё тело гореть если капли рябины пустырник
моё тело под шляпой всего лишь двойное тире
дальше
точки и снег
дальше
пёс и следы

моё тело табак
тлеть и тлеть тлеть и тлеть тлеть и тлеть

БОРИС КУТЕНКОВ

ПЕРЕМЕННОЕ ТЕЛО БЕДЫ

***

грохочет земля в бреду, как смерть у себя во рту,
как ягодный чистый ад, как я в языке своём;
взрывается человек, стоит в молодом саду,
я ягодный, говорит, и это переживём,

мы ядерный, мы, мы, мы, вся родина в букве «р»:
марина бросает вервь, снимает чулки дантес,
в аду языка стою, несломленный землемер,
и чёрный взлетает сад на воздух отцовских месс;

я тоже взлетаю с ним и, ядерной фуге брат,
весь харя своих обид, заклеенным говорю:
мне дикий шиповник в рот, я пёсий кусок утрат,
по кругу меня бери – и братцу, и блатарю,

и сад отвечает «да», есмь в рот превращённый дождь,
пускает по кругу, в круг печатная рана рта;
я целка твоих небес, я тоже тебе что хопшь,
бомбящим и листовым по чёртову «никогда»,

и пьём, и расстрельно спим, в ответе за все слова,
где времени чёрт летел и в морду поцеловал,
и голы, и живы все, и лена видна – жива! –
сквозь облако в стиле ню!
и времени – наповал!

***

Вспыхнет голос – и мёртвый сосед в перелётном огне,
как при жизни ходил, так и ходит, занозист, внепланов,
– Не пиши, – говорит, – никогда мемуар обо мне,
это будут китайские тени, георгий иванов,

миномётного ангела пеньё во рту, слова для, –
– шарит комнату всю, – дай-ка память сожгу, где же спичка,
на четыре – сгорит голубая твоя неземля,
на шестой – полетит миноносица, смерть, невеличка,

это будет нерайская блажь, перелётный распил,
свет нептичий, тыдымский, ночной перченковой,
лучше то, как ходил, как мешал, как пластинки крутил,
как бесяво сидел до утра в общежитской столовой,

слышишь, брат, лучше сердце-монтаж, соловей речевой,
ближе джойсу и сну, ближе времени в продыхах дыма,
всё о нём и о нём, обо мне ничего, ничего, –
– повторяет, как бред, – нелюбим, нелюбим, нелюбима,

нелюбима моя, нелюбимо моё,
– повторяет, смеясь, беспилотно, и неба не видно, –
– я теперь высота, алфавит без ненужного «ё»,
без ненужного «б» так беспамятно и алфавитно,

испытатель опавшей беды, подождённого «нет»,
речь огню-человеку, пчела с огненным неиначем, –
– обнимаю, из мёртвой руки возвращаю билет,
безбилетно в обнимку стоим, и хохочем, и плачем.

***

Памяти Александра Петрушкина

чёрной реки поднимается сон
дым над тюрьмой тыгыдым и зека
брат у костра и зануда антон
рыбу торопят малька
смертная рыба на зецких зубах
рыба огня уходящая жизнь
в страх микрофона торопится в ах
ах с кутенковым совсем не водись

нет не водись не вода не шитьё
кройка его не вода не гранит

пьяная речь поднимается в «ё»
свет говорит

там за окном тыгыдым-тыгыдым
видно одно в запотевшем двоим
чёрную речь уходящий кыштым
хейтер проносит неатомный дым
деть нерождённый не любит отца
сын допивает водичку с лица
мама зовут неродившую мать
мне ли не знать

там на руке земляничных смертей
друг умирает меня не вина
ангела сапа и клюва лютей
слушает мёртвую птицу огня
ягодный выстрел упрётся к стене
речь озверевший расхочет огня
мёртвая бабушка спит обо мне
спящая бабушка бдит обо мне
любит меня

это кыштым тыгыдым и гулаг
сапа петрушкин оскол языка
спит драгомощенко сука в кулак
чёрный в зубах развеивается флаг
жёлтой щербинкой зе-ка

если в одном обрываясь окне
небо асфальт уходящего для
речь подземельное встрой и во мне
смертная лыба тыдыма земля
сапина речь миномётной сестрой
смерть огневушка учебка змея
райской воды поднимается в строй

брат это я

ИЗ ЦИКЛА «ЧЕРНОРЕЧЬ»

II.

Павел мой Павел внушаемый братец подмены
Чёрному снегу на смену никто не идёт
Ходит Поплавский в объёме исколотой вены
Адской метаболы в небе горит вертолёт

Кажется, ты – не тайник, заражённая местность
Бред озарённой мембраны неправда не я
Лесом густым уходящая руссо словесность
Крови до верха сестрица стакан питья

Девочка-дура из неба питейного выйдн
Видишь: зелёное – чай, а рябинное – кровь
Лермонтов плавай по грудь в недугальной обиде
Пушкин стреляй в черноплодных своих юнкеров

IV.

*О год проклятый – навет, и змеиный след,
П окрик барский, и жатва чужого хлеба...
Татьяна Бек*

о год изначальный беременный смертью живот
горит изнутри деревцо черноплодного леса
мария спешит разложившись на холод и мёд
и пушкин в ночи обнимает и любит дантеса

я тоже теперь упарсин о моём никогда
и текел и текел в рожающем теле конвоя
мария есть холод и свет и господь живота
сучит нам двоим незнакомое и ножевое

то отсвет молчанья не я и неправда не я
мы рыба песчаная временный бог «или/или»
подруга стремится к дивану ко сну питья
спешит лев семёныч к зловещему автомобилю

мы новое обэрниутство в зашитой груди
поймать бы за хвост эту хтонь и веселья втереть ей
мария ты горе обратно вдоль ада иди
со мной в переписке родившийся фёдор терентьев

и стас о своих двойниках не сошедший с ума
артём ты размноженный лес биокукла причала
мария ты нож на ноже и неправда сама
январь черноречь и всего лишь начало начало

***

I.

Говоривший молчащему – дерево предупрежде,
адский мент под ночной козырёк,
длился дождь, и воденников длился в приморском дожде,
леса ангел бормочущий рёк:

«Я юродивый бог перемен виноградной реки,
прокажённого тела вода,
отвечай за базар – это семечки или кульки,
за огонь – это „нет“ или „да“,

чёрных рынков товар с отоваренной смертью на „ты“,
их респётчатый бог горловой,
уносило меня переменное тело беды,
полусвет окунал с головой,

что сказать мне о жизни – она мальчуковый тростник,
на краю литпроцесса слеза,
это воздух уральской беды – или пепел из книг,
озарённое нет – или за»,

это лебедю в сердце сочтется ночной физраствор,
с губкой укусной стих заодно,
шоколадное врёт, что само прикарманенный вор,
будет всё, но не надо в окно,

где повешен, растянут и я неантичной лозой,
врущий сам, что смогу и смогу,
а наутро – песочной страны мезозой, кайнозой,
мёртвый брейгель на чёрном снегу.

II.

Облаком протокольным падает брат на брата
В алое ножевое брошен божествен псих
Поговори со мною вот за углом цитата
Громче дорогой речи
Я не один из них

Садка закатной речи тёмные альвеолы
Маленький бог подобий порозовел и стих
Смертной дорогой детства мальчик домой из школы
Встреть за углом прощанья
Может один из них

Тех по овечьей шапке так и не взявших вора
Куст людоедских ягод минный и разрывной
Голосом протокола хаосом физраствора
Хмурой луной укола
Поговори со мной

Может из тех из этих блюдо хинкальной речи
Весь обещавший спьяну ангельский навесной
В теле моём коварном во глубине невестречи
Свет не сберёгший сына
Поговори со мной

Режущий свет о сыне дело моё хинкали
Во глубине беззубой плодотворящий мел
Тела болящий обруч длился по вертикали
Кровью губной ветвился
И говорил и пел

Светом не спасшим бога
Взрывом не спасшим сына
Неба резец пропащий весь-молоко взвился

Я ресторанный ангел мясо моё личина

Здесь описать бы голос
Это уже нельзя

***

Захмелеет щека и попросит: ударь, ударь,
я упавшее небо, я мама другого дня
сердца стук, озверевшая дочь, молодой гопарь,
бывшей родины свет, не родись, не родись в меня

я неправды отвар, черепушное бильбоке,
до меня наклонись, ты же тоже, как я, попса,
три движения, песня любви в голубом платке,
стас михайлов гоп-стоп ножевые твои глаза

наклонись до земли – слышишь, правды не говорю, –
скорый, мамочка, скорый, свет говорит в огне –
скорый, мама, язык мой китай, приручённому словарю,
дальтоническому лучу, не водись, не водись во мне

чёрным чёрным горит наклонись я уже на «ты»
грязным ухом земля
пепел в пальцах временщика
девяностое порево родина время стыд
белым белое красное красным огонь щека

ЕЛЕНА ЧЕРНИКОВА

ШУБЕРТ И ВЕРДИ рассказ-очерк

«...День гнева – день сей, день скорби и тесноты, день опустошения и разорения, день тьмы и мрака, день облака и мглы, день трубы и бранного крика против укрепленных городов и высоких башен»¹.

Льётся зной, мы тершим, он льётся, мы тершим.

– И не надо ни «Форели», ни «Реквиема». Надо жить, жить, жить. Ты – Зоя. Жизнь.

– Помнишь, как мы любили друг друга? – спросила меня Зоя, надевая чёрные роговые очки деловым жестом.

В окно палаты ломился рыжий пережаренный август 2014; из коридора подтекало больничное амбре: суп и камфорный привкус бытия.

Зоя водрузила очки в очевидном рассуждении смотреть настенный телевизор, а меня убедить в привычном токе событий, будто гангрены нет.

– Помню, – я маленькой обожала Зою. – А что ты чувствовала вчера в реанимации? Там слышно?

– Злость: почему люди так быстро становятся покойниками! – отчеканила Зоя. – Ты всем передай: не болтайте. Там всё слышно.

Мы не миנדальничали. Любовь так любовь, смерть так смерть. Редко кто умирает столь отважно и по-взрослому, как моя крошечная семидесятилетняя Зоя, с её тридцать четвёртым размером туфель, хрустальным голосом ангела и неповторимым упрямством.

Предсмертный кайф ни с чем нельзя перепутать. Если человека выбить из лютого кайфа – спасти для заешней жизни ещё можно. Обычно люди выпадают в блаженство; внезапный покой, *всё равно* и полёт; врачи скорой помощи остро наблюдательны, лупят умирающих по щекам и кричат *открыть глаза*.

Зоя не кайфовала, несчастную больную не изображала; деловито надела очки, распорядилась передать живым, чтобы не трюндели над уходящими. Передаю.

...Я родилась, когда Зоя-школьница заканчивала десятый класс. Через семь лет Зоя повела в первый класс меня. Мы две влюблённые константы. Остальная семья мне, ребёнку, долго была бантиком. Всё мешало моей любви, как розовые рюшечки на голубом покрывале. Вероятно, что-то может быть хуже, но рюшечки как образ пошлости всплывают обычно – не помню почему.

Завидя Зою во дворе, бросалась я навстречу, регулярно спотыкалась и шлёпалась на асфальт, и коленки мои всегда светились тёмно-зелёным и красно-бурим. Любовь не отступала, сбитые коленки страдали, но что уж! От моего сердца к Зое тянулась нить золота и света. По сей день узнаю чистый ток любви по звенящей золотом нити, вылетающей из сердца без помех. Лучшая любовь – без помех. Любишь – и всё.

Всю её семидесятилетнюю жизнь её *нет* означало *нет*. Бескомпромиссная изумительно, красивая скульптурно. Метр пятьдесят шесть росту. Она младшая из детишек моей бабушки (та вовсе метр пятьдесят четыре). Формально степень – родная тётя, но куцее словцо в семье не обращалось у нас ни к своим, ни к чужим. Я слышу в нём и отчуждённость, и лубочную забубённость хмельного деревенского плясуна. Деперсонализация. *Тё – ты – тё – ты* – скрип несмазанных петель пендельтюра.

Посему только по имени: Зоя. Ты. В иных дворах, безусловно, царила тётя Клава, дымил дядя Петя. У нас – нет. Никогда. Меня тошнит от слов *тётя* и *дядя*. Как похмельный ковбой, я бью ногой в порепанный киношный пендельтюр, впадая в салун, где расслабляются дяди с тётями, стреляю с двух рук в неприятные слова и всегда готова выслушать оппонента: «Да мы все так всю жизнь говорим!..». Да. Конечно. А я – нет. Человек, которого я люблю, особый; нельзя пачкать малышovým, умильным, хлюпающим словом *тётя*. Но я понимаю простого человека, которого тянет из родной галактики в чужую: боль он оставит свою под кирпичом на ледяном астероиде, прикопает и улетит. А мы, звёзды, привязаны к Закону Божьему, мы на работе, нам шалить нельзя.

Я любила её до одури, навывлет. Зоя, получив меня на передержку, впервые тетёшкала такого маленького ребёнка; никто не знает сроков, и Зоя вкладывалась целиком. Вязала мне на косу прозрачные банты мягчайшего цветного пифона, и славились они по всему Воронежу. Она гуляла со мной за руку

и пела памятливому ребёнку всё, что хранилось в душе музыканта: училась она на дирижёрско-хоровом. Голос у неё сопоставим со специфическим *моцартовским звуком* рояля начала XX века. Мне подарили рояль на мой тридцатый день рождения. Кабинетный чёрный рояль с медалями от Императорского общества на крышке и бронзовыми подсвечниками на деке. Рама и механика – венская прямострунка. Последние слова написаны тут для специалистов.

В начале нашей любви Зоя пела и спи-моя-радость, и спи-моя-светлана, и котя-серенький-коток, и всё-всё. Но под колыбельную «Золотая рыбка» я и сейчас не усну. Надрывная *Złota rybka!* – Станислав Монюшко, польско-белорусский классик (Stanisław Moniuszko, Станіслаў Манюшка, что ты наделал!) написал её в 1860 году, и многие всерьёз уверены по сей день, будто песенка – детская, и поют себе, поют, поют; обычно по-польски. Зоя мне пела по-русски, поскольку мы шли по Воронежу. Шли, шли, а как-то перешли железнодорожный мост и очутились в странном райончике: центр города, но как за-дворки. Дошли до улицы с хрустким именем *Урицкого*, и Зоя замолчала. До смуты 1917 Воронеж имел в три вилюшки Привокзальный посёлок. Улица старинная была временами Большая Троицкая, порой Волконская, местами Соболевский переулок, а, в основном, Бринкманская по имени сада и Бринкманов, его и земли под посёлком владельцев.

Припрятанный в сердце города уголок старины, невесть как выжившей – в войну город разбомбили – таил, как детский секретик со стёклышком под деревом, не знаю что, но скрывал невысказанное. Есть в провинциальных городах тенистые улицы. Они пытаются сказать правду жизни. Но невозможна правда в жизнеописании, хотя стремиться к чистому зеркалу мы, несторы, обязаны. Вот если бы камни говорили, мы все примолкли бы. Вымысел наш неподсуден, если мы предупреждаем: врём, но честно, поскольку komponуем; а тенистые улицы со старинными домами свидетельствуют, и я – хватать топонимы как крылья – и летаю.

Я не знала из громадного наследия Станислава Монюшко ни звука, кроме душераздирающей «Золотой рыбки»: плывёт по реке, а ребёнок зовёт её на берег поиграть и готов платить всем наличным богатством своим – «хочешь, все игрушки я тебе отдам?» – а рыбка продолжает путь, и «малютка горькие слёзы льёт». Песня о неразделённой любви. Страшно. Рыбка глуховата? Зоя пела в переводе «хочешь, я игрушки все тебе отдам...» И ведь разница есть: *хочешь, все* или *хочешь, я*. Первый вариант отдаёт рынком, второй – лирическое предложение всего себя и безоглядность. В учебнике по золотым рыбкам написано, что сообразительны они, слышат и обоняют прекрасно. Значит, сволочная неподкушная рыбка просто издевается над малюткой.

Теперь я себя спрашиваю, в 2024 году: почему мировое искусство не справилось? Все искусства – фото, видео, моно, стерео, кино, цирк, поэзия, донос, памфлет, шахматы, политика, ирония, скорбь, история, спорт, секс, шоу, криминалистика, флористика, танатология, бизнес, философия и даже метеорология – сказали своё слово. Разве что балет промолчал. Но не справились все. А ведь я верила, что поймашь золотую рыбку – мир озарится вечным добром.

Думаю, детство моё раннее вышло избыточно театральным. В тени берёзовых роц, когда Зоя пела мне о высокомерной рыбке, я листала альбом карикатур и копировала грустные рисунки Херлуфа Бидструпа через чёрную бумагу простым карандашом. У знаменитого датского сатирика всё не смешно. Да, мастер, но у него всем не повезло. Вы помните, как два порося в брильянтах – он и она – с умилением берут с улицы бездомного и сотворяют ему рождественский уют с подарками, ёлочкой, свечками, улычками, глубоким плюшевым креслом, и по уши тонет в неге ряя счастливец с небритыми щеками. По окончании вечера человек со свистом вылетает в метель, и не успел он удивиться смене обстановки, как в копчик ему благотворительно прилетает лакированный удар буржуинского башмака. Сеанс человеколюбия окончен, говорит советскому читателю книга западного художника, чтобы разобрал, где живёт перманентное человеколюбие, а где дискретное. Я-то сразу поняла, я взрослая, мне уже лет пять или шесть, – что бывают нехорошие богатеи: поглядят небритого бездомного, а потом пинком под зад. Звери. Как так можно. И чванливая рыбка, сверкая золотыми боками, плывёт мимо рыдающего человека. Не вернуться от познания, ну никак.

...Реанимация в августе плоха жарой, измученностью жертв и врачей, а у меня в другой больнице ещё и муж чуть живой, и я катаюсь между районами Москвы, холодно вопрошая расплавленные небеса, кого из них удастся спасти – Зою или мужа. Я пендельтор, осыпается старая краска, кач-кач, и почти вся уж облушилась. Хвост кусает голову: в иных догматических газетах пишут, что смерть – главное событие жизни. Утверждение сильное, но небесспорное, хотя выдолблено, считай, в камне. Зоя с древнегреческого *жизнь, ζωή* – эолийский диалект; отсюда наша с тёткой бешеная любовь: в нашей крупной семье она единственная – моя планетарная землячка; в детстве, пока просто любовь, подобное в голову не приходит; лишь с возрастом, когда нахватываешься слов.

Решение вошло в голову ранним утром 31 августа 2014, и я нашла в раскалённой Москве почти первую её почти любовь: Виктора. Он мальчишкой жил в том же послевоенном дворе и всё видел. И вы видите – я никак не начну повествование о фонтане: мне то литературно, то жизненно, и всё ни к месту любовь,

словно в доме покойника поговорить о бабах покойника, не оставив места самому, но всё чушь, и я уже десять лет не могу записать эту историю, и сейчас, возможно, последняя попытка.

Упругой походкой в гроб низойти нелегко. В Москве в описываемый период жил философ, публицист-антиэйджист Р.; выступал по радио, устраивал показы похоронной моды; он хотел людям добра. Дефиле от бедра к одру. Сам умер внезапно, молодым. Мы познакомились на светской вечеринке. Р. был в белом пиджаке.

...Юная Зоя начала шествие по пути – путешествие – выпускным экзаменом музыкального училища. Маленькая и прекрасная, как фарфоровая статуэтка, дирижировала она *Dies irae* Верди, «Реквием». Зоя за пультом была незрима ввиду роста, неприемлемого для оркестрового дирижёра. Её не было видно из середины зала, где я сидела, и мне казалось, будто хор и оркестр взывают ко Всевышнему самостоятельно:

Dies irae, dies illa,

Solvat saeculum in favilla:

Teste David cum Sibylla.

Латинская средневековая скорбь заполнила мирный провинциальный зал: полный симфонический оркестр и хор слаженно и величественно ревели пред госкомиссией дирижёрского-хорового факультета будто в отсутствие управляющего начала. Концертная конструкция, не лишённая infernalного юмора: буквально под Богом ходим и Богу поём. Ни дирижёрской палочки, ни рук, ни страдальческого лица, как, например, в наши дни у Курентзиса. Но за *Dies irae* Зоя получила *отлично* и приглашение на работу, коим и воспользовалась немедленно. Наша крошка стала хормейстером огромного государственного коллектива.

В биографиях невозможна правда, ибо читатель жаждет до сюжета: сознание не берёт из справочника, не может; фабулы – как *было* – ему мало. Налей читателю сюжета чарку! Сюжет – это как *рассказали* фабулу. Плутарх понимал. Античный *φύβος* – псогос, то есть хула, либо *ἐγκωμίων* – энкомий, то есть восхваление, издревле стучат копытцами под дверь господина сочинителя: не говори как *было*, говори как можешь. Я не могу рассказать её: Зоя – жизнь по-гречески. Могу попробовать о любви, но где она, любовь! Я люблю Зою. На Земле не всегда любят своих, родню, близкие души; часто любят просто так. Как хорошо любить без причины. Знаю!

...И я привела Виктора к Зое в больницу, и они пели песенки, а я записывала видео, как люди поют: он успешный, семейный, в бизнесе, красавец-полковник; она – при смерти ввиду диабета и сопутствующих, разведёнка, грузная, полуслепая, ноги в гангрене. Но голос её чист, и дуэтом может прозрачно и ввысь, и лёгкость струилась по палате. Профессия неубиваема. Профессию своим детям придумала моя бабушка, их общая мать, вечно ими раздираемая на кусочки ввиду кипения детской ревности.

...После войны моя бабушка со всем выводком вернулась из эвакуации в Воронеж. Зою бабушка родила ещё там, в Николаевске-на-Амуре, выполняя рекомендацию гинеколога: родить для оздоровления. Из всех её детей Зоя – плановый ребёнок один. Остальные получились ввиду замужества и страстной дедушкиной любви к жене. Он буквально не мог остановиться. Когда бабушка умирала, я сидела рядом с ней в палате интенсивной терапии, все прочие в ту минуту вышли в коридор, она убедилась, что мы одни, и попросила меня:

– Передай ему, чтобы пошёл на х.. и не приближался к больнице! – отчётливо и громко высказала мне бабушка своё последнее желание. И – шестой инфаркт. Её не стало 20 сентября 1986. Заметим число: 20 сентября. Это важно.

Бабушкины дети все любили её до крайнего безумия, а сын, музыкант, после её смерти перестал писать музыку, потому что писал её для матери. Все мы, дети её и внуки, делали всё, чтобы нас одобрила *она*. Зоя внешнею единственная вышла кошкой матери, отчего ей одобрение не требовалось в той надрывной степени, как нам. Голоса их были до старости хрустальны у обеих, ангельские. Зоя родилась и жила на особом счету, и никто не спорил. В чём-то нам всем повезло чрезвычайно: ведь не каждый скрипач, альтист, дирижёр и писатель может, как все мы, обращаться к прамати как единственному адресату – без сантиментов, с умом и сердцем.

Одна юная женщина, в анамнезе поэтесса, на днях сказала мне то же самое: после смерти её родни сгинули все значимые критики её жизни, от которых и слова доброго не дождёшься, вечно недовольные, вечно с подначкой, словеса с вытребенками, будто девица с коромыслом плывёт по картине, а поодаль хамы хамят, потирая жаркие подбрюшья, но прощать их легко: они всегда заинтересованы. И у нас клаповая черта: лучше не хвалить вовсе, лишь бы не перехвалить. Манера от бабушки: она держала планку, но если кто-то из нас играл или пел порядочно, могла заплакать от радости. И всё: счастье. Мы – таяли. Мы знали, что не по земной *кровиночке* плачет мать, а по уровню, предъявленному нами в искусстве.

...Всё-таки странно действует смерть близких на художника. Кто прекращает вовсе, а кто переходит, скажем так, на бутерброды: из лириков изливается философия, рифмы разбежались и потерялись прищепки, искать и склеивать метафоры лень, и возрастает умствование.

...Я всё никак не перейду черту. А, ладно. Нет сил. Зоя в августе 2014 умирать не стала, словно уважила мои старания. Мы успели в августе, между реанимациями, наговориться за всю жизнь, несмотря на её злой

атеросклероз, время от времени выведивший её сознание в параллельный мир со спутанными датами, но главные ноты были всегда при нас, и Зоя ни разу не перепутала любовь с ненавистью. Я договорилась в больнице, чтобы Зою оставили у них ещё на месяц, но тут заскочила шустрая судьба и на машине уволокла Зою в Воронеж, а там она умерла день в день со своей матерью – на дистанции времени, но день в день – 20 сентября. *Dies irae*.

Их общий голос и точёный овал иконных лиц вкупе со стальным характером – всё ушло в песок, их нет уже, но я знаю теперь, что никто ни у кого просто так не рождается, даже если доктор посоветовал. О зачатии звука говорю, и никто не подумай, будто люди появляются из удачливой зиготы. Мир звучит; человеку звучать – естественно. Бабушка в юности проходила мимо воронежской музыкальной школы не дыша, как воперковлённый неопит мимо храма. Изю всех окон лилась разноголосая сладчайшая какофония – под музыку бабушка клялась, что выучатся дети здесь. Все мы выучились, а Зоя тут полжизни ещё и преподавала. Всё в дом, всё в дом, и – музыка фонтаном.

И не подумаю строить композицию. Для сюжетного удобства могла с фонтана и начать, но нет. Фонтан на улице с хрустким именем невесть-кто-таков-Урицкого 1949, по возвращении в город жителей из эвакуации, вернул себе роль места силы. Фонтан помнил ещё старых и красивых провинциальных любовников дореволюционной выделки. В начале XX века тут фланировали. Полагаю, девы опускали пальцы в холодную воду. Фонтан и в революцию выжил, и после Первой войны, по выводе барышень из оборота века, журчал он граду и миру.

Там на улице Урицкого и затейливые каменные дома, сложная кладка, и деревянных узоров музыка, и нравы строго-невинные, девицы строгие, невиданные. По окончании первой смуты с беспардонной трансграничностью века дали улице, понятно, имя Урицкого: Моисей Соломонович до кончины своей в 1918 был председателем Петроградского ЧК. Его убили в тот же день, когда Фанни Каплан ранила Ленина. Огнестрелы бухнули на изрядном расстоянии от Воронежа, в котором ни единый камень Урицкого не помнил, ибо при жизни чекист в Воронеже не был, но, как бывало на каждом шагу, донеслось имя, приклеилось.

Влажный жезл эстафетный, палочка пятиметровая, свежесть и вечность – кто не кидался поговорить о фонтанах, написать стишок – все! Султаны любили фонтаны, цари, безногий мужик послевоенный – всем любовь говорит о фонтане. Воронеж разворотило, но граждане вернулись из эвакуации – а фонтанчик на Урицкого жив. Он споро взялся за своё. Фонтанирует, чудо хрустальное. Тут что-то метафизическое. Худенькая Зоя пяти лет вскарабкалась на каменный край чаши, поскользнулась и упала в воду. Через пять секунд перепутанную девчонку выхватили доминошники, мокрое в зелёный горошек платьице сорвали, слёзы вытерли. Старик-сосед рубашку свою скинул свежую, завернул ребёнка целиком. Из окна второго этажа сверкнули глаза. Через минуту женщина-мать с прекрасным маникюром вышла во двор красивой быстрой походкой, будто на каблучках, забрала хлюпающее дитя и унесла вместе с платьицем. У моей бабушки была предсказанная судьба и характер донского казака. У моей бабушки было много детей, включая меня, внучку-сироту. Своих внутриматочных рожала бабушка пять с половиной раз. Абортов, подпольных ввиду сталинского запрета, она запомнила примерно двадцать. Разумеется, без наркоза. Я ей досталась по старшей дочери, рано умершей ввиду лютой любви. На следующее утро после падения ребёнка в воду приехала бригада и бульдозер. Опешившие доминошники, переглядываясь, похватили костяшки, табуретки, столик с избитым квадратом серо-молочной пластмассы в крапинках оспин от «Беломора», отступили к яблоням. Мужики молча глядели, как гибнет их послевоенная вселенная. Ужасом стянуло душу, как тонкую кожу на степном ветру. Уничтожение фонтана, вокруг которого жил весь двор, вышло вроде гимна материнству, и нам их не понять. Ребёнок Зоя была четвёртый. Не первый, не единственный. Но фонтан, на миг испугавший её последнюю девочку, с лица земли смахнула бабушка, ровно случайную муху.

И когда работы подневольно казнили фонтан, в преисподнюю потекла золотистая июльская прохлада, полная незримой форели Шуберта. Вода ввинтилась в узкую горловину бездны и – кончилась. Открылось бутристое бурое дно. Бетонную чашу раздолбали, крошево сребрило, мелочь вымели, трубы заварили. Планеты, спутники, кольца вертелись на местах, объятые своей провинциальной вечностью; недовольная пылинка двуногая тщицалась перекакофонить Бога. Пылинка всегда строит капсулу – прошмыгнуть сквозь строй, порядок, обойти склоны пространства, изогнуть время, переписать Закон. Пылинка, польхающая страстью.

Мокрый круг следа залили горячим духмяным асфальтом. Он распаренно и нагло, по-чёрному передразнил высокое полуденное Солнце, не доигравшее своего Шуберта на прощальных струйках. Маленькая Зоя больше не играла у фонтана. Мне маленькой она пела страшную «Золотую рыбку». Пролетел гордый пижон журавль, и синица шнырь-чирик за журавлём из руки; встало солнце, упало солнце.

Доминошники в глубине сердца понесли по домам недозабитого козла.

¹ Соф 1:15-16, Ветхий Завет.

ОЛЬГА АНДРЕЕВА

СОФИЙСКОЕ СЕДЛО

рассказ

Олег сидел в УАЗике сзади и от грохота не слышал разговора Леры с водителем. Сквозной скелет джипа трясло и швыряло по камням, Лера удивлялась, почему никто здесь не выйдет на субботник и не раскидает по сторонам хотя бы небольшие, до полуметра в диаметре валуны. Нет же, прямо по ним и прутся!

Зато красивый японский внедорожник вернулся, не проехав и километра, с огорчённым юным водителем и его девочкой. Местный проводник остановил его и назидательно выговорил:

– Ты сюда не езд! Здесь только такая машина, как у меня, пройдёт! Не создавай проблемы сам себе и своим родителям! Потом будешь плакать – «у меня трансмиссия полетела...».

Парень глядел перед собой очень сердито, на лице его было написано – вы же нарочно не хотите ремонтировать эти несчастные девять километров дороги – чтобы туристы платили только вам, чтобы никто не мог своей машиной доехать до Ледниковой фермы!

Обаятельный круглолицый Таубек, вызвавшийся отвезти Олега и Леру на заветный двухтысячник, с которого начинаются пешие маршруты и к водопадам, и к озёрам, и опасный, закрытый летом маршрут на ледник, – конечно, не был виноват в этих порядках. Он только соблюдал договорённости, не уступал туристам ни в расценках, ни в условиях – иначе братья откажутся с ним работать, и что тогда? Другой работы в селе нет, не в официанты же ему идти, избави Аллах.

Дорого они берут с туристов, конечно. Домбай выходит дешевле Архыза, хотя по красотам не уступает. Разве что телескопа там нет... Да, на телескопе местные парни хорошо научились зарабатывать. Все приезжие хотят обязательно его осмотреть с умным видом. Для этого были придуманы и согласованы с учёными две экскурсии – одна дневная, другая ночная. Ребята-астрономы стали было резонно возражать, что они бы и за один раз всё людям показали – пусть приезжают на закате, сначала телескоп осмотрят, а потом уж и звёзды, как стемнеет. Но местная архызская община настояла на двух отдельных экскурсиях – тогда туристам придётся в два раза чаще подниматься на гору к телескопу и с неё же спускаться. И для этого экскурсионное бюро заключило договор с таксистами, и как ни возмущаются интеллигентные приезжие любители звёздного неба, выхода нет: экскурсия стоит шестьсот рублей, а подъём-спуск – четыре-пять тысяч, не менее. А раньше, при коммунистах, говорят, людей туда возил простой рейсовый ПАЗик за пять копеек.

– Ну и дорога... – прервала Лера его размышления после очередного прыжка через валун.

– А раньше, при коммунистах, тут хорошая дорога была! – сказал Таубек, явно никогда не живший «при коммунистах». Та жизнь, похоже, уже становится местной легендой...

Лера много раз слышала это «при коммунистах» – в Адыгее, например, говорят так же. И чаще всего в горах вспоминают именно хорошие советские дороги. Хотя, казалось бы, с тех пор асфальтовые заводы стали куда лучше – немецкие, закупленные, что стоит заасфальтировать эти девять километров – на великолепном скальном основании?

– Ведь та поляна не зря называется «Ледниковая ферма», – продолжал рассказывать Таубек – там раньше и правда ферма была, коровники.

– Тут и сейчас полно коров – огляделась Лера.

– Да, их по-прежнему тут выпасают, со всего Архыза стадо гонят на луга.

На альпийские луга, да... (Точнее, здесь они субальпийские). Тучные, довольные, разноцветные, как на картинке, коровы, радостно жующие невероятной красоты цветочки, которые растут только здесь и более нигде в мире...

Лера видела вчера, как всадник-пастух сгонял стадо, возвращавшееся в Архыз – абсолютно кинематографичный серьёзный молодой джигит на стройном чёрном коне – покрепче арабского, местной

какой-то породы, но длинноногий и горделивый скакун... В посёлке очень много лошадей, по вечерам местная молодёжь совмещает приятное с полезным, и парни, и девушки разбегают на конях, а цугом за собой ведут ещё по четыре-пять, жеребята рядом бегут, смех, веселье, но о деле не забывают, выводят коней в ночное...

И табуны диких лошадей здесь тоже не редкость.

На поляне Таулу на берегу Псыша сегодня с утра договариваться с проводниками на полноприводных УАЗиках направился Олег. Лера отошла в сторону – в мусульманской республике деловые вопросы решают мужчины. В её представлении. По этой же причине она не носила здесь ни шорты, ни бриджи, ни слэшом открытые майки.

Бородатые хозяева поляны сразу предложили Олегу стандартный вариант:

– Мы вас отвозим на Ледниковую ферму, вы там гуляете по водопадам три часа, и мы едем обратно. Всё это стоит пять тысяч.

– Почему же всего три часа? Мы на целый день рассчитывали, дотемна погулять, – удивился Олег.

– Я вас уверяю, вы там всё осмотрите уже за два часа, там целый день нечего делать – настаивал бородач. Олег не согласился, они читали о Софийских водопадах, их девять. Что значит «нечего делать»? В таком месте жизнь прожить можно...

– Тогда я могу вас туда отвезти, а обратно с другим кем-нибудь договоритесь.

– И за сколько вы нас отвезёте только туда?

– За четыре, – не моргнув глазом, ответил старший. Олег попытался поторговаться – ему объяснили, что не имеют права уступать, такая цена здесь у всех.

Народу в этот день на поляне было мало – дождь в прогнозе. Олег с Лерой – бывалые туристы, они знают, как сильно в горах погода отличается от прогнозов, и практически всегда – в лучшую сторону. К тому же они уже много незабываемых маршрутов прошли в невесомых дождевиках – у природы нет плохой погоды.

А вот попутчиков на водопады на поляне не нашлось. Поехали вдвоём, Лера села вперёд рядом с водителем – для лучшего обзора. Машина была открыта полностью, стёкол нет ни впереди, ни сбоку, верх брезентовый тоже отсутствовал. Ехали по словому лесу с внезапно открывающимися полянами, а на них – невероятные архызские цветы. Иногда встречались заболоченные луга, а на дороге между ними – огромные лужи, – тут Таубек весело газовал, и они поднимали целые ворохи брызг, сияющих на незлом архызском солнышке. Незлом – в сравнении с Приэльбрусьем. Вот там в горах от солнца мгновенно волдыри на руках и на щеках, Лера там в балаклаве гуляла... А здесь просто идеальное сочетание для туристов-однодневок, как они с Олегом – совсем недалеко от дома есть и ледник, и водопады, и альпийские луга, и снежные вершины... А к вечеру возвращаешься в цивилизацию.

– А что за тем перевалом? – прокричала Таубеку Лера (мотор ревел на подъёме), увидев в ровной горделанвой зелёной гряде уютную выемку, значительно меньшей высоты, а значит – проходимую...

– Там другие горы... – философски ответил Таубек, а потом встрепенулся, вспомнив:

– Кстати, а у вас хватит времени пройти по хребту до этой смотровой площадки, а потом спуститесь на водопадную тропу. Во-о-он, видите, куда люди пошли? И вам вот по этой тропе надо подняться. Я в детстве ходил там несколько раз, а сейчас, правда, давно уже не был – не тянет почему-то. Но там очень красиво!

«Ага, вам там три часа за глаза хватит» – вспомнила Лера слова бородача, но – промолчала.

На поляне стояло несколько джишсов, деревянный туалет с двумя голубыми кувшинами воды рядом на лавочке – восточная традиция! – и несколько человек уходили мимо кафе с хычынами по тропе к ревущему в сотне-другой метров первому из водопадов.

– Нам не туда, – остановила Лера Олега, потягиваясь и вдыхая настоявшийся запах пихты, сосны и удивительных горных берёзок, и передала ему весь разговор с Таубеком, показав рукой на солнечный ярко-зелёный перевал.

Они пошли по тропе, карту доставать пока не было необходимости.

В какой-то большой воронке вдоль дороги – карьерчик там был когда-то, что ли? – паслись козы. И опаловые, и чёрные, и молочного цвета. Они все как по команде сбились в группу на камнях и повернули головы к Лерину фотоаппарату. Просто идеальный кадр получился, с козами всегда так, они очень хорошо позируют – правда, со страху. Лера с Олегом скорее ушли прочь, чтобы их не пугать больше. Перепрыгнули невинный ручеёк – вытекающий из того самого грохочущего водопада.

Их тропа уводила пока прочь от водопадов, на склон с другой стороны долины. Вдали по дороге двигались фигурки, но среди трав намечалась хорошая тропка по хорде – и они, конечно же, пошли по ней. Лера не переставая снимала и всю долину, и каждый альпийский цветик в отдельности, – всё время попадались новые, невиданные пока...

Скоро, впрочем, стало понятно, почему нормальные люди пошли по дороге, а не по этой козьей или овечьей тропинке – она всё сужалась, и вот уже встречные татарники больно хлещут по ногам – а Олег в шортах! Крапива жётся даже через штаны, да и борщевиков многовато рядом, а они же ядовиты! Лера решительно свернула прямо в траву и стала пробираться к дороге.

И как-то вместе с ожогом крапивы на руке, с внезапной, как всегда, болью в коленке от резкого поворота – вернулось с набежавшей тучкой и это, затаившееся, обидное и болгочее... Лера взглянула на безмятежно шагающего впереди Олега. Теперь ей казалось, что его милый затылок что-то скрывает... О чём думает её муж, глядя на эти луга и горы? О ком думает?

Нет, ей не хотелось об этом его спрашивать – ведь понятно же, что он будет говорить, – то же самое, что говорил уже два десятка раз... Но ей в минуты подобных приходов кажется, что не обо всём ещё спрошено, что остались какие-то невыявленные лазейки для предательства, захлестнувшего её тогда, аж восемь лет назад... Хотя он и тогда всё отрицал. Он всегда умел её убедить, уговорить. Но... случай за случаем, оговорка за проговоркой – она видела, не могла же она притвориться слепой, – что-то происходит за её спиной, а то и прямо перед её лицом. Та девочка, которой она всегда восхищалась – ведёт себя так, будто её, Леры, нет. Будто их с Олегом – нет. Будто есть что-то, связывающее Олега и эту девочку, привязавшее его к ней навечно – хотя на самом деле это с ними было ещё до её, Лериного, появления, а потом прошло, и Олег рассказал об этом Лере в первые же их дни, тринадцать лет назад.

– Но почему она себя так ведёт? Почему чувствует за собой это право? Наверное, ты каким-то образом её поощряешь? – в десятый раз после десятого рецидива спрашивает Лера Олега.

– Да не нужна она мне! – так всегда начинает Олег свою партию в этих ставших уже привычными перепалках. Ну да, он просто вежлив, и галантен, и велеречив. И её бы это не волновало, ей нужна только непоколебимая уверенность, что этим «просто» всё и ограничивается.

А потом эта девочка размещает в соцсети некое рассуждение в духе – я же знаю, ты думаешь обо мне, ты слышишь мой голос, но ты не плачь, это всё скоро пройдёт – не называя имён. Девочку все жалеют, такие же девочки и мальчики готовы для неё свернуть горы – а более взрослой Лере остаётся только чувствовать себя преступницей и разлучницей, потому что она знает доподлинно, по ком этот плач. А Олега ещё и угораздило в первый раз поставить лайк под подобным излиянием – сочувствие проявил, эмпатичный...

Поначалу Лера принимала это его объяснение – с хорошими людьми надо поддерживать хорошие отношения, ясно же. И быть яростной ревнивицей рядом с Олегом вообще невозможно, не выживешь – на нём задерживает свой взгляд каждая вторая. А он вежлив, дружелюбен, находчив – в ответ. В литературных провинциальных кругах много одиноких женщин, экзальтированных поэтесс – и Лере не раз приходилось изумляться их изобретательности – от присланных Олегу на ватсап стихов «на рецензию» (Олег руководил местным ЛитО при библиотеке) с первыми строками «я – та донская кобылица...» и до чьих-то воспоминаний из прошлой жизни, где – ты уж, Лера, прости – ещё в семнадцатом веке они поклялись быть вместе навсегда.

Даже и в этих курьёзных случаях Олег этим женщинам всегда улыбался, подстраивался на их волну и нёс полную чушь – чтобы не дай бог не обидеть хорошего (хоть и странного) человека. Очень часто женщины воспринимали это как поощрение, как знак особого расположения – и становились ещё смелее. Лера с Олегом ссорились на тему «ты в ответе за тех, кого приручаешь», в смысле, кого не послал вовремя.

День восьмого марта у Олега всегда начинался одинаково. Сначала он поздравлял, конечно, Леру, а потом, уже после завтрака – открывал записную книжку и начинал методично обзванивать всех знакомых женщин, начиная с буквы А. После этого ехал в город «пройтись по магазинам» – и наносил визиты с букетиками цветов несколько особо уважаемым особам, для Леры важно было, что их всё же несколько, а не одна. И что потом он возвращался домой – и начинался праздник только для них двоих.

– Будь ты женщиной – ты вечно беременным был бы! – говорила она в сердцах иногда.

Она не верила, что Олег привязан по-настоящему к кому-то из этих женщин – но знала, что из придуманного им представления о долге он способен длить эти спектакли бесконечно, особенно если страдалца одинока и в почтенном возрасте. Да, они часто бывали много старше Олега, эти женщины.

А девочка была много моложе. Когда-то давно Олег был в неё влюблён. Это не стало чем-то большим, девочка была замужем, Олег иногда провожал её после общих каких-то встреч и только. Потом девочка уехала с мужем в другой город. А когда появлялась снова у них, они подолгу гуляли по городу с другими общими знакомыми. Иногда эти встречи проходили без Леры. Обычно она же и говорила Олегу: «Пойди сам, у меня так много дел по вечерам». Ревновать ей почему-то не приходило в голову – Олег ясно сказал, что там всё закончилось, не начавшись, ещё до их с Лерой встречи. И – Лера очень хорошо к этой девочке относилась, доверяла ей больше, чем себе, и ей не хотелось, чтобы та почувствовала себя одинокой в родном городе. Олег ей потом всегда пересказывал, о чём они разговаривали – о литературе, о религии. Никогда – о личной жизни. Да это и бывало не чаще одного раза в год.

А потом разразилась катастрофа.

– Ты чего, солнышко? Колено болит? – Олег подошёл к сидящей на камне Лере. Она обычно быстро выдыхается на подъёме – но здесь же ровное пока что травяное раздолье.

– Нет. Не очень, – сказала она и посмотрела ему в глаза исподлобья – хорошо ему знакомым взглядом.

– Опять! – взмахнул он руками. – Ну сейчас-то – с чего вдруг?

– Не знаю... – она бессильно встала.

– Нет ничего, слышишь? Вообще никаких контактов. А если что-то будет... с её стороны – я сразу тебе скажу!

Это была формула, необходимая ей время от времени. Время от времени Олег ей это повторял.

Они постояли, обнявшись, возле этого ручья. Потом Лера натянула наколенник и решительно направилась вверх по склону. Олег умел гасить вот такие всплески памяти – но не знал, как отменить их навсегда.

Идти вверх легче всего быстро – так меньше устаёшь, и морально тебе радостнее – вон на сколько поднялся! По этой тропе назначать точку следующего привала было легко, потому что она вся сплошь через каждые десять метров была размечена ленточками с символикой Тинькофф-банка – для горного марафона, который тут скоро начнётся. Маршрут длиной пятьдесят два километра проложили по самым красивым местам, а значит, и на Софийское седло (а это и есть тот самый перевальчик, как показала карта Mars.me) приведёт обязательно.

Тяжело дыша и хватаясь иногда руками за стебли, Лера добиралась до намеченного флажка – и оборачивалась. Картина становилась всё более полной и величественной, как хорошо, что современные фотоаппараты не требуют плёнки... И день становился ещё прозрачнее, из рассеянной утренней дымки проступили новые хребты, тут нужна уже карта, этот волшебный нейминг имеет в горах особое значение – так радостно знать имена всего, что тебя окружает – от горного хребта до малой травинки... На северо-западе долины реки Софии – Абишира-Ахуба, левее – скалистые вершины Кара-Джапш-Кая и Купш-Кая.

Вдоль бурной реки тянулись альпийские луга, на них – миниатюрные коровки... Подходил Олег. Он шёл медленно и размеренно, нёс за плечами все их пожитки. Отдыхал он стоя.

Вскоре они увидели на другой стороне долины – водопады. Собственно, это и есть Софийский ледник, это и есть она, красавица София, одна из двух главных вершин в этих местах. С каждым этапом подъёма она открывалась шире и полнее. Дух захватывало.

Вон у тех кривых берёз, серебристых, растущих дружной семьёй из одного корня, они сделают привал. Надо взглянуть на карту, там две тропы расходятся в разные стороны, и Лера охотней свернула бы на правую, хотя и марафонские флажки, и карта настойчиво рекомендуют ту, что левее – а она выводит прямо на хребет Четет-Чат, вернее, на его отрог, хоть и подбирается к нему слегка наискосок.

Ещё несколько марш-бросков – и вот уже Софийский ледник как на ладони, поляны с джипами не видно совсем – но и перевал, к которому они идут – им теперь не виден. А жёлтые флажки зовут ещё пройти по склону вверх – и там откроется, что же таится за хребтом, с другой его стороны.

– Ты чего вдруг вспомнила? – спросил Олег.

Зря спросил. Она только-только отвлеклась.

– Да так. Представила вдруг, что было бы, прояви я тогда характер, восемь лет назад...

– Ничего хорошего не было бы.

– Ты был бы сейчас с ней?

– Да нет же. И в этом случае – всё равно нет. Просто потому, что мне это совсем не нужно и не интересно. Как сейчас, так и тогда было, – голос Олега становился злым.

Тогда было так – Лера уехала из города, а Олег провёл с этой девочкой целый весенний день. Встретились будто бы и правда по делу, а потом просто по-дружески бродили и разговаривали.

И не было бы ничего в этом из ряда вон выходящего, если бы Олег не решил почему-то скрыть от Леры эту их встречу.

Позже он уверял, что не скрывал более ничего и никогда, вот только в этот раз, и то – неудачно.

Всё было бы хорошо, но девочка как раз ничего скрывать не стала. Она в соцсети разместила подробный пересказ всего их маршрута – и выставку современного художника, и парк, и книжный рынок, – с фотографиями их обоих, спровоцировала десятка два шуточных комментариев – дескать, с вами всё ясно, отвечала на них смеющимися смайликами...

Всё это Лера разглядывала невидящим взглядом, слушая Олега по громкой связи:

– Да нет, так куда и не пошёл, весь день дома провёл, а у тебя как дела?..

Наверное, девочка хотела таким образом их поссорить. Что же, ей это удалось. Наверное, она тогда предпринимала ещё нечто подобное, о чём Лера не знала. Письма там, фотографии...

Они помирились тогда. И даже решили вести себя как ни в чём не бывало, не выяснять отношения. Этого они оба боялись как огня – каких-то публичных сцен.

– Я не хочу и не буду с ней конкурировать. Она моложе, талантливее, лучше, – повторяла Лера.

– Но я люблю тебя, а не её, – настаивал Олег.

Общие знакомые иногда смотрели на них с лёгким недоумением – вот ведь они всегда вместе, а если послушать ту девочку...

Все трое продолжали мирно общаться в соцсетях, ничего личного.

Через два года на три июньских выходных они собрались на море. И тут Олег, честно выполняя своё обещание рассказывать обо всём, сказал, что получил письмо, девочка придет, предлагает встретиться. Он кратко ответил, что уезжает, в ответ получил обиженное «Понимаю...».

Олег это рассказал огорчённо, он чувствовал себя перед девочкой – виноватым. Парадоксально, что Лера тогда тоже хотела как-то загладить тот факт, что вот, раз в году – и то не удалось встретиться.

С другой стороны она осознала, что даже под пистолетом не стала бы вести себя так назойливо – но кто их знает, возможно, это и значит по представлениям нынешних психологов «бороться за свою любовь».

«Если вы считаете, что добиться взаимности реально, отнеситесь к своим чувствам, как к задаче, которую можно решить. Не замыкайтесь в себе. Вам это поможет отрегулировать эмоции».

«Очень полезно письменно фиксировать свои проблемы и навязчивые идеи. И не замыкайтесь в себе, расскажите всё близким людям!».

«Открытое признание позволяет отношениям стать взаимными. Даже если ответ нет, то нужно выходить на новый этап и выстраивать другой уровень взаимоотношений, учитывая все прошлые ошибки. Не забудьте похвалить себя за смелость!».

Вот согласно этим премудрым интернет-советам и продолжалась «борьба». Слишком тёплое и двусмысленное обращение к Олегу в соцсетях, невинные просьбы в личку, а потом вместо благодарности признания в любви... Лере он об этом не рассказывал – но сам проникался сочувствием к бедной девочке и позволял ей продолжать в том же духе.

А потом Лера как-то случайно узнавала об этих мелочах. Почти всегда. И это стало просто её копмаром. Между тем девочка продолжала рассказывать соцсетям о своих сердечных ранах – не называя имён, не вдаваясь в подробности – но по её описаниям выходило, что между ею и её избранником стоит некая непреодолимая мрачная сила, которая мешая им обоим. Комментаторы по-прежнему ей сочувствовали.

Год назад Олег с Лерой прекратили всякое общение с девочкой – после того, как к «борьбе» подключилась и её подруга, и предприимчивость и изобретательность «борьбы» уже даже толерантному Олегу стали казаться слегка за пределами адекватности. Девочка продолжала описывать в соцсетях свои чувства, в полной уверенности, похоже, что страдания безответной любви известны только ей, а прочим смертным недоступны.

Лере эти чувства были ох как хорошо знакомы и понятны – но она бы скорее согласилась умереть, чем сделать их достоянием общественности. Умирала от боли, да. И не раз. Но молча и незаметно для других. И только такое поведение считала нормой.

...Она и не заметила, что уже минут десять излагает всё это Олегу. Дорога выровнялась, дышалка больше не мешала, другая сторона хребта всё ещё была терра инкогнита – тропа пролегла по небольшой полочке и уходила всё выше.

– Зачем ты мне это снова повторишь? Сколько можно? – гремел на всю округу Олег, в горах хорошая акустика.

Лера знала, что ей давно пора остановиться – а то и поздно уже... Невозможно же испортить привычным сценарием выяснения отношений этот сияющий неповторимый день. Это и правда невероятно глупо – когда весь свет, весь бесконечный твой мир сходится клином из-за чьего-то упрямства... Но тут же перенастроить свой раздражённый голос ей было сложно.

– И вообще, куда это мы прёмся? Мы же совершенно очевидно свернули не туда, нам гораздо ниже надо было!

– Да ты на карту хоть взгляни, ниже нет ни единой тропы!

Где-то на хребте залаяла собака. Скоро они и увидели небольшого бело-рыжего пса и молодую пару – его хозяев. Продолжая спорить о правильной дороге, приближались к ним, идущим навстречу, потом Олег ускорила шаг, чтобы расспросить ребят.

Рыжий пёс рванул к нему. Пёс слышал раздражённый разговор, низкий и злой голос незнакомца – который сейчас приближается к его хозяевам, а значит, представляет для них опасность... Именно в тот момент, когда девушка, намазывая руку солнцезащитным кремом, одновременно попыталась окликнуть пса «Боцман!» – а потом уже Олегу, успокаивающе:

– Не бойтесь, он не кусается! – Олег ощутил хватку пса на своей лодыжке. К счастью, не очень сильно, не до крови, Олег отшвырнул его ногой. Пёс ещё раз издали обиженно облаял Олега, потом побежал к Лере.

– Не бойся! – крикнул ей Олег, – но она и не боялась.

– Хороший собач! – сказала она Бодману, и тот доверчиво наклонил голову и завилял хвостом. Лера в его представлении была совсем не опасна для хозяев.

А парень уже рассказывал Олегу – что до Софийского седла они дойдут по меткам, и там безумно красиво, а вот к водопадам выйти – не удастся, «там были дожди и дорогу размыло, лучше не рисковать».

Подошедшей Лере парень указал, увидев её наколенник – что надо ходить с трекинговыми палками, для суставов полезнее.

– Вы, наверное, первый раз так высоко в горы поднялись?

Лера вовремя сдержалась, не ответила, что это же детский, по сути, маршрут. В самом деле, в такой сухой и солнечный день, как сегодня – просто невероятной красоты прогулка. Даже на первую категорию не потянет. Хотя – кто знает, что там впереди, конечно...

Но зачем расстраивать парня, который уже возвращается и чувствует себя покорителем вершин? Да ещё и в присутствии его девушки?

Не отвечая на забавный высокомерный вопрос, Лера весело ему объяснила, что палки они оставили дома – мешают. Она и правда альпенштоки не любила, всегда ищешь, куда поставить шток – вместо того, чтобы вокруг глядеть во все глаза. А ставить его не глядя – потом обопрёшься и скользишь или падаешь. Иногда в горах палка и правда необходима – но тогда они всегда находили подходящую среди сухих веток, в крайнем случае Олег вырезал ножом необходимый посох из какого-нибудь сучковатого дрючка, ни разу особых проблем пока не возникало.

Глядя вслед встреченным путешественникам, Лера отметила привязанные к рюкзакам коврики, пенки-сидушки (а то камней и стволов поваленных вокруг мало), газовую горелку, ещё какие-то лишние предметы, необходимые разве что в трёхдневных переходах...

Олег уже прикидывал, успеют ли они до темноты вернуться назад от седла по той же дороге, раз к водопадам пройти невозможно – но Лера призвала его не очень-то доверять «бывалому» туристу, взглянуть сначала на тропу своими глазами.

И тут им открылась долина слева!

И стало видно и понятно, что идут они по отрогу, а сам хребет Чегет-Чат окаймляет мягкие зелёные холмы, тропы, спускающиеся вниз, долина входит огромным клином в поросшие рододендронами склоны.

От рододендронов глаз не оторвать. Лера с Олегом достаточно их видели внизу – и вчера, и позавчера. Но внизу они уже отцвели и привяли – а здесь сияют первозданной хрустальной свежестью, и разрослись везде, где только им позволили другие, более хрупкие альпийские цветики. В основном роскошные их кусты сливались в бело-зелёные ковры – но у самого обрыва справа Лера заметила островок нежно-розовых, направилась к ним, готова камеру – и остановилась, не в силах ступить по ослепительным незабудкам... Нет, они будут здесь идти только по тропе.

Далеко внизу слева, на склоне отрога, переходящем в террасу, – тёмная рощица каких-то кудрявых кустарников. Или не кустарников? Лере вдруг показалось, что они движутся. Или показалось?

– Это ведь не коровы? – риторически спросила она Олега, глядевшего на эту же рощицу.

– Нет, это, наверное, такие деревца, я их видел, с красно-чёрными листьями... – неуверенно ответил Олег, – и вдруг они выдохнули вместе:

– Овцы!

Да, это была довольно большая отара, и она двигалась – но очень плавно и синхронно, не разбредаясь в стороны, а плывя по яркой зелени курчавым опаловым островом...

Жёлтые флажки уходили между тем всё выше. Но настоящей крутизны тут не было – и останавливались они не для отдыха, а для того, чтобы обратиться в зрение – ведь Софийский ледник поворачивался к ним, как в калейдоскопе, всё новыми своими гранями...

Кто-то придумал из гляциологов, что вся София с этой стороны похожа на трон, на большое кресло – а толща льда, собственно, его «подушка». Местные легенды видят здесь сказочных бородачей (борода-водопад) в белоснежных шапках.

Грохот «бород» доносился к ним через весь цирк, где-то заснеженный – в июле! – а в целом – полаяющий всеми оттенками зелени. О господи, кто придумал искать божественным очертаниям гор земные аналоги? Назвать – значить ограничить, не стоит этого делать – лучше просто замереть и забыть слова.

Тает ледник, с каждым годом всё сильнее тает. В конце позапрошлого века край его свисал с горы на шестьдесят метров! Полноводнее была река София, которую питают почти стометровые теперь «бороды» одноимённой горы. А сейчас ледник съёжился, уютно поместился в горной чаше – каре, открыл сглаженные им когда-то другие такие же кары.

Об имени горы тоже есть несколько версий. Ну нет, не так уж она похожа на купол знаменитого византийского храма, Лере этот вариант кажется слишком книжным. Вот происхождение от родовой абазинской фамилии София выглядит куда органичнее. Отчего бы гордому местному племени и не назвать своим именем гору, а заодно и реку?

А что потепление – так сколько было в веках этих циклов потепления-похолодания, справится София с этой проблемой и без участия человека...

– Надо идти, – озабоченно взглянул на часы Олег.

Надо так надо. Жёлтые флажки зовут.

И едва дошли до следующего – ахнули и замерли. Это был портал. Отсюда, с самой высокой точки отрога – распахнулось. Лера вспомнила утреннее напутствие их водителя – «за перевалом – другие горы...». Вот они – другие горы. Другая страна (возможно, и правда уже Абхазия), другая земля, благословенная... Одна из прекраснейших аббревиатур на земле – ГКХ, Главный Кавказский хребет – он в Лерином сознании был сродни ХТК Баха...

Это было мгновение истинной медитации – настолько неожиданно всё произошло. И первую минуту они не называли открывшийся мир никакими словами – ни пропасть справа, ни снежные строгие скалы до горизонта, ни высланные травами мягкие долины с серебряной рекой внизу...

А потом пришло желание обратиться к ним по именам. Ах, какие сладкие у них имена. Слева – Каракая, справа, за перевалом Бугой-Чат, – Марухбаши, четырёхтысячники оба.

Внизу, под ногами – заповедник, ущелье, долина реки Кизгыч. А за ней вырастает хребет Ужум. Туда, в долину, людям совсем нельзя, там земля туров и других краснокнижных. Но туристов останавливает не столько этот запрет, сколько сложность спуска туда, вниз, в пропасть практически.

Вон там, в верховьях реки, где темнеют пихты со сбитыми набок макушками – урочище Бугой-Чат и скала Тюбетейка (похожа по форме).

На карте этот их портал обозначен как «смотровая площадка»...

Что же, теперь надо пробираться вниз и вправо – к водопадам. Ничего сложного или невозможного они тут не увидели, вопреки предупреждениям встречных путников. Тропки сухие, хоть и крутоваты.

В таком месте очень важно иметь обувь с хорошим сцеплением, и Лерины прошедшие уже сотню миль New Balance, купленные когда-то в секунде, не подкачали. Отечественные кроссовки Олега слегка надорвались, особенно левая, но в целом тоже устояли.

Спустившись (местами на четвереньках) на более-менее устойчивый пяточок, они осмотрелись. Жёлтых флажков больше не было. Жёлтые флажки уходили дальше по хребту, огибали «скалу беспалого охотника» Топал-Кая, уводили к Софийским озёрам. Туда побегут завтра десятки выносливых фанатиков, уже съехавшихся в Архыз со всей страны. Вчера в аптеке девушка с парнем покупали гематоген и витамин С – в надежде, что этот несложный допинг поможет в забеге. Оказывается, выбегают они ночью, в горах светят только звёзды, на лбу у каждого атлета – фонарик.

В хычынной один из спортсменов весело рассказывал о своей вчерашней ночной же тренировке:

– Там под ногами глина мокрая, я поскользнулся, въехал в дерево головой. Потом сижу под этим деревом, и не понимаю – то ли фонарик потерял, то ли – сознание...

Огромная снежная поляна расстилалась чуть ниже, метрах в двадцати. Идти прямо по ней не очень хотелось – хотя на ней было много человеческих следов, полуметровый снег держит, похоже, не проваливается. Но можно ведь пройти по кромке этого снежника – там, где он упирается в откос? Попытаться стоит.

И вскоре Олег и Лера уже довольно уверенно топали по некоему подобию тропки вдоль снежной поляны. Лера даже оставила на видном месте припасённую ей Олегом палку – пригодится тем, кто идёт вверх.

На камнях вдоль тропки внезапно появились синие метки. Надо же, они вышли на размеченный маршрут! Когда ж его размечали, тоже «при коммунистах»? В девяностые здесь туризма вообще не было, говорят, только в десятые – возродился. Этому способствовало и то, что начало пограничной (с Абхазией) зоны перенесли с долины на хребет, проще стало с документами.

Любой турист знает и любит эти скромные синие или красные метки на камнях, они порою, когда уже безнадежно заблудишься, прекраснее любого цветка. И какую же благодарность испытываешь к неведомому человеку, проторившему тебе путь с кистью и ведёрком краски в руке... Лера и сама мечтала иногда о такой работе.

Они топали по сияющей долине вдоль подножия того же отрога, и сами себе не верили, что вот только что были вон та-ам, наверху, где и сейчас движутся чьи-то неразличимые почти фигурки с трекинговыми палками...

Вдруг Олег, идущий впереди, засмеялся. Синие метки на камнях решительно свернули влево, к водопадам – и исчезли под снежным языком. И они был правы, пожалуй. Дальше как раз начинался довольно глубокий расширяющийся книзу овраг, через который им будет не перебраться. Уж если сворачивать к крайнему водопаду – так прямо сейчас.

Снежник стекал в долину под углом в двадцать-тридцать градусов. За кромкой снега – они это видели – начиналась тропинка наверх. Олегу и Лере оставалось только соединить отрезком эти две точки.

Главное – не поскользнуться и не съехать вниз. Держи, подтаявший снежок! Стараясь ставить стопу с подвывертом влево, Олег торил тропу. Лера топала сзади, старательно ставила свои нью-белансы прямо в его следы.

Минут через двадцать они уже хохотали на твёрдой земле. Теперь им предстояло штурмовать поросшие рододендронами скалы. Но тут уж карабкаться по камням им помогут снова вынырнувшие из-под снега синие метки.

И здесь, на морене, они следовали меткам очень внимательно. Иначе пришлось бы двигаться вверх в три раза дольше, проверяя на устойчивость каждый камень.

Под солнечной скалой остановились передохнуть. Лера фотографировала рододендроны – и ещё раз запечатлела профиль Олега на фоне этой скалы. Потом ещё и ещё – заходя с разных сторон. Он был удивительно органичен в этих местах, с римским своим профилем. Лера улыбнулась, представив – как было бы естественно, обратиться он сейчас к ней на латыни...

Синие метки показывали, что лезть под самые струи водопада им не следует. Но тут уж Лера позволила себе не согласиться! На то они и водопады – чтобы рядом с ними все сходило с ума, заряжались энергией до отказа, заражались манией величия и подсаживались на мощнейший наркотик красоты, не в силах с ней расстаться, не прекращая смешных попыток законсервировать её на фото и видео...

Олег снимал десятое видео за день, потом – Леру на фоне потоков, потом она заставила его встать под брызги, потом они делали там селфи... Потом они вдруг поняли, что очень замёрзли, а тень от Софии легла уже до середины потоков, и они пошли вниз отыскивать синие метки.

Нашли, ага. Последний из крапёных камушков был у самой бровки бурлящей стремительной реки, несущейся в Софию от водопада. Перейти реку в этом месте было немислимо. С той стороны потока синих камней больше не было, этот был последним – как в том анекдоте, где внутренний голос говорит: «Ой, что сейчас будет!».

Зато был чуть ниже, уже на солнце, широченный плоский валун, где можно и поесть, и обогреться – и всё это с видом на Софийскую долину!

Они позволили себе эту роскошь. Солнце ещё довольно высоко, они в графике. И ничего нет вкуснее местного сыра и густого айрана.

Оттуда, с камня, Лера заприметила ниже по течению эту рейку – кто-то явно переходил с неё реки, идя им навстречу, и оставил здесь – поскольку эта река была для него последним водным препятствием. И это был знак. Убрав в рюкзак остатки провизии, они спустились к рейке.

– Разуваемся! – скомандовал Олег.

– Нас тут не смоешь? – Лера неуверенно глядела на нештучную речку.

– Смыть-то не смоешь, но кроссовки снимать не будем, пожалуй... – постановил Олег.

Он прошёл первым, потом перебросил палку Лере через поток. Она доверчиво ступила в воду, не такую холодную даже, как можно было ожидать. Да, босиком здесь было бы больно ступать.

Потом они выливали воду из кроссовок – и совершенно зря, потому что им пришлось переходить потоки ещё трижды, а между ними струились боковые разные ручейки, и Олег шагал уже, не глядя, прямо по их руслу. Вскоре они спустились по обнаруженной Олегом на карте тропе – и перешли вброд уже саму Софию.

И вот тут Лера пошла босиком – по мягчайшей и нежнейшей траве, под нежнейшим архызским предвечерним солнышком, любясь безотрывно на водопады...

Пока не наступила на колючий татарник. И от этого дзен-пробуждения, от смешной боли и радости, от пьянящего воздуха и от полнокровия этого дня – она вдруг поняла. Заглянула в немислимо яркие сейчас глаза Олега, длинные, смеющиеся, любимые – и сказала в ответ на его вопросительный взгляд:

– Никогда больше. Ты слышишь, никогда.

Тропа впереди была ещё довольно длинной, но удобной и безальтернативной, они по ней не шли, а плыли, или летели...

Хорошо, что людям не дано знать заранее, как порою бывает коротко их «никогда».

Олег умер через два месяца от второго инфаркта (первый был семь лет назад), подкравшегося незаметно и бессимптомно, во время нового их путешествия. Последнее, что видел он в этом мире – обе сияющие шапки Казбека, прекрасно открытые в прозрачном сентябрьском воздухе, пологий склон Столовой горы под ногами, а далеко внизу – солнечная долина, прямо из его же стихотворения...

ГАЛИНА КОРОТКОВА

ТИХАЯ ВАРФОЛОМЕЕВСКАЯ НОЧЬ

рассказ

В нашем славном городе сюжеты витают в воздухе и валяются под ногами в полном смысле этого слова. Нужно просто-напросто бродить по улицам, иногда заходить в гости к друзьям и знакомым, а затем вернуться домой и быстренько записать всё услышанное и увиденное. Согласитесь, что есть вещи, которые невозможно придумать! Вот, кстати, намереваясь зайти к своему соседу по гаражу Володе по какой-то ничтожной надобности, и он мне рассказал... Впрочем, начну по порядку.

Мой гаражный сосед Володя – потрясающий во всех отношениях человек. Он мастер на все руки, искусный изобретатель, к тому же Вова – невероятно душевная, кроткая и совершенно безотказная личность. В его обширном боксе можно починить детскую кроватку или микроволновую печь, реанимировать старенький ламповый телевизор, запаять дореволюционный самовар и открыть заклинивший замок. В легендарные времена тотального дефицита наш местный Кулибин умудрялся точить втулки и болты для иномарок, блестяще дела «на глазок» развал-схождение и запаивал трещины на лобовых стеклах. А среди местных любителей «праворуких японок» до сих пор жива легенда, как Вова с завязанными глазами на спор разобрал и собрал автомобильный двигатель, при этом, не потеряв ни одной гайки, ни одного крошечного болтика!

В то утро Володя сидел на скамеечке перед гаражом и что-то сосредоточенно мастерил из медной проволоки, ловко орудуя пассатижами.

– Привет, как дела? – бодро поприветствовала я соседа.

– Угу! – буркнул Вова, поднял голову, и... я тихо обалдела. Всё Володино лицо, шея и даже уши были покрыты свежими царапинами, будто он дрался со стаей бешеных котов. А на лбу между глаз пламенела огромная шишка.

– Володя, – всплеснула я руками, – что случилось?

– Это мы с Артурчиком ночью по кладбищу гуляли, – попытался мрачно пошутить Вова, при этом его исцарапанное лицо исказила мучительная гримаса.

– Ночью? По кладбищу?

Дальнейшие события рассказываю со слов Володи.

Итак, несколько дней назад к Воле прибежал его старинный приятель и по совместительству местный алкаш Артурчик, который прямо на пороге гаража рухнул на колени и отчаянно возопил:

– Во-о-о-вочка-а-а!!!! Караул! Выручай, Христа ради!

Из крайне сбивчивого рассказа Артурчика следовало, что через два дня в Одессу из Хайфы прилетает их общий друг Семён Лифшиц с инспекцией.

– С какой инспекцией? – удивился Вова. – Семёна вроде навсегда покинул наши края ради Земли Обетованной...

– Ага, – закивал головой Артурчик. – но перед самым отъездом Семён успел-таки похоронить свою тещу на втором христианском кладбище! Разве ты не помнишь Семёну тещу?

Господи, кто же в Одессе не помнит Семёну тещу!? Забыть такую женщину было бы крайне сложно. Оксана Дорошенко была женщиной выдающейся во всех отношениях. Всю сознательную жизнь она бойко торговала пивом на углу Ришельевской и Малой Арнаутской, в свободное время вышивала бисером иконы, пела в церковном хоре и категорически не желала мириться с матримониальным выбором своей единственной дочери, называя этот брак старорежимным словечком «мезальянс». Несмотря на то, что Семёна Лифшиц был преуспевающим и весьма уважаемым в городе бизнесменом, зловредная теща Семёной демонстративно пренебрегала. А всё потому, что мадам Дорошенко считала себя ни много ни мало, а прямым потомком Петра Дорошенко – славного гетмана Правобережной Украины и соратника Богдана Хмельницкого. На Втором Христианском кладбище у неё имелся нехилый фамильный склеп, обнесённый по периметру старинной оградой.

С этой чёртовой оградой изредка случались прискорбные неприятности: неизвестные злоумышленники периодически выламывали и уносили в неизвестном направлении небольшие куски невероятно красивой похожей на кружево стальной конструкции. Семейный склеп находился в весьма укромном месте, но сам участок был расположен недалеко от главной аллеи. Видимо поэтому украсть всё и сразу кладбищенские вандалы не решались. Мадам Дорошенко упорно восстанавливала семейный погост, при этом горячо молилась, чтобы осквернителей могил настиг праведный божий гнев и соответствующие кары небесные.

Эта канитель тянулась до тех пор, пока тёща серьёзно не заболела. Лежа на смертном одре, Оксана Дорошенко попросила у зятя прощения, но взамен заставила его дать клятву: беречь её единственную дочь и внуков, содержать фамильный склеп в образцовом порядке и регулярно восстанавливать ограду. После похорон Сёма с семейством активно засобирался в Хайфу. Однако за несколько дней до отъезда обнаружилось, что кто-то опять срезал и утащил изрядный кусок ограждения. Семён Лифшиц был человеком слова, но на ремонт решётки времени у него не было совершенно. И тут на улице он случайно столкнулся с Артурчиком. Торопливо объяснив бывшему однокласснику суть дела, Семён сунул ему деньги на ремонт, и со спокойной совестью отбыл на историческую родину.

– Сколько он тебе дал? – подозрительно щурясь, спросил Вова.

– Целых триста долларов! – скорбно вздохнул Артурчик.

– И ты все эти деньги...

– Пропил! – виновато пригорюнился Артурчик и жалобно добавил, – Вова, я знаю Сёму, он там у себя в Хайфе стал настоящей акулой капитализма. Он убьёт меня, Вова!!!

Володя вспомнил покрытые рыжими веснушками пудовые кулаки Семёна Лифшица, снял кепку и несколько томительных мгновений глубокомысленно скрёб пальцем свою плешивую макушку. Наконец, водрузив головной убор на место, поинтересовался:

– Ты хоть помнишь, где этот чертов склеп находится?

– Конечно, помню! – засуетился Артурчик, – Вправо от главного входа. Там ещё рядом этот, как его... «Ангел без головы»!

Склеп они нашли быстро.

– Осторожно! – почему-то шёпотом предупредил Артурчик, – Оксана везде ежевику понатыкала. Колочая, зараза! Я намедни штаны здесь порвал...

Небольшой, похожий на игрушечную часовенку склеп был живописно увит пушистым вечнозелёным плющом. А в нескольких метрах на внушительном постаменте возвышался старинный памятник – скорбящий Ангел с огромными поникшими крыльями. Время не пожалело небесного посланника: некогда белоснежная мраморная поверхность скульптуры приобрела зловещий серо-чёрный цвет, словно кто-то небрежно вымазал ангела мазутом, предварительно отрубив несчастному голову. На вросшей в землю выщербленной могильной плите с трудом просматривалась полустёртая надпись, всего несколько слов.

– Действительный статский советник Казимир... – шёпотом прочитал Володя и запнулся.

– Ты того... не отвлекайся, – толкнул его в бок Артурчик, – нужно измерить...

– Нет! – решительно заявил Володя. – Посмотри на эту решётку. В наше время не всякий мастер-кузнец такое изготовит. Куда уж мне!

– А кто тебе сказал, что нужно что-то изготовить? – искренне удивился Артурчик. – У нас на это нет ни времени, ни денег!

План Артурчика был прост, как всё гениальное. Где-то в районе Большого Фонтана на территории заброшенного спортлагеря прямо над морским обрывом он обнаружил полуразрушенную беседку.

– Вова! – зловещим шёпотом вещал Артурчик, – Там решётка – тютелька в тютельку, как наша!!! Наверно при царе-батюшке в одной мастерской делали! Мы с тобой аккуратенько выпилим нужный кусок, привезём сюда...

– Ты краденое через весь город собрался на трамвае везти? – ехидно осведомился Володя и демонстративно полез за сигаретами.

– А твоя «копейка» разве не на ходу? – огорчился Артурчик.

– Ага, я на своей машине поеду! Вдруг кто-то увидит, как мы ворuem эту распроклятую решётку? Кстати, ты читал, что на воротах кладбища написано? «Самовольная установка на захоронения любых конструкций без согласования с Администрацией кладбища категорически запрещена!». Нет, Артур, давай без меня!

– Ах ты, господи! – взволнованно всплеснул руками Артурчик. Он заметался в узком пространстве между склепом и скорбящим Ангелом, цепляясь штанами за колючие побеги ежевики, на минуту даже присел на могильную плиту действительного статского советника и вдруг радостно хлопнул себя ладонью по лбу.

– Придумал! Будем работать ночью, никто не увидит. А решётку привезёт мой свояк, он на фургоне в тюрьму два раза в день хлеб возит. У него машина со спецномерами.

Тут я позволю себе сделать небольшое и не совсем лирическое отступление. Дело в том, что в нашем славном городе кладбище и тюрьма располагаются на одной улице, практически друг напротив друга.

По этому поводу одесситы сочинили анекдот-загадку: «На какой улице направо лежат, а налево сидят?». Само же здание городской тюрьмы (или как его тогда называли: «тюремный замок») является памятником архитектуры XIX-го века. Одним из проектантов сего узиллица был известный в своё время петербургский профессор архитектуры А. Томишко. Он, кстати, проектировал знаменитую тюрьму «Кресты» в С.-Петербурге и участвовал в сооружении Великокняжеской усыпальницы в Петропавловской крепости. С 1897 по 1898 год в застенках одесского тюремного замка томился некий Лейба Давидович Бронштейн. А старшим надзирателем, державшим в ежовых рукавицах узников царизма, честно трудился человек по имени Николай Троцкий. Пришло время, Лейба Бронштейн взял себе революционный псевдоним в честь знакомого «вертухая» и вошёл в мировую историю под именем Льва Троцкого.

Володя с Артурчиком готовились к ночному походу на кладбище, как диверсанты-подрывники к опасному заданию. Собрав чемоданчик с инструментами, Володя тщательно проверил маленький переносной сварочный аппарат – своё изобретение и тайную гордость. Артурчик притащил откуда-то два фонарика, которые при помощи нехитрого приспособления крепились на голове. Поскольку защитная маска сварщика была в единственном экземпляре, подавшись на уговоры «подельника», Володя быстро изготовил ещё одну, приспособив для этой цели старый мотоциклетный шлем. Всё оборудование уложили в багажник Володиной «копейки». Лезть в потёмках через высокую ограду городского погоста, да ещё с серьезным грузом, было крайне проблематично. Но вездесущий Артурчик знал, где в заборе, сложенном, кстати, из толстых блоков шилового ракушника, имеется неприметная и узкая лазейка, похожая на трещину, через которую при определённой ловкости можно было незаметно попасть на территорию кладбища. Общий сбор был назначен в ухабистом и плохо освещённом переулке, конкретно напротив этого тайного прохода. Ближе к вечеру Артурчик уехал на встречу со свояком, который на своей хлебозке должен был ждать его где-то на Фонтане.

Стемнело. На небо выкатилась огромная полная луна. На душе у Володи было тревожно. Он нервно выкурил подряд три сигареты, завёл двигатель и неторопливо поехал к условленному месту. Поставив машину в самом, как ему показалось, укромном месте, Володя затаился. Ему на ум пришла услышанная много лет назад фраза: «Стояла тёплая и тихая Варфоломеевская ночь»...

Вдруг откуда-то сбоку послышался мягкий шорох. Володя испуганно насторожился. Две лёгкие фигуры, плавно покачивая бедрами, крадучись пробирались по переулку. В неясном лунном свете Володя успел разглядеть длинные пышные юбки и небольшие узелки в руках таинственных незнакомок. Неожиданно луна спряталась за тучу, и загадочные путешественницы исчезли в ночной мгле, словно прошли сквозь кладбищенскую ограду. От страха Володю прошиб холодный пот. Что за чертовщина? Дрожащими пальцами он нащупал в кармане пачку сигарет. И тут его осенила догадка: девицы воспользовались секретным проходом! Но что могло понадобиться на кладбище двум женщинам, да ещё в глухую ночь?

К его невероятному облегчению в конце переулка засветились фары хлебного фургона.

Они выгрузили из машины обмотанную верёвками решётку, и хлебозка поспешно укатила. Свояк из кабины даже не выглянул.

– Послушай! – шёпотом спросил Володя пока они с Артурчиком с трудом протискивали свои вещи сквозь узкую щель, – Тут какие-то бабы в длинных юбках шастают...

– Не обращай внимания, – пыхтя от натуги, ответил Артурчик. – Это цыганки. Они всегда на кладбище в полнолуние ходят...

– Зачем? – удивился Володя.

– Колдовать, порчу наводить, привороты разные делать. Репертуар у них знаешь, какой богатый. Считается, что на могилах, да ещё при полной луне заговор особую дьявольскую силу имеет. Я лично в это не верю – бабские забобоны и ерунда на постном масле! Подержи лучше за этот край, а то у меня рука затекла. Тяжёлая хрень, чёрт бы её забрал!

Найти в густых кладбищенских потёмках тепщин склеп оказалось делом совсем не простым. Они умудрились забрести в какой-то глухой мусорный тупик и еле-еле оттуда выбрались. Наконец неяркий луч Володиного фонарика выхватил из темноты злоеущий силуэт «Ангела без головы».

– Приехали! – обрадовался Артурчик и проникновенным шёпотом добавил, – Эх, сейчас бы по пять капель и огурчик, для вдохновения!

– Ты что, на пикник сюда прилёлся? – нервно огрызнулся Володя, доставая из рюкзака сварочный аппарат. Ему хотелось быстрее закончить работу и убраться с кладбища подобру-поздорову. Мысленно он ругал себя последними словами за то, что ввязался в это сомнительное и крайне неприятное мероприятие.

Налетевший порыв ветра глухо и злоеуще зашумел в густых кронах высоких деревьев. Пронзительно вскрикнула потревоженная ночная птица. Где-то на противоположном конце кладбища тоскливо завывали собаки. Володя зябко поежился. Артурчик деловито развязал верёвки, приладил решётку, надел мотоциклетный шлем и приготовился помогать.

– Ну, что? Начали...

Яркая вспышка сварки озарила мертвенным светом крохотную лужайку перед склепом. Стустилась окружающая кладбищенская тьма, запрыгали, заклубились вокруг зловещие тени. И даже Ангел без головы, казалось, ожил, словно собрался расправить поникшие крылья, чтобы слететь со своего мраморного пьедестала. Но вдруг...

– В-а-а-а-й-я-й! – истошно взвыл кто-то за спиной у Володи.

– Артур! Какого чёрта... – Володя оторвался от работы, поднял голову, и в свете фонарика увидел лицо своего «подельника», который снял мотоциклетный шлем и с остекленевшими от ужаса глазами пялился куда-то во тьму.

– А-а-й-я-а! – продолжал хрипло орать кто-то невидимый.

Но тут Артурчик вышел из ступора. Он уронил шлем, вскинул трясущиеся руки, словно пытался отмахнуться от кого-то, и шумно чесанул в кладбищенский мрак сквозь колючие заросли ежевики.

Володю охватила панический ужас. Со всего маху швырнув на землю сварочный аппарат, он сорвал с головы защитную маску, и, не соображая, что делает, ринулся вслед за Артурчиком, но зацепился штаниной за колючий ежевичный стебель, на мгновение потерял равновесие и со всего размаху ударился лбом о мраморный пьедестал Ангела. Из глаз посыпались искры. Однако это не остановило Володю. Он рванул вдогонку за Артурчиком.

Они мчались по ночному кладбищу к спасительной дыре в заборе, а некто ужасный гнался за ними по пятам. Володя слышал глухой топот чьих-то ног, чувствовал прерывистое горячее дыхание у себя за спиной. Удивительно, как они с Артурчиком не свернули себе шеи, не провалились в какую-нибудь старую могилу, не напоролась на множество ржавых крестов и ни разу не споткнулись в темноте о заброшенное надгробие. Но самое удивительное, что подбежав к забору почти одновременно, они легко и дружно пролезли в узкую щель вместе, хотя до этого с большим трудом протискивались поодиночке!

Но тут случилась самое ужасное: в последний момент, когда Володя уже стоял одной ногой в спасительном переулке, кто-то схватил его сзади за карман джинсовой куртки и дёрнул с нечеловеческой силой, пытаясь втащить назад в кладбищенскую тьму. У Володи потемнело в глазах. Из последних сил он упёрся ладонями в забор в отчаянной попытке освободиться и тут услышал жалобный женский голос:

– Мужчина! Ради бога, помогите мне... я, кажется, подвернула ногу!

Володя автоматически схватился за карман своей куртки и нащупал чью-то маленькую тёплую руку. Он осторожно потянул за эту руку и через несколько мгновений вытащил из щели насмерть перепуганную, взлохмаченную молодую женщину в порванной длинной юбке. Артур едва успел подставить руки, из кладбищенской стены на него буквально вывалилась ещё одна такая же растрепанная дама.

В автомобильной аптечке у Володи нашёлся эластичный бинт, йод и пузырёк медицинского спирта, который они разбавили минеральной водой, и выпили, передавая друг другу пластиковый стаканчик. Из рассказа цыганки, которая назвалась Лолитой, следовало, что они с подругой почти закончили «работу», когда совсем рядом с ними неожиданно вспыхнул столб мерцающего света. Любопытная женщина оказалась не робкого десятка, она решила пойти взглянуть, хотя подруга Анжела пыталась её удержать. То, что увидела Лолита, повергло её в шок: среди могил орудовали два странных существа, похожие на инопланетян с огромными блестящими головами. У обоих пришельцев во лбу тускло горел большой глаз. Пришельцы усердно ковыряли землю куском кладбищенской решётки. Не иначе как покойника из могилы хотят выкопать, решила Лолита, и заорала от ужаса. Анжела кинулась к товарке, и тут один из пришельцев... снял с плеч свою голову.

– Вот бабы дуры! – в сердцах плюнула себе под ноги Артурчик. – Сварщиков никогда не видели?

– Ночью? На кладбище? Никогда!!! – дружным хором ответили цыганки.

– Да ладно, Артур! Женщинам померещилось, – вступил в разговор Володя, – А ты-то что орал? За компанию?

Артурчик смущённо кашлянул и принялся сбивчиво объяснять:

– Когда я крик услышал, глаза поднял, а напротив из кустов высовывается одна голова без туловища, а лицо такое белое-белое и рот при этом открывает, словно сказать что-то хочет...

– Это я перед собой свечку держала, – хихикнула Лолита. – Темень же кругом!

Вчетвером они спокойно вернулись назад к Ангелу без головы. Володя с Артурчиком закончили работу, а цыганки, собрав свои вещи, помогли убрать вокруг гетманского склепа и даже подрезали длинные побеги ежевики.

– Ну, что, бабоньки, куда вас отвезти? Время позднее, вдруг опять кто-то напугает, – галантно предложил Володя, укладывая в багажник сварочный аппарат.

– Спасибо, нам тут рядом...

Женщины подхватили свои узелки и растворились в темноте, словно их и не было.

Утром тщательно выбритый Артурчик с нескрываемым трепетом ждал бывшего одноклассника у Центрального входа на Второе Христианское кладбище. Семья Лифшиц приехал с огромным букетом жёлтых роз.

– Смотрю, ты здесь по-хозяйски распорядился. Признаюсь, не ожидал! – удивился Семён, оглядывая территорию. При ярком солнечном свете и склеп с новой решеткой, и Ангел без головы выглядели весьма достойно и по-домашнему уютно.

– Я ведь грешным делом пожалел, что тебе деньги тогда отдал. Ну, думаю, пропъёт, гад. Где его потом искать?.. Ты уж прости меня, Артур Николаевич!

Они помолчали. Каждый думал о своём.

– Знаешь, моя тёща была выдающейся женщиной. Я это только сейчас смог оценить, – проникновенно продолжал Семёна, положив свою тяжёлую длань на субтильное плечо Артурчика. – Отличных сынов нам воспитала, пока мы с женой в 90-е по рынкам мотались и бабки зарабатывали! Старший в десантники подался, сам министр обороны Израиля ему награду вручал! А младший математикой занимается. Хочу попросить тебя, дорогой, если, конечно, это тебя не очень затруднит... Буду высылать регулярно деньги, чтоб ты за склепом ухаживал. Если краска или цемент понадобится, ну и тебе за работу... Да, вот ещё! Оксана Митрофановна очень жёлтые розы любила. Посади тут пару кустов, самых красивых. Она это заслужила...

Вот и вся история. А теперь ответьте мне, дорогое читатели, можно такое придумать? Вот-вот, я тоже так думаю...

БЛЕСТЯЩИЙ АДВОКАТ 3

рассказ

– Что-то везёт мне в этом году на насильников, – задумчиво сообщила моя свекровь Наталья Владимировна, наливая себе очередную чашку чая.

Как всегда, был вечер пятницы и мы по многолетней традиции собрались в тесном семейном кругу на ужин. Во время таких неторопливых посиделок свекровь любит рассказывать свежие истории из своей адвокатской практики.

– Кто теперь отличился? – хмыкнул мой муж. – Очередной мажор?

– На самом деле история омерзительная! – поморщилась Наталья Владимировна. – Намедни заявила ко мне молю траченная актёрка. Честно признаться, лицо вроде знакомое, но, хоть убей, фамилию не помню. Эта старая калоша решила подать заявление на режиссёра N. Он, оказывается, лет сорок назад на съёмках фильма, вошедшего, кстати, в золотой фонд советского кинематографа, изнасиловал её самым наглым образом, а потом назойливо пытался склонить к сожительству...

– Постой, постой! А режиссёр N ещё жив? – удивился мой муж.

Свекровь утвердительно кивнула.

– Тогда ему должно быть сто лет в обед! – ахнул один из племянников и полез в смартфон уточнять.

– Он не только жив, но до сих пор плодотворно работает, возглавляет какой-то комитет в Союзе кинематографистов и ежегодно набирает на свой курс студентов!

– А сколько же лет невинной жертве? – поинтересовался мой сын.

– За семьдесят...

Все сидящие за столом удивлённо переглянулись. Кто-то громко хихикнул и чуть не подавился широгом.

– Это не смешно! – нахмурился мой муж.

– Стесняюсь спросить, эта дама на старости лет начала принимать вещества, вызывающие особый тип старческих галлюцинаций?

– Ах, как вы не понимаете! Это же последняя гастроль, так сказать, скандальный бенефис на закате.

– Полагаю, она решила таким оригинальным образом поправить своё материальное положение и заодно привлечь внимание к своей персоне.

Реплики сыпались со всех сторон, но свекровь лишь хитро улыбалась и качала головой. Мы все знали, что Наталья Владимировна близко знакома с N и не так давно помогала ему в каком-то мутном деле с наследством.

– Господи, – я сочувственно покачала головой, – человеку почти девяносто! Подобное судебное разбирательство может попросту убить его.

Свекровь внимательно посмотрела на меня и усмехнулась.

– Я заставила эту невинную жертву изложить письменно и во всех подробностях обстоятельства сего грязного преступления, не упуская даже самые мелкие детали. Меня также интересовали фамилии живых свидетелей.

– Свидетелей? – ужаснулась я. – Сколько лет прошло!

– Вот именно! Слухи, сплетни, наверняка, кто-то что-то видел или слышал. Режиссёр N – фигура публичная. Он до сих пор остаётся всенародным любимцем...

– У таких талантливых людей как N имеется множество врагов. Полагаю, именно они не упустят возможности побольнее лягнуть престарелого мэтра. Разве не так? – вздохнула я.

– Ага, из серии «Акела промахнулся!» – хмыкнул мой сын.

– Предположим, найдутся «доброжелатели», которые что-то вспомнят и согласятся подтвердить. А дальше что?

– Дальше? – Наталья Владимировна пожала плечами. – Я перечитала её заявление, исправила орфографические ошибки, заставила поставить чёткую подпись и спрятала эту писанину в отдельную папочку.

Мы разочарованно переглянулись.

– Дети мои, – усмехнулась Наталья Владимировна, глядя на наши кислые физиономии. – Дьявол кроется в деталях! Слышали такое выражение?

Мы дружно закивали.

– Следует найти такую деталь, тоненькую ниточку, за которую нужно ухватиться, вытянув на всеобщее обозрение высосанную из пальца ложь. И тогда можно запутать клиента так, что из истца он превратится в ответчика. Но это уже дело техники.

– Скажи, а N знает, какая катастрофа его ждёт? История Харви Вайнштейна его не пугает? – полюбопытствовал один из племянников.

– А вот здесь начинается самое интересное!

После ухода оскорблённой служительницы Мельпомены Наталья Владимировна тут же позвонила N и между ними состоялся потрясающий диалог.

– Можно чуть подробнее? – не скрою, я, как и все присутствующие, сгорала от любопытства.

– Нет смысла пересказывать наш разговор. Это нужно услышать!

Наталья Владимировна с невозмутимым видом включила на своём смартфоне громкую связь с записью.

...Итак, после недолгих приветствий типа, сколько лет, сколько зим, N была кратко изложена суть вопроса. Нет, я, конечно, подозревала, что люди искусства умеют и даже любят материться, а некоторые достигли в этом деле особых высот... Короче, режиссёр с мировым именем и по совместительству почётный член международных кино-академий рассказал, куда он сунет эту лахуару (детали, по понятным причинам, я опускаю!), если она посмеет открыть свой грязный рот. В противном случае он обещал привести в качестве свидетелей пару-тройку своих коллег, которые с большим удовольствием опишут, как они трахали (*pardon!*) эту нимфоманку, похожую нынче на гибрид онципанного страуса и шелудивой бегемотихи, среди пыльных театральных декораций. Как ради крошечной роли и крупного плана она лезла в постель ко всем подряд, не пренебрегая даже перепуганным её наглостью парнишкой-звукооператором. Представители жёлтой прессы наверняка будут в восторге получить столько пикантных подробностей. Грандиозный успех обеспечен. Билеты можно продавать прямо сейчас!

При этом N сообщил, что готов получить за это дерзкое и циничное преступление максимальный срок. В его почтенном возрасте это будет как очередная премия на международном кинофестивале! По секрету он признался, что всю жизнь мечтал попасть на зону, чтобы организовать там на старости лет театр классической трагедии. Он всегда подозревал, что в мрачных казематах прозябает несметное количество выдающихся талантов, обуреваемых воистину шекспировскими страстями...

Прослушав пламенную речь великого режиссёра, мне захотелось встать и крикнуть «Браво!».

– Одного я не могу взять в толк, – после недолгого молчания призналась Наталья Владимировна. – Неужели эти пустоголовые барышни не понимают, что такие, с позволения сказать, «насилыники» дали им, никому не известным актрисулкам, возможность познать мгновения славы, получить шанс прикоснуться к настоящему искусству. Вы же не будете отрицать, что режиссёр N – личность! Причём личность невероятно талантливая и харизматичная.

– Итак, ты пытаешься нам доказать, что успехи в профессиональной деятельности изначально требует библейских жертв? – удивился мой муж. – А ещё и моральных издержек?

Наталья Владимировна грустно покачала головой:

– В юности за мной ухаживал один невероятно талантливый врач. Я бы назвала его человеком, одержимым медициной. Он много времени проводил в море, препарировав трупы. В результате три раза болел механической желтухой и умер от цирроза печени, не дожив до тридцати лет. В каждой профессии есть свои риски. О них нужно обязательно знать и уметь им противостоять!

– Всё это лирика! – фыркнул мой муж. – Я бы хотел услышать лично твоё мнение по этому поводу!

– Дети мои! Все вы знаете, как я люблю перечитывать речи знаменитых адвокатов прошлого – Фёдора Плевако и Анатолия Кони. Сейчас уж и не припомню, кто из них описал курьёзный случай из своей практики. Понятно, что действие происходило в конце XIX века и для нас ситуация выглядит немного старомодно. Итак, пришла к нему как-то некая светская барышня, вся в слезах. По её словам, несколько часов назад ней надрутался офицер, известный в городе повеса, игрок и сынок очень богатых родителей. После содеянного насильник вёл себя крайне вызывающе – он бесцеремонно выставил бедняжку из своего особняка...

– Значит, грехопадение невинной девы произошло на территории предполагаемого преступника?

– А как мадамгизель там оказалась?

– Насколько мне известно, по тем временам приличные девицы не шастали в гости к холостякам.

Наталья Владимировна молча слушала наши ехидные реплики и таинственно улыбалась.

– Короче, маман, вы опять наводите тень на плетень! – не выдержал мой муж. – Расскажите, наконец, чем сердце успокоилось?

– Что ж, слушайте и запоминайте! Адвокат всегда принимал посетителей в своём кабинете. Мягкие кресла, персидский ковёр на полу – всё располагало к доверительной беседе с клиентом. А ещё хозяин был страстным любителем и собирателем старинного холодного оружия. На одной из стен висела отличная коллекция сабель, кинжалов и даже несколько катан, длинных и феноменально острых, напоминающих пашки. Спокойно выслушав посетительницу, адвокат несколько минут задумчиво рассматривал свою коллекцию оружия, а затем снял со стены небольшую кривую саблю. «Что вы собрались делать, сударь?» – нахмурилась барышня. «Хочу провести следственный эксперимент!». Вытащив клинок из ножен, адвокат аккуратно вложил его рукоятку в тонкие девичьи пальцы, оставив себе ножны. Отойдя на несколько шагов от девушки, он с улыбкой попросил: «А вот теперь, милая барышня, постарайтесь сунуть ваш клинок в мои ножны!».

Девушка решительно шагнула к адвокату, но тот ловко перебрал ножны в другую руку. Пугаясь в пыльных юбках длинного платья, молодая особа предприняла нескольких безуспешных попыток, но, в конце концов, тяжело дыша, рухнула в кресло: «Это совершенно невозможно! Вы же не стоите на месте!».

«А если я замру?». Раз, и клинок легко вошёл в ножны.

«Действительно? – растерянно пробормотал адвокат, с удивлением глядя на посетительницу. – Простите, ради бога, я, вероятно, отвлёкся... гм... у вас, сударыня такое красивое платье...».

«Это последняя парижская мода...».

«Полагаю, именно в этом платье вы были сегодня в гостях?».

«Конечно, я прибежала прямо к вам...».

«На нём так много крошечных перламутровых пуговичек, – продолжал задумчиво рассуждать адвокат. – Полагаю, их очень сложно расстёгивать...».

«Для этого у меня имеется специальная горничная!» – гордо вскинув голову, заявила потерпевшая и... тут же прикусила язык.

«Что ж, мне всё ясно! – улыбнулся адвокат. – Не смею более вас задерживать...».

– Вот это лихо! – воскликнул мой сын.

– Просто, как всё гениальное!

– А про клинок и ножны... гм... намёк более чем прозрачный!

– Кстати, матушка, растолкуй свою фразу про умение противостоять подобным «профессиональным рискам», – попросил мой муж.

– Да тут и толковать нечего. Всё, как на зоне – как ты себя поставишь, так к тебе и будут относиться. Увы, не всем дано твёрдо и чётко сказать «Нет!» Не у всех имеется тот стальной стержень, который чувствуют даже бешеные собаки и не нападают.

Впрочем, везде есть нюансы. Но об этом мы поговорим как-нибудь в другой раз.

БЛЕСТЯЩИЙ АДВОКАТ 4 рассказ

Думаю, настало время объяснить читателям скрытый смысл названия серии коротких рассказов-бэек из адвокатской практики. Кто же это такой на самом деле – «блестящий адвокат»?

Нет, никто не будет спорить, что профессиональные качества требуются в любой профессии. Но согласитесь, как-то не принято называть отличного повара или сантехника «блестящим!» В лучшем случае скажут – он превосходный специалист и знаток своего дела. Для лётчиков, моряков и медиков тоже имеются свои определения. Помните рассказ Александра Куприна «Чудесный доктор»? Но адвокаты – особая профессия! Вот как моя свекровь Наталья Владимировна объяснила происхождение этого термина. Бьюсь об заклад, вы никогда бы не догадались!

Впрочем, начну по порядку.

Итак, сразу после окончания войны в 1945 году с фронта вернулись молодые энергичные ребята. Они стремились как можно скорее валиться в мирную жизнь – спокойно продолжить прерванную учёбу, создать семью и начать восстанавливать разрушенную страну. Требовались врачи, строители, учителя. Но кто-то должен был охранять мирную жизнь, ведь на освобождённых территориях имелось огромное количество неучтённого трофейного оружия. Власти понимали, что это крайне опасно. Ряды правоохранительных органов следовало как можно быстрее пополнить смелыми и толковыми офицерами. А офицерам в свою очередь требовалось хорошее юридическое образование. Куда без знания законов?

И тогда бывшие артиллеристы, лётчики и танкисты сели за парты. Днём они трудились на стройках и заводах, а вечером, сняв промасленные спецовки, торопились на лекции в университет. У большинства этих студентов гимнастёрки и шинели были единственной одеждой на все случаи жизни. Как говорится – и в пир, и в мир. В разорённой войной стране с одеждой было напряжённо. А знаете, что происходит с шерстяным сукном, если долго и усердно елозить локтями по столу или парте? Ткань затирается и... начинает блестеть. Вот так юристов того самого первого послевоенного «призыва» стали называть «блестящий адвокат»! Но это ещё не всё! Пройдя сквозь горнило войны, эти люди приобрели не только твёрдость характера и богатый жизненный опыт, но удивительное чувство ответственности и справедливости – крайне важное для юриста качество. Прошу простить меня за такое достаточно длинное лирическое отступление.

А сейчас я попытаюсь передать своими словами очередную историю, рассказанную моей свекровью в пятницу за чашкой чая.

...В тот вечер Наталья Владимировна была явно не в духе. Она хмурилась, молча размешивала сахар в чашке, нехотя и односложно отвечала на наши вопросы. Но меня не проведёшь! Зная свекровь много лет, я видела, что под маской усталости она пытается скрыть растерянность или даже некое замешательство. Куда подевалась её профессиональная невозмутимость?

– Матушка, давай выкладывай, что так гложет твою прожжённую адвокатскую душу? – не выдержал мой муж.

– Налей-ка мне сначала коньяку, а потом задавай всякие неудобные вопросы.

– Неужели всё так серьёзно?! – воскликнул один из племянников и тут же отправился к бару, где у нас хранится внушительный ассортимент алкоголя. Этот запас мы в шутку называем «жидким комплементом» от благодарных клиентов.

В нашей семье особо никто не пьёт. Но кто, скажите на милость, в дождливый осенний вечер откажется от рюмочки армянского коньяка тридцатилетней выдержки, да ещё под интересную историю?

Мы дружно выпили и после некоторой паузы Наталья Владимировна начала свой рассказ.

История оказалась более чем заурядной. Среди бела дня маленькая худенькая женщина сорока лет от роду во время очередной семейной ссоры, перешедшей в драку, зарезала кухонным ножом своего сожителя. Убивать его она совершенно не собиралась. Случайно удар оказался смертельным. Погибший был хроническим алкашом и перманентным безработным. Женщина сама вызвала скорую и полицию. Соседи дружно сказали, что покойный отличался крутым нравом, постоянно избивал жену, обижал малолетних детей (а их у пары было трое!) и был ранее судим за пьяную поножовщину.

– Зачем ты вообще взялась за это? Обычная бытовуха...

– Суеты много, а гонорар, наверняка, копеечный! – поддержал моего мужа один из племянников.

– У подозреваемой денег вообще нет, – покачала головой свекровь. – Вместе со следователем я ходила на место преступления. В квартире удивительная чистота и крайняя степень бедности.

Наступила гнетущая пауза, во время которой Наталья Владимировна хмуρο вертела в руках бокал с коньяком, а мы в недоумении переглядывались.

– Знаете, я иногда люблю покопаться в так называемой «бытовухе», – прервала своё многозначительное молчание свекровь. – В тёмных закоулках таких дел скрываются порой душераздирающие шекспировские страсти. По справедливости, я должна доплачивать своим подзащитным.

Мой сын недоверчиво хмыкнул.

– Разве вы не знаете, что я получаю истинное удовольствие, складывая кусочки головоломки, докапываясь до самой сути? Это заставляет мозг трудиться...

– Какая, к лешему, головоломка! – воскликнула племянник. – Всё ясно как божий день – превышение пределов самообороны и убийство по неосторожности. Это с одной стороны. А с другой стороны – наличие малолетних детей, чистосердечное раскаяние и сделка со следствием.

– Ты забыл про показания соседей и судимость? Три года условно и дело закроют. Пусть молодая вдова ходит в храм и поставит свечку за избавление от злодея! – добавил мой муж, разливая присутствующим остатки коньяка.

– Она детям суп на кухне варила, – ни к кому конкретно не обращаясь, сообщила Наталья Владимировна, – а муж потребовал, чтобы она всё бросила и начала варить ему самогон...

– К чёрту подробности, – махнул рукой мой сын, – лучше расскажи, что ты придумала. Наверняка у тебя в запасе какой-то оригинальный ход.

– В том-то и дело, что я впервые сталкиваюсь с подобной ситуацией...

Мы удивлённо переглянулись.

– А ты разговаривала с подозреваемой?

– Конечно!

– Ну и...

– Знаете, о чём она меня просила?

- О снисхождении?..
- Небось, плакала и умоляла пощадить её ради детей...
- ...чтоб на время следствия отпустили под подписку о невыезде?

Гипотезы сыпалась со всех сторон. Я же постаралась воздержаться от комментариев, зная удивительную способность моей свекрови вызывать людей на откровения, близкие к церковной исповеди.

Наконец Наталья Владимировна подняла руку, требуя тишины.

- Она попросила любым доступным мне способом добиться для неё максимального срока за убийство...
- Это ещё зачем? – удивился племянник.

– Она объяснила это просто: как после всего случившегося она сможет смотреть в глаза своим детям? Пусть думают, что мама уехала на заработки. Отца похоронила и уехала, далеко и надолго. Ведь если её оправдают, все будут тыкать в неё пальцем, а детей в школе наверняка затравят. По-хорошему, нужно переезжать куда-то подальше. Но денег на это нет. Она очень боится, что от этого ужаса быстро сойдёт. Дети попадут в детдом. Им туда нельзя, туда никому нельзя. Старшему сынишке двенадцать. У него абсолютный слух и удивительные музыкальные пальцы. Средняя девочка прекрасно рисует. Младшему всего два с половиной...

– А она подумала, что будет с детьми, когда их мать отправят за решётку? – хмуро осведомился племянник.

– Всех троих забирают дальние родственники – очень обеспеченная бездетная семья. Детки их знают и любят. Она обо всём договорилась и готова подписать нужные бумаги.

– Казнить нельзя помиловать! – вздохнул мой муж. – Кто осмелится поставить запятую в нужном месте?

– Мы долго с ней разговаривали, – призналась Наталья Владимировна. – Просто поразительно, какая у этой простой малообразованной женщины оказалась чистая и тонкая душа! Я много повидала на своём веку. Встречала людей внешне очень интеллигентных, стихи пишущих, на роль пророков в своём отечестве претендующих. А душонка у них, как кирзовый сапог, мелкая и примитивная. Знаете, что мне сказала эта женщина? Что сожалеет, что в нашей стране нет, как в старину, сибирской каторги, где можно грехи отомлить перед Богом и людьми, тяжким трудом выпросить прощения. Очень просила отправить её куда-нибудь подальше, чтобы у деток её не было возможности приезжать на свидания...

– Если у неё такая, как ты говоришь, тонкая душа, почему она столько лет жила с конченным алкашом? – ворчливо осведомилась Ирка, которая, как я уже писала, успешно трудится следователем районной прокуратуры.

– Чужая душа – потёмки! – неожиданно подал реплику мой сын. – А в женской душе ещё и всякие чуланчики имеются...

– Ещё один знаток нашёлся! – фыркнул кто-то из присутствующих.

– И как же вы собираетесь решить это дело? – осведомился племянник.

– Просьба моей подзащитной, действительно, не совсем обычна. Но думаю, я смогу её выполнить! Нужно будет кое с кем переговорить...

Было уже довольно поздно, когда родственники засобирались по домам. Я же вышла проводить Наталью Владимировну. Пока мы ждали у подъезда такси, решилась задать один вопрос.

– Скажите, вы видели орудие убийства, тот самый пресловутый кухонный нож?

Свекровь как-то странно взглянула на меня и отвернулась. После некоторой паузы тихо сказала:

– Я сразу поняла, что в этой истории что-то не так...

– А как вы догадались?

– Идеальная чистота в квартире. А ведь подозреваемая утверждала, что была драка...

– И про самогон она тоже придумала?

– Выходит, что так...

– Но тогда убийца...

Признаюсь честно, я ужаснулась от своей догадки.

– ...как двенадцатилетний мальчик смог...

– Этот мальчик несколько раз предупреждал отца, что если он осмелится поднять руку на маму... короче, это был нож с выдвижным лезвием, тонкий и острый как бритва. Такой можно купить в любом строительном магазине. Чтобы пырнуть человека в живот особых усилий не требуется. Тем более, если жертва находится в стадии сильнейшего алкогольного опьянения. Всё произошло в считанные секунды. Мать быстро подменила орудие убийства, убрала следы драки, а затем позвонила в полицию.

– А ребёнок? Вы с ним разговаривали?

– Он ничего не помнит. По всей вероятности, сильнейший стресс. Полицейские, прибывшие на место преступления, утверждали, что мальчик крепко спал в соседней комнате. Младшие дети были в садике. Да и кто копать будет? Ты же знаешь, наши следки не любят делать лишних телодвижений.

Тут во двор въехало такси. Перед тем как сесть в машину, Наталья Владимировна задержалась на мгновение.

– Адвокату, как патологоанатому, нельзя быть сентиментальным! Но я никогда не устану поражаться безграничности материнской любви и способности женщины пойти на любые жертвы ради своего дитя...
 Махнув рукой на прощанье, добавила:
 – Надеюсь, ты понимаешь, что о содержании нашего разговора никто не должен знать?
 Я молча кивнула.

КАША НАШИХ ПРЕДКОВ

рассказ

Перед новогодними праздниками мои трудолюбивые родственники, друзья и просто знакомые дружно варят холодец из свиных ножек и заготавливают немислимое количество традиционного салата оливье, который обязательно должен быть со свежим огурчиком и зелёным луком. Я же всю свою сознательную жизнь то ли из чувства протеста, то ли из солидарности с моими далёкими польскими предками в самом конце декабря упорно готовлю блюдо, секрет которого много лет назад раскрыла мне бабушка. Называется это изумительно вкусное варево из квашеной капусты, мелко нарезанного лука, копчёных свиных рёбрышек, ломтиков домашней колбаски, окорока (обязательно со шкуркой!) и чернослива – «Бигус». Моя бабуля ещё советовала добавлять для полноты вкуса кусочек копчёной курочки, несколько охотничьих колбасок или пряно-острых сосисок «кабаносси». А для эстетики – стакан крошечных (с мизинчик!) маринованных опят...

«Это блюдо воспел Адам Мицкевич в поэме „Пан Тадеуш“! – с гордостью сообщила мне бабушка. – Бигус хорош тем, что его можно приготовить за неделю до рождества или новогодней трапезы. А потом переложить в большой глиняный горшок и заморозить. Чем дольше Бигус „зреет“ где-нибудь в погребе или в холодных снях, тем вкуснее становится, – продолжала она свой вкусный кулинарный рассказ. – Представь себе: зима, вечереет, идёт густой пушистый снег. Весёлая компания, накатавшись на коньках и санках, вваливается в дом. Гостеприимный хозяин с галантной улыбкой церемонно кланяется дамам и торжественно говорит: „Пришу, ясновельможные пани!“

На столе проголодавшихся гостей уже поджидает горшок горячего бигуса, исходящий густым ароматным паром. А рядом, под белоснежной салфеткой, лежит нарезанный крупными ломтями свежеспечённый ржаной хлеб, который будут макать в густую, невероятно вкусную подливку и, не стесняясь, есть руками, жмурясь и постанывая от удовольствия. Но сначала каждому озябшему гостю поднесут серебряную стопку зубровки...».

«Фу! – брезгливо поморщится какой-нибудь дилетант и примитивный чревоугодник. Тушёная кислая капуста со свиными костями и жирной шкуркой – еда плебейская, сплошные калории...».

Но мои друзья – все без исключения – тонкие знатоки и гурманы. В новогодний вечер, переступив порог моего дома, они дружно втягивают носом воздух, блаженно шуряют и трепетным шепотом вопрошают: «Ой, неужели твой знаменитый бигус?».

У моего взрослого сына своя молодёжная тусовка. Но ребятам давно надоело заказывать по телефону резиновую пиццу и покупать всякую дрянь в кулинарии ближайшего супермаркета. Так сложилось по жизни, что закуску к их праздничному столу готовлю лично я. Поэтому перед таким серьёзным праздником как Новый год мы обязательно собираемся и обсуждаем меню. Моё единственное условие – продукты по списку следует привезти заранее. Но в этот раз сын неожиданно спросил:

– Мама, а ты сможешь приготовить нам что-нибудь необычное?

– В каком смысле?

– В самом прямом! Между прочим, на дворе рождественский пост, а ты, как я погляжу, уже навострилась готовить скоромное: свинину, салат с копчёной курицей. Возьми-ка и состряпай что-нибудь необыкновеннее и оригинальнее!

Вообще-то я давно мечтала сварить перловую кашу по старинному рецепту, который вычитала у незабвенной Молоховец. Однако эту идею моя семья категорически не поддержала.

– Мать, ты издеваешься? Какая каша на новый год?! – возмутился сын.

– Беру самоотвод, – торопливо предупредил муж. – Я этой «шрапнели» на военных сборах наелся!

– Ах, вы ничего в этом не смыслите, – я попыталась реабилитировать перловку. – До того, как в наших краях познакомились с картофелем, эта каша была очень популярна не только у крестьян, но и у столбовых дворян. Я уже не говорю о знаменитых армейских кашеварах! Правильно приготовленная, перловая каша необыкновенно вкусна, ароматна, но главное, полезна. Вы только послушайте: *пер*ловая от слова «перл» – жемчуг. Её крупины напоминают зёрнышки речного жемчуга. У Молоховец написано, что кашу следует томить в печи не меньше шести часов, в конце добавить лук и тушёные белые грибы.

– Ты собираешься закусывать шампанское перловой кашей? Оригинально! – хохотнул мой папа.

– А почему бы и нет. Между прочим, – тут я выложила свой последний козырь, – спешу тебе напомнить, что один наш славный предок был не только храбрым казаком, но и уважаемым кашеваром.

Кстати, в середине XIX века армейских походных кухонь ещё не было. Их изобрели намного позже. Солдатики были вынуждены заботиться о пропитании самостоятельно: они возили с собой котлы и нехитрую провизию. Обязанности повара выполнял доброволец, который и костёр разводил, и щи-кашу варил.

Как говорят, охота пуще неволи. Я всё же решилась на эксперимент: тщательно промыла купленную заранее перловую крупу и замочила её в холодной воде. Потом села и крепко задумалась. Нет, бигос всё равно придётся готовить, чтобы польские предки не дай бог не обиделись. А вот что прикажете делать с греческими предками? Ведь благодаря тому самому прапрадеду-кашевару в нашем роду имеются греки, вернее, настоящая гречанка.

Итак, согласно семейной легенде, мой прапрадед со стороны дедушки был лихим казаком, который принимал активное участие в одной из Балканских войн. Во время рейда по турецким тылам разезда моего прапрадеда наткнулся на крошечную греческую деревушку, все жители которой были зверски убиты проклятыми басурманами. Увы, на войне как на войне. Прапрадед отправился искать колодец, чтобы напоить уставших лошадей. Воду он так и не нашёл. Все колодцы в деревне были завалены трупами. Казаки уже собирались покинуть страшное место, как вдруг кто-то услышал жалобный стон. Из-под груды мёртвых тел с трудом извлекли девочку-подростка, которая, как оказалось, не была даже ранена. Турки просто завалили её телами убитых односельчан. У юной гречанки были дивные жгуче-чёрные глаза маслины, горбинка на носу и толстая, как смоляной канат, коса до пят. Мой прапрадед увидел эту длиннощую косу, заглянул в эти необыкновенные глаза и... влюбился по самые уши. Он привёз девушку в родную деревню, они обвенчались и прожили счастливо больше полувека. Мой дедушка хорошо помнил прабабку-гречанку, которая, дожив до глубокой старости, не имела в своей замечательной косе ни одного седого волоска, говорила по-русски с чудовищным акцентом, а на Пасху пекла восхитительно вкусные куличи. Именно благодаря этой гречанке у всех мужчин в нашем роду имеется характерная горбинка на носу. Мой сын очень гордится своей горбинкой. Он с удовольствием посещает греческую общину, где одно время даже пытался учить новогреческий язык и танцевать сиртаки.

...Перед самым обедом вернулся сын с пластиковым пакетом в руках.

– Глянь, что я принёс! – радостно сообщил он.

В пакете оказался огромного размера полуживой зеркальный карп, небольшая щука и парочка крошечных судачков.

– Какой ты молодец! – обрадовалась я. – Приготовлю вам настоящее новогоднее блюдо: рыбу по-гречески с маслинами и сладким перцем!

– Нет! Я уже пообещал ребятам, что ты сделаешь фаршированную рыбу, – категоричным тоном заявил сын. – А рыбу по-гречески приготовишь как-нибудь в другой раз.

Я совершенно растерялась. Вообще-то фаршированная рыба, или «гефилте фиш» – блюдо сакральное, без которого в нашем славном городе не обходится ни одно серьёзное мероприятие, будь то свадьба, день рождения или поминки. Это в прямом смысле высший пилотаж кулинарного мастерства. Среди ярких воспоминаний моей юности присутствует живописный эпизод из области местного фольклора. Наша соседка тётя Циля – мама толстого добродушного Додика рыдает на плече у моей бабушки, в двадцать первый раз задавая один и тот же вопрос: «Скажи мне, Клава, как можно жениться на женщине, которая не умеет готовить „гефилте фиш“???».

Так сложилось, что по умению готовить фаршированную рыбу судят в нашем городе о квалификации повара и мастерстве хозяйки. Лично для меня главная проблема состоит в том, чтобы аккуратным «чулком» снять рыбу со кожи. Это достаточно сложная и трудоёмкая процедура.

– Сынок, – взмолилась я, – а может, всё-таки сделать по-гречески?

– Только фаршированную! Ну пожалуйста! Ты же у нас кулинарные книги пишеешь, – голосом придворного льстеца запел сын. – Кстати, на Новый год к нам в компанию наконец-то удалось заманить Башника с гитарой. Он давно обещал устроить небольшой концерт, но только за кусок фаршированной рыбы! Он же никогда такое не ел! У них это готовить не умеют! Я ему все уши прожужжал, какая ты у меня замечательная повариха.

Вообще-то друга моего сына зовут Башкурт, что в переводе с турецкого означает «вожак стаи или главный волк». Башником его зовут близкие друзья. Этот милый юноша приехал в наш город из Стамбула учиться в консерватории. Знатки уверяют, что у Башника великолепный сильный драматический тенор. Мой сын, поклонник рэпа и всяческой новомодной молодёжной попсы, совершенно случайно попал на «зачётный» концерт и был так впечатлён арией Германа в исполнении темпераментного турка, что поспешил купить диск с оперой «Пиковая дама», а мелодию «Что наша жизнь? Игра. Добро и зло – одни мечты!» установил на свой мобильный телефон.

Слава искусного кулинара, безусловно, тешит самолюбие. Но в мои планы не входило возиться полдня с одной рыбой, да ещё и накануне Нового года. Стоп, ведь у меня имеется железный аргумент! И я постаралась озвучить этот аргумент как можно убедительнее:

– К сожалению, приготовить «гефилте фиш» не смогу, потому что у меня нет мацы!

– А без мацы разве нельзя? – подозрительно прищурился сын.

– Не положено! Не собираюсь рисковать своей репутацией!

Я демонстративно ушла на кухню ставить в духовку перловую кашу.

Для тех, кто не в курсе, поясню: маца – это пресные лепёшки, которые успели испечь евреи во время поспешного бегства из Египта. В Библии этот вид хлеба называется опресноком. Современная маца похожа на листы тонкой дранки белого цвета, и для лёгкости преломления снабжена крохотными дырочками, как перфорацией. Перемолотая маца входит в состав множества вкусных кушаний, «гефилте фиш» не исключение. Вообще-то в нашем городе мацу можно без проблем купить перед еврейской пасхой – Песах. Но это весной, а сейчас уже конец декабря.

– Придумал! – вдруг радостно заорал сын, – сейчас позвоню Мишке Когану! Он в еврейской общине подвизается. У них наверняка имеются запасы.

Но оказалось, что Миша пару дней назад улетел к родственникам в Хайфу, о чём по телефону сообщил дружелюбный старческий голос с ленинской картавостью.

– А зачем вам потребовался Мишенька? – полюбопытствовал голос. – Ах, вам срочно нужна маца! Так вы идите прямо в Главную Синагогу, что на Ришельевской улице. Так и скажите, что вы от Миши. Только, молодой человек, не забудьте надеть кипу, иначе с вами никто не будет Разговаривать!»

– Легко сказать, наденьте кипу! – буркнул сын, вешая трубку, – а где взять эту самую кипу?

Тут к сыну в гости пожаловали друзья: Башкурт с Сашкой Баханько. Ну, Бишик понятно – турок. А у Сашки мама грузинка, а отец типичный хохол, который родился и вырос у нас на Молдаванке. От мамы Саше достались роскошные, сросшиеся на переносице брови, от отца – удивительная предпринимчивость и страсть к авантюрам.

– Нужна кипа? – деловито спросил Сашка. – Так в чём проблема?

Спросил и тут же куда-то убежал.

Ребята сели пить чай, а я полезла в духовку проверять перловую кашу. Но Саша вернулся удивительно быстро и, не раздеваясь, положил на кухонный стол три чёрные шапочки, похожие на детские тибетейки.

– Вот вам кипы! Что расселись? Пошли в синагогу!

– Может, не стоит всем вместе идти? – осторожно спросила я. – Пусть ходит один Саша или...

– Я тоже хочу! – по-детски капризно надул губы «главный волк» Башкурт. – Я там никогда не был!

Этого ещё не хватало! Господи, как же дипломатично объяснить этому легкомысленному мальчишке, что любопытство здесь не уместно? Но тут вмешался мой сын.

– Бишик, ты спятил? Тебе в синагогу нельзя, ты же мусульманин!

– Я не мусульманин, – с трагическим пафосом сообщил Башкурт, – я этот, как его, э... атенст!

Теперь представьте эпическую картину: этнический грек с примесью польских кровей, полгрузина-полхохла, а также примкнувший к ним любопытный турецкий атенст и по совместительству «вожак стаи» поехали за мацой в Главную Синагогу на Ришельевскую. Дальнейшие события рассказываю со слов сына.

Внутри Синагога оказалась очень похожей на читальный зал городской публичной библиотеки. Пусто, тихо, красивые люстры и много стоящих в ряд столов. Недалеко от входа сидел бородатый, удивительно похожий на сказочного гнома старичок в кипе и толстенных роговых очках. Беззвучно шевеля губами, он читал совершенно ветхую книгу и был так занят, что не обратил внимания на весёлую троицу, которая бочком просочилась в помещение.

– Шалом! – громко поздоровался Сашка, поправляя на голове кипу, – мы от Миши Когана!

Сашка почему-то решил, что у такого старого человека обязательно должны быть проблемы со слухом. Гном от неожиданности вздрогнул, медленно снял очки и удивлённо уставился на незваных посетителей кроткими близорукими глазами.

– Скажите, у вас есть маца? – всё так же громко продолжал Сашка.

– Склад уже закрыт, приходится после праздников, – тихим спокойным голосом посоветовал старик и осторожно полюбопытствовал: – Зачем вам так срочно понадобилась маца?

– Мама на Новый год фаршированную рыбу собралась готовить, а у нас маца закончилась э-э-э неожиданно! – быстро нашёлся мой сын.

– Да, «гефилте фиш» без мацы – это совсем не то! – дед сочувственно закивал головой. – Вот что, молодые люди, кажется, я смогу вам помочь!

Гном слез со стула, неторопливо похромал куда-то в угол и принёс три пластины мацы, аккуратно завернутые в бумажную салфетку.

– Держите! Это из моих личных запасов, должно хватить.

– Сколько мы вам должны? – поинтересовался практичный турок.

– Я вас умоляю! Нисколько, это подарок. Кстати, маца кошерна, от самого Любавического ребе, – с гордостью сообщил щедрый гном. – Чтоб вы уже были мне здоровы, мальчишки! С Новым годом!

Старик опять залез на стул и углубился в чтение своей потрёпанной книги, давая понять, что аудиенция окончена.

С фаршированной рыбой я провозилась до позднего вечера и так умаялась, что чуть не забыла про перловую кашу, которая томилась в духовке практически весь день. Утром тридцать первого декабря у меня был запланирован поход в парикмахерскую. Когда вернулась, на кухне уже вовсю хлопотал мой сын. Ему помогал Сашка Бахонько. Ребята раскладывали готовые закуски по пакетам и пластиковым коробкам. Они торопились. С минуты на минуту за ними должны были захватить остальные участники «тусовки». Готовую фаршированную рыбку я запаковала лично. Но сначала я выложила её на отдельное блюдо, сунула в рот кудрявую веточку петрушки, спинку украсила тоненькими ломтиками лимона и розочками из майонеза, смешанного с хреном. Получился потрясающий натюрморт в духе «старых голландцев». Остался только чугунок с перловой кашей, который сиротливо стоял на плите. Воспользовавшись всеобщей суетой, я положила изрядную порцию каши в керамический горшочек, завернула в газету и незаметно сунула в один из пакетов. Авось кто-нибудь оценит!

Сын вернулся из гостей только утром второго января. Вместе с ним приехал Бишик.

– Как погуляли? – спросила я, глядя в глаза слегка помятые физиономии ребят.

– Замечательно! – охотно откликнулся сын, – Твоя фаршированная рыба получилась просто супер! Съели всё, даже петрушку!

Тем временем Бишик молча вытащил из пакета пустой тщательно вымытый горшок и протянул его мне со словами: – Хочу сказать вам отдельное спасибо за блюдо, которое было вот здесь...

Признаться, я не ожидала такого ошеломляющего эффекта от скромной, хотя и очень вкусной каши «от Молоховцев».

– Мам! – встрял мой сын, дурашливо ткнув смущённого турка локтем в бок, – Бишик специально зашёл спросить, сможешь ли ты научить его готовить эту кашу?

– Конечно! В чём проблема?

– Бишик у нас оказывается не чистокровный турок, а чуть-чуть болгарин!

– Неужели? – совершенно искренне удивилась я.

– Это долго рассказывать! – покачал головой «вожак стаи», – Короче, у нас в роду был болгарский прапрадедушка. Во время войны, ещё в XIX веке, его турки в плен забрали. Он тогда совсем молодой был. А казаки отбили. Он с ними даже немного воевал, помогал лошадям чистить. Они научили его кашу на костре варить. Потом, правда, он опять в плен попал и не смог убежать. Так и поселился в Турции, насовсем. У нас в семье эту кашу по традиции только мужчины готовили. Вроде как в память о болгарском предке. Последним это умел делать мой отец. Я в детстве её очень любил. Но отец трагически погиб десять лет назад, а я так и не успел узнать, как он её готовил... – Бишик грустно улыбнулся.

– Вот здорово! – заорал мой сын, – А вдруг это наш казак твоего болгарина учил кашу варить?

Не устаю удивляться: какие происходят порой удивительные, почти мистические вещи! Они срывают многолетние покровы, обнажая истинную природу вещей. И тогда явственно видятся тончайшие нити, которые таинственным образом объединяют всех живущих на Земле людей. Нити эти прочнее стальных канатов. Они способны связывать вопреки законам логики, здравого смысла и идиотским философским умозаключениям о национальной чистоте и расовой исключительности! Ведь если серьёзно разобраться, то в начале XXI века вряд ли можно найти «чистокровных» немцев, узбеков, итальянцев или французов! Покопайтесь в истории своей семьи. Вы наверняка найдёте и прабабку-татарку, и авантюриста-француза, прибывшего на заре XIX века в наши земли «на ловлю счастья и чинов», и трудолюбивого немца-переселенца, и ещё кучу других замечательных граждан, которым мы обязаны своими талантами, цветом глаз или кожи, длиной носа, любовью к театру и книгам. А ещё я до слез люблю свой замечательный город у «самого синего моря», весёлый и космополитичный. С момента основания в нём самым причудливым образом смешались и русские, и греки, и евреи, и украинцы, и французы, и молдаване, и куча всяких предприимчивых личностей без роду и племени. Но главное, что все они дружно проживали бок о бок, помогали друг другу, радовались солнцу и не делились никогда на «своих» и «чужих»! Ибо, как сказал замечательный писатель Владимир Набоков: «Единственное, чем людям стоит заниматься, – это любить друг друга и прощать врагам своим...».

ЕЛЕНА КОРО

ИСТОРИИ ТААЛЬ

Согласно семантике индоариев города Ялта, Алушта и Алупка имеют единый корень АД, что на древнеиндийском означает «хаос». На Южном берегу Крыма такие скопления камней и называют Хаосом.

Тааль – это Та Аль, та Ялта, что по ту сторону хаоса, истории героев ялтинского зазеркалья.

ТААЛЬ

Когда б не город, белый августовский зной,
усевший обочинами дня порошей сушь
секунд, минут, след в след, час в час.
Когда б не город, мир бы тѣк не пылью
белой, жѣлтой, бурой, песчаником застывшей,
сотней лет, домами вросшей в быт,
слежавшейся холмами летний зной, не Леты, нет.
Мой белый, иссушѣнный, пылевой
и палевый в удушье знойных грѣз.
Но августовским днѣм твоим не в хаос
блеклых белѣм слепых расстриг,
иконами, проѣмами звонниц
как окнами да в неба облакить,
под звонами как в вертоград бойниц,
увитых гроздьями сентябрьских лоз,
мой белый город, вестник, светник
сего дня, ты вѣсть, твой благовѣст
исходом в гроздь их лоз,
Тааль, Грааль и вертоград, и песнь.

ПТИЧИЙ ПОЭТ

Тихо говорила родина
С птахой дрожью зари
В зарницах сердца.
Вдохнуть зарью ок,
Ритмом тих,
Стуком из неми стих.
Воля птаха
Дрожью сердца
Звуков перелив, –
Звукопись:
Стуком и слухом в такт
Дробью сердца.

Птичий язык
 Не образ, не слог –
 Звук и ритм –
 Птичий поэт –
 Любить дух птах и рух
 Дрожью сердца.

СОН СИМЕИЗ¹. СТАРИК И ДЕВОЧКА

Поитель слов, он их низал
 как чётки, он читал, считал
 не звуки, расстояние до ля,
 до девочки, увидевшей до си
 сирень, вбежавшую не веткой,
 птицей – в зеркало из дня,
 ей распахнулся куст
 и в перспективе нот
 старик увидел девочку,
 ей пела птица и сирень
 им распахнула сны и сердце,
 им триоли на троих, на всех.
 Старик читал их миг, поил их слог,
 поил словами птиц.
 Он пел для девочки,
 глухой, считал до си сирень.
 Сано чара смотрела сны
 и пела девочке, поила песнью
 старика и Симеиз.

¹ Sima-ij – соколиный жертвенник (из *Этимологического словаря «причерноморского» индоарийского языкового реликта О. Трубачева*).

ДЕВОЧКЕ

*На туманном стекле
 Заветный вензель, О да Е.
 А.С. Пушкин*

Вошла ты старинной ижицей,
 Взгляд мой ахнул: О, Ю!
 О чём-то шептали книжицы,
 Рюмили Питером дню.
 Зяблика звук ли чудится,
 Там за окном рю-рю-рю.
 Вензелем ижицы чертан ли
 Звук за окном: люблю?
 В сад малой птицей, рюмится
 Каплями дождь, речист
 Песней, в мой мир ижицей,
 Буквицей малой, птиц.

ПТИЧИЙ БОГ (ДЭВИ ЧАРА)

Ты путаешь местами времена
 и место временем сквозит
 сквозь птичьи путы,
 из путаницы сада дерева
 сбегают крылышка по-стрекозы.

О, девочка, цикада,
 просто ци движения июля трелью
 за макушкой лета.
 Забота друга или ласка бога
 по-птичьи он теряет не слова
 меж ми и ре течёт река для слога.
 Мисхор и Коренз¹
 межтенью птичьих пут
 межсенью трелью
 лаской друга бога
 и ци меж ре и ми
 меж садом и рекой
 играют птичьи боги
 и птичьим росчерком
 стрижами слоги.

¹ Kura-ij (др.-инд. *kuṅga* – морской орёл, *iṅga* – жертва) – орлиный жертвенник (из *Этимологического словаря «тричерноморского» индоарийского языкового реликта* О. Трубачева).

НИЖНЯЯ ОРЕАНДА ИСТОРИЯ, РАССКАЗАННАЯ ПОД СЕНЬЮ

Так тихо любила, почти ждала,
 И отдыхала на вздохе, когда он
 Смотрел из зеркала двойником,
 Не выходящим из ночи, таяли
 В сумерках зеркала, утрело,
 Он взглядывал из предместий сна,
 Выходил из сплетений чинара,
 Возвращался в его объятия, в них
 Молодых, долгоживущих, он
 Обретал осязание
 Не тени, под сенью платана,
 В тени, его руки едва касались
 И из печали сна, из забвения
 Сумерек она так долго вчувствовалась
 В его руки, молодой чинар, однолюб,
 Жил так долго, что она прожила бы
 Под сенью ещё одну их жизнь.
 Но однажды он позвал её всей силой
 Молодого платана, и она тихо растаяла,
 Была заключена в гроб и в склеп.
 И отправилась однажды дорогами
 В дрогах в лоно северной лавры
 Не силой лавра, чинара, перенесли
 Её южные земли током ли земли,
 Корнями чинара, светом неугасимым
 К северным тихим соснам.
 Так любила его Анна, свет тихий,
 Небо бесконечное его гения.

АНГЕЛЫ ХРАНЯТ НАМ МИР

И мир хранит любимых, близких и далёких,
 Их ангелы на тропах близко-близко
 Друг другу шепчут: берегите их.
 По веточкам, по строчкам, в зеркалах
 И облакитнописью знаки, фрески
 Событий в облачных высоких куполах
 Из запределья шёпотами, шорохами,
 Высоты штрихами, стрижами падайте
 И просто берегите всех своих
 На перекрёстках войн, ваш дар
 Им в благодар, им мир.

ДВЕ ЖЕНЩИНЫ

О.Д.

Седеющей кипенью дня
 над профилем Анны
 скорбь, изливаясь в воск,
 горчит можжевельем, длится
 лицом, оттеняющим сонм
 сошедших, старухой с гор,
 миг неожиданно стих
 утратой, легко клубится
 прощенье летящих в сны
 прощаньем до белизны
 седеющей кипени дня
 над профилем отчим.

МАССАНДРА¹

В ритмах ночи, сосредоточив
 В паузах новогодье, в пазухах
 Таврских ящичков неомасонье,
 Ты раскрыла объятия чёрному
 Как ночь, но красного камня, мускату
 Во дворе декабренущей переспелой
 Хурмой, склеванной птицами Венеры
 Амуровны, кисти Судейкина.
 Дорогая, Массандра в неомансардном
 Ракурсе, новогодьем пошла на убыль ночи,
 Распутица в мыслях сфинксов дворца
 Рыжими котами ластится,
 Чёрные псы Поликура пробегают
 Нечаянно, в пазухах декабря, твой день
 Вновь взлетает в нашей мансарде
 Хурмой, золотом седьмого неба,
 То ли в иссушь лета лозой Массандры,
 То ли Львом Голицыным, ветром в чудо.
 Я не слышу перепевов творца,
 Зазеркалий, пихт, святителища кипарисов,
 Я лечу с чёрными псами под сенью
 Часовни Святого Николая.

¹ Marsanda (*mar-siand-: sindu*) – люди большой реки (из *Этимологического словаря «причерноморского» индоарийского языкового реликта* О. Трубочева).

БЕЗУМНОЕ ЧАЕПИТИЕ

Я забыла не ночь, апостроф,
 смягчающий чайня, чайть,
 сказала тебе, как чаевничать в одиночку,
 но ты читала не апостола Иоанна, созерцающая формы,
 евангелие от Фомы, ты сказала,
 смягчая нечаянный частный случай,
 случается, дорогая, не польнью
 слынула стихия в реки, чабрецом
 оттаяла, речью, златоустем, не огорчая горечью уст.
 Златоуст, чабрец твой, апостроф червлёной речи,
 я знаю, дорогая, это безумное чаепитие,
 отчаянно выпитую ночь
 с Гекатой.

НОЧЬ С ГЕКАТОЙ

Ты пришла в сердце как в выдох
 и заполнила вдохом близости
 словно мы не расстались на год
 а вечно двигались
 в едином ритме со всеми твоими собаками
 на перекрёстках, на обочинах в лунном танце
 перетекали в вечность, пересекали
 старинные поместья, усадьбы,
 видели свадьбы живых и призраков,
 теперь мы вместе,
 твоя ночь близится,
 встретимся на Поликуровском кладбище.

МЫС МАРТЬЯН
ОКТЯБРЬ – ТАБОР ОК

О.Д.

Мир полон Вашим Ци.
 Ушли цикады,
 Цинерарии цветы
 Свет солнца рассекают
 Синью неба.
 Сквозь облакитность
 Времени из ок прольётся
 Смех как ци завета.
 Здесь фути фа из неми
 Полозов, из сини – си из ок,
 Свидетель им мартын,
 Завета ок и рук навек:
 Мартьян. Октябрь –
 Табор ок, кочующих
 Порталами времён,
 И смехом их легко – и в синь.

ПЛАЧ ПО ТОСКАРЯМ

За реченьями чаянья свитых
светом святых у ракии белым
пеплом посыпан мелом
меловодьем плач мой
белым ли маком Макошь
остриги медвяные росы
косы степей и дроги
проводи в путах дорог
расстриг выведи за порог
уйдут они степью Мокошь
зайдут за чужие ряные межн,
оставь там в нежить
потерянных тоскарей
не век им, век свитых ракии
тех, что святы светом святых,
век чей острог
остриги путы дорог
молитвами святых уст
Сорокауст.

МОЛЧАЩИМ НЕБОМ, ПИЛИГРАМАМ, МИМО

Молчащим небом, пилигримам, мимо
Твой долгий путь вот в это пилигримье,
прощают зазывалы зов дорог, уже кричат
насмешники, им короби лыко не в строку
строчат хитоны из крапивы, им
советники пределов света,
застрельщики, стрекальщики,
стрекозы, стрекала спрятали в забрало слов,
забрали все слова в замес,
и немью пилигримам намешали,
не мешкая, пергаменты, per ager – немь небес.
Молчащим небом, пилигримам, мимо

БОРИС ФАБРИКАНТ

ПОЙМАТЬ С РАССВЕТОМ СТАЮ СВЕЖИХ СЛОВ...

***

Десятый класс, открыты двери,
Восход устроили для нас.
И все пока во что-то верят
В душе, с надеждой про запас.

Встречались, отмечали даты,
Шли в институты, как в кино.
И мы уже не виноваты
Во всём, что сделано давно.

Неслышно обростали жизнью,
И как стыдливый светлячок,
Всё думали в прогнозе ближнем,
Лететь на запад, на восток?

Кому какая вышла карта,
И многих не найти сейчас.
Последний день, поём за партой,
Стихи мои, десятый класс

***

Такая тропочка, простая, как земля,
От детских простыней до самой смерти.
Как в очередь от мамы три рубля,
«Не потеряйте, сдачу там проверьте!».

И нам запоминается проём,
В который солнце входит непременно,
И листья на деревьях узнаём,
А дни идут, как в школе перемены.

Когда уходит кто-то из своих,
Он память обо всём с собой уносит.
Нам велено пройти от сих до сих.
Я тут стоял, скажите, если спросят

***

Поймать с рассветом стаю свежих слов,
Как рыбу в лодку, сетью на разрыв,
И клавишами уложить улов,
Сверкающий, у каждой свой мотив.

А там, где рыбы, ноет жаркий шмель,
Трепещет рядом новое словцо.
Я в папину военную шинель,
В шершавый запах, опущу лицо.

А маятник то запад, то восток,
Ни разу не сбивается в расход,
А времени разорванный моток
Шьёт памяти лоскут на целый год

***

Вот зима со своими дождями,
Темнотою короткого дня.
Уж давно что-то есть между нами,
От снегов до лесного огня.

Первобытных открытий начало:
Паруса, календарь и копьё,
Где младенцев природа качала,
Предыдущее счастье моё.

Всё росло, как тому полагалось,
Наших предков крепчала родня.
Лишь война никогда не кончалась,
Вплоть до самого длинного дня

***

Тихо крадётся лесок на краю
Города, дня и реки,
Птицы знакомые песни поют
На расстоянии руки,

Мягкие волны играют листом,
Кто-то сложил катерок.
Только всё будет готово потом,
Как обозначится срок.

И соберутся, как дым в небесах,
И от людей вдалеке,
Путая буковки на адресах
И номера на доске.

И опускают кораблик в волну,
Чтобы один за другим,
Переносили сквозь мир и войну
Долгие вести своим

***

Свет какой над землёй! Звёзды свечек
Поминальных горят, не сгорят.
Это время стоит и не лечит,
Как живые себе говорят.

Слово *здравствуйте* вместо прощанья
Как билетик «живи до тепла».
На земле не осталось прощенья,
Лишь любовь не сгорает дотла.

Долго утро над городом тлеет,
Зажигает огни над стеной.
Горе глубже, а вечность мелеет,
Чтоб детей не накрыло волной

***

Там птицей сбитой влёт
Ключами дом звенит
Он больше не живёт
Разорванный кричит

Пока плавёт тепло
Но не поднять крыла
Калитка как перо
В петле горит дотла

И крикнуть не кричит
И клин не развернуть
Дом в шутку был убит
Не долетел чуть-чуть

***

Расчёты с Богом – вечная игра
В прощание, ужасная пора
Не вовремя, не накопить минут,
Пока нас из любви и жизни рвут.

Убить – охота. Жжёт пустой зенит,
И снова горе по земле сквозит.
Убить – забава. И опять распнут,
И газовые печи распахнут.

Любовь и радость ветром горевым
Убить нетрудно, трудно будет жить
Тем, кто ещё недавно был живым,
Кого ещё останутся любить.

А дикари кружат вокруг страны,
Мозги омыты доблестью гнилой,
Они давно – горючее войны,
Их семя дьявол вынес под полой

***

Походка жизни не меняется,
С годами легче узнаёшь,
Увидишь, как идёт, качается,
Свернёт за угол, не найдёшь.

Такое что-то в ней небрежное,
Как будто люди ни при чём.
Нас много всюду, небо снежное
Над нами поведёт плечом,

И жизнь проходит незаметная,
С одним молчит, с другим поёт.
Её работа – дело смертное,
Нас понемногу раздаёт

***

Довоенное лето, сочинение в школе,
Длинный след самолёта, белый знак на беду.
Вот и спрятались где-то море, солнце и поле,
Пожилые ромашки в предпоследнем году.

Там две радуги с ветром, папа с мамой и метром,
Измерять, что за лето я намного подрос.
Всё сложили на полки, что пролили, то вытрем,
Лето складно вместили в ящик от папирос.

Предвоенное лето не успело остынуть,
Небо треснуло с краю, мыши ищут еду.
Лето надо проветрить, всё из ящичков вынуть,
Ключ в кармане, замок заржавел на беду

***

эти мальчишки-мальчишки
не такие дураки,
чуть их тронут,
из карманов
вынимают кулаки
и с размазанною юшкой
белым снегом по губам
чёрный чай в разбитой кружке
делят с другом пополам.

вырастают, кособочат,
пропадают, кто куда,
ночью водку пьёт рабочий,
за окном висит звезда,
он глядит в пустые стены, –
вечер, день, полжизни, смерть, –
и не верит в перемены,
и не хочет помереть

***

Всё больше зим, где не хватает лета,
И не свести уже концы с концами,
Куда ни глянь, декабрь с февралем,
А новый год с июня до рассвета.

Слетают снега лепестки-ромашки,
Гадай, не любит-любит, жив-нежив,
Красивые крапивные рубашки
Перешивает кооператив.

Морским узлом не перетянешь время,
Как не удержишь на ходу коня.
И где же Бог, чтоб поцелуем в темя
Коснулся с опозданием меня?

НИКОЛАЙ СТОЛИЦЫН

ЛУННАЯ КОШКА СПЕШИТ

МНЕ БЫ...

Мне бы – выплакать – тебя,
Что ли,
Мне – полегче бы – тогда
Стало...
Я к чернилам подмешал –
Боли,
Правда, боли и чернил –
Мало.

Мама...
Вспомнив о тебе,
Снова
На бумагу я – пролью
Слёзы...
Не хватает – одного
Слова...
До чего я не люблю –
Позы.

Ты простила бы – меня,
Знаю,
Ну, а мне – себя – простить?..
Скучно...
Был я близок – к твоему
Краю...
Мне прощение – моё –
Нужно.

Можно плакать – по тебе –
Годы,
Можно плакать – по тебе –
Строчки...
Все поэты – это у-
роды...
Не поставлю – никогда –
Точки.

Мама, мамочка...
Любить –
Поздно,
Мне бы – выплакать – тебя,
Что ли...
Чтобы проще рифмовать –
Слёзы,
Я к чернилам подмешал –
Боли,

Я к чернилам подмешал –
Крови,
И поэтому – пишу
Снова...
Правда, главное – в одном
Слове,
Не хватает – одного
Слова...

«А-ю-б-л-ю».

ЛУННАЯ КОШКА

Можно – ловить светлячков,
Можно – свернуться клубочком
В свете холодной Луны...

Нет...
Побежать по траве,
Вовсе травы не касаясь,
Прямо – навстречу Луне...

В глазках – зажгутся огни...
Будет бежать – до рассвета,
Жалко, Луна...
Высока-а-а...

О, не касаясь травы...
О, ни за что не устанет...
Стала серебряной, ах...

Лунная кошка спешит,
Чувствует лунная кошка:
Мало – осталось – Луне...

И, позабыв обо всём,
С нежным мяуканьем сгинет
В первых – рассветных – лучах...

Сгинет...
Но в свете Луны
Снова свернётся – клубочком,
Станет ловить – светлячков...

***

1

В белом её кимоно
Ей бы – рассыпаться снегом...
Майко танцует, смеясь...

2

О, разливая сакэ,
Майко научится – мерить
Чашками силу любви...

3

Нужно ли майко – взрослеть?
Танец, рождённый любовью,
Так нелегко – оборвать...

4

Майко признается: ах,
Ей Господин – интересен...
Слушай признанья, Луна...

5

Пудра, белее куда –
Самого белого снега...
Спрячет – румянец любви?!

6

Майко, поймав лепесток
Сакуры, ах... осторожно
Шепчет ему – о любви...

7

Нужно ль шептать о любви...
Если её Господину
Только сакэ подливай?!

8

Ах, не молчи, сямисэн,
Сердце влюблённое майко
Гейшам подслушать не дай...

9

Нежно звучит сямисэн...
Словно из лунного света
Струны его сплетены...

10

Майко училась – любви...
Как же теперь научиться –
Этой любви избегать?!

11

Майко о счастье поёт...
Что же проклятые слёзы
Пудру смывают со щёк?!

12

Майко смеётся – во сне...
Крепко её обнимает...
Снящийся ей – Господин?!

В пёстром своём кимоно
 Майко – такая... что осень
 Ей позавидует, да?!

ЭВРИДИКА

Призывают Эвридику –
 Нежным голоском...
 Эвридика не вздыхает
 Больше ни о ком,

Хмурой тенью бессловесной
 Стала навсегда...
 А над нею...
 А над нею –
 Вспыхнула звезда.

«Эвриди-ика...»
 Эвридика?!
 Тени – без имён,
 Только тени обступили,
 И со всех сторон.

Тени, тени...
 Отчего же
 Хочется – вздохнуть,
 И с другими распрощаться,
 И в обратный путь...

Что за нежные напевы
 В Тартаре звучат?!
 Бессловесной, очень хмурой,
 Хочется – назад.

Призывают Эвридику –
 Нежным голоском...
 Кто же?!
 Если не вздыхает
 Больше ни о ком...
 Но сияет...
 Как сияет
 В небе, не живом.

ЭВРИДИКА, N

1

Эх, весло – у Харона – прогнило,
 Но в рабочий – безрадостный – день
 Потихо-онечку плещется Лета,
 И з-з-зудит – беспокойная тень.

2

И Харону не хочется – слушать,
Но работать – прогнившим веслом?
И чего она лезет к Харону –
С человечьим своим голоском...

3

И проклятая лодка...
Застыла...
И не двинется...
С тенью одной –
И намучаться?!
И не умолкнет,
Переполнена жизнью земной.

4

И как будто – жалеет Харона,
Мол, не знает, несчастный...
Любви-и-и...
И зудит, и зудит, не смолкая...
О, проклятая лодка, плавви...

5

И плывёт...
И плывёт – всё быстрее,
Но плывёт – не вперёд, а назад,
О, проклятая, углая лодка
По реке безнадежных утрат.

6

Что – любовь?
Только – звучное слово...
Но проклятая лодка – плывёт...
И Харон приналеёт бы – на весла,
Чтобы двинулась лодка – вперёд.

7

Но одно, проклятущее, сгнило...
И в рабочий – безрадостный – день?!
И притихла, заслушалась – Лета,
И смеётся – счастливая тень.

8

Наливаясь...
Любовью...
И жизнью...
И завидует – мрачный Харон,
И горячее...
Слишком живое,
Без сомнения, чувствует – он.

СМЕРТЬ

Старуха смеётся, косою – ему – помахав:
«А ну, сочини...
Обо мне...
Обо мне – сочини...
Чего побледнел?!»
Но, чернила с бумагой достав,
Он думает: выйдут заплачки, заплачки одни.

О смерти – ему – сочинять не пристало, поди:
Он – мастер описывать карпов и капли дождя...
«Поменьше бравады, побольше, побольше нуди,
Засохшею кистью вода, по бумаге вода».

В глазах у старухи горит – неживой огонёк,
Она заждалась...
Отчего же – задумался Ли?!
«Отсрочка – мала, потому поработай, дружок,
Забудь обо мне, дурачок...
Вдохновенью внемли».

И кисточка сдвинулась – с места – и пляшет уже,
И строчки бегут...
И бегут, и бегут – по листу...
О смерти, что каждого помнит, оплакав в душе,
И слёзы текли, осветляя – её черноту.

Старуха на кисточку смотрит, забыв о косе,
И хмыкает: надо же, выдумал, смелый какой;
А строчки – и звучные очень, и точные все,
Такие нельзя редактировать – острой косою.

«Тебя не напрасно просила...»
Пустила слезу:
«Пиши, не заботясь о времени и обо мне...»
И ах...
Изготовилась ждать, оперлась о косу,
А слёзы текут и текут...
И живые вполне.

ЕЛЕНА ВАДЮХИНА

К НЕБЕСНОМУ ЛОТОСУ пьеса для музыкального спектакля

Действие происходит в Китае 18 века.

Действующие лица:

Поэт (в молодости 16 лет и пожилой 72 года),

Вэньчан – звёздный князь, покровитель литературы,

Матушка (её голос), Луань (птица феникс, женская сущность феникса), журавль, цветы мейхуа, бамбуки, лотосы, звёзды, деревья, кисточка для каллиграфии, волны.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

На сцене Поэт в пожилом возрасте с красной книгой в руках.

Поэт в пожилом возрасте (*обращаясь в зал*). Дорогие мои внуки и правнуки, частенько я рассказывал вам о моём детстве, весёлое было время, а вот о юности своей упоминал вскользь, слишком много бед обрушилось на меня сразу. Сначала матушка умерла, потом дед и отец. Я не умел вести дела, меня все обманывали, и я разорился совсем, в довершение всего меня ограбил мой сводный брат, сын наложницы отца. Девушку, которую я нежно любил, выдали замуж за другого. В таком расстроенном состоянии я не смог пройти «кэцзюй», я завалил самый первый уровень экзаменов. Я не смог написать стихотворение. Вот поэтому я вам и не рассказывал. Ведь вы все спрашивали меня: «Дедушка, а как же вы стали знаменитым поэтом?». А я должен быть для вас как глава рода авторитетом. Но теперь, на закате моих дней я понял, что должен поведать эту историю вам и всем вашим потомкам. И написал для вас вот эту красную книгу. (*Открывает книгу, читает*) Итак. Глава первая. В хижине. Мне было шестнадцать лет, и казалось, что жизнь моя кончилась, а впереди только жалкое существование...

СЦЕНА ВТОРАЯ

На экране тёмный лес, сосны под ветром и снегом, видна хижина с огоньком света. Слышатся завывания ветра под звуки флейты.

Голоса деревьев. Какой жуткий ветер! Он ломает наши ветки, гнёт к земле, снег давит, а у человека свет в хижине, печка дымится, ему нипочем наши стоны... Как люди бесчувственны...

На экране хижина изнутри, окно с бамбуковой занавеской, на стене картина с Луань-няо (фениксом).

За столиком сидит, сутулившись, главный герой в юности, пьёт вино из маленькой чашки, наливая из кувшина. Слышны завывания ветра.

Поэт. Весь вечер не утихает ветер, холод и тоска... и подогретое вино не спасает. До чего же жутко скрипят сосны, того гляди раздавят мою хижину! (*Вздрагивает, поёживается*) Как ни жалка участь бедняка, но участь богатого человека, потерявшего в жизни всё, печальнее. Даже мальчишка, у которого покупаю рыбу, смеётся надо мной, и я и дров не умею толком нарубить. Ещё год назад я был счастлив, богат и беспечен, слуги подносили мне еду, одевали, заботились о моём уюте. Я был любим, а теперь я здесь, в холодной хижине, ничего и никого у меня не осталось, а из всего богатства только картина, подаренная матушкой в дни моего детства с пожеланием благоденствия. Любила она о птице Луань стихотворение мне читать, а я всё просил и просил повторить.

Звучит голос матушки. Среди скал, как иглы, вросших в небо
 На выступе крутом есть дерево,
 Корнями вглубь земли, стараясь прорасти,
 Соединяет землю – небо.
 Под ним дракон, свернувшись, лёг на отдых
 А в кроне вечно молодой
 Поёт под шум ветров и рокот речки
 Та птица, что зовут Луань.
 Она о нас всё знает изначально
 О наших странствиях, стремленьях к красоте
 И ждёт смиренно, чтобы к людям опуститься,
 Когда они найдут гармонию в душе.

Поэт. Но даже на эту картину я не могу смотреть без слёз: слишком горько вспоминать дни беззаботного детства. *(Вздыхает)* Все мои развлечения – это чтение книг. Почитаю древних, открою чужие строки наугад, пусть они что-нибудь да подскажут бедолаге. *(Открывает, читает. Параллельно чтению тихо, фоном звучит древняя мелодия – звук флейты)*

Тяжко-тоскливо, безрадостно-больно
 Покидать бывшее и ожидать чего-то нового!
 Всеми забытый,
 В чужих краях, без близкого друга,
 Столь невесело-нерадостно,
 Что сам скорбишь о себе.¹
 Да, это же обо мне!!! *(Перелистывает страницы. Опять читает)*
 В одиночестве предаюсь тоске –
 Не с кем поговорить!
 Всю ночь мечусь-ворочаюсь –
 Никкак не уснуть.
 Душа изнывает-изводится
 До самого утра.²

Под завывание ветра с картины исчезает Луань-няо. Поэт поворачивается к картине и с удивлением и ужасом подходит к ней ближе.

Поэт. Да что же это? Даже на картине благоденствие покинуло меня – улетело за четыре моря, пёрышка не оставив. О бессмертные, дайте мне знак, как жить дальше, нет у меня ни отца, ни наставника...

Садится за стол, обхватив голову. Звучит музыка, на сцене из складок занавеса появляется Луань-няо, от её перьев исходит сияние. Поэт с радостью и удивлением вскакивает.

Поэт. Ты не покинула меня, сияющая птица, посланница богов!

Танец Луань-няо в синем свете. Поэт счастливый засыпает. Луань-няо подходит к нему, кладёт нежно крыло (рукав) на голову поэта.

Луань-няо *(голосом матери)*. Спи спокойно. Сегодня ночью произойдёт чудо!

Свет выключается. Звучит музыка. Луань-няо уходит.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Розовый свет в темноте на середине сцене.

Цветы мейхуа *(голоса из записи, эхом издалека)*. Холодный ветер стих, а восточный ветер согревает и ласкает наши оголённые ветви, из глубины земли стремится по ним сок, набухают почки, и медленно и робко распускаются наши бутоны, румяные от мороза, мы так нежны, но смелы и так хотим весны, что не боимся снега.

Медленно выходят цветы Мейхуа, окружают поэта.

Цветы мейхуа. Мы станцуем для тебя, поэт. *(Все голоса повторяются, как эхо)*

Голос поэта. Да разве я поэт?

Цветы мейхуа. Ты им скоро станешь. *(Смеются нежно. Танцуют в розовом свете. Свет выключается, цветы убегают, зажигается свет лампы)*

Поэт *(отягиваясь)*. Наконец-то мне приснился счастливый сон. Ко мне прилетела посланница счастья, судьба дала знак надежды. Как будто матушка меня обняла. *(Помолчав и вставая, распрямляет плечи)* Однако утро, ветер стих. Раздвину занавеску.

На экране появляется на снегу цветущая красная мейхуа. Звучит музыка.

Поэт. Какое чудо! Словно лёд в груди растаял, радость разливается по телу, как запах крепкого чая! Сколько же стихов написано о мейхуа, все и не вспомнишь, но сегодня собственные строфы пробиваются, как родник. Удержать их не могу. *(Читает стихи подбирая слова, сочиняет на ходу)*

Дремлет природа под снегом,
Вести приходят из сада,
Первые вести весны.
Там Мэйхуа пробудилась:
Там по воскресшим побегам –
Россыпи розовой яшмы
С солнечной стороны.
Полураскрыты, воздушны,
Нежно цветы засияли,
Тонкий, едва уловимый,
Льётся вокруг аромат.
Словно красавица вышла –
Нет ни забот, ни печали –
Тут же, в саду, примеряет
Новый весенний наряд.³

Занавес.

СЦЕНА ЧЕТВЁРТАЯ

Поэт в пожилом возрасте *(перелистывает книгу)*. Глава вторая. Пробуждение.

Музыка. Свет гаснет и на сцене появляется пейзаж с хижинкой снаружи.

Поэт в пожилом возрасте. Жизнь моя изменилась, я много бродил по окрестностям, предаваясь созерцанию гор, звенящих ручьёв, водопадов, рассветов и закатов. Ноги мои окрепли, и от самых простых занятий получал я удовольствие. Новые впечатления от единения с природой наполняли меня, словно ароматный горячий чай пустую холодную чашу. И каждый день рождались новые цветы и чудесным образом строчки стихов, словно слёзы, выливались из души и очищали сердце. Когда за окошком лили весенние дожди, похожие на прозрачные струящиеся нити шёлка, которые невозможно перерезать, длинные тяжёлые думы терзали меня, и тоска острыми шипами вонзалась в сердце. Тогда, чтобы утешиться, я сочинял сказочные истории и рассказывал их моей Луань-няо. А может быть, это она навевала мне истории о дальних странствиях на кораблях, о полётах драконов и прекрасных феях. А как только прекращался сильный дождь, я выходил из хижины, подставляя ладонь под капли. Небесная вода напитывала меня новыми силами.

Поэт выходит на сцену и садится на землю. На экране – горы и солнечное небо.

Поэт. Буду наслаждаться завтраком под ветвями персикового дерева и слушать песню иволги.

Звучит песня иволги:

Гляжу я на горы,

И горы глядят на меня,

И долго глядим мы,

Друг другу не надоедая.⁴

Поэт разворачивает сверток, ест. К песне иволги присоединяется флейта.

Поэт. Стихает ветер. Сады одеты
в нежно-зелёное платье;
Весенние краски едва сгустились
и вновь безнадёжно тают.

Поэт встаёт, вдыхает полной грудью и проводит руками, как бы принимая энергию солнца (движение из цигуна – спускание ци вниз к дантяню).

Поэт. Как радостно в покое жить.
Но отчего о дальней стороне
В душе храню заветную мечту?

Хочу взглянуть на бег бурлящих вод,
На чёлн, что спорит с бурей грозовой,
Услышать стаи журавлиной взлёт,
Напуганной звенящей тетивой.

Звучит музыка странствий. Занавес.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Поэт в пожилом возрасте (*перелистывает страницу, читает*). Глава третья. Начало странствий. (*Садится и смотрит*)

Поэт молодой идёт с корзиной и удочкой.

Поэт. И здорово же научился я удить рыб! Вот оно озеро, в дни весеннего равноденствия рыба должна плескаться и хорошо ловиться, обменяю улов на миску горячей лапши в деревне. (*Делает несколько шагов, глядяываясь в даль*) Да что это? Никак журавли танцуют!

Появляются журавли, танцуют. Один из них взмахивает во время танца только одним крылом. Поэт направляется к ним и они, взмахнув крыльями, изображают полёт. Один остаётся.

Поэт (*приближаясь к журавлю*). Послушайте, господин журавль. Может быть вы Дин Лин Вей, постигнувший Дао и превратившийся в священного журавля? Вы остались со мной, чтобы стать моим учителем? (*Ходит за журавлём, подражая ему. У него получается не очень хорошо и иногда смешно. Журавль пытается улететь, взмахивая одним крылом*) Эх, друг, да ты ранен. Крылышко повредилось. Неужели ты тоже пострадал от людей, как и я? Да, люди немилосердны. Не бойся, я тебя не обижу. Будь же моим другом и товарищем по странствиям. Ночью буду охранять твой сон от врагов, буду для тебя рыбку удить, и мы будем странствовать вместе... (*Садится на сцену, журавль становится рядом, укрывая его крылом*)

Поэт в пожилом возрасте. Так у меня появился спутник, скрасивший моё одиночество, разделяющий мои радости, слушатель моих стихов. Немало мы встретили вместе рассветов и закатов. Наблюдали, как распускаются абрикосы и пионы, любовались танцами бабочек, прятались от ливней в шалашах, слушали песни кукушек. Я собирал вишню и угощал журавля. Наконец, настал мой любимый праздник пробуждения лотоса.

На экране видео: распускается лотос.

Ты посмотри, братец журавль,
как чист и светел лотос,
И ты поймёшь,
как сердце остаётся чистым!

Лотос (*голос шёпотом издалека*). Из почвы илистой, сквозь толщу тёмных вод
я проложил к тебе дорогу.

*Звучит музыка, лотосы на экране раскрываются.
На экране шелестит бамбук. Журавль гуляет по сцене.*

Поэт. Сколько раз мы видели с тобой, братец журавль, бамбук, но не задумался я ни разу, как же совершенна его форма, он пуст внутри, но прочен и гибок, его можно наполнить и водой, и музыкой. *(Звучит флейта)* Так и я наполняюсь гармонией, стирая свои тревоги и воспоминания, словно пыль.

Звучит флейта. Бамбуки выходят на сцену и окружают поэта и журавля.

Бамбуки *(голоса издалека шёпотом, эхом).* Мы споем для тебя поэт, сочини о нас стихи, сочини стихи о нас, сочини... *(Поэт достает бамбуковую флейту и играет на ней. Звучит его голос в записи)*

Поэт. С какою нежностью колышется бамбук,
Не уставая успевать за ветерком.
И переглядываясь с соснами тайком,
Он издает пустотным стеблем тонкий звук.⁵
(доносится звук бамбука)

На экране ночное звёздное небо. Слышно пение цикад.

Поэт в пожилом возрасте. Чем дальше мы уходили на юг, тем длиннее становились ночи. Мой друг журавль засыпал под ночным небом, а я запекал рыбу на костре и ещё долго наслаждался ночными звуками: пением цикад, плеском воды, тихим шелестом листьев и беззвучной музыкой звёзд. Да, это была музыка, которую слышишь не ушами, а сердцем. *(Звучит музыка)* Однажды мы ночевали высоко в горах.

Поэт *(поворачивается по кругу, глядя на небо).* Надо мною луна
Неба синий покров,
Мне не надо вина,
Я хмелён от стихов. *(Садится на сцену)*
Что мне люди? Со мною журавль,
С ним идти и идти в неизвестную даль.
Что мне люди? В мерцании звёзд
Тёплый ветер печали и скорби унёс.

Кажется, чуть подпрыгну и дотянусь до звёзд, такими близкими стали они в горах. *(Подпрыгивает)*

Звёзды. Мы станцеем для тебя танец.

*Звёзды мерцают, звучит музыка.
Занавес.*

Поэт в пожилом возрасте. Наступил месяц конца жары. В это время облака необыкновенно причудливы. Мы сидели на привале, когда мне почудилось или правда, я услышал голос моего друга.

Журавль *(склоняясь к поэту. Голос издалека).* Ах, как я стосковался по морскому ветру, несущему меня над миром, по южному краю стосковался, стосковался...

Журавль подпрыгивает, машет крыльями и убегает со сцены.

Поэт. Куда же ты? *(Бежит за ним)* Прощай! *(Кричит, подняв голову вверх)*
Так из глаз ты исчез,
как сошедший у дома снег.
Улетел высоко,
Подхваченный ветром.
Оборвался и крик
среди лазоревых облаков.⁶

Звучит печальная музыка.

Поэт в пожилом возрасте. Я вновь остался один. На сердце тоскливо, а стихи безмерно грустны и некому их прочитать, некому. Да и кому нужны мои причитания? Я всё шёл и шёл по дороге, наступил месяц белых рос, птицы улетали на юг, и я как птица направлялся туда же, но зачем?

Глава Четвертая. Испытание в джунглях.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

На экране лес. Звучит курлыканье журавлей.

Поэт. Что это? Журавли кричат или поют неведомые духи? Не мой ли там журавль? Я иду к тебе, мой друг!

Поэт в пожилом возрасте. Так я впервые сошёл с тропинки и устремился в дебри на зов журавлей.

Вокруг десятки сотен деревьев, устремлённых в небо, и не видно под ногами тропинки.

Курлыканье смолкло, слышны звуки джунглей – крики обезьян, рычание медведей, урчание панды, рёв тигра. Поэт вздрагивает, замирает, бежит от звуков. Музыка тревожная.

Звучат за кадром слова поэта. Чащоба неприступна-непроходима, тигры и медведи рычат и подкрадываются, гигантские змеи вот-вот набросятся. В непролазных зарослях лесной чащобы я бреду, карабкаюсь и дрожу от страха. Цепкие деревья преграждают путь, и макаки жалобно смеются или плачут. И тысячи тварей воют свои песни. Сердце колотится, словно варится в кипятке.

Деревья (голоса мужские и женские звучат эхом). Он нас боится, он нас боится, нас боится...

Поэт мечется по сцене, то налево, то направо, запутываясь в занавесе, танцоры-деревья в коричневом и зелёном преграждают путь бамбуковыми палками, опутывают шарфами, хлещут ветками.

Поэт. Где же тропинка, где дороги? Я заблудился, мне не выбраться из леса. Помогите!!! (Видит Вэньчана, плавно скользящего по сцене, но деревья не пускают поэта)

Деревья (разными голосами. Как бы обсуждают, голоса доносятся издали). Это же сам звёздный князь Вэньчан! Смотрите! У него в руке волшебный жезл, он может исполнить любое желание. Любое желание, любое желание поэта.

Вэньчан исчезает.

Поэт (падает и кричит). Пойдите!

Вэньчан появляется в другой части сцены, поэт ползёт к нему, музыка смолкает. Звуки леса спокойные, только птицы поют.

Поэт (с мольбой в голосе). Почтенный господин, не смогли бы вы оказать мне милость и вывести заблудившегося путника из дремучего леса?

Вэньчан подходит к поэту и помогает ему встать. Поэт кланяется Вэньчану.

Вэньчан. И куда же ты направляешься, молодой господин?

Поэт. Я услышал курлыканье журавлей, побежал на их зов и заблудился!

Вэньчан. Так на что тебе журавли?

Поэт. Я думал, что там мой друг журавль, с которым мы странствовали вместе, пока у него не зажило крыло. Сердце моё тоскует по нему, ибо у меня больше нет друзей. Почтенный господин, сразу видно, что вы мудрый старец, научите меня, как излечиться от тоски. Говорят, в этих дебрях растёт травка, дающая весёлость, кто её съест, хохочет беспрерывно. Не покажите ли мне эту травку?

Вэньчан. Ты меня удивил, юноша. Неужели ты всю жизнь хочешь хохотать, как дурачок? Я давно наблюдаю за тобой, ещё с тех пор, когда ты жаловался на судьбу в своей хижине. И знаешь, почему я тебе помог? Ты читал стихи древних. Ты смог прочесть чужие стихи! Как же не помочь образованному человеку, попавшему в беду...

Поэт. Неужели почтенный господин сам Вэньчан? Как же я не узнал его по волшебному жезлу. (Падает на колени и кланяется) Благодарю за счастливый знак в виде прилетевшей с картины птицы Луань. Благодарю за то, что явились к неразумному страннику в этом диком месте.

Вэньчан. Вставай, я устал смотреть на твой затылок, хочется поглядеть в твои глаза. (Садится) Присаживайся рядом. (Поэт садится напротив) В то утро, когда мейхуа озарила лес альбом цветом, ты порадовал меня. В школе ты пытался сочинять стихи по канонам, ты думал о форме, и у тебя ничего не получалось.

Поэт. А в день экзамена я ходил в храм, чтобы просить Вэньчана о помощи и читал стихи, но, увы, не свои.

Вэньчан. Да, стал я бессмертным, на свою голову, все вы меня просите помочь сдать экзамен, но не могу же я всем помогать! Мне по душе, когда вы читаете стихи не для того, чтобы задобрить меня для экзамена, а наедине с собой, когда душа просит. А в то утро ты открыл сердце красоте, стихи сами хлынули туда.

Поэт подобен богам, из разрозненных слов он создаёт гармонию, подобно творцам, создавшим мироздание. Когда ты помог журавлю, я убедился в доброте твоего сердца. Ты говоришь, он был твоим другом. Так чему ты научился у него?

Поэт (*помолчав в раздумьях*). Свободе, господин учитель.

Вэньчан. Так радуйся от того, что он стал свободен. Нельзя всю жизнь держать друга около себя.

Поэт. Я печалюсь от того, что я один, и не с кем поделиться мыслями и стихами.

Вэньчан. Но ведь в лесу не найдёшь друга-человека.

Поэт. Учитель, конечно, прав. Я ушёл от людей, потому что не было средств жить в роскоши, а жить в бедности среди людей унижительно.

Вэньчан. Так что же ты хочешь сейчас? Жить в уединении или среди людей?

Поэт. Я не знаю. Мне надо разобраться в себе. Я не знаю, в чём смысл моей жизни.

Вэньчан. А ты не слышал притчи о смысле жизни?

Поэт. Расскажите, господин учитель.

Вэньчан. Один юноша вроде тебя, спешащий куда-то, спросил просветлённого человека, в чём же смысл жизни. В выборе, ответила учитель, и обрадованный ученик помчался дальше делать правильные выборы, но он не дослушал до конца. (*Вэньчан молча смотрит на поэта, вопрошая. Поэт пожимает плечами*) А выбор в том, чтобы или жить, радуясь жизни, или потратить жизнь на поиски смысла. Ты боишься жить.

Поэт (*жалобно*). Мне бы выбраться сначала из чащобы. Окажите помощь бедному путнику, великий учитель.

Вэньчан. Но куда ты держал путь, пока не услышал пение журавлей?

Поэт. Я бродил без цели. Наверное, я странствовал в поисках сказки, что нашептывал мне журавль, или бамбук, или цветы. Они все что-то шептали мне неведомое. (*Вегло*) Наверное, я шёл, чтобы встретить Вас, учитель.

Вэньчан. Ну ты и хитрец, ну что ж, вот и встретил. А шептали они тебе, наверное, о том, что хотят услышать от тебя стихи, так что ты им всем обязан вдохновением. Но ты мне можешь сказать, куда тебя вывести. Кто же может найти твой путь, как не ты сам?

Поэт. Я понял, что я не готов к пути в диком лесу, я боюсь тигров, медведей, змей, я не знаю, как найти тропинку в этих сплетениях деревьев (*показывает рукой*). Я... я хочу на простор, господин, я никогда не видел простор моря, мне неведом запах морского ветра. Ах, господин Вэньчан, приведите меня к морю. (*Падает в ноги к Вэньчану*)

Вэньчан. Да, в дебрях так же трудно найти дорогу, как и среди людей свой путь. Ну что ж, поэт, ты сделал свой выбор. Дальше будешь идти по жизни самостоятельно. Но знай, старый Вэньчан за тобой наблюдает. (*Последнее слово тянет, подмигивает поэту. Встаёт*) Держись за мой жезл.

Поэт встаёт и кладёт руку на жезл.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Поэт в пожилом возрасте. Глава пятая. Море.

Звонит сантур или чанг. На сцене туман, слышен ветер. Появляется на экране морской шторм со звуками шторма и прибоя о берег, покрытый галькой. На экране на правой стороне стоит Поэт. Ветер колышет его одежду. Поэт полной грудью вдыхает воздух.

Поэт. Вот оно какое, море! (*Разводит руки*) Покрыто волнами как снежными шапками. Волны как будто хотят достать до небес, но обрушиваются на берег с напрасным упорством.

Поэт в пожилом возрасте. Все воспоминания, от которых я так упорно пытался избавиться в последние месяцы, словно волны, обрушились на меня с новой силой. Я вспомнил об утрате возлюбленной, о грабителях, опустошивших дом, о смерти деда и отца, о предательстве друга.

Поэт. Волны рвутся клоками и бьются о камни,

Словно сбросить хотят оковы

И слезами покрытые снова

Возвращаются в серые дали.

Звучит бурная музыка. Поэт в волнении ходит по сцене, сжимая руки

Волны (*голос издали через грохот волн*). Это музыка для твоей души поэт, для души, для души...

Звучит музыка, передающая настроение волнения, шторма.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Поэт в пожилом возрасте (*на экране морской штиль, утро, солнце*). В смятении провёл я ночь, а утром ветер стих, море успокоилось.

Поэт. Солнца луч золотит волну, бирюза вокруг – края нет. Жизнь кажется бесконечной, и много радостного ждёт меня впереди.

Яркою солнца лучи,
словно летят – и легки, и нежны.
Парус-сиротка полоскою тонкой
плывёт сюда рядом с солнцем.⁷

Поэт в пожилом возрасте. Что-то изменилось во мне. То, что мучило и терзало меня, то, что загонял внутрь, рвётся наружу, словно ветер на волю.

Поэт. Я вернусь в свою хижину, чтобы творить, чтобы поведать миру о своей невысказанной боли и о том, что рано или поздно на место бури и мглы приходят умиротворение и свет.

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Поэт в пожилом возрасте. Итак, глава шестая. Наедине с бумагой и кистью:

До сих пор я сочинял стихи для себя. Я даже не записывал их, я жил ими, читал журавлю, а теперь я благодаря моим помощникам, кисти и чернильнице, предался искусству отражения музыки стихов на бумаге. Я пренебрегал правилами, строчки появлялись только по зову души. За окном кружились снежинки. Ян устремился вверх, а инь – вниз. И в сознании моём жизнь мысли и чувства разделялись. Я устал спорить со своей тенью и осмелелся писать о своей утраченной возлюбленной, о своей жизни, и я впервые пытался осмыслить жизнь.

Свет гаснет. На сцене снова хижина внутри, Луань-няо на картине. Поэт пишет стихи за столиком на экране появляются стихи.

Звучит музыка. На экране возникают стихи об утрате возлюбленной (иероглифы), виден облик возлюбленной поэта.

Поэт в пожилом возрасте. Я вспомнил тот день, когда мы рисовали персиковые цветы в саду, внезапно подул ветер и обдал нас кумачовым водопадом лепестков, я собирал цветы с волос моей Ин, с шёлка её одежды.

Поэт. Тревога ли сокрыта в подёрнутых дымкой бровях?

О нет, не тревога. Скорее – сама безмятежность.
Не проблеск ли радости в чувственных этих очах?
Не радость, увы. А скорее – печальная нежность.
Падают, падают слёзы –
слеза за слезой,⁸
смывая слова на бездушной бумаге...

Музыка замолкает.

Поэт (*пишет и говорит*). Что правила? Ведь исключенный подчас бывает больше их:
Случиться может – и бесправный,
как деспот, станет зол и лих.
Тот, кто изысканные яства
за трапезой вкушает всласть,
В зловонные притоны может
по воле случая попасть;
Кто свысока глядит на шляпы
не столь влиятельных людей,
В колодках может жизнь закончить,
как злой преступник-лиходей.
Иной исход: совсем недавно
не знал одежды без заплат,
А ныне говорит, что беден
вельможи важного халат!
О, суета сует!

Встаёт.

Когда за правду выдаётся ложь,
тогда за ложь и правда выдаётся,
Когда ничто трактуется как нечто –
тогда и нечто – то же, что ничто!

Садится, записывает.

Я песню в хижине свою пропел – и пыл погас?
Нет, выбрать на арене место
На этот раз
мой пробил час!⁹

На экране облик самого героя в детстве, мать, отец, дед. На экране летит птица Луань-няо. Танец кисточки – танец каллиграфии, полный вдохновения и страсти (на экране или на сцене в зависимости от возможности). Танец заканчивается, поэт встаёт, потягивается, открывает занавес на окне.

Я верю солнцу,
Как отцу;
Как матери,
Луне я верю.
Как сёстрам,
Верю я далёким звёздам,
Как братьям,
Верю я цветам.
Я верю облакам плывущим –
Они мне кажутся друзьями.
Я верю музыке –
Она любви подобна.
Я верю;
Всё на свете – божество,
Я – тоже!¹⁰

Свет гаснет.

Звучит голос матушки. Среди скал, как иглы, вросших в небо
На выступе крутом есть дерево,
Корнями вглубь земли, стараясь прорасти,
Соединяет землю – небо.
Под ним дракон, свернувшись, лёг на отдых
А в кроне вечно молодой
Поёт под шум ветров и рокот речки
Та птица, что зовут Луань.
Она о нас всё знает изначально
О наших странствиях, стремленьях к красоте
И ждёт смиренно, чтобы к людям опуститься,
Когда они найдут гармонию в душе.

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ

На экране – видео китайского города XVIII века. Звучит музыка.

Поэт в пожилом возрасте. Глава седьмая, последняя. В городе. (На экране изображение богатых покоев, в центре картина с Луань-няо)

Я вернулся в город со свитками своих творений. Я пришёл к своей бабушке, уже и не чаявшей встречи со мной. Я просил прощения, и мы оба плакали от счастья. Друзья и родственники с радостью приняли меня, мои стихи переписывали, они, словно осенние листья, разлетелись по Поднебесной. Где бы я ни появился,

о них все знали и даже читали наизусть. У меня появились новые друзья. Я подготовился к экзаменам, успешно сдал их и получил хорошую должность. Наверное, благодаря помощи Вэньчана жизнь налаживалась, через какое-то время я удачно женился. *(Подходит к картине)* В тот день Луань вновь прилетела к нам с картины, чтобы благословить нас. У меня родились дети, жизнь была благополучной, полной городской суеты, волнений. Прошло много лет, дети выросли, внуки выросли, и вы, правнуки, спросили меня, пишу ли я стихи. Но я не написал ни строки за многие годы. Отчего же вы спросите меня, я не пишу? Не хватало времени?.. Да, может быть и так, наверное. Но дело не в этом, вместе с приходом благополучия постепенно и незаметно покидал меня дар творчества. А где же то счастье, что испытал я тогда в одиночестве в бедной хижине, создав своё первое стихотворение по воле небес?.. Сердце затосковало по первозданной чистоте, что спасла меня в минуты отчаяния. Вот опять дует ветер, слышите? Как в ту ночь в хижине. Но я его уже не боюсь, я знаю, что ветер несёт хорошие перемены. И он зовёт меня в путь. Я выполнил долг перед семьёй, и подобно моему давнему попутчику журавлю, пора отправиться в путь...

Звучит музыка странствий. Последующий рассказ происходит на сцене в плохо освещённой комнате.

Поэт в пожилом возрасте. Недавно мне приснился Вэньчан, он вошёл в мою спальню в тростниковом плаще и бамбуковой шляпе, покрытых снегом. Он стряхнул снег, сначала со шляпы, потом с плаща, снежинки закружились над моей головой, словно бабочки, и я следил за их причудливым полётом, радуясь, как малое дитя. Вэньчан, присев у моего изголовья, устремил на меня пристальный взгляд, а я, не смея пошевелиться, словно куколка шелкопряда в коконе, ждал от него вопросов, правильно ли я прожил жизнь. Бессмертный, так и не проронив ни слова, поставил у моего изголовья чашу и исчез. Я пригубил из неё, надеясь выпить волшебного вина или воды, дающей жизнь, но она была пуста. Я долго думал, пробудившись, о значении сна, и понял, что Вэньчан предлагает мне наполнить чашу стихами, а снежинки – вдохновение, что ожидает меня в странствиях. *(Перелистывает последнюю страницу)*

На экране путник идёт по горам или просто движение по горам, синее небо всё ближе и ближе. Звучит музыка. Летит Луань-няо, в руки к поэту падает сверху перо Луань-няо.

Поэт в пожилом возрасте. И вновь, как родник, пробиваются строки.
 К Синему Лотосу в необозримую высь,
 Город оставив, пойду одинокой тропой.
 Звон колокольный, как иней, прозрачен и чист,
 Струи ручья – будто выбеленные луной.
 Здесь неземным благовонием свечи чадят,
 Здесь неземные мотивы не знают оков,
 Я отрешаюсь от мира, в молчанье уйдя,
 И принимаю в себя мириады миров.
(Поднимает руки, принимая эти миры)
 Сердце, очистившись, времени пути прервёт,
 Чтобы забыть навсегда и паденье, и взлёт...¹¹
(Протягивает руки, в нём синий огонёк)

Звучит прощальная песня.

Примечания:

¹ Приписано Цюй Юаню. В переводе М.Е. Кравцовой.

² Приписано Цюй Юаню. Отрывок из поэмы «Путешествие в даль» в переводе М.Е. Кравцовой.

³ Ли Цинчжао. В переводе М.И. Басманова.

⁴ Ли Бо. В переводе Л.И. Гитович.

⁵ Тао Юаньмин.

⁶ Бо Цзюйи.

⁷ Ли Бо. В переводе В.М. Алексева.

⁸ Цао Сюэцин. Отрывок из романа «Сон в красном тереме» в переводе И.С. Голубева.

⁹ Сюэцин Цао. Отрывки из романа «Сон в красном тереме», переводы И.С. Голубева и Л.Н. Меньшикова, перевод Меньшикова с редакцией.

¹⁰ Цзун Байхуа.

¹¹ Ли Бо. В переводе С.А. Топошцева.

АНДРЕЙ МАДЕКИН

ЧЕТВЁРТАЯ ИПОСТАСЬ

глава из книги

Переход на яхте в Венецию вокруг Апеннинского полуострова занял четыре дня и стал прекрасным путешествием, в течение которого герои повествования могли вполне расслабиться и отстраниться от проблем и волнений, преследовавших их в последние дни. Особенно это касалось Влада. Щёки его порозовели, он стал вальяжным и, в общем, пришёл в норму. Для Ильи же плавание оказалось незабываемым круизом: несмотря на то, что капитан держался подальше от берега, живописные панорамы то и дело возникали в поле зрения, разворачивая восхитительные картины средиземноморских пейзажей. Лючия отдыхала тоже. В обществе мужчин она чувствовала себя в центре внимания. Кают было три – одна для команды, вторая – для дамы, третья для Влада и Ильи. Правда, на третье утро Илья проснулся уже один, что произошло после весёлого ужина накануне, в продолжение которого бизнесмен сначала играл на гитаре испанские пьесы, а потом все пытался подобрать аккомпанемент песням Лючи, певшей их неожиданно звонким голосом.

Итальянка оказалась знатной сеньорой – происходила из знаменитого венецианского рода, правда, боковой, внебрачной линии. В двадцатые годы родители матери увлеклись марксизмом, вступили в компартию Италии и некоторое время жили в СССР, работая в структурах Коминтерна. Там же родилась и их дочь. Перед войной семью переправили на родину для ведения антифашистской борьбы, что спасло от сталинских лагерей. Мать и сейчас оставалась убеждённой коммунисткой, писала статьи в «Юниту». Ну а Лючи от матери досталась любовь к культуре России, сохранявшей византийскую традицию гораздо дольше Европы.

– Параллельность судеб двух ветвей христианства, выросших из одного корня, очень показательна... я стараюсь развивать эту тему, правда, мало кому она интересна, – рассказывала Лючи.

– Недавно была грандиозная выставка в Пушкинском музее, посвящённая этим связям, – заметил Илья.

– Называлась «От Джотто до Малевича». Она экспонировалась в Риме тоже... Для меня это стало праздником. В Италии, как нигде видна преемственная связь ренессанса и византизма.

– Конечно, крестonosцы вывезли громадное количество ценностей из разграбленного Константинополя!

– Византия была уже обречена, а так её сокровища послужили базой дальнейшего развития... – быстро ответила Лючи...

Илья не стал спорить.

На третий день итальянка сказала:

– Сейчас идет карнавальная неделя. Через несколько дней празднуется ее завершение, так называемый «Толстый вторник». Меня приглашают на карнавал в одном знаменитом палатце. Если хотите, можете составить компанию...

Мужчины пришли в восторг от такого предложения.

– Но там нельзя оказаться просто так. Все участники должны явиться в костюмах, будет конкурс...

– Разве трудно купить маску прямо на улице? – наивно спросил Влад.

Лючи покачала головой:

– Нас зовут на серьёзное мероприятие, и следует хорошенько постараться, чтобы, как говорят в России, «не ударить лицом в грязь». По приезде на место надо будет немедленно заняться этим вопросом. У меня есть несколько идей и надо подумать, как их лучше воплотить в жизнь. Моё увлечение Россией определило тему, а вы оказались как раз кстати...

Было немного обидно услышать такое заявление, но все промолчали.

– Традиция карнавала предписывает нарушение обыденного порядка вещей: рабы становятся господами, умные – дураками и так далее. Мы с вами поменяемся ролями: вы станете дамами, а я соответственно приму вид мужского пола. Я выбрала себе образ русского богатыря Ильи Муромца...

– На Илью ты не тянешь по комплекции, – возразил Влад, а вот на Алёшу Поповича могла бы рассчитывать...

Лючи поджала губки, но возразить было нечего.

– А вас нарядим матрёшками!

– Как матрёшками? – воскликнули русские в один голос.

– Да, сделаем платья на обручах, косы привяжем...

Мужчины были обескуражены таким обломом...

Она заметила их растерянность.

– Вы не понимаете, чем смешнее и парадоксальнее образ, тем интереснее. Вот посмотрите, я набросала эскиз.

На листе бумаги был изображён маленький воин с копьём и шишковидным шлемом, а рядом стояли две толстые бабы на две головы выше богатыря.

– Ну что ж, ты, наверное, права – дурачиться, так дурачиться! – сказал Влад.

На пятый день вошли в Венецианскую лагуну. Сквозь туман постепенно угадывались столь знакомые с детства силуэты морской столицы: громады храмов Сан-Джорджо-Маджоре и Санта-Мария-делла-Салюте, Кампонарно Сан-Марко, клетчатая стена дворца Дожей.

Яхта причалила к набережной на южной стороне города, недалеко от обещанной Лючией квартиры. Хозяев не было, четыре комнаты оказались в полном распоряжении беглецов.

Два дня перед Толстым вторником прошли в весёлом сочинении костюмов. Лючи и Илья резали и клеили бумагу, шили ткани, приделывали пластмассовые накладки, а Владимир аккомпанировал им шрой на гитаре.

Четвёртого марта не спеша двинулись по городу в сторону Сан-Марко. Итальянка профессионально вела экскурсию, рассказывая истории, связанные с домами, каналами и площадями. Повсюду их окружала пёстрая толпа, в большинстве своём уже принаряжённая в маскарадные костюмы.

К семи часам приблизились к палаццо Ка д'Оро – «Золотому дворцу», одному из прекраснейших домов Венеции.

– Здесь находится галерея барона Джорджо Франкетти, восстановившего дворец в конце XIX века... Кстати, незадолго до него хозяином палаццо был князь Трубецкой, – добавила Лючия после некоторой паузы.

Компания прошла в здание. В зале на втором этаже было полно публики в самых причудливых одеяниях. Если на улицах города преобладали стандартные костюмы и традиционные маски – Баута, Коломбины, Доктора Чумы, персонажей комедии Дель Арте, то здесь фантазия не знала границ. Участники редко выступали в одиночку, предпочитая являться тематическими группами. Так, в сторонке стояла четвёрка египетских богов, в другом месте тусовалось девять карт бубновой масти под предводительством туза. Некоторые затей масок были крайне сложны и наворочены, а у других их не было вообще: одна пара выступала в костюмах Адама и Евы. Правда, приглядевшись, становилось понятно, что Еву изображал мужчина, а Адама – женщина...

– Нам надо переодеться, – Лючия взяла Влада и Илью за рукава и потащила по деревянной лестнице, уводившей на третий этаж. Там обнаружили специальные комнаты для переодевания.

Влад и Илья предстали необъятными матрёхами с широкими задками и тыквообразными грудями, набитыми поролоном. Лица их закрывали полумаски с громадными синими глазами и гигантскими распахнутыми ресницами. Русые косы обвились вокруг голов в несколько колец. Лючия смотрелась рядом с ними изящным воином. Верхняя часть её лица скрывалась шлемом с прорезями для глаз, а рот и подбородок украшали приклеенные усы и борода. В таком виде русские персонажи появились на празднестве.

Гостей становилось всё больше, но это не мешало рассматривать выставку картин и скульптуры, развёрнутую в большом зале второго этажа, имевшего громадную застеклённую террасу, выходящую на Гранд-канал.

Произведения были скабрёзного характера. В витринах пузатились греческие вазы с непристойными росписями. Мужчины и женщины на них совокупались самым невероятным образом. Тут же демонстрировались фрагменты римских фресок со сценами гомосексуального характера. Боковые залы были отданы эротическому искусству экзотических стран: китайской пластике, японской гравюре, индийской миниатюре, традиционным изваяниям африканских и индийских мастеров. И здесь царили извращённые и гротескные формы – зоофилия, некромантия, всевозможная физиологическая патология.

– Куда ты нас привела? – озадаченно спросил Илья.

– Идёт карнавал, законы вывернуты наизнанку. Что невозможно в обычные дни, сегодня освящено традицией. Кстати, во дворе музея установлено «Яблоко» вашего знаменитого скульптора. В этом году оно станет, как я слышала, центром праздника.

Действительно, входя в палаццо, Кукушкин заметил внушительное творение Зурбаба Константиновича, виденное им в Москве, в галерее на Пречистенке. Размерами с небольшой домик, снаружи оно представляло авангардный объект с вырезанными квадратными сегментами, сквозь которые проглядывали

элементы внутренней конструкции. Кое-где в них висели маленькие яблочки. В большое яблоко можно было попасть через специальную дверь. Внутри на постаменте, как помнил искусствовед, находились фигуры прародителей человечества, созданные с большим мастерством, а стены – заполнены рельефами, воспевавшими любовный акт. Создатели индийского храма в Каджурахо могли позавидовать эротической фантазии их автора.

Около девяти часов всех пригласили спуститься вниз. «Яблоко» возвышалось во дворе под открытым небом, рядом с ним виднелась сцена, а в галерее на роскошном мозаичном полу рядами стояли стулья.

Гости расселись повсюду, где можно было приткнуться, но многим пришлось остаться на лестнице, спускавшейся со второго этажа. Все до одного были в костюмах, делавших их абсолютно неузнаваемыми.

В многоголосии языков и наречий – конкурсанты съехались со всего мира – слышалась русская речь с прибалтийским акцентом. Два мужских и один женский голоса доносились из-под масок тевтонских рыцарей. Русский богатырь, матрёшки и крестоносцы сели рядом.

Между тем, празднество началось. Заиграла музыка, напоминавшая церковные песнопения. Сцена осветилась прожекторами, и на неё вышел ведущий вечера – персонаж, одетый в костюм Фавна. На голове у него была соответствующая маска с загнутыми назад шпикарными рогами. Всё тело покрывала козлиная шкура, становившаяся чрезвычайно мохнатой ниже пояса. Сзади был привязан хвостик, украшенный лентой, а спереди в космах шерсти болтались металлические погремушки. Козёл заговорил женским голосом, что было уже совсем не удивительно.

– Леди и джентльмены, начинаем наш праздник, – радостно сообщил Фавн.

Дальше было трудно понять, но можно догадаться, что речь шла о предстоящем конкурсе. Раздались аплодисменты. На сцену поочерёдно стали выходить группы масок. Илья и Влад могли только дивиться откровенности нарядов, демонстрируемых участниками.

Наступила очередь русской группы. Втроем они поднялись на сцену и прошлись несколько раз туда-сюда. Коса Влада сбилась на сторону и едва держалась на голове. В зале слышался смех: русская тема на венецианских подмостках смотрелась не менее экзотично, чем костюмы папуасов или бушменов пустыни Калахари.

Проход участников длился более часа. Жюри в масках членов Совета Десяти¹ выставляло оценки. После небольшого перерыва огласили итоги: выбрано было двенадцать финалистов, включая и русскую группу. Теперь каждый костюм оценивался отдельно по женской и мужской номинации. Победителями были признаны блестящая чешуёй русалка и орёл с невероятным подбором разноцветных перьев.

Но это был ещё не конец: впереди ждала самая интригующая часть. Гости встали со своих мест, и появившиеся служащие стали раздвигать стулья, освобождая пространство. Как оказалось, для танцев. Персонал, также скрытый под масками, выглядел очень странно и непрофессионально. Некоторые субъекты отличались впечатляющей тучностью, другие были сгорблены, третьи смотрелись явно перезревшими для своей роли. Работа у них не клеилась, и гости, не стесняясь, шикали на бедолаг. Расставив мебель, те же личности стали исполнять роль официантов. Крайне неуклюже они разносили подносы с бокалами искрящегося вина, кого-то даже облили. Все присутствующие взяли по фужеру и после произнесённого со сцены приветствия выпили единым махом. Напиток был не простым шампанским. Мысли закружились в сладостной эйфории. Сознание выскользнуло из-под контроля, понеслось вихрем по времени, то ускоряясь и перепрыгивая десятки минут, то концентрируясь с необыкновенной ясностью на самых малозначительных деталях. При этом координация никак не страдала: движения оставались чёткими и уверенными, и никто из гостей не валился с ног.

Музыка усилилась. Присутствующие закружились в танце. Зажигательный ритм возбуждал, вводил в транс, а орнамент пола казался магической субстанцией, разрывающей время и пространство. В общей толпе Влад и Илья старались не потерять Лючино из виду. Своё копье она оставила где-то в углу и теперь переходила из рук в руки, очаровывая партнёров тонкой улыбкой, которой усы и борода лишь добавляли соблазнительной прелести. Матрёшкам же было жарко и неповоротливо в своих поролонах. Особенно понимали груди, норовившие выскочить из-под ситцевых сарафанов. Впрочем, всё это не мешало ощущению необыкновенного подъёма.

В какой-то момент танцевальный ритм сменился величественной и трогательной мелодией, уносящей мысль в небесные высоты. Электрический свет погас, уступив место горящим факелам в руках всё тех же неумелых служащих. Гости выстроились в форме спирали, обвивающей Яблоко, и опустились на колени. Шесть мужских и шесть женских масок из призёров конкурса встали в колонну по двое, держа друг друга. В свободных руках у них были зажжённые свечи. Лючино оказалась среди них. Колонна, возглавляемая Фавном, теперь уже облачённого в мантию малинового цвета и с золотой тиарой на голове, двинулась по живому коридору, образованному стоящими на коленях гостями. Русалка и Орёл шли за предводителем, а два самых грузных факельщика завершали шествие.

Пройдя все круги спирали, процессия достигла портала Яблока и остановилась. Козёл раскрыл книгу и начал читать по-латыни. После каждого абзаца собравшиеся вполголоса произносили «Омен».

Действие чудесного напитка смазывало время, не позволяя оценить длительность ритуала. Наконец, молитва кончилась, стало тихо. Лишь дальние звуки городского веселья слегка тревожили слух молящихся. Варут ночную мглу разорвал бой курантов, отбивавший двенадцатый час. Тринадцать масок запели гимн и вместе с факельщиками скрылись в проёме инсталляции.

Влад и Илья из второго ряда видели, что в центре Яблока был установлен постамент, напоминавший одновременно и престол, и ложе. Бронзовые фигуры Адама и Евы сомкнули над ним руки. Русалка и Орёл, держа свечи, встали с двух сторон от престола, а фавн подобно священнику на литургии – перед ним. Остальные участники разместились по внутренней стене Яблока и стали невидимы.

Козёл снова принялся читать книгу. Потом, обратившись к русалке, возвел её на престол. Русалка легла навзничь, сложив на груди руки. Потом та же участь постигла и Орла. Козёл ещё почитал книгу, прозвучало «Омен!», и двери затворились. Музыка перешла на самые возвышенные ноты Ave Maria Шуберта. Факелы во дворе погасли, и все оставшиеся снаружи очутились в полной темноте. Лишь мечущиеся лучи света, проникавшие сквозь щели Яблока, позволяли догадываться о том, что происходило внутри.

Трудно судить, как долго тени прыгали по стенам двора Ка д'Оро. Внезапно изнутри раздался сдавленный крик. Его перекрыл удар колокола. Заиграла органная музыка. Некоторое время спустя, двери Яблока раскрылись, и маски, свершившие таинство, стали выходить по очереди в обратном порядке. Последним шёл Козёл. Вновь пройдя всю спираль, они удалились на второй этаж палатцо. Гости поднялись с колен и последовали за ними. Влад и Илья также пошли, чувствуя, что основательно замерзли за это время.

В зале приёмов уже ждала трапеза. Заметив тевтонцев, сидевших за отдельным столом, подошли к ним. Свои страшные шлямы они сняли, но полумаски оставались на лицах.

– Не видели нашего богатыря? – спросил Кукушкин.

– Э, не волнуйся, он сам появится здесь: «избранные» войдут в зал последними. Присоединяйтесь пока к нам! – сказал старший.

– Вы первый раз принимаете участие в карнавале? – спросил другой тевтонец девичьем голосом.

– Да, нас позвали почти в последний момент.

– И как впечатление?

– После феномена Гарри Поттера стали модны подобные исторические реконструкции... – заметил Илья.

Тевтонцы все разом посмотрели в его сторону.

– При чём здесь Гарри Поттер? Этой мистерии, по меньшей мере, семьсот лет фиксированной традиции, а корни её теряются ещё в Римских сатурналиях.

– Вы хотите сказать, что всё это не просто конкурс клуба любителей исторических игр?

Тевтонцы стали нервно обсуждать что-то между собой на литовском языке, явно относящиеся к русским участникам.

– Видно, вы здесь новые люди и вас не успели подготовить, – заговорил их главный. – Посмотрите вокруг – в каком месте вы находитесь? Это один из лучших дворцов Венеции. Он не предназначен для балаганов. Посторонние сюда не попадают... кроме, может быть вас. Это на Сан-Марко идёт карнавальное шоу, куда продают билеты туристам. Нет, господа хорошие, здесь компания совершенно другого уровня...

Тут появилась Лючия, и матрёшки были спасены. Поговорив с ней пару минут, рыцари успокоились и уже смотрели на россиян почти дружелюбно, хотя и несколько иронично. Девушка-тевтонка, лучше других говорившая по-русски, стала просвещать:

– Карнавал не просто весёлый праздник. В его основе лежит мистическая идея *Божественной полноты*.

– А что же церковь? Разве она не проповедует универсального Бога? – возразил Илья.

– Тринитарный догмат несёт в себе искусственное умаление Творца. Он игнорирует *четвёртую* составляющую.

– Объясни подробнее, что ты хочешь сказать?

– Богословам удобно, чтобы учение о Троице понималось абстрактно, в качестве символического догмата. На самом деле, ипостаси совершенно *конкретны*. Они отражают онтологическое строение мира. Отцовская ипостась – воплощает концептуальную составляющую Бытия. *Отец* – это мысль, разлитая во Вселенной. Она одновременно везде и нигде конкретно. Отец – это мировой разум, творящий *представление* обо всём на свете. Из всего живого на свете только ум человека способен контактировать с ним, улавливая его отблески лишь в самой малой степени. Вторая ипостась, *Сын* – *матрица* всех видимых и невидимых существей, составляющих мир. Звёзды и планеты, моря и горы, насекомые и млекопитающие вплоть до человека созданы по Его кодам. Но все они остаются мертвы без дыхания животворящей третьей ипостаси. *Святой Дух* – это *чудотворная* энергия, наполняющая Мир.

Кукушкину стало понятно, что тевтонка излагает какую-то гностическую концепцию, о которой он читал у Карла Юнга, но спорить не стал.

– Ну, а четвёртому лицу где тут место? – недоумённо спросил Влад, немного подумав.

– Четвёртая ипостась отражает общественное бытие, *суету повседневной жизни*. Князь мира сего, Люци-

фер сошёл на Землю для приготовления искупительной миссии Христа. В его задачу входило создание исторических цивилизаций.

– Но Люцифер – inferнальная сущность. Как зло может быть частью Бога?

– Во-первых «зло» – понятие относительное: один потерял сто евро, а другой нашёл. Первому – горе, а второй сняет как медный таз... это шутка, конечно. Главное в другом: как Бог может считаться Универсумом, если Он чего-то *не содержит в себе*?

– Дьявол не имеет субстанции. Максим Исповедник сравнивал его с тенью, – заявил Илья.

– Это чистая софистика. Тень также не существует помимо Бога.

– Ты хочешь сказать, что Люцифер, наряду с Саваофом, Христом и Святым Духом является четвёртым лицом Единого Бога?

– Да, это так. Просто это знание содержится в тайне, оно не должно быть уделом профанов. Впрочем, ваш Малевич изобразил Четверицу в своём знаменитом «квадрате». Углы соответствуют ипостасям, – подмигнув, сказала девушка-рыцарь.

– Теперь я понимаю, отчего он так популярен, – протянул Влад.

– Во власти Люцифера находятся *социальные отношения*. Обществом правит жестокий расчёт, интриги, алчность и подлость. Князь мира сего устанавливает принципы, лежащие в основе поведения людей. Но представьте себе обратное: люди не знали бы этих пороков... и где бы мы были в своём развитии? Очевидно, там же, где и доисторическое первобытное население. Порок – двигатель цивилизации.

– Извини, но мне твои слова кажутся откровенным богохульством. С чего ты взяла, что дьявол это часть Бога?

Тевтонка вздохнула так, как вздыхают, когда говорят с полными идиотами:

– В Библии написано, что Сатана любимый ангел Господа, как потом про Христа будет сказано, что тот возлюбленный Сын. Эта параллель уже говорит о многом. Бог, знающий будущее, не может любить отступника. Просто ему поручена особая миссия. Сатана заставляет нас шевелиться. Может быть, поэтому мы не любим его?

– Но почему он должен быть частью Бога?

– Повторяю ещё раз. Бог един и неделим – точка. Но мы Его видим в четырёх лицах, по числу базовых проявлений в мире, которые я тебе описала. Три из них признаны церковью, четвёртая, самая укоренённая в нас, кажется демоном потому, что *испытывает* наш ум и нашу твердость. Просто у него роль такая...

– Люцифер устраивает общественное бытие, а мы ему платим ненавистью?

– Именно так. И древние, чтобы подчеркнуть это, установили особый ритуал *показной ненависти*, скрывающий истинное поклонение! Власть «Князя мира сего» безгранична в среде цивилизованных народов. Каждый почитает его втайне, хотя прилюдно отрещивается от своего кумира. Чтобы убедиться в этом, достаточно перестать слушать слова и посмотреть на действия людей, на их стремление к славе, власти и богатству.

– То есть дьявола специально представляют с рогами и копытами, чтобы скрыть истину. На самом деле он кроется в самом устройстве нашей жизни...

– Запомни правило разведчика: если хочешь постичь истинные мысли человека, следи за тем, о чём он *умалчивает* или что *отрицает*. Только дурак пересказывает свои думы всякому встречному-поперечному...

– А можно привести конкретный пример?

– Пожалуйста. Ты, кажется, художник? – обратилась она к Кукушкину.

– Нет, искусствовед.

– Прекрасно, это тоже подходит. Давай посмотрим, что являет собой произведение искусства, впрочем, как и любой другой социальный феномен? Очевидно, он включает *четыре* составляющие. Первой, несомненно, будет *идея*, концепция, некое послание, озаряющие художника и потом транслируемые им в мир. Это – отцовский вектор.

Вторая составляющая – визуальная реализация, то есть *форма*. Выбор стилистического направления и материалов, умение художника рисовать, добиваться живописных эффектов, смешивать краски – одним словом, профессиональное мастерство. Это – компетенция Сына.

Третья часть – *одухотворенность*: живописи противопоставлены голые схемы, идеи должны быть облечены в чувственные одежды. Но чувственность – не просто сентиментализм, способность произведения воздействовать на эмоции зрителя. Любое изображение – это пучок энергии. Часто слышатся фразы: «Какая светлая, тёплая картина, как она радует глаз!» или «Эта скульптура давит на психику!», – последние фразы девушка произнесла притворно-пафосным тоном. – Зритель подсознательно ощущает энергии мира, отражающиеся в произведениях искусства, изначальным источником которых является Святой Дух.

И четвёртая составляющая связана с *повседневностью*. Это биография произведения: согласование условий заказа, получение аванса, приобретение материала, поиск производственной базы и исполнителей, приём готового изделия и оплата, условия демонстрации, сохранность, освещение в СМИ и так далее. Не будем лукавить, эта часть самая важная для его создателей, хотя эстеты и морщат носы по её поводу.

Без заинтересованности социума, без его материальной поддержки искусство влачило бы жалкое существование в виде самостоятельных инициатив.

– Эстет морщится, пока разговоры о материальном носят отвлечённый характер. Но как только просишь его написать статью, почему-то сразу интересуется гонораром, – подтвердил Влад, косясь на Илью. – И в чём же причина утаивания истины?

Тевтонка помолчала, очевидно, раздумывая, стоит ли просвещать попавшихся ей профанов. Но потом, видимо, решила:

– Всё дело в том, что на самом деле в мире царствует именно четвёртая ипостась – Люцифер, Князь мира сего. Не случайно его зовут так... Не знаю, надо ли это вообще доказывать?

– Неплохо бы...

– Хорошо, давайте подсчитаем удельный вес ипостасей в нашей жизни. Это легко сделать на примере художественного произведения. Цена копии известной картины составляет несколько процентов от стоимости подлинника, хотя и сюжет, и форма, и энергетика у них абсолютно одинаковые, если даже эксперты с трудом выявляют подделку. Например, в 1972 году подлинность картины Рембрандта «Портрет молодой женщины в чёрном берете» была поставлена под сомнение международной комиссией, исследующей творчество великого голландца. После такого определения стоимость её составляла не более 40 000 долларов. Позже картина была очищена и проанализирована заново. Та же комиссия отозвала своё решение и объявила об авторстве Рембрандта. В 2007 году портрет был продан на Сотбис за 9 миллионов долларов, то есть в 225 раз дороже! Значит, удельный вес живописи в сумме с трёхсотлетней древностью полотна, которую никто не оспаривал, потянул всего лишь на пол процента от стоимости имени Рембрандта. Вот вам точная математика.

Спрашивается, почему такая разница? Ответ: потому что имя известного автора раскручено прессой, прославлено многочисленными публикациями. Какое отношение имидж имеет непосредственно к сущности картины? Практически никакого: он составляет лишь информационное облако, окружающее подлинник. Но значение его, как мы видим, огромно. Следовательно, и «вес» четвёртой ипостаси в жизни столь же велик. На долю остальных ликов вместе взятых остаётся ничтожная часть...

– Какая странная арифметика, – обескураженно произнёс Кукушкин. – Но разве христианская церковь не стоит на страже Триипостасного Бога?

– Заметь ещё раз, все четыре ипостаси в совокупности являются Богом. Без любой из них Он перестаёт быть Универсумом. А церковь – слепок общества, и корпоративные интриги в ней ещё со времён апостолов занимают центральное место – явное действие Люцифера, проникшего в храм с заднего входа после того, как перед ним захлопнули парадную дверь.

– И что из этого следует?

– Я тебе пытаюсь объяснить значение карнавала. Триста шестьдесят дней в году царствует Князь мира сего. И только в оставшиеся дни, в те несколько процентов, о которых мы говорили, отдаётся должное всем ипостасям. Мир переворачивается с ног на голову, дьявол умалывается, а Разум, Плоть и Энергия правят бал. Фавн в образе Люцифера встаёт за алтарь и *служит* первым трём ипостасям!

Кукушкин совершенно обомлел.

– С каких пор распущенность стала символом Бога?

– Ты, вероятно, имеешь в виду нравственную свободу карнавала?

– И конкретно, сексуальную...

– Пойми, именно ханжество – главный искус Люцифера. Великая мистерия, восстанавливающая акт творения, по сути, являющаяся иконой бога, закована в цепи юридической казуистики! Узаконенное супружество стало способом передела имущества и недвижимости. Что может быть большим надругательством над священной мистерией зарождения новой жизни? Нигде дьявол не чувствует себя так комфортно, как в области юриспруденции, призванной как будто для укрощения зла.

– Признаться, я первый раз слышу подобное, – окончательно сбитый с толку, протянул Влад. Ну и как сегодняшнее действо восстановило благодать?

– Карнавал – это переворот сознания, рабы становятся господами, господа – слугами: ты обратил внимание на официантов, раздававших бокалы и державших факелы? Если приглядеться – все они весьма уважаемые лица в мире бизнеса и политики.

– А «Чёрная месса», как я понял, происходившая внутри Яблока, что символизирует?

– Она символизирует *полноту бытия*. Все четыре ипостаси собираются вместе, под сенью которых человек совершает главный акт своей жизни – уподобление Единому Творцу.

– А-а-а, – протянул Илья. – Мне начинает проясняться смысл эротической выставки, развёрнутой здесь... А что, в Яблоке действительно происходило то самое? – запылул он, не зная, как удобнее сформулировать вопрос.

– Много будешь знать – скоро состаришься, – отрезала Лючия, до сих пор не мешавшая разговору.

¹ Совет Десяти – высший орган управления Венецианской республики в XIV-XVII веках.

ЮЛИЯ СЕРЕБРЕННИКОВА

От автора

Юлия – редактор научно-популярного журнала – получает файлы с борта самолёта, потерпевшего катастрофу в марте 2014 года. Спустя 10 лет она решает на публикацию полученных материалов.

Марк – врач, принимавший участие в археологических экспедициях. Анна – преподаватель одного из московских вузов. Они были на борту самолёта в ночь на 8 марта 2014 года. Они направлялись на международную научную конференцию и планировали несколько дней после конференции отдохнуть на острове.

Их история и была получена Юлией по электронной почте на адрес журнала в ту трагическую ночь. Спасённые файлы легли в основу публикации к десятилетию катастрофы. Ещё один московский роман. Время 21 век.

Жизнь каждого человека можно сравнить с полётом самолёта, который однажды исчезнет с радаров.

«ИСЧЕЗНОВЕНИЕ» новелла, основанная на реальных событиях

Посвящается памяти погибших в катастрофе 2014 года

Я получила на адрес редакционной электронной почты файлы с борта самолёта, исчезнувшего над океаном в ночь на 8 марта 2014 года.

Автор сообщения Марк. Он врач, который принимал участие в экспедициях по следам древних цивилизаций. Его основная работа связана с проблемами биофизики в медицинских исследованиях. На том исчезнувшем самолёте он направлялся на медицинскую конференцию с участием физиков, развивающих современные методы исследований в биологии и медицине. Марк планировал несколько дней после конференции отдохнуть на острове вместе с Анной. Она приняла его приглашение к путешествию вместе с предложением о *new family*.

Марк и Анна были очень счастливы в эти первые дни весны. Спасённые файлы сохранили их переписку и материалы исследований, на основе которых они планировали разработку проекта о поисках артефактов исчезнувших цивилизаций. Именно этот проект и стал импульсом к отправке имейла в критические 12 минут с борта самолёта в адрес редакции журнала «Поиск», редактором которого я являюсь. Наш журнал о познании человеком мира и себя. Искусство, наука, философия и религия – четыре пути к открытию основных законов мироздания, общества и человека. Человек, как известно, по земле не ходит. По земле ходят конкретные мужчины и женщины. Я всё ещё верю в гармонию мира и ответственность конкретных людей. Таких как Марк, например.

Далее я публикую материалы в форме моего дневника о событиях весны 2014 года от 8 марта до 20 апреля.

С марта 2014 года до настоящего времени существенные обстоятельства происшествия с самолётом не установлены.

Юлия, март 2024

08.03.14, суббота

В Москве весна. Тёплый воздух дарит надежду на тепло счастливых дней, которые приближаются с наступлением света. Люблю восьмое марта за множество букетов в руках прохожих и общее приподнятое настроение первого весеннего праздника. Именно в такой день хочется верить, что *мы будем счастливы теперь и навсегда.*

Жизнь привносит свои коррективы в наше настроение. Именно так произошло сегодня ранним утром. Лента новостей полна сообщений об исчезновении рейса МН370 авиакомпании Malaysia Airlines. Самолёт исчез с радаров через час после взлёта. На борту самолёта, вылетевшего по маршруту Куала-Лумпур – Пекин, находилось 239 человек.

Сегодня выходной день. Я зашла в офис редакции на несколько минут за материалами, которые оставила вчера вечером на своём рабочем столе. Решив попутно проверить рабочую почту, включила компьютер и обнаружила отправленный в 20:20 пятницы файл. Файл был отправлен с борта самолёта. Того самого самолёта авиакомпании Malaysia Airlines, о котором уже появились тревожные новости. Рейс «тройка – семёрка – ноль». Напоминание о пушкинских трёх картах. Рука судьбы в земной жизни людей проявляет себя и причудливо, и грозно.

Марк – имя моего нового знакомого. Самолёт вылетел в Пекин из аэропорта в Куала-Лумпур и через час что-то пошло не так: лайнер изменил курс, через двенадцать минут после этого связь наземных служб с экипажем прекратилась. Технические подробности я узнала из утренних новостей, а электронное письмо от Марка пришло с прикрепленным файлом «Проект SY». Название файла остаётся для меня загадкой до настоящего времени. Нота Си как высшее развитие звуков октавы? Таковы мои ассоциации.

Сегодня вечером премьер-министр Малайзии сделал заявление о том, что поиски самолёта на данный момент безрезультатны. Буквально он сообщил: «Обломки найдены не были».

09.03.14, воскресенье

Читаю материалы спасённых файлов.

Вечная любовь существует? Золотая игра жизни и смерти подвластна умам людей? Идеи вечного вращения, рождённые в тайных сообществах разных культур, трансформировались в бытовые представления о перевоплощениях живых существ? Миллионы мужчин и женщин размышляют об этом, многие авторы берут на себя смелость утверждать аксиомы и постулаты в столь сложной теме. Литературные опыты только приоткрывают занавес тайны и лишь по этой причине, вероятно, ближе всего к истине, которая всегда где-то рядом. Проект «SY» есть один из таких творческих замыслов?

11.03.14, вторник

Три дня после исчезновения самолёта.

СМИ заполнены броскими заголовками: «Потерянный рейс», «Гайна, покрытая морем».

12.03.14, среда

Для цифрового сообщества на сайте Tomnod.com компанией DigitalGlobe опубликованы спутниковые фотографии с целью их детального изучения многими людьми на предмет обнаружения каких-либо следов авиакатастрофы: обломков самолёта или масляных пятен на поверхности воды. Карты, на которых в высоком разрешении доступно изображение земной поверхности общей площадью около 3200 квадратных километров. Пользователям Интернета доступно изображение территории, где Сиаковский залив граничит с Южно-Китайским морем в местонахождении самолёта Malaysia Airlines, когда связь с бортом оборвалась.

«Если есть что-то, что можно увидеть на поверхности воды, то мы это увидим, – сообщил представитель DigitalGlobe Лука Баррингтон, – Единственный вопрос – в правильном ли месте мы ищем?».

Достоверной информации о том, что обнаружены какие-либо материальные следы самолёта, исчезнувшего над океаном в ночь на 8 марта, до настоящего времени нет. Этот факт порождает самые различные версии случившегося: угон, техногенная катастрофа, теракт.

13.03.14, четверг

«Спокойной ночи! Малайзийский три семь ноль» – последние слова пилота, прозвучавшие в эфире. Сегодня опубликован текст последнего диалога между сотрудником службы наземного контроля и экипажем исчезнувшего вскоре самолёта. В целом разговор носил рутинный характер и состояние лётчика было совершенно спокойным. Никаких предвестников трагедии не прозвучало в тот момент.

Сегодня также стало известно, что власти Малайзии привлекли к поискам самолёта специалиста венаучного направления. По сообщению гонконгской газеты «Саус Чайна Морнинг Пост», ссылаясь на СМИ Малайзии, один из высокопоставленных чиновников Малайзии обратился для определения местонахождения исчезнувшего самолёта нестандартными методами к уникальному человеку. Таинственное исчезновение самолёта подвигло чиновника обратиться к местному мистика с полувековым опытом работы, который ранее уже помогал в поисках людей после крупных аварий. 10 марта, выполнив свой ритуал, мистик сообщил следующее: «Самолёт либо ещё находится в воздухе либо упал в море».

14.03.14, пятница

Новые индексы рейса. По сообщению авиакомпании Malaysia Airlines с 14 марта 2014 года в знак уважения к пассажирам и экипажу рейса МН370 нумерация рейсов Куала-Лумпур – Пекин – Куала-Лумпур изменена: МН370 на МН371 (Куала-Лумпур – Пекин) и МН318 на МН319 (Пекин – Куала-Лумпур).

ИТАР ТАСС сообщает о том, что некие спутники связи зафиксировали слабые электронные сигналы с исчезнувшего самолёта авиакомпании Malaysia Airlines; далее отмечается, что обнаруженные сигналы «не позволяют сказать, где находится самолёт, и в каком он состоянии».

18.03.14, вторник

Кортни Лав обнаружила на спутниковых картах в сети Интернет предполагаемое место падения самолёта компании Malaysia Airlines?

Появилась новость, вселяющая надежду. «Я не эксперт, но с близкого расстояния это выглядит как самолёт и нефтяное пятно», – пишет в популярной соцсети Кортни Лав. Публикация содержит также карты с указанием стрелками места, о котором идёт речь. Пост Кортни получил более восьми тысяч «лайков» и более девяти тысяч пользователей Сети сделали перепост сенсационного материала. В комментариях к посту многие люди соглашались с тем, что опубликованные снимки действительно указывают на место крушения исчезнувшего самолёта.

19.03.14, среда

В поисковой операции задействованы уже 25 стран.

Опубликовано сообщение NBC News со ссылкой на собственные источники. «СМИ: Boeing сменил курс и затем пропал с радаров». Самолёт Boeing 777 авиакомпании Malaysia Airlines, бесследно пропавший в ночь на 8 марта, сменил курс по крайней мере за 12 минут до того, как его экипаж последний раз выходил на связь с диспетчерами.

Исчезнувший самолёт ищут и в море, и на земле. Первоначально квадрат поиска специалисты связывали с местом, над которым экипаж самолёта выходил на связь в последний раз. Сегодня площадь проведения поисковой операции расширена до 2,24 миллиона морских миль. Почему? Корректировка сделана с учётом факта изменения курса самолёта за 12 минут до исчезновения воздушного судна с радаров.

Интересное интервью с экспертом опубликовало издание NBC News. Грег Фейт ранее принимал участие в работе комиссии по расследованию авиакатастроф Совета по транспортной безопасности при правительстве США. Он отметил, что смена курса могла быть запасным планом полёта, который экипаж самостоятельно привёл в действие при сложившихся обстоятельствах. Другие эксперты авиационной отрасли сообщили сотрудникам CNN в ходе специального опроса, что в программу полёта могла быть заложена команда на смену курса до начала выполнения рейса.

Сенсационное сообщение для СМИ сделал источник, близкий к расследованию исчезновения самолёта. Он раскрыл информацию о работе полиции Малайзии: в доме командира экипажа самолётный авиатренажёр. В тренажёре обнаружены данные о пяти взлётно-посадочных полосах в районе Индийского океана, включая данные по аэродрому военной базы США. «Программы симуляции основаны на взлётно-посадочных полосах международного аэропорта Мале на Мальдивах, аэропорта, принадлежащего США («Диего Гарсия»), и трёх других взлётно-посадочных полосах в Индии и на Шри-Ланке», – цитируют слова таинственного источника СМИ.

Информация о важных 12 минутах полёта – между изменением курса и последним сеансом связи экипажа с наземными службами – появилась во многих СМИ и взволновала широкую аудиторию.

Именно в эти 12 минут Марк принимает решение направить материалы «Проекта SY» в адрес редакции журнала. Самолёт исчезает с радаров, файлы проекта оказываются на моей электронной почте.

Спасённые файлы я изучаю уже почти две недели и начинаю понимать Марка.

21.03.14, пятница

Появилось сообщение из Австралии. Заявление Австралийского управления морской безопасности (AMSA) сделано 20 марта: поиск исчезнувшего самолёта сконцентрирован в южной части Индийского океана. Решение принято на основе анализа возможных вариантов следования самолёта и данных космических спутников.

В тот же день сделано заявление Agence France-Presse со ссылкой на премьер-министра Австралии об обнаружении обломков самолёта у берегов Австралии. Информация о принадлежности найденных частей конкретному самолёту уточняется.

Третья новость от 20 марта о поисково-спасательной операции поступила из Индии. Ранее два индийских военных самолёта вели поиски в Андаманском море и Бенгальском заливе. Малайзия обратилась с просьбой к Индии направить задействованные в поисковой операции военно-воздушные силы в южную часть Индийского океана. Самолёт P-81 и транспортный самолёт C-130J направлены Индией в новое место поиска.

22.03.14, суббота

Поисково-спасательная операция продолжается. До настоящего времени самолёт не выходил на связь вновь и не посылал сигналы бедствия. Предварительные версии следствия о причинах исчезновения самолёта стандартны: техническая неисправность или ошибка пилотов.

СМИ разогревает интерес публики к теме, предлагая собственные версии событий. Посадка или крушение? Вот в чём вопрос, волнующий меня в первую очередь. Почему возможны обе версии? Исчезновение с радаров над океаном. Полное отсутствие следов самолёта с пассажирами на борту в течение двух недель.

Если самолёт упал в квадрате с координатами, которые соответствуют месту последнего сеанса связи с экипажем, то части лайнера или вещи пассажиров должны быть найдены специалистами поисково-спасательной операции. Причиной отсутствия таких предметов может быть взрыв, при котором он полностью разрушен в момент исчезновения связи с ним. Исходя из такой логики, неудивительно, что на неофициальном уровне предпочтение широкой аудитории на стороне версии с терактом.

Известно, что используют похищенные паспорта для устройства собственных дел нелегальные мигранты и террористические группировки. Таков один из их стандартных приёмов. В данном расследовании выяснилось, что на борту самолёта не было в действительности двух человек, имена которых есть в списке зарегистрированных пассажиров на рейс МН370. Один гражданин Италии и один гражданин Австрии в своё время в 2013 и в 2012 годах, соответственно, сообщали о потере своих паспортов на территории Таиланда. Власти обеих европейских стран своевременно сообщали об этих ситуациях в Интерпол. Данная информация, следовательно, была внесена в соответствующую международную базу данных. Малайзийские службы не сверяли документы пассажиров рейса МН370 с базой данных Интерпола в тот роковой день 7 марта 2014? На данный момент официальные лица категорически отрицают использование утерянных паспортов террористами при том, что два пассажира с указанными паспортами заняли перед полётом соседние кресла и заранее бронировали билеты в одном месте. Это для большинства людей остаётся очень подозрительным фактом даже после заявления министра внутренних дел Малайзии о наказании сотрудников, допустивших халатность в процедуре регистрации пассажиров. Кто действительно использовал чужие паспорта? Вопрос остаётся без ответа.

Версию с угон самолёта рассматривают журналисты «Уолл Стрит Джорнал» со ссылкой на источники следственных органов США. Можно предполагать угон самолёта, зная о существовании приборов, обеспечивающих связь самолётов с соответствующими службами производителя авиационных двигателей для «Boeing 777». Производит такие двигатели компания «Роллс-Ройс» и снабжает их автоматическими устройствами, которые передают в службу производителя пакеты данных о состоянии турбин, скорости движения и высоте полёта через каждые тридцать минут полёта. В публикации издания выдвигается вариант угона самолёта с опорой на тот факт, что данная информация о работе двигателя самолёта поступала в специальный центр разработчика ещё несколько часов после исчезновения самолёта с радаров наземных служб. Какой вывод сделан в публикации? Каким-то образом злоумышленники смогли превратить самолёт в невидимку для радаров и изменить его маршрут, направив лайнер в сторону границы Индии и Пакистана; угонщики могли долететь и до Аравийского моря. Такова ещё одна всего лишь версия случившегося исчезновения.

Скорее всего, самолёт Malaysia Airlines дополнит список таинственных исчезновений самолётов в истории гражданской авиации?

23.03.14, воскресенье

Три недели поисков. Пять мнений о развитии ситуации.

Первое. Официальные лица Малайзии настаивают на версии угона. Премьер министр страны сделал заявление о том, что поиски сосредоточены в двух воздушных коридорах «Таиланд – Казахстан» и «Индонезия – южная часть Индийского океана». Представители министерства транспорта Казахстана сообщили, что исчезнувший самолёт не был в воздушном пространстве страны.

Вторая. Международная следственная группа рассматривает версию о спланированном крушении самолёта. Анализ данных показывает рациональное движение самолёта, следовательно варианты пожара или технической неисправности исключаются. Сделан вывод об умышленных действиях присутствующего на борту человека или группы лиц. Каковы мотивы таких действий? Нет ответа.

Третья. СМИ публикуют различные версии того, как самолёт скрылся от радаров. Малайзийская газета New Straits Times рассматривает версию присутствия на борту лайнера специалиста в области авиации, которому удалось снизить эшелон самолёта и увести воздушное судно в сторону материка. Журналисты британского издания Independent связывают исчезновение самолёта с террористическими группами на территориях Афганистана и Пакистана. В ответ службы гражданской авиации Пакистана заявили, что на их радарх самолёт не появлялся. Интересная информация опубликована в Naveeru Online со слов жителей атолла Дхаалу. Они наблюдали необычно низкий полёт большого самолёта над их домами. Мог самолёт приземлиться на Мальдивских островах?

Четвёртая. ФБР изучает жёсткие диски лётного тренажёра, который сотрудники полиции Малайзии обнаружили при обыске в доме одного из пилотов рейса МН370. В базе данных тренажёра обнаружена информация по взлётно-посадочным полосам в районе Индийского океана, которая могла быть занесена в бортовой компьютер до начала рейса для изменения курса самолёта в воздухе.

Пятая. Интерпол. Принадлежность к террористическим организациям пассажиров рейса МН370, использующих украденные ранее в Таиланде паспорта, не подтвердилась.

25.03.14, вторник

Вчерашний день принёс новую информацию о поисковой операции.

Утром в южной части Индийского океана поисковые работы проводили корабли и самолёты нескольких стран, когда французский спутник обнаружил на 850 километров севернее квадрата поиска плавающие объекты, возможно имевшие отношение к исчезнувшему самолёту. На основе этой информации зона поиска в Индийском океане была увеличена с 23 тысяч до 68,5 тысяч квадратных километров. Также в Индийском океане 24 марта белые объекты квадратной формой были обнаружены с борта китайского самолёта.

Общая площадь поисков составила 2,24 миллиона квадратных морских миль на дату 17.03.14. Поисковая операция идёт на воде и на суше. Китай подключил к операции 10 космических спутников, 40 кораблей, 34 воздушных судна. В ходе поисков поступила информация от военных специалистов: на радаре малайзийских вооружённых сил 8 марта в 02:15 появился объект, следовавший над Малаккским проливом в нескольких сотнях миль к западу от последней точки контакта с разыскиваемым самолётом и достаточно далеко от воздушного маршрута в Пекин. Изначально специалисты поисковой группы не исключали, что обнаруженным объектом мог быть исчезнувший малайзийский самолёт. При дальнейшей работе такая информация не была подтверждена.

Вчера произошло ключевое событие в истории с поиском самолёта. Важное заявление сделал премьер-министр Малайзии: «Основываясь на данных нового анализа, эксперты пришли к заключению, что Boeing 777 летел по южному коридору, и его последнее местонахождение определено в центре Индийского океана к западу от австралийского города Перт, этот отдалённое место, вдалеке от возможных мест посадки. Таким образом, я вынужден сообщить, что самолёт окончил свой путь в южной части Индийского океана». Он сообщил, что о крушении самолёта он уже проинформировал родственников пассажиров рейса МН370 и просит журналистов уважать право семей погибших людей на частную жизнь. Предположительно, никто из пассажиров и членов экипажа исчезнувшего самолёта не выжил.

Не молчат социальные сети. Хэштег #МН370 ежедневно объединяет тех, кто помнит о судьбе трагического рейса и хранит надежду на раскрытие тайны исчезновения самолёта.

28.03.2014, пятница

Поисковая операция продолжается уже 20 дней. Ситуацию осложняют штормовые условия и течения, которые переносят плавающие на поверхности воды объекты на сотни километров.

Премьер-министр Австралии официально сообщил о решении перенести поиски на 1 100 километров севернее того места, где началась поисковая операция. На каком основании принято такое решение? Он указал на анализ данных радиолокаторов между Южно-Китайским морем и Малаккским проливом. Данные показали, что скорость самолёта была значительно выше изначально предполагаемой экспертами поисковой группы. Исходя из вновь полученных данных о скорости судна, можно предполагать, что расход топлива также был выше изначально предполагаемой, следовательно, над Индийским океаном лайнер до момента крушения преодолел расстояние меньше предполагаемого в начале поиска.

29.03.2014, суббота

Сенсационная информация о группе китайских специалистов среди пассажиров рейса МН370. Профессиональную деятельность группы физиков связывают с разработками новейших технологий. В открытых источниках опубликованы имена этих людей и список зарегистрированных ими патентов. Новость многими пользователями соцсетей рассматривается как аргумент в пользу версии угона самолёта.

05.04.2014, суббота

Прошла ещё одна неделя. Возвращаясь к теме исчезнувшего самолёта. Угон лайнера группой неизвестных лиц остаётся основной версией событий спустя почти месяц непрерывных поисков самолёта.

Сегодня появилось сообщение о том, что участвующее в поисковой операции китайское патрульное судно зафиксировало предположительно сигналы «чёрного ящика» исчезнувшего в начале марта самолёта. Также уже ведёт поиски «чёрного ящика» австралийское судно, уловившее ранее сигналы на глубине более четырёх километров.

08.04.14, вторник

Сегодня ровно месяц со дня трагедии. Внимание многих людей приковано к истории исчезновения самолёта. Обсуждаются самые разные варианты предполагаемого развития событий: от запланированного взрыва до похищения судна НЛО. СМИ выстраивают хронологию поисковой операции. Вопросов много, ответов нет.

Пока СМИ пишут о тщетных поисках самолёта, я начала восстанавливать историю Марка и Анны. Ознакомившись с материалами файлов, отправленных с борта самолёта, я восстанавливаю текст самой жизни. Браки заключаются на небесах? Марк был прав? Может быть, в следующей жизни они найдут друг друга быстрее? Нет ответов, есть только наш выбор.

Мама Марка верила, что сын ещё будет счастлив, встретив ту, которая скажет «я твоя»; верила, что внуки «никуда не денутся». Анна верила, что ещё наберёт материал и напишет свою книгу о бугаковском мастере; времени у неё достаточно, так как она обладает «геном девяностолетних». Марк знал, что самое хрупкое в нашей жизни – сама жизнь; самое дорогое, что есть у нас – время нашей жизни. У него было много планов, он мечтал о счастье с Анной; он понимал, что люди не умирают от болезней; они умирают, когда приходит срок получить свой дар смерти. В дневнике он сделал запись, размышляя об исчезнувших цивилизациях: «Четыре дара получает каждый человек в своей жизни – жизнь, творчество, любовь и смерть».

Марк по профессии врач. Ему на момент описываемых событий 45 лет. Он увлечён археологией и периодически сопровождает экспедиции археологов. Он дружит с архнадзором и журналистами, путешествует. Отрицает блоги. Любит искусство и не любит самодеятельность. Искусство – по его глубокому убеждению – то, что порождает катарсис. Он любит Микеланджело, любит Италию. Знает историю медицины и проблемы, связанные с авангардными гипотезами. Дружит с журналистами и их героями. Очень любит Москву и пешие прогулки. Его мама – сотрудник одного из московских музеев. Вечная любовь существует – говорил Бугаков? Нет. Существует абсолютная любовь, которая не вечна. Только она. Всё или ничего. Так говорил Марк, восхищаясь своим удивительным открытием. Может быть, мама была права в отношении женщин, с которыми её знакомил сын? Она знала, что Марк встретит Анну!

Марк дополняет материалы Анны об индивидуации творческой личности примерами из истории алхимии (увлекался в институте), читал книги по психотерапии. Он любит повторять, шутя, что тайные общества существуют, и «они нам помогут». Он увлекался историей масонов. А кто из представителей его поколения, столкнувшегося с перестройкой при самом вхождении в активную социальную фазу собственной жизни, ими не увлекался? Его интересы также были связаны с культом и образами Magna Mater.

Анна – преподаватель одного из московских вузов; исследует процессы индивидуации, архетипы, процессы в коллективном бессознательном. Она находила в текущих событиях признаки опасной активизации отдельных образов коллективного бессознательного в современном мире. Анна пришла к гипотезе о том, что война информационная перешла в войну архетипов. Тема её исследовательской работы – история бугаковского мастера. В спасённых файлах я обнаружила интервью, протоколы работы врачей и психотерапевтов, научные статьи и материалы блогов, материалы научных конференций и анализ творчества писателей, художников, музыкантов. Её собственные сновидения и творческие работы студентов оказались в общих файлах о феномене творчества. Анна тяжело переживает смерть отца, думает о ритуалах погребения и общения с загробным миром; отражая и эту тему в своих заметках. В прошлом веке история бугаковского мастера произошла в 1929 году, когда между двумя пасхальными датами православных и католиков был наибольший интервал. Таким же стал и календарь 2013 года, – размышляет Анна, предчувствуя что-то очень тревожное.

13.04.14, воскресенье

Вербное воскресенье. Апрельское полнолуние. Поиски самолёта продолжаются. Всё это время я работаю со спасёнными файлами Марка. Структурирую полученные по электронной почте материалы, исходя из общей картины, сложившейся у меня. Марк и Анна. Они сели в самолёт, который нигде не приземлился. Он и Она. Вечная история, которая волнует сердца людей многие тысячи лет и обретает в каждом времени свои сюжеты.

Спасённые файлы содержат материалы отдельных исследований и тезисы публикаций, страницы дневника, фрагменты переписки Марка и Анны. Содержание файла Марк доверил мне, зная о нашем журнале и моих публикациях.

Самолёт изменил курс полёта как минимум за 12 минут до того, как его экипаж последний раз выходил на связь с диспетчерами. Именно в этот момент Марк понимает, что «это всё». Он успевает отправить имейл в редакцию нашего журнала с файлами своего дневника, спасая SY-материалы. Самолёт исчезает с радаров.

«Они сели в самолёт, который не приземлился...». В жизни герои, познавшие абсолютную любовь, всегда умирают. Таков закон: для любви не названа цена, лишь только жизнь одна, жизнь одна.

Проживание этой истории о самолёте, который не приземлился, будет длиться для меня, так как она стала одной из метафор нашей жизни. Ведь каждый из нас и есть самолёт, который однажды не приземлится, а станет частью гармонии мира и прикоснётся с вечностью.

Дневник Марка раскрывает его историю накануне поездки в Китай. Он встретил Анну и познакомил её с мамой в первых числах марта. После возвращения из Китая он планировал начать счастливую семейную жизнь.

Он встретил Анну в октябре 2013 года. Пять месяцев счастья предшествовали мартовской командировке в Китай. Встречи с Анной наполняли Марка счастьем.

Дневник встреч стал историей любви. Только пять месяцев подарила им судьба. Только пять? Целых пять? Не всем из нас выпало пережить чувство, о котором на протяжении столетий люди пишут книги. Чувство, которое вдохновляет художников и поэтов.

Всё повторяется из века в век. Делётся нам по нашей вере. Марк отправил письмо в мой адрес в те двенадцать минут, когда самолёт изменил маршрут. Сработала его интуиция. Он не хотел исчезнуть вместе с тем, что составляло смысла его жизни в эти пять месяцев перед катастрофой.

Была ли катастрофа? Вот в чём загадка для меня и ещё тысяч людей, следивших за событиями поисково-спасательной работы.

Версия утона не может быть отброшена на сто процентов. Эта версия остаётся в силе, благодаря достаточно веской аргументации. Сигналы от двигателя, поступавшие в офис компании «Роллс-Ройс» в течение нескольких часов после прекращения связи с бортом. Отсутствие сигналов о бедствии. Отсутствие останков самолёта в квадрате бедствия. И большое желание многих людей верить в то, что жизнь пассажиров оказалась вне техногенной опасности.

Самолёт нигде не приземлился? Острова в Индийском океане подходят для места, где можно продержаться путешественникам? Версия о спланированном утоне поддерживается в публикациях достаточно конспирологического характера. При этом такие публикации можно рассматривать как информационный вброс для отвлечения внимания широкой аудитории от каких-то закрытых для публики тем?

«ДНЕВНИК МАРКА»

*

Октябрь в Москве – время конференций. На одной из таких конференции случилась наша встреча. Случилась? Была уготована судьбой? Психологи и врачи собираются в Москве раз в год, чтобы обсудить ключевые события года и встретиться с коллегами из разных стран. Многолетняя традиция.

Мы встретились в конференц-зале. Нас представили друг другу общие знакомые. Встреча, которая не предрекала того продолжения, которое стала нашей общей счастливой историей.

В Камергерском переулке – особенном для меня месте – мы зашли выпить кофе во время одного из перерывов в череде докладов и презентаций. Темы, представленные авторами исследований, отличались широким спектром актуальных проблем медицины и психологии. Междисциплинарный подход организаторов конференции был удачно реализован именно этой осенью. Нам с тобой было о чём поговорить, наслаждаясь кофе и общением.

Я рассказывал о своих экспедициях, в которые приглашали меня мои друзья из мира научно-популярного кино. Было приятно узнать, что с материалами наших экспедиций ты была знакома по уже готовым фильмам. Врач был необходим в таких путешествиях. Замечательную возможность погружения в различные темы, связанные с историей культуры и цивилизаций планеты, я не мог не использовать. А сколько интереснейшего материала остаётся за кадром? Это ясно всем. В твоих глазах я увидел отклик на всё то, что было интересно мне. Мне было интересно открыть для себя удивительный остров в океане исследований человека – психологии творчества. Я, как и большинство специалистов из других отраслей, был уверен, что природа творчества суть тайна. Мы можем погружаться в творческий процесс и, ведомые вдохновением, создавать уникальные вещи в области культуры, искусства, науки. Постичь законы нашей способности к творчеству? Такой задачи я даже не ставил перед собой.

Мы открывали друг друга и чувствовали, как наши миры образуют единство.

*

После осенней конференции мы расстались, обменявшись визитками. Я долго не решался тебе позвонить. Отчасти мне помогали выдерживать паузу в общении социальные сети. Твой блог о творчестве открывал для меня твои мысли, твои находки в мире творчества. А ещё и твои фотографии. Их было немного. Сделаны они были в разные годы. Мне их было достаточно, чтобы представить твою жизнь «до меня». Я очень беспокоился о том, что могу услышать твой отказ на моё предложение о встрече. И всё же я смог справиться со своим волнением: нет так нет. Позвоню, и ситуация неопределённости разрешится.

Я был безумно счастлив, услышав твоё согласие принять приглашение на прогулку по старому городу. Моя любимая Москва поддержала меня. История её домов и улиц - то, от чего нельзя отказаться.

Ивановская горка. Итальянцы, которые строили Москву. Тайны библиотеки Ивана Грозного. Архитектура модерна. Всё то, что с детства захватывало мою фантазию, было интересно и тебе. Прогулки по улицам и временам становились для нас с тобой тем, что теперь принято называть модным словом «сторителлинг». Мы прекрасно понимаем, что новые слова не умаляют тайн и загадок московской истории.

*

Китай-город. Французское кафе. Утро католического рождества. Наш завтрак. За окном настоящий рождественский снегопад. Давно не было такого чудесного снегопада. Он открывает новую страницу в жизни очень многих людей и как будто закрывает нас с тобой от всего реального мира в нашем с тобой мире для двоих. Такое настроение. Такое восприятие картинки вокруг нас.

Тихо звучит французская музыка. Красный и зелёный цвета интерьера так замечательно создают волшебное предновогоднее настроение. Мы, не сговариваясь заранее, обменялись сувенирами: один из Китая, а другой из Франции. Восток и Запад образуют полярность евразийской культуры, как мужчина и женщина образуют полярность человека. Ведь человек по земле не ходит. По земле ходят конкретные мужчины и женщины.

Ходят в поисках счастья. Счастья встретить того, кто может стать нашим полюсом. Мы поняли именно сегодня, что у нас с тобой свершилась именно такая встреча. Оказалось, что раньше мы бывали в одних и тех же местах, в одно и то же время, но только в этом счастливом году нам представили друг друга в нашем родном городе. Рука судьбы готовила нашу встречу как будто, а мы не чувствовали тех моментов, когда уже были на совсем близком расстоянии друг от друга. Мы не были тогда готовы к близости? Мы были слишком заняты делами? Не знаю. Затрудняюсь ответить. Для нас важно сегодня, что предчувствие полярности у нас с тобой было задолго до этой тринадцатой осени нашего века.

Овсянка, кофе и похожие на игру воспоминания о наших путешествиях в одно место и в одно время, но не вместе.

Сибирская тайга. Заповедные места с природным комплексом возраста тридцать миллионов лет. Я был в этом удивительном месте с группой геологов не только в роли врача экспедиции, а как участник медико-биологических исследований и разработчик авторской методики для мониторинга тканевых систем. Ты можешь себе представить, каково было моё удивление, когда ты сказала, что в те же дни была там на декаднике психологов?

А Эрмитаж в 1988 году? Именно во время белых ночей и празднования дня города мы, независимо друг от друга, решили отправиться погостить к друзьям в северную столицу. И как оказалось, за завтраком сегодня, мы были в Эрмитаже в одни те же дни.

Именно сегодня – в день итальянского рождества – я решился пригласить тебя в полёт. На март 2014 года в Пекине запланирована медико-биологическая конференция, на которой мне непременно надо быть с докладом о моей авторской методике. Не исключаю, что получится подписать контракты с моими китайскими коллегами и деловыми людьми, заинтересованными в продвижении методики на рынок медицинских услуг. Перед конференцией несколько дней отдыха в Малайзии – мой подарок для тебя к празднику 8 марта. Ты обещала подумать. И этого было достаточно, чтобы я почувствовал головокружение от предчувствия счастливых каникул с тобой. Китай так Китай.

*

Старый Новый год. Суздаль. Сказочный город, хранящий время ушедших столетий в стенах своих храмов и монастырей. Мы приехали в пятницу вечером и только в понедельник утром планировали вернуться в Москву. Это счастливое путешествие продолжает жить в моей памяти. Это счастливое путешествие длится и длится в моих воспоминаниях, как картинка в хрустальном шаре. Ужин с глинтвейном. Завтрак на веранде деревянной избушки в лучших традициях русской кухни. Прогулка к старинным стенам монастыря. Фоторепортаж для домашнего архива.

Здесь в наших уединённых беседах родилась идея совершенно нового маршрута для автомобильного туризма «Города московского девятиуголья». Путешествие одного дня в маленькие старинные города, в которых сохранились крепости и монастыри – то, что востребовано в наш век информационной перенасыщенности каждодневной жизни. Вехать на один-два дня в тихое место, наполненное энергией прошлых столетий. Рассмотреть детали архитектуры и отыскать для себя новые впечатления от живых пейзажей на равнинах рек. Дороги, реки и мосты остались там же, что и сотни лет назад. Именно такие места выбирали для основания городов вокруг Москвы, создавая защитную линию на протяжении 12-17 веков.

Города московского девятиуголья – стражи и хранители московской земли. Легенда о московском девятиуголье встретилась мне на сайте краеведческого музея Верии – самого маленького города Московской области, сохранившего в архитектурных решениях свой генеральный план со дня основания до наших дней. Сергей Радонежский – собиратель земли русской – воспитал достойных учеников, которые продолжили его дело и поддержали монастырскую жизнь московской земли, и внесли свой вклад в её развитие.

Открытия нас ждут совсем рядом, когда есть с кем отправиться в путь. Стоит подготовить материал по теме для публикации на каком-нибудь сайте для туристов?

*

Почему нельзя жить вечно? Рано или поздно можно сломать, например, ногу. Люди попадают в дорожно-транспортные происшествия и другие катастрофы. Тысяча или две тысячи лет по этой причине становятся невозможной продолжительностью для телесной жизни человека. Идеи и города способны на это. Культуры и цивилизации, созданные конкретными мужчинами и женщинами в рамках отпущенного им времени, живут тысячелетиями. В этом надежда гения, увлечённого творчеством, и в этом надежда людей, хранящих семейные традиции и уважение к своим предкам.

«БЛОГ АННЫ»

«Пирамидка и кубики»

Картинка в моей памяти. Дом. На полу пирамидка и кубики. Мои воспоминания и детские вопросы. Вопросы, которые я не могла выразить словами, запоминая суть того, что волновало меня тогда. Такие воспоминания – вопросы. Почему пирамидка со стержнем, а кубики нет? Как можно собрать пирамидку без стержня? Что получится, если детали разного диаметра чередовать?

Собирать пирамидку на собственном стержне можно всю жизнь. Собирать башни или города из кубиков – совсем другое занятие, так как у кубиков нет внутреннего стержня. Кубики создают другие конструкции – конструкции без стержня, конструкции соприкосновения, конструкции отношений.

«Жизнь как опыты над людьми»

В школьном возрасте я занималась спортом и регулярно проходила медосмотр в диспансере. Однажды, лёжа на процедуре ЭКГ, я размышляла над тем, чем бы заняться пока тётеньки в белых халатах проводят опыты надо мной. Я нашла симметричное решение: начала останавливать сердце ненадолго и запускать его с разной скоростью. Тётеньки забеспокоились. Посоветовались между собой, сделали замеры в стояниях «дыши» и «не дыши». Со мной, что было естественно для них, они не сочли нужным поговорить. В итоге мне поставили диагноз «аритмия» и отстранили от соревнований и тренировок. После некоторого перерыва я вернулась в спортивный клуб. Милые заботливые взрослые выражали сочувствие в мой адрес, но слов поддержки не прозвучало.

Озадачила фраза: «Твой поезд уже ушёл». Мне было 10 лет. До сих пор метафора поезда в моём творческом воображении живёт своей собственной жизнью. А был ли поезд? Ушёл или не пришёл? Вот для Анны Карениной было бы лучше, чтобы «её поезд уже ушёл»? Я лично всегда любила самолёты.

«Пространства моей жизни имеют границы»

Время – самый дорогой ресурс в жизни мужчин и женщин. Однако это не является причиной спешить, «попирая главное» – саму жизнь, наши чувства, нашу любовь, нашу неуверенность, наши сомнения, наши желания явные и неявные. Вера в гармонию мира и ответственность конкретных людей – моё кредо. Прекрасно, если после завершения нашего земного пути мы встретим на другом берегу нашей жизни всех, кого любили. Возможно, гармония мира явится нам как-то иначе. Я верю в то, что должна направлять свои усилия на то, во что я действительно верю; на то, что может поддержать конкретных мужчин и женщин в наших отношениях.

Спешите медленно, – такой совет дали нам древние греки. О таком искусстве жить говорит итальянская культура. Смотреть и видеть – вот, что мне интересно теперь. Смотреть и видеть гипертекст нашей жизни.

«Закрытая книга»

Каким бы открытым ни был человек, его жизнь всегда будет закрытой книгой для других людей. Самые откровенные жизнеописания не способны передать саму жизнь. Они могут быть лишь литературной инкрустацией, созданной из отдельных впечатлений и событий.

Только инкрустацией, которая всё же способна через образы передать нечто очень важное для нашей памяти.

«Апокалипсис яйца»

Яйцо. Гусеница. Кокон. Полёт. Полёт как выход к свету. Четыре этапа индивидуации.

«Тайна таёжной деревни»

Тайна сибирской деревеньки, приютившейся на берегах Тары, охватила умы и сердца многих людей внезапно. Тайна Окунева связана с тайной перехода из одного тысячелетия в другое. Волшебное звучащее слово «милленум» и чарующее определение чего-то ещё непознанного, однако уже явившегося миру, слились в нечто целое, зовущее к себе искателей приключений.

*

– Пишу. Омовение временем я проживаю на пути моих воспоминаний. Водитель муз – Мусaget. Он – светоносный бог, отец Орфея и Асклепия. Он – светоносный бог, обретающий силу в Аиде. Он – сильная гармоничная личность, имеющая власть над жизнью и смертью; именно в этой власти, должно быть, таится начало его личности. Тот из людей, кто сможет принять жизнь и смерть, как единую силу движения – обретает его покровительство на протяжении столетий и, совершая переходы, игнорирует различия между мирами.

– Его любимчики творят свои миры в союзах со своими вечными спутницами музами.

– Празднества в его честь красиво именуются – теофании. В Рим его культ пришёл из греческих колоний Италии, как сейчас помню. Его прозвища говорят выразительно о его делах. Простат – «заступник», Эпикурий – «попечитель», Алексикакос – «отвратитель зла». Он – пастух и музыкант, родоначальник племён и основатель городов.

– Он вступает в связи с богинями и женщинами. Так как он сам – прекрасный прорицатель, то и дети, рождённые с даром прорицания, жили в его святилищах. Молодец, заботливый отец всё мудро устроил.

*

– Свапнешвари – индийская богиня сновидений – щедрая и красивая, дарительница загадок и открытий. Она продолжает приходить ко мне время от времени, я этому не перестаю радоваться и удивляться.

– О чём вы сегодня беседовали?

– О том, что юги – только один из образов времени, и каждый человек способен сам выбирать, в какой из них он будет жить. Жить в самом себе. Жить и созидать. Риши создавали календарные праздники для того, чтобы люди развивались в потоке повседневных забот в те далёкие времена, когда у многих из людей ещё не было достаточно смелости выбирать.

– Риши предлагают свой опыт человеку, помогая рождению счастливых мужчин и женщин. Счастливые люди воспринимают поэзию звёздного неба и сочиняют истории о богах и героях, о живых звёздах – самих ришах. Так, что вопрос до сих пор остаётся открытым о том, кто кого создаёт? После пробуждения я поняла, как можно на русский язык транслировать имена самой счастливой пары индийских богов: «Лакшми – Нараяна» буквально переводится как «Счастье – человека путь».

*

Через «музыку сфер» люди понимают себя, какую-то постоянную часть самих себя, в которую можно только верить.

*

– Экспедиция нацелена на поиск прекрасного северного города на берегах Тары. Все ожидают открытий следов ещё неизвестных науке культур, останков жилищ и культовых мест. Ритуалы сопровождают людей от появления на свет до ухода в «далёкий путь». Разные культуры и многие поколения объединяет культ вечной жизни, он воплощает связь времён. В ведической культуре ритуал, соединяющий жизни мужчины и женщины в одну, может быть проведён по-разному: обычный брачный ритуал и ритуал, соединяющий две судьбы в одно целое навечно. В первом случае – принятие ответственности перед другими людьми за сохранения традиций и продолжение рода. Во втором – принятие ответственности друг за друга перед лицом времени. Выбирать приход в этот мир с памятью о своём «другом я» – на это решаются не все. На это способны немногие мужчины и женщины, кто верит в возможность вечной любви. Когда решение принято, оно становится источником будущих сплетений судеб.

– Я благодарен индийским богам за то, что они придумали все мои встречи с тобой.

*

Сегодня во сне я видела город, который мы хотим открыть. Берега Тары. Прекрасный Северный Город. Архитектура повторяет линии природы, принимающей рукотворные создания людей. Геометрия природы и геометрия города образуют счастливую гармонию этих мест. Свет Солнца и свет звёзд наполняют Город жизнью и днём и ночью. Жизнь священна – это основа, на которой строятся здесь все отношения человека: к природе, к людям, к самому себе. Собственную жизнь человек воспринимает в едином потоке ушедших и будущих поколений: сегодня в его руках ключи от прошлого и будущего – его ответственность за собственную жизнь. Всё, что может быть, может быть только в жизни. Во время пробуждения я решила, что наша с тобой первая встреча произошла именно в этом месте, только в «доледниковый период», когда слоны и жирафы чувствовали себя здесь уютно. Ледник прошёл когда-то давно там, где сейчас живут великолепные леса. Путешествие ледяных гигантов стало серьёзной угрозой для многих людей, чьи предки из поколения в поколение находились под защитой природы на берегах прекрасных рек. Волна глобальных перемен стёрла с поверхности земли мир, созданный людьми. Всё проходит. Прошла и власть льда. Деревья стали возвращаться на север, за ними последовали животные. Люди стали вновь устремлять свои взоры на землю далёких предков. Что могли сохранить, уходя от ледяной опасности, поглощающей города, переселенцы? Жизнь и память, культ вечной жизни. Волна перемен, затрагивающая основы целых культур, – вещь обычная в масштабе истории; в масштабе одной человеческой жизни – испытание на прочность ценностей, на которых человек выстраивает свою неповторимую судьбу.

*

Я пишу взглядом на огне свечи письмо Тебе, мой друг, мой вечный спутник во вселенском сплетении пространства и времени. Сплетенье наших рук лишь отражает или продолжает эту тайну единения пространства-времени?

Огонь свечи – мой верный слушатель, он единственный знает все мои мысли, обращённые к Тебе. Свет слов сливается со светом свечи, свет моего сердца устремляется к Тебе.

*

В глубине ночи рождается день.

*

Завершается год. Вновь канун волшебного праздника Рождества. Голоса в пространстве холодных дней. Встреча голосов в хрустальном зимнем эфире. Счастье встречи – сюжет добрых рождественских сказок и романтических историй. Я проживу одну из них, рождая слова в пространстве белого листа.

Сегодня сочиню Сказку.

«ПРОЕКТ SY»

Я набросал «манифест» предполагаемых познавательных путешествий по следам исчезнувшей древней глобальной цивилизации. Не умея прикалывать файлы в этом формате, просто выкладываю ниже этот текст. Понятно, что он нуждается в доработке и разъяснениях. Пока это черновой вариант:

История человечества отнюдь не такова, какой представляет её нам школьный или университетский курс и популярные учебники. Причём чем более отдалённое время мы возьмём, тем меньше мы его знаем. Минимальной изученностью отличается так называемый первобытный период, который мы представляем себе временем отсутствия цивилизации и полным невежеством.

Между тем многочисленные открытия историков и археологов то и дело подкидывают материал, который либо не согласуется с общепринятыми представлениями, либо даже радикально им противоречит. В мире достаточно много так называемых артефактов – единичных памятников архитектуры, искусства и ремёсел, указывающих на высокий уровень развития знаний, умений, техники, профессиональных навыков и эстетических представлений тех людей, которых мы привычно называем первобытными. Более того, порой их наследие поражает столь высоким уровнем знаний и мастерства, что наша сегодняшняя цивилизация не всегда его достигает.

Такие факты вынуждают с большим интересом и доверием относиться к тем гипотезам, что рассматривают путь цивилизационного развития человечества не как непрерывно восходящую линию, а как прерывистую кривую, имевшую в далёком прошлом свои высокие пики.

Наш проект предлагает систему познавательных и отчасти исследовательских путешествий по различным районам планеты, где сосредоточены артефакты древней неизученной глобальной цивилизации далёкого прошлого. Каждое такое путешествие интересно и само по себе – оно даёт богатейшую пищу для пересмотра исторических штампов. Но ещё интересней и продуктивней сопоставлять путешествия в различные места Земли, выявляя общие принципы, схемы и методы возведения древних сооружений и изготовления предметов обихода: то общее, что выявляется в ходе таких исследований, доказывает планетарное единство древней цивилизации.

Предполагаемых мест таких познавательных путешествий очень много, причём это число возрастает по мере новых открытий. В приложении даётся краткий перечень таких мест.

«ИМЕЙЛЫ»

Марк рекомендовал Анне почитать книги своего друга журналиста, а ей было не до чтения в такие абсолютно счастливые дни.

– Каждую секунду я хочу быть с тобой, каждую секунду! Если я не могу видеть тебя, я хочу думать о тебе, вспоминать твой голос и твой взгляд. Какие книги? Успею.

*

– Подари мне себя на семь дней...

*

– Я тебя люблю. (у меня интернет включается)

– Замечательно. Проверка связи прошла успешно. Ты завтракал?

– Ещё нет.

– Тогда желаю тебе приятного аппетита. Береги себя для меня. Очень-очень жду нашей встречи. Каждую секунду я хочу быть с тобой. Каждую секунду ты даришь мне столько счастья. Моя жизнь превратилась в водопад. У нас даже нет ни одной фотографии, которые мы бы сделали с момента нашей встречи. У нас есть только настоящее. Я с тобой чувствую себя совсем-совсем наполненной. Ты исполняешь мои желания быстрее, чем они появляются у меня. Ты знаешь все мои желания лучше меня. Нашей тайной мантрой стали наши слова – «я люблю тебя очень-очень; я люблю тебя навсегда». Я люблю тебя очень-очень...

– Я люблю тебя навсегда.

20.04.14, воскресенье

Марк и Анна. Они были такими счастливыми, когда сели в самолёт, который нигде не приземлился.

СЕРГЕЙ СУЛИН

ОНИ В ПРИСУТСТВИИ ЛЮБВИ И СМЕРТИ

пьеса в пяти картинах

Действующие лица:

СЕРГЕЙ, молодой человек, художник, в потёртых джинсах и рубашке навыпуск, в Чернобыле – лейтенант Советской армии.

ОЛСЕ, 23 года, обаятельная, в лёгком и светлом.

ЖУКОВ, сержант, скуластое смуглое лицо, тонкие усики.

СТАРУХА, костлявая, босая, жительница зоны отчуждения ЧАЭС.

ХОЗЯЙКА дома на Кинбурнской косе, 50 лет, статная, приветливая.

МЕДБРАТ, в белом халате и в маске.

Экран над сценой служит для визуальной поддержки происходящего.

Звучат песни на слова Олеси Рудягиной.

Картина 1

На экране – шоссе и шлагбаум со знаком «стоп».

Появляется Сергей. На плече – дозиметр и планшет с картой. Он озабоченно поглядывает то на часы, то на дорогу. Наконец раздаётся автомобильный сигнал и рядом останавливается «газик». Из него высовывается шофер, ухмыляется.

Сергей (в зал). Сержант Жуков. Прославился тем, что попался с ящиком водки, которую пытался провезти в часть, и его лично отчитал командир полка на вечерней поверке. (Раздражённо) В чём дело, сержант? В центре ждут данные разведки, а мы всё ещё тут околачиваемся! Почему без респиратора?

Жуков Да ну его, кружка медная!

Сергей (спокойнее). Ты что-нибудь о радиации слышал?

Жуков (нахально). У чего нет ни вкуса, ни цвета, ни запаха? Не-а, не слышал.

Сергей с негодованием машет рукой и забирается в машину. Служивые отправляются в дорогу. На экране – знак радиации и надпись: «Остановка на обочине запрещена, опасно для жизни!»

Жуков. А мне здесь нравится. Почти как в санатории – кормят от пуза, работаем полдня и никакой строевой подготовки.

Сергей. Вчера были на дезактивации станции. Твою машину на мойке видел.

На экране – Чернобыльская атомная электростанция.

Жуков. Начштаба возил. Пока ждал, на крыше успел побывать. Знакомые на экскурсию затащили. На чердаке народа – не протолкнуться. Все ждут своей очереди сбросить пару-тройку лопат радиоактивного мусора в дырницу у трубы и радики заработать. Везде мониторы, офицеры по громкой связи команды отдают. Если кто зазевался – (с завистью) таким матом обложат! А вид оттуда – закачаешься! Вся станция, как на ладони! Энергоблоки – словно спичечные коробки. Славутич на горизонте виден, и Припять на солнце блестит. Попомнишь, сюда ещё туристов возить будут.

На экране – покинутое селение.

Сергей. Похоже – наше село, вон и колодец на околице. Здесь первая точка на маршруте. Приехали, тормози!

Разведчики выбираются из машины.

Жуков (*раскуривает сигарету, бурчит*). Атомная станция, передовые, можно сказать технологии, а люди, смотрю, живут... жили здесь совсем бедненько.

Поднимает брошенную при эвакуации куклу. Разглядывает с видом человека, у которого болит зуб. Сергей определяет уровень радиации, берёт грунт и воду на анализ.

Сергей. Здесь всё, двигаем дальше!

Жуков (*осторожно возвращает игрушку на место*). Как-то не по себе. Словно кто наблюдает. (*Запускает двигатель, газует*)

Сергей (*в зал*). Пока я сверяюсь с картой, машина оказывается на лесной прогалине. Крутом – мёртвые деревья, трава пожухлая, дозиметр словно сошёл с ума.

Слышен треск дозиметра и тихий, протяжный колокольный звон.

Картина 2

На экране – окно, по которому текут струйки воды.

На сцене – Сергей (в джинсах и рубахе на выпуск) и Оле (в свитере и юбке). Фоном – шум дождя. Освещение – «пасмурное».

Сергей (*в зал*). В самом конце лета мы с женой наконец-то выбрались из пыльного, прокалённого зноем города. Рыбачкий поселок на берегу Кинбурнской косы стал нашим кратковременным прибежищем. Мы поселились в ветхой лачуге, среди источающих одуряющий аромат цветов.

Олсе. Уже неделю, не прекращаясь, идёт дождь. Днём, натянув всё теплые вещи и прихватив зонты, мы исследуем нашу terra incognita.

Сергей. А по вечерам к нам скоротать время заходит хозяйка дома.

Хозяйка (*появляется*). Ребята, а я вам жареной рыбки принесла. Сама наловила.

Сергей (*достает бутылку*). Красное домашнее, с дедовского куста. Через три границы везли. (*Разливает по стаканам*) За вас, сударыня! (*Олсе расцехляет гитару, перебирает струны*). Сегодня набрали на какие-то песчаные холмы.

Хозяйка. Знаю место. Там были укрепления русской армии во время войны с Турками. (*Лукаво*) Суворова встретили? Памятник рядом стоит.

Олсе. С причала во время отлива затонувшую баржу видно – ржавая вся и пробоина в борту. Откуда она здесь? (*Наигрывает вальс военных лет*)

Хозяйка. На ней немцы раненых своих эвакуировали. Для прикрытия местных посадили – стариков, детей. А у наших приказ: фрицев на материк не пускать. Вот батарея и ударила... (*Вытирает глаза ладонью*)

Сцена погружается в фиолетовые сумерки, которые скрывают хозяйку.

Сергей (*в зал*). И всё же природа сжалилась и перед самым отъездом подарила нам замечательный солнечный день...

Олсе (*вальсирует с гитарой*). ...и в придачу удивительную ночь.

На экране – море, солнце, небо.

Сергей в шортах, Олсе в коротком сарафане – идут вдоль линии прибоя. У него – полотенце, на ней – соломенная шляпа с красной ленточкой. Фоном – звук прибоя и радостные крики чаек. Освещение – «солнечное».

Сергей. Слушай, мне пришла интересная мысль... (*Целует Олсе*)

Олсе (*отдышавшись*). Как же я сама не додумалась?!

Сергей. Олсе, я серьезно!.. Если материя, из которой сшита Вселенная, существует вечно, то, по теории вероятности, тончайшие нити из которых она соткана, когда-нибудь вновь сплетутся в знакомый узор. И, тогда, в бесконечном будущем, мы снова будем идти по берегу моря... (*Олсе прерывает Сергея поцелуем*)

Сергей (*переведя дух*). ...а, возможно, уже шли так когда-то, в безначальном прошлом.

Олсе. Обязательно подумаю над этим, когда выйду на работу. А теперь (*закладывает на шею Сергея полотенце, тащит в воду*) – купаться!

Сергей (*вырывается*). Спасите, помогите! (*Олсе брызгает на него*) Холодно же! (*Брызгает в ответ. Наплескавшись, идет дальше и от чувства безграничной свободы поет*)

Олсе. «Наш паровоз вперёд лети, в коммуне остановка»...

Сергей (*пойт своё*). «Эх, тачанка-ростовчанка, наша гордость и краса»...

Олсе (*прерывает Сергея*). «Дан приказ ему на запад, ей – в другую сторону»...

Сергей (*подхватывает*). «Уходили комсомольцы на гражданскую войну»... (*Мечтательно*) Слушай, а хорошо бы опубликовать сборник твоих стихов!

Олсе (*загорается*). Чур, с твоей графикой.

Сергей (*деловито*). А на какие шиши?

Олсе (*находчиво*). Проведём Презентацию неизданной книги, пустим шляпу по кругу.

Сергей. Точно! Совместим твой творческий вечер с выставкой моих картин...

Олсе. Разнесём приглашения, обзвоним журналистов...

Сергей. Позовём поэтов, художников, бардов...

Олсе. Распечатки страниц будем бросать со сцены, как листовки...

Сергей (*с воодушевлением*). А под конец устроим канкан на рояле!

Олсе. Фи, за кого ты меня принимаешь?! (*Объявляет*): «Птичий... Танец... Любви»!

Снимает шляпу, избавляется от сафрана, украшает себя чайными перьями и исполняет перед суженым «птичий танец» – крутит головой, «щёлкает клювом», «ломает крыльями воздух». Сергей отвечает – «трепещет перьями», выгибает шею, призывно «фаскускает хвост».

Картина 3

На экране – Мёртвая зона, погибшие деревья. Фоном – треск дозиметра.

Сергей (*нервно*). Сержант, куда ты нас завёз? Это же – «Рыжий лес»! Сюда после аварии опустилось радиоактивное облако!

Жуков (*сквозь зубы*). Не паникуй, командир, выкарабкаемся! (*Газует*)

Машину подбрасывает на ухабе, слышен хлопок, она останавливается.

Жуков (*осипшим голосом*). Колесо порвали, кр-р-ружка медная!

Сергей. Запаска есть? (*Жуков сокрушённо разводит руками*) Надо уходить!

Разведчики натягивают респираторы и быстрым шагом уходят. Появляются с другой стороны сцены уставшие, без респираторов.

Сергей (*тяжело дыша, в зал*). Время перевалило за полдень, а мы с сержантом, изнывая от жажды, всё ещё тащимся по лесу. (*Сергей надсадно кашляет, Жуков трясёт флягой – пустая*) Заблудиться в местности, изборозжённой автодорогами и линиями электропередач – глупее ситуации не придумаешь!

Раздаётся лай собак и бляенье козы. Появляется костлявая, босая старуха с вязанкой хвоста.

Сергей (*удивлённо*). Здравствуйте, бабушка!.. Не подскажете, где мы?

Старуха (*с опаской*). Так то ж Ясень... А, вы, сами откуда будете?

Жуков. Из Одесского полка, заблудились на маршруте.

Сергей. Вы здесь одна?

Старуха. Кум ще – трухлявый пенёк, больше – никого.

Жуков. Почему же не уехали?

Старуха (*спокойно*). Наши все на погосте. За могилками хтось присмотрит?

Сергей. Говорят, мародеры в зоне объявились.

Старуха. Да, были у нас, по хатам шарили.

Жуков (*с негодованием*). Кр-р-ружка медная!

Старуха. Почекайте, хлопчики, я вас молоком угощу. У мене коза хоч и двоголова, нодоится справно.

Сергей (*с опаской*). Нет, спасибо!

Жуков (*поспешно*). В другой раз, бабуся!

Сергей. Смотрите, вы босиком, а в пыли самая зараза и сидит.

Старуха. Ми люди привычные. И на городи, и в лис по грибы так ходимо...

Ну, прощайте! Идите стежкою, вони выведет.

Служивые уходят. Старуха смотрит им вслед, крестит.

Наступает ночь. Дорогу разведчикам освещают многочисленные звёзды. Сержант раскуривает сигарету. Фоном – крик выти и лягушачий ор.

Жуков. Ну, и где тропинка? Не иначе lepší водит! *(Оглядывается, нервно)* Командир, а ты о спинувших в зоне пожарных-десантниках слышал? А о кроликах-мутантах, которые сбиваются в стаи и нападают на мародёров? *(Затягивается)* В курилке брешут, что от «радииков» у мужиков, того... не стоит. Ежели так, Надюха меня точно из дома выгонит... *(Пускает дым кольцами, мечтательно)* Говорят, что ребята, поднявшие флаг над трубой, вернулись домой на новеньких «Волгах». Вот бы и мне так подфартило!

Сергей *(опирается о дерево, ему явно плохо).* Сержант... как себя чувствуешь?

Жуков *(угрюмо).* Голова тяжёлая, как с похмелья.

Сергей *(говорит с трудом).* Слушай... ты о чём-нибудь... мечтаешь?

Жуков *(раздумывает).* Жрать хочется.

Сергей. А я... с подругой... на море смотреться.

Жуков. Так в чём дело? Вернёшься, мамзель в охапку – и в Крым.

Сергей *(усмехается, морщится).* Понимаешь... какая незадача... я её пока ещё... не встретил.

Жуков. Дело наживное.

Сергей. Что-то мне... *(Медленно оседает на землю)*

Жуков *(истувано).* Серёга, ты чего?

Сергей *(слабым голосом).* Иди, Жуков... Отлежусь немного... и догоню.

Неслышно появляется Олсе. Присаживается рядом. Кладёт голову Сергея себе на колени, гладит, тихо попевает.

Песенка Олсе.

А в Ла-Валетте дождь
Бессмысленный и горький,
Ведёт хромой старик
Лошадку под уздцы...
О, как мы далеки,
О, как мы неразлучны,
Когда моих шагов
Не слышишь рядом ты.
Неаполь и Стамбул,
Пирей и остров Капри
Печальные следы
Читали по слогам,
Тускнели зеркала,
Смокали вмиг базары,
В оцепененье помня
Лишь наши имена.
Бесхитростный мотив
Расстанется с Босфором
И Караван-сарай
Столетия простоит,
Но будет всё – не так,
Я знаю, древний город.
Без песен о тебе
Смертельно грустит...

Картина 4

На экране – звёзды, море, луна, мерцающая дорожка. Сергея и Олсе освещает лишь свет маленького костра. Фоном – тихий шум прибоя.

Сергей. Ну, иди сюда, моя ты рыбка золотая.

Олсе. Пусти! Ты ослик.

Сергей. Почему это?

Олсе. У тебя глаза всё видят, а уши всё слышат. А какой ты меня представляешь?

Сергей. Большой и круглой. *(Показывает руками)*

Олсе. Смотри, у нас с тобой по ордену.

Сергей. А нечего было кусаться. *(Возня, смех)*

Олсе. Как цыганка?! *(С акцентом)* «Любить не будешь, помнить будешь!»

Сергей. Олсе, ты кого хочешь?

Олсе *(мечтательно)*. Мальчика. Кареглазого, в матроске и чтобы улыбка, как у тебя на детских фото.

Сергей. А я – девочку. Сероглазую. Как ты! Буду её на руках носить, а она меня «папичкой» звать... Стеснялся спросить. А что значит твоё имя?

Олсе. Милое домашнее прозвище. Так я подписывала рисунки в детстве. ...Кстати, дорогой, как ты относишься к акмеизму?

Сергей. Кххх... чему?

Олсе. Ха! К акмеизму. «Акме» в переводе с древнегреческого – цветущая вершина. Поэты того направления...

Сергей. Подожди, сейчас запишу... Не понял, а что здесь делает Красная Шапочка? Ей спать не пора?

Олсе *(тоненьким голоском)*. Я бабушке пирожки принесла!

Сергей. А это не бабушка, это – Серый Волк.

Олсе. О, ужас! И что тебе надо?

Сергей. Р-р-р, ням-ням! *(Смех, возня)*

Олсе. Неправда, я знаю, что ты хочешь. Но, во-первых, у меня после *этого* голова кружится...

Сергей. Мадам, же не манж па сиз жюр...

Олсе *(срубым голосом)*. Барин, а ты меня в Париж возьмешь?

Сергей *(обескуражено)*. Подожди, запугала... Я Волк, или Барин?

Олсе *(страшным шёпотом)*. Это одно и то же.

Сергей. А ты кто?

Олсе. Барышня-крестьянка я, – вапа на век!.. А именные на меня отпишешь?

Сергей *(входя в роль)*. Вот велю выпороть на конюшне – будет тебе именные!

Олсе *(мечтательно)*. Ах, как это должно быть сладко...

Сергей. А куда делась Красная Шапочка?

Олсе *(по секрету)*. От охотников прячется.

Сергей. К чёрту охотников... Мизансцена такая: барин встречает Красную Шапочку после долгой разлуки. «Милая»!..

Олсе *(голосом Красной Шапочки, рассержено)*. Серый Волк тебе «милая»! Мои пирожки слопал, а как в Париж – так с другой!

Сергей *(искренне)*. Да я в первый раз её вижу!

Олсе *(мстительно)*. И – в последний!

На экране – мультишные тени Красной Шапочки и Барина.

К.Ш. Негодяй, изменщик! Вызываю тебя на дуэль! Выбирай оружие!

Б. Дерёмся на сковородках, до первой шишки! К барьеру!

К.Ш. До сотрясения мозга. Скорее я съем свою красную шапку, чем тебя кому-нибудь уступлю!

Б. Приятного аппетита, по-этес-са!

К.Ш. То же мне, ху-дожник! *(Фехтуют сковородками. «Обрыв пленки»)*

Сергей и Олсе хохочут, бросаются друг другу в объятия. Затемнение.

На экране – восход солнца. Фоном – соответствующая музыка. Олсе сидит в позе лотоса, подставив солнцу обнажённую грудь, медитирует. Сергей бросает в воду камушки.

Сергей *(нароচিতо торжественно, в зал)*. Вот и конец пути. Здесь коса уходит под воду, но ещё долго угадывается среди накапывающих на отмель волн...

Музыка пробуксовывает и обрывается.

На экране – больничная палата. На кровати – Сергей (без сознания, крупным планом). Рядом хлопочет медбрат (ставит, измеряет, записывает).

Сергей и Олсе растеряно смотрят на экран, потом друг на друга.

Олсе *(прикрывает грудь)*. Ты видишь то же, что и я?

Сергей. Аномальное атмосферное явление. Такое иногда случается!

Олсе. А лицо его разглядел?

Сергей *(неуверенно)*. В смысле, парень на меня смахивает? Подумаешь! Я за галлюцинации не отвечаю! *(Задумывается)* Или отвечаю? Уж слишком всё гладко, не находишь? Возможно, я в бреде, и мне это

(разводит руками) только мерещится. Ты, кстати, тоже. *(С горечью)* И уже ничего не будет – ни картин, ни детей, ни будущего...

Олсе *(смеётся)*. Не занудствуй! Может, это ты мне снишься, а весь этот мир – в моём воображении?

Сергей. Сравним воспоминания. Помнишь, как познакомились?

Олсе. Ещё бы! На квартирнике у тебя в мастерской влезла рукавом в краску. Ты оттирал меня скипидаром и ст-р-ррашно молчал. А теперь ты отвечай – с кем мы пили за любовь и удачу, спустившись с твоей ветхой крыши?

Сергей *(серьёзно)*. С Пушкиным! *(Смеётся)* С двор-ни-ка-ми! А ты помнишь?..

Олсе. А помнишь?..

Перебивая друг друга, уходят.

Картина 5

На экране – больничная палата. На сцене – койка, на ней Сергей под капельницей. На соседней кровати полулежит Жуков. Сергей приходит в себя, с трудом садится. На служивых – пижамы.

Жуков. Оклемался?

Сергей. Давно я в отключке?

Жуков *(кашляет)*. Ещё с ночи.

Сергей. Послушай, Жуков, мне такое привиделось...

Жуков. Не томи, кружка медная!

Сергей *(слабым голосом)*. Будто иду я берегом моря, а рядом женщина...

Жуков *(с интересом)*. Ну, ну, дальше!

Сергей. Моя женщина, понимаешь?

Жуков *(завистливо)*. Смотрю, ты время даром не терял.

Сергей. Как мы выбрались? Ничего не помню!

Жуков. Ты свалился в зоне. Ночь, болото, помощи ждать не от кого. И тут из тумана выходит старик – хромой, седой как лунь, невысокого роста. За ним лошадь гнедая идёт, фыркает. Я, как дурак, с открытым ртом стою...

Сергей хватается за грудь, кашляет, теряет сознание, заваливается на бок.

Жуков. Врача, врача! *(Появляется медбрат)*

Медбрат *(проверяет пульс, укладывает, делает укол, бурчит)*. Где черти вас только носят?

Жуков *(хмуро)*. Там чертей нет – все давно околели.

Затемнение.

На экране – солнце, море, небо. Фоном – морской прибой. Молодые люди в центре сцены.

Олсе *(встревоженно)*. Думала, ты утонул, едва не сошла с ума! *(Сергей протягивает букетик полевых цветов. Олсе, робяя)* Любишь, что ли?

Сергей. Аж пяткам щекотно.

Олсе *(ласково)*. Дура-а-ак. *(Кладёт голову на грудь Сергею, обнимает, закрывает глаза)*

На экране – больничная палата.

Возле койки лейтенанта – Жуков, медбрат и старуха из зоны.

Медбрат *(печально)*. Отходит, горемычный.

Жуков *(горячо)*. Держись, командир!

Медбрат *(вздыхает)*. Не судьба, значит!

Старуха *(причитает)*. Боже ж мий, боже ж мий, шо ж це буде?

Слышен тихий, протяжный колокольный звон.

Олсе *(прислушиваясь, не открывая глаз)*. Что это, Серёженька?

Сергей *(оборачивается к зрителям, улыбается)*. Показалось!

Песенка Оле.

Утрюмый мальчишка в курсантских погонах
Унёс моё сердце, сжимая в ладонях.
Высокий и сильный, упрямый и страстный,
Он им забавлялся, как яблоком красным:
Подкинет повыше, и снова поймает,
И в пальцах до боли, до стога сжимает.
О, сколько на свете печали и снега,
О, сколько в душе моей тёплого света...

С тех пор и живу я одним ожиданьем,
Когда же судьба нам подарит свиданье,
Когда за всю муку зимы неоглядной
Мне сердце своё принесет он в награду.
Задышит во мне, засмеётся, как в детстве,
Мальчишки горячее, гордое сердце!
О, сколько на свете печали и снега,
О, сколько в душе моей тёплого света.

«ФОНОГРАФ»

КИРА САПГИР

ШТУРМ БАСТИЛИИ ИЛИ МОЗАИКА СТРАННОСТЕЙ

Часто на протяжении истории человечества если бы не миф, сложенный вокруг того или иного события, о нём, быть может, давно бы забыли. Так обстояло дело и с одним из самых известных событий новейшей истории под названием «штурм Бастилии», свершившимся 14 июля 1789 года.

По легенде, штурм этот и стал запалом Великой французской революции, которая, как пишется в справочниках, «завершила эпоху деспотизма и возвестила людям Свободу, Равенство, Братство». Начиная с 1880 года день взятия Бастилии объявлен национальным праздником. С тех самых пор, празднуя годовщину падения «цитадели деспотизма», 14 июля традиционно проходят парады военной техники, а сам господин президент Французской Республики, чей кортеж торжественно движется по Елисейским полям от Площади Согласия к Площади Звезды, приветствует и поздравляет сограждан. Затем глава Французского государства принимает поздравления от глав других государств, даёт бал и праздничный банкет в Елисейском дворце.

А вечером лопаются звёзды фейерверков не только в Париже, но и по всей Франции. В каждом, даже самом малом городишке или деревеньке проводятся торжественные мероприятия – минуты памяти, ярмарки, парады, из динамиков звучит праздничная патриотическая музыка и, конечно, «Марсельеза». Повсюду реют трёхцветные флаги, городские улицы украшены гирляндами и транспарантами с лозунгом VIVE LA FRANCE!

А веселее всего на знаменитых «балах пожарников». Поскольку именно в пожарных депо идут танцы до упаду под духовой оркестр. А в эпицентре всего – всемирно известная парижская площадь, где до 1789 года высилась знаменитая на весь мир тюремная крепость.

Главы из учебников, рассказывающие об этом судьбоносном для всего человечества событии, из года в год старательно заучивают школьники всего мира. И на страницах всех этих учебников красуется неизменная репродукция, где восставшие санкюлоты картинно рушат ненавистную цитадель и освобождают сотни (sic!) заключённых, томившихся в темнице.

Однако в реальности взятие Бастилии – история, мягко выражаясь, неоднозначная. Начать с того, что фактически французский национальный праздник – это праздник Федерации (Fête de la Fédération), окончательно объединивший французский народ 14 июля 1790 года – в годовщину штурма. На Марсовом поле тогда собрались представители французских провинций, которые отпраздновали объединение нации. Лафайет, герой Войны за независимость Соединённых Штатов Америки, дал в тот день торжественную клятву от имени федератов объединить всех французов. Далее король поклялся соблюдать конституцию,

---

Кира Александровна Сапгир (урождённая Гуревич, 1937-2022) – прозаик, поэт, переводчик, журналист. Жена поэта Генриха Сапгира, племянница журналиста С.Д. Гуревича (гражданского мужа Ариадны Эфрон, дочери М. Цветаевой). Сотрудничала с газетой «Русская мысль» и с французскими периодическими изданиями. Автор книг «Ткань лжи» (роман-репортаж, Москва, 2000), «Дисси-блюз» (Санкт-Петербург, 2003), «Оставь меня в покое» (Санкт-Петербург, 2003), «Быки и улитки» (Санкт-Петербург, 2007), «Париж, которого не знают парижане» (Санкт-Петербург, 2012), «Мешок тру-ля-ля» (стихи для детей, Санкт-Петербург, 2013), «Париж – мир чудесный и особый» (Санкт-Петербург, 2014), «Двор чудес» (Москва, 2017).

принятую Национальным Собранием. Договор был поддержан единодушно. И будь сегодня уже возможны путешествия во времени, много бы отдала я, чтобы воочию увидеть Талейрана в рясе и при полном епископском параде, благословляющего «Праздник Федерации»!

Но раз уж именно взятие Бастилии заработало статус общепольского праздника, неплохо всё же узнать подлинную историю этого события. Ведь она, история, хотя и движется по проложенной колее в заданном направлении, грузится однако на запасных путях...

ТЮРЬМА КОРОЛЕЙ

Бастилия, крепость в предместье Сен-Антуан на западе столицы, сначала была составной частью фортификаций, возведённых в XIV веке для защиты Парижа от англичан. Фундамент её был заложен в 1370 году, примерно в середине Столетней войны. Сначала построили две башни, соединённые между собой стенами, которые, в свою очередь, связывали их и с уже имевшимися там укреплениями. Позднее добавили ещё две башни, а в 1383 году Карл IV велел к ним пристроить ещё четыре. Теперь башен в крепости было уже восемь, их соединяли высокие стены, окаймлявшие просторный внутренний двор. Высота стен крепости составляла примерно 23 м. Владевший этой крепостью владел Францией. Увы, в 1418 году, во время Столетней войны, Бастилию захватили англичане и удерживали 18 лет.

В государственную тюрьму Бастилия была официально превращена кардиналом Ришелье к середине 1620-х, хотя первые узники появились там уже при Карле VI (1380-1422).

ТЮРЕМНАЯ «ДОЛЬЧЕ ВИТА»

Стоит объяснить такую деталь тогдашнего французского судопроизводства. Простолудинов за преступления могли осудить, приговорить к наказанию плетью, колесовать, повесить, отправить на галеры, — но аристократ всему этому не подвергался. Зато сына знатных родителей за беспутный образ жизни, транжирство и пр. могли заточить в крепость без суда и следствия — по просьбе семьи. Для этого король выдавал *lettre de cachet* (письмо с королевской печатью) — изобретение генерал-лейтенанта полиции М.Р.д'Аржансона в годы правления Короля Солнце. Таким письмом по просьбе родичей упрятывали в Бастилию без суда, следствия и объяснения причин непутёвого отпрыска — от греха подальше. А там его содержали в царских условиях! В камере, где «томился» заключённый, на кровати были простыни голландского полотна, топился камин, подавались изысканные яства. Заключённые имели слуг и ходили друг к другу в гости. Да что там — «несчастному» предоставляли даже весёлых девиц, которых беспрепятственно водили в камеру. Мало того: из кармана государства знатым сидельцам выдавались... карманные деньги! Принцу крови выплачивалось 50 ливров в день, маршалу — 36, а уж кардиналу Де Рогану, угодившему в кутузку за пресловутую «историю с ожерельем», платили в день аж... по 120 ливров!

Короче, в «мрачной темнице» заключённый как сыр в масле катался. И, бывало, просил продлить свой срок наказания, дабы «во мраке заточения» скопить некоторую сумму денег, и тюремное начальство шло ему навстречу...

Бастилия предназначалась не только для непутевых барчат, но и для заговорщиков, либо авторов памфлетов против кого-то из высших эшелонов власти. Среди «жертв» комфортабельного узилища в разное время были маршал Жиль де Рэ, герцоги де Гизы. В числе VIP-зэка был и Вольтер — и, само собой, *жутко та-ин-стен-ная* Железная Маска!

Незадолго до «незабываемого 89-го» попал в Бастилию и маркиз де Сад, которого не оказалось среди освобождённых 14 июля по чистой случайности. Дело в том, что 4 июля 1789 года буйного маркиза решили перевести в Шарантон — дурдом тюремного типа — за то, что тот стащил где-то переговорную трубу, выбрался на кровлю и обрушил на коменданта Делонэ поток площадной брани. Так вот и не удалось маркизу де Саду продефилировать в триумфальном шествии вечером 14 июля 1789 года плечом к плечу с освобождёнными «жертвами деспотии», общим числом в семь человек... А вот каннибалу графу де Лоржу это удалось — но обо всём этом чуть позже.

С годами Бастилия стала принимать «постояльцев» менее знатных, и ежедневные субсидии соответственно снижались до 2,5 ливров. Тем не менее её содержание существенно расширяло брешь в без того дырявом государственном кошельке. Расходы на Бастилию были такой значительной обузой для казны, что суперинтендант (государственный контролёр финансов) Жак Неккер (1732-1804) решил в целях экономии тюрьму упразднить, а крепость снести.

Ж. Неккер опередила Французская революция. А при этом пороховой искрой стало именно увольнение суперинтенданта. Неккеру тогда удалось сколотить коалицию в Национальном собрании, образованном 9 июля 1789 года, и поставить Людовика XVI в такие условия, что тот вынужден был отказаться от абсолютной монархии и открыть путь монархии конституционной. После чего в глазах черни барон Неккер выглядел реформатором, гарантом конституционных свобод.

С 11 июля люди из окружения суперинтенданта начали распространять слухи о концентрации королевских войск под Парижем. Сам Неккер скрылся в одном из пригородов столицы и оттуда призывал к восстанию. Атмосфера накалялась. Полиция и армия начали переходить на сторону бунтовщиков.

12 июля 1789 года Камилл Демулен произносит в Пале-Рояле свою знаменитую речь, обличающую политику Людовика XVI, предупреждает патриотов о грозящей отечеству опасности и призывает парижан к оружию. Затем, 13 июля, разграблены Арсенал и столичная ратуша (Hôtel de Ville). И вот наступает роковое 14-е июля. В это утро около десяти часов депутатская комиссия во главе с выборщиком Тюрио де ла Росье входит в «неприступную» Бастилию для переговоров с комендантом, маркизом Делонэ, от которого потребовали сдачу гарнизонных пушек.

Этот маркиз слыл одним из самых миролюбивых и любезных людей во Франции. Членов комиссии он принял незамедлительно. Однако пушек бунтовщикам не отдал, хотя и приказал откатить их от бойниц – «дабы не волновать массы». А тем временем черни, которая собралась возле Бастилии, становится скучно. Толпа угрожает, размахивает топорами, жердями, самодельными пиками. А к тому же людей подогревают снующие там и сям провокаторы. В конце концов, вооружившись чем попало, взбодраженная толпа бросается к крепости, чтобы «освободить жертв тирании» – а на самом деле, по мысли главарей, захватить провиант и боеприпасы.

ЗА ПРЕДЕЛАМИ БАСТИЛИИ

Бастилию охраняли 30 швейцарских гвардейцев и 95 ветеранов-инвалидов. Её служебные помещения – казармы, дом коменданта, кордегардия, кухни, конюшни и каретные сараи располагались вне территории крепости. Все эти здания были захвачены и сожжены вопреки здравому смыслу. И только тогда со стороны гарнизона наконец выстрелили из пушки – дали один-единственный выстрел. Затем послышалась ружейная стрельба. Нападающие вновь отступили.

Когда члены ревкома снарядили двух гонцов в Версаль, командование на себя взял человек из толпы – швейцарец Юлен тридцати одного года, управляющий прачечной в Ла-Бришш близ Сен-Дени. С Неккером он был знаком лично, был его восторженным почитателем. Впоследствии Юлен стал полковником, в 1806 году во время наполеоновских войн был комендантом Берлина. Но в тот час для него всё только начиналось...

И тут маркиз Делонэ решил взорвать вверенную ему крепость. Но когда он с зажжённым фитилём в руках спускался в пороховой погреб, двое унтер-офицеров бросились на него и отняли фитиль. Комендант распорядился сдаться и вывесить белый флаг. Толпа ворвалась в крепость и Делонэ был растерзан.

А спустя без малого 180 лет, 13 августа 1968 года, его потомок – поэт-диссидент Вадим Делонэ (1947-1983) «брал приступом» Красную площадь, протестуя против ввода в Чехословакию советских войск, за что был отправлен в лагерь. Но окончил он свои дни в Париже, эмигрировав в 1975-м. Там он жил неподалёку от площади Бастилии, на бульваре Ришар Ленуар.

ПАЛУА – ВЕЛИКИЙ КОМБИНАТОР

После падения крепости было официально постановлено Бастилию снести, и подрядчик Палуа приступил к работам. Гениальный тип был подрядчик Палуа! Именно он подал идею о строительстве из крепостных блоков моста Революции, а ныне моста Согласия. А каменные осколки тот же Палуа пустил на сувенирные мини-Бастилии (как при разрушении Берлинской стены 200 лет спустя...). Но самое главное то, что Палуа принадлежит великая идея: превратить место, где стояла Бастилия, в огромный танцпол под открытым небом, поставив посредине табличку: «Здесь танцуют и всё будет хорошо» (ici l'on danse, ah ça ira, ah ça ira!).

БАСТИЛИЯ – РОДИНА СЛОНА

На снос Бастилии ушло три года – с 1789 по 1791-й. Но – «свято место пусто не бывает». И в 1808 году Наполеон поручает архитектору Алавану создать на месте сем гигантский фонтан в виде слона (l'éléphant de la Bastille), чтобы увековечить свои победы в Египте. На фонтан должна была пойти бронза перелитых трофейных пушек. Однако слону не довелось забронзоветь. В 1813 г. на постамент был поставлен макет из дерева и гипса, да так там и остался. Зато гипсовый слон вошёл в литературу благодаря Виктору Гюго, который поселил в его чрево беспризорного отчаянного мальчишку Гавроша. А когда слона наконец снесли, оказалось, что его чрево облюбовали полчища крыс.

ИЮЛЬСКАЯ КОЛОННА

Единственный монумент на площади Бастилии сегодня – 52-метровая Июльская колонна, воздвигнутая в память о «трёх днях славы» (27 июля – 29 июля 1830 г.) во время Июльской революции. Открытие состоялось в 1840 г. Верх колонны украшает позолоченная статуэтка крылатого «Гения Свободы». Закон же о признании дня взятия Бастилии национальным праздником Франции был принят 6 июля 1880 года.

В наши дни всенародного праздника в стране правит бал новоизбранный французский президент-социалист Франсуа Олланд. Стоит напомнить, что в час победы Олланд общался с народом именно на площади Бастилии – за что, между прочим, заслужил немало нареканий: ведь над ликующей толпой тогда реяли не только трёхцветные штандарты, но и самые разномастные – вплоть до радужных!

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

...Почему революция пожирает своих детей? Оттого, что старые формы правления (как это отмечали ещё Макиавелли и Токвиль) опирались на традицию, когда король – помазанник и тем самым легитимен изначально.

Но Людовик XVI утратил легитимность, когда попытался бежать в Австрию к врагу – австрийскому императору. Виной тому феодальный менталитет несчастного французского суверена, для которого австрийский император был прежде всего кузеном.

В процессе революции уже новые правители, в частности, Робеспьер, приобретали новую легитимность путём «волеизъявления народа» – а на самом деле черни и беснующихся фурий – «вязальщиц Робеспьера». При этом «слугам народа» надо было постоянно доказывать свою легитимность – и чтобы удержаться на плаву, объявлять предшественников предателями. Робеспьер обезглавил «умеренного» (относительно, конечно) Дантона. А затем и сам «Непокупный» очутился на плахе под лезвием «ноу-хау» доброго доктора Гильотена. Основным аргументом для нью-легитимности стала «защита от иностранного вмешательства», когда выбрасывался лозунг «Отчество в опасности!». Тот же метод легитимизации впоследствии унаследовали большевики, утверждавшие, что борются против Антанты.

«КАМЕРА-ОБСКУРА»

КОНСТАНТИН КЕДРОВ

И.В. ГЁТЕ: «ФАУСТ»

Из книги «На дружеской ноге»

Многие с удивлением узнают, что «Фауст» является трагедией – драматическим произведением для чтения, а не для постановки. Когда задаешься вопросом, в чём, собственно, заключается эта трагедийность, возникает другой вопрос: почему произведение называется «Фауст», а не «Маргарита», ведь именно Маргарита оказывается в тюрьме. Её брат убит, мать умирает, а сама девушка остаётся с мёртвым младенцем на груди. Однако драма называется «Фауст». Более того, название не менее загадочно, чем «Отелло». Когда тот зарезал (а не задушил) Дездемону, девушка продолжает монологи, причём очень важные. Отсюда возникла версия, что Отелло её задушил.

Есть тайны, которые так и остаются неразгаданными. Понятно, что Гёте, как и любой поэт, пишет о себе. Поэтому трагедию Маргариты автор переживает как свою. «Фауст» – не просто горечь. Гёте – типичный Фауст: его жизнь целиком и полностью посвящена познанию. Знания для Гёте – главная радость жизни и смысл существования. Однако познание в его случае не относится к накоплению информации. Познание для Гёте, прежде всего, понимание замысла Творца. Возможно, это очень дерзкий проект, но в своё время он охватил всю Европу и в равной степени был свойственен Германии, России, Франции и Британской империи. Вся интеллигенция увлеклась масонским проектом – познать замысел Творца, Главного Архитектора.

О масонстве принято судить по двум крайностям. Первая включает в себя взгляд Екатерины Второй, воспитанной в рациональных традициях Просвещения. Масонство она называла «колобродством». До сих пор это самый распространенный взгляд девяноста процентов людей. Лев Николаевич Толстой одно время очень интересовался масонством. В романе «Война и мир» он вводит Пьера Безухова в масонские тайны, но позже оказывается, что это вовсе не тайны, и герой разочаровывается. Однако, несмотря на это, Безухов продолжает пользоваться масонскими символами: кодирует своё имя в цифры. Из полученного сообщения Пьер узнает, что должен убить Наполеона. Согласно советскому литературоведению, Пьер Безухов освободился от масонства, однако в действительности свои вычисления он всё равно продолжает.

Роман Пушкина «Евгений Онегин» полон математических выкладок и построений, как, например, знаменитая «онегинская строфа». Сальери и сальеризм – нечто, идущее от ума, не имеющее к сердцу никакого отношения. Но сальеризм также является и движением по расшифровке тайн мироздания. Кстати, Сальери был великим педагогом, оказавшим огромное влияние на Моцарта и Бетховена. Я не исключаю версии, что он мог стать отравителем Моцарта. Мы же были свидетелями того, как в Большом театре облили артиста то ли кислотой, то ли ещё чем. К сожалению, художники, музыканты и артисты – тоже люди...

На склоне дней своих Сальери признался в отравлении. Мне кажется это убедительным. Я разделяю точку зрения Пушкина и верю, что Сальери – человек, освидавший Моцарта на концерте, – вполне мог его убить.

В этом смысле Гёте был масоном в N-ной степени. К «Фаусту» ведут его романы «Молодые годы Вильгельма Мейстера» и «Годы обучения Вильгельма Мейстера». Мейстер обучается познанию Вселенной и Мироздания. Он поднимается на винтовую башню и общается с великой Макарией. Обратите внимание, что именно женщина открывает тайны Мироздания. Макария видела и знала расположение планет.

Она никогда не изучала астрономию, а просто обладала особым видением. Гёте подробнейшим образом описывает этот документальный факт.

Стремление героя к познанию мира не случайно связано со стремлением познать тайну любви. Фауст – профессор преклонных лет. Средняя продолжительность жизни в то время составляла 40-45 лет, но люди преклонного возраста тоже встречались, например, Гёте или Жуковский. Фауст находится именно в том возрасте, когда обычно «уходили», и чувствовал себя соответственно. Неожиданно профессор обратился к тому, что было ему недоступно. Этот момент в драме не автобиографичен, поскольку сам Гёте влюблялся, как и все юноши того времени.

Влияние писателя было огромным. После романа «Страдания юного Вертера» молодые люди начали стреляться. Возникает странный парадокс: масон – человек, устремлённый к рациональному познанию, написал очень чувственную вещь. Гёте так правдоподобно передал юношеские страдания молодого человека, который кончает с собой из-за любви, что Европу захлестнула волна самоубийств на любовной почве. Так что нельзя сказать, что у Гёте и Фауста было абсолютное сходство.

Фауст посвятил себя познанию – богословию, философии, астрологии, астрономии, т.е. всем наукам, которые в то время существовали. Фауст, которого мы наблюдаем вначале, это Ньютон. Многие считают Ньютона великим физиком. Безусловно, это так, но себя он воспринимал как великого тайновидца. Ньютон считал физику всего лишь приложением к своим астрологическим трактатам – «Предсказанию будущего» и «Апокалипсису». Там множество цифр, и даже я, не очень склонный к математическим вычислениям, расшифровал в «Апокалипсисе»: «Имя его 666». Почему именно эта цифра? Дело в том, что в шумерском летосчислении была не десятичная, а шестеричная система. Число 666 всё равно, что наша тысяча – круглое число, символизирующее бесконечность, но не только. По-шумерски 666 звучит как вывернутое наизнанку имя Иисуса. Греческий перевод «антихрист» – уже вульгаризация. Я говорю об этом мимоходом, а Фауст данной теме посвятил всю свою жизнь.

Гёте трудился над «Фаустом» 60 лет: начал его в XVIII веке, а закончил в XIX-м. Это, пожалуй, первый случай в литературе, когда автор написал гениальную масскультурную вещь. Первая часть «Фауста» выглядит как женский роман и понятна любой девушке: несчастная любовь, обман, аборт и т.д. Первую часть читали взахлёб, в независимости от степени образованности читателя. Это была массовая литература, которая принесла Гёте неслыханную популярность. Автора подобная известность раздражала, поскольку он вкладывал в произведение глубочайшие богословские, религиозные, мистические и тайновидческие прозрения, а читатели восприняли произведение как развлекательную литературу.

Приведу одно высказывание. Возможно, оно не совсем верное, спорное, но очень остроумное. Юрий Петрович Любимов дружил в Николаем Эрмманом. Он говорил: «Эрмман всё время меня спрашивал, какая часть „Фауста“ наиболее сильная – первая или вторая?». Юрий Петрович в молодости не отличался книжничеством. Жизнь его складывалась так, что над книгами сидеть ему не приходилось. Во-первых, он – актёр, красавец, с цыганскими генами и темпераментом. Во-вторых, он пошёл сначала в армию, потом на фронт, на Финскую войну, получил ранение колючей проволокой в живот. Так вот, Юрий Любимов так ответил Эрмману, испуганно посмотрев на него: «Я думаю, что наиболее сильная часть „Фауста“ первая». Любимов опасался, что Эрмман уличит его в непонимании философских глубин. А Эрмман продолжил допытываться: «Правильно, а почему?». И тогда Юрий Петрович честно сказал, что затрудняется ответить. «Потому что, когда Гёте писал первую часть, – сказал Эрмман, – он ещё не знал, что он гений. А когда в последующие годы Гёте создавал вторую часть, он уже знал, что гений, и каждое его слово будут изучать».

Я недостаточно хорошо знаю систему образования в Германии, но если верить высказываниям моих немецких друзей, то школьники «Фауста» там изучают. Дело в том, что прочитавшему это произведение уже не нужно изучать античную философию – в «Фаусте» всё есть. Более того, Фауст и Мефистофель ведут с философами настоящие диспуты, беседы и философские споры. Беседуя со сфинксами, они узнают суждения, взгляд на вещи и точку зрения каждого из них. Таким образом, в трагедии собирается интересная компания: философы, сфинксы, мудрецы, боги и, конечно, ведьмы. Встречается даже полуведьма, которая никак не может взлететь на своей метле и жалуется на судьбу.

В разговорах участвуют даже насекомые – червячки и кузнечики. Видимо, Хлебников свои великие вещи написал под большим влиянием Гёте. У него тоже разговаривают все: травы, птицы, деревья и листва. Идея о существовании единого мирового языка всего сущего принадлежит не только Гумбольдту, филологу, языковеду и географу. Эта догадка в наибольшей степени выражена у Гёте в «Фаусте», где и камни разговаривают, и даже падающая звезда жалуется, что угодила в траву. Эта вещь могла быть поставлена как абсурдная драма в духе Хармса или Введенского, в хлебниковском стиле, в пантеистическом, мистическом и космологическом. «Фауста» можно ставить как угодно, потому что произведение это гениально.

Когда Гёте написал вторую часть, то остался таким же гением, каким был при создании первой части. Однако в первой части автору важно было выразить свои чувства, а во второй – осмыслить. В первой части Гёте понял и почувствовал, что самое главное в мире – любовь, тайну которой мужчине открывает женщина. За подобную мысль на автора обрушились теософы и богословы. Согласно их мнению, не-

обходимо обращаться к святым трактатам или праведникам, которые откроют истину, а Гёте утверждает, что нужно идти к любимой девушке.

Фауст в первой части – человек, который узнал всё: трагедию, жизнь, смерть и смысл жизни. Однако всё это он узнал на человеческом уровне. Фауст – учёный. Для чего он столько учился и дожил до преклонных лет? Теперь герой должен осмыслить все знания и рассказать другим. Вся вторая часть «Фауста» посвящена познанию.

Познание – сюжет библейский. Павел Флоренский, учитель Алексея Федоровича Лосева, говорил: «Нет заповеди, запрещающей познание, но я подозреваю, что такая заповедь существует». Сам Флоренский, кстати, всю жизнь занимался познанием, результатами которого стали «Столп и утверждение истины», «Мнимости в геометрии» (сверхгениальная книга, за которую его расстреляли), но тем не менее он считал познание соблазном.

У Гёте таких сомнений нет. Он считает познание человеческим долгом. Это масонский символ веры и масонская религия, из которой выросла вся современная наука. Мы очень недооцениваем масонство, воспринимая его с точки зрения политики и тайного общества. На самом деле, всё это на поверхности. Однако, рассматривая масонство в роли культурно-исторического движения, можно заметить, что фактически вся современная наука – великая математика и великая физика – выросла из размышлений масонов об архитектуре мироздания. Они начали с пирамид, считая, что в них зашифрованы космические познания: не только число «пи», но и соотношения планет и многие космические законы. Масоны пытались понять замысел Великого Архитектора.

Гёте пережил испытание славой и властью, поскольку был премьер-министром. Часть Европы, которую мы сегодня воспринимаем как Германию, раньше была наполнена множеством разных княжеств, которые время от времени воевали друг с другом. К счастью, премьер-министр мог утром быстро обойти всё своё государство и навести порядок. Будучи премьер-министром, Гёте каждый день начинал следующим образом: просил починить мост, залатать крышу у вдовы, собрать яблоки. Обойдя всё княжество, навести порядок было очень просто.

Вдруг на этот уютный и замечательный мир, действующий с немецкой точностью и порядком, обрушился кошмар Великой Французской революции. Извержение вулкана или землетрясение – это хорошо или плохо? Да, эти явления всё разрушают, но после вулкана на пепле вырастают сады. Короче говоря, Французская революция стала своеобразным землетрясением или извержением вулкана. С одной стороны, она всё разрушила, а с другой, принесла удивительную вещь – Декларацию прав человека и гражданина.

Понять произведения европейской литературы XVIII и XIX веков без Декларации прав человека просто невозможно. Дело в том, что ни в Ветхом Завете, ни в Новом Завете нет понятия «права человека». Первым это понятие сформулировал Руссо: «Человек рождается на свет с данными ему Богом неотъемлемыми правами». К сожалению, в нашей стране подобное тяжело внедряемо и не входит в плоть и кровь.

Понятие о правах человека вошло в сознание европейской интеллигенции, поскольку оно вышло из него. Говоря «европейское», я имею в виду определенный европейский блок культурно-исторического этноса. Для них права человека стали чем-то обыденным. Поэтому после смерти Гёте странно было обнаружить пролог к «Фаусту», в котором Бог спорит с дьяволом.

Отождествление Мефистофеля с дьяволом – основная масскультурная ошибка. Понимаю, что бороться с подобными заблуждениями невозможно – однажды возникнув в сознании масс, они там и останутся, но в нашей просвещённой аудитории можно внести некоторые уточнения.

Бог ведёт философский диспут с Мефистофелем. Но кто он такой? Да, у него есть копыта, и как бы он их ни маскировал, в трагедии постоянно подчеркивается их наличие. Особенно копыта становятся заметны, когда Мефистофель, ухаживая за дамой, наступает ей на ногу. Он постоянно ведёт эротическую любовную игру. Больше всего Мефистофель напоминает Джокера. Он – игрец. На Воланда Мефистофель совсем не похож. Воланд – моралист и немного зануда, но тоже не дьявол, а кто-то из духов. Игровое начало присутствует в его свите. Что касается Мефистофеля, он сам обладает игровым началом: всегда играет и увлечён. Вместе с Фаустом он пускается в приключения. Для Мефистофеля – это увлекательная игра, которая началась, когда он поставил на душу Фауста во время разговора с Богом. Безусловно, выдвинуть Всевышнего действующим лицом – неслыханная дерзость. Для католиков и протестантов появление в произведении Бога наравне с Мефистофелем было несколько странно.

Разговор Бога и Мефистофеля не спор, а светский разговор, утончённая беседа. Они рассуждают о свойстве человека. Мефистофель склонен верить, что человек – ненадёжная субстанция. Тогда Бог обращает его внимание на Фауста, на что Мефистофель отвечает: учёный тоже подвержен человеческим слабостям. Бог предложил ему поспорить, и они заключили пари.

Я понимаю, почему Гёте не публиковал это при жизни. Его бы просто растерзали за оскорбление чувств верующих.

Был ли Гёте верующим? Масонство – сложное движение, в которое входили атеисты, благочестивые религиозные люди и упёртые фанатики. Но если говорить о Гёте, он являлся сторонником мировой религии, вне религиозных конфессий. Это не значит, что он был настроен враждебно по отношению

к религии. По мнению Гёте, Творец и Его тайна существуют. Кроме того, он считал, что главная заповедь – «Возлюби ближнего своего, как самого себя» заключает в себе все законы. Что касается любви, Гёте понимал её в более человеческом плане и не разделял любовь к женщине и к человеку вообще (любовь – есть любовь). Более того, он обладал личной религией – любовью к женщине, которую воплотил в первой части «Фауста».

В первой части трагедии присутствует фальшь. Фауст от Мефистофеля получает молодость и ухаживает за Маргаритой, как молодой человек. Девушка думает, что он молод, а в действительности, Фауст, согласно понятиям того времени – старик. Всё это игра природы, поскольку человек устроен так, что внутри себя сохраняет детство и юность. Внешне он меняется, а внутри может играть в детские игры и влюбляться. Всё это было свойственно автору: он являлся человеком в самом полном смысле этого слова.

Несмотря на то, что в Декларации прав человека и гражданина нет права на любовь, именно она «распечатавала» право на влюблённость, чувство и реабилитацию человеческого чувства, как дара Божьего, который открывает смысл Бытия. Так считал Гёте. Данная идея присутствует во всех произведениях автора, но в «Фаусте» выходит на первый план. Поэтому омоложение героя – всего лишь метафора. Возьмите любого человека преклонного возраста: в душе он остаётся молодым.

Наука по-прежнему очень рациональна, поэтому придумала множество разных вещей: возрастную психологию и прочее. Хорошо, что такие темы изучаются, но того, о чём я сейчас говорю, наука не касается. Гёте был не только гениальным поэтом, но и учёным. Он изучал научные темы на примере своей биографии. Результатом исследований стала первая часть «Фауста».

В дальнейшем автор впервые в истории литературы пишет комментарий к гениальному тексту, который сам написал.

Вторая часть «Фауста» это комментарии – филологические, богословские, философские, исторические и литературоведческие. Поэтому, я понимаю, почему в школах Германии на уроках литературы изучают именно эту трагедию. В ней заключены философия, строение мироздания, религия и вообще всё на свете.

Белинский не очень удачно назвал роман «Евгений Онегин» – «Энциклопедией русской жизни». Название «Энциклопедия жизни» гораздо больше подходит произведению Гёте. Там всё: астрономия, космология, биология, история и политология, которой в произведении отведено огромное место. Я не люблю политику и политологию, но специально заставил себя перечитать многочисленные сцены, где присутствует Император. Сцен действительно очень много: правитель ведёт долгие, нудные политические разговоры с Костилианом, министрами и т.д. Я понимаю, у Императора накопился политический опыт (он раньше был министром), который он стремится выплеснуть.

Император символизирует мирскую власть, а у Гёте нет к ней отношения. У нас неправильно переводят: «Несть бо власть, аще не от Бога». Правильно звучит так: «Нет власти, которая не перед Богом». Иными словами, Бог видит любое злодеяние и на весах всё оценивает.

Образ Императора в трагедии – никакой. Что касается остальных – они живые: Мефистофель, кузнечики, ведьмы, окружающие профессора студенты. Присутствие Императора в произведении незначительно, но тем не менее он занимает огромное место во второй части. Что же он делает? Правитель заявляет, что денег нет, но ему всё равно советуют: кого-то завоевать, что-то добывать, и никто не говорит, что делать. Вдруг к Императору подходит советник и говорит: «А вы вместо золота выпускайте билеты». Здесь свою роль сыграл проект Казановы, который фактически ввёл государственную лотерею и решил финансовые проблемы во Франции.

О Казанове сложилось неверное представление. То были времена энциклопедистов – супер-людей. Казанова был всем – учёным, поэтом и героем-любовником, впервые открывшим европейскому человеку, как ухаживать, как «пробудить» женщину. До этого существовала только страсть. Любви стали учиться, когда появился сентиментализм – направление, с которого начинал Гёте.

«Фауст» – учебник любви, причём очень интересный. Он учит любви как пылкому, нежному и страстному чувству, предостерегая девушек, говорит о том, что всё может закончиться бедой; говорит о заблуждении тех, кто осуждает женщину за незаконную связь. Все эти идеи собраны в произведении, поэтому оно и приобрело сказочную популярность.

Гёте мог ограничиться первой частью, но именно вторая часть трагедии ознаменовала собой рождение движения, которое в России к концу XIX – началу XX века получило название – «символизм». До его появления считалось, что есть некая реальность, а мы своим разумом и чувствами её познаем. Вскоре выяснилось, что никакой реальности, данной нам в ощущениях, не существует: человек сам всё создаёт. Всё, что он назовёт реальностью – становится ею. Мы наблюдаем это на самых разных уровнях. Неслучайно треть книги Ульянова (который Ленин) – «Материализм и эмпириокритицизм» отдана для критики величайшего гения Гельмгольца. Он открыл, что мы вовсе не получаем реальность, когда видим или слышим – мы получаем только её иероглиф, который трактуем по-своему. Например, дальтоники видят зелёный как красный, есть люди, которые вообще не видят цветов, существуют и такие, кто различает сотни тысяч цветовых оттенков. К тому же, когда мы видим картинку вверх ногами, то мысленно переворачиваем её обратно...

Открытия Гельмгольца объясняют, что никакой реальности, данной нам в ощущениях, не существует. А вся философия материализма и позитивизма была основана на идее существования некоей реальности. Гёте этого не разделял. В своей книге о природе он через века спорит с Ньютоном, который утверждал, что цвет существует как длина волны. Гёте прозорливо говорит, что сама по себе длина волны не даёт никакого цвета. Для выявления цвета необходим человеческий глаз и человеческое восприятие этой волны. Благодаря восприятию человека мир становится цветным. Гёте и Ньютон были правы, а если соединить вместе их точки зрения – получится истина.

Во второй части трагедии Гёте не заботится о реальности. Чтобы освободить Маргариту, Фауст отправляется на шабаш ведьм. Там герой летает на метле, танцует шабашный танец, попусту обхаживая с Мефистофелем красивых женщин, которые оказываются ведьмами, а ведьмы – прекрасными женщинами, или устремляется к симпатичной богине, у которой в момент любви изо рта выскакивает красная мышь. Вторая часть «Фауста» – невероятнейшая феерия, наполненная иронией, смехом и карнавалом. Больше всего происходящее напоминает спиритический сеанс, по крайней мере, так это преподносится. В спиритическом сеансе Фауст разыгрывает перед Императором мистерию, которая превращается в реальность, которая, в свою очередь, превращается в мистирию, и вновь возникает спиритический сеанс. На самом деле Фауст немощный старик, который лежит и болеет после переживаний и потрясений с Маргаритой, а всё происходящее – его видения. Но для Гёте они реальнее, чем всё, что происходило у Фауста в жизни. Вот где символизм. Георгий Иванов говорил, что символ существует только тогда, когда он тёмный и многолик.

Перед шабашем появляются фуркиады. Уверен, что далеко не все знают, кто они такие. Фуркиады – три фурии, у которых один глаз на троих. На шабаше они играют огромную роль: превратившись в прекрасных женщин, участвуют в соблазнении Фауста. В конце концов одна из фуркиад снимает маску и оказывается Мефистофелем. Иными словами, вторая часть «Фауста» такая феерия, что так и просится на сцену.

В своё время я уговаривал Любимова поставить «Фауста», и он это сделал. Юрий Петрович, безусловно, гений, но лишён чувства мистического, а без мистики там делать нечего. Вся вторая часть трагедии – чистая мистика и торжество субъективного. Казалось бы, Гёте ученый, палеонтолог, изучал историю, языки и ботанику, но являлся субъективным идеалистом.

Мне было легко читать Гёте, поскольку я тоже субъективный идеалист и не верю в существование какой-либо реальности. Все реальности создаёт сам человек. Не знаю, читал ли Гёте трактаты Беркли, но их, несомненно, читал Свифт, когда писал «Гулливера». Епископ Беркли провозгласил идею о том, что нет кресла, а есть лишь ощущение твёрдости, деревянности, изогнутости – всё вместе это даёт ощущение кресла. У Ульянова (который Ленин) полкниги посвящено критике епископа Беркли. Он обрушивался на Беркли с такой яростью, словно чувствовал могилу материализма.

Такой свободы полёта воображения и фантастической феерии, как во второй части «Фауста», в литературе просто не существует. Путешествие по духовным сферам Фауст предпринял, чтобы освободить Маргариту. Но когда герой приходит в темницу, возлюбленная отказывается идти с ним. Маргарита безумна, а утром её должны казнить. Она говорит о трёх могилах: матери, брата и своей с мёртвым ребёнком на груди. Безумие Маргариты священное: она уже вне всякой реальности. Девушка отказывается идти, и Фауст с Мефистофелем уходят. Раздаётся голос: «Погибла», – а потом звучит голос Бога: «Спасена». В постановке Любимова этого момента нет. Юрий Петрович был верующим и крестился перед каждым бутербродом, но чувство мистического его театру несвойственно. Любимов, конечно, поставил «Фауста», но это не «Фауст» Гёте. Вероятно, на него большое влияние оказало мнение Эрдмана, который считал, что вторая часть – «от лукавого». Такого же мнения придерживалась тёща Александра Блока. Прочитав «Фауста», она сказала: «Господин тайный советник Гёте решил поразить немцев своей учёностью». Так она восприняла философские диалоги и разговоры со сфинксами во второй части трагедии.

Символисты до сих пор препятствуют канонизации Флоренского в качестве святого. Несомненно, рано или поздно он будет канонизирован, хотя бы как мученик-страстотерпец. Владимира Соловьёва можно канонизировать. Но существует одна ересь. Есть Бог-Отец, Бог-Сын и Бог-Дух Святой. Но где же четвёртая ипостась – София? Есть такая икона, София – Премудрость Божья. На ней святая восседает на троне, у подножья которого мы все ютимся. Одна из дам написала Владимиру Соловьёву, что она и есть София – Премудрость Божья. Однажды он встретил её в египетской пустыне. Андрей Белый как-то раз на пирамиде Хеопса за Софию принял Асю Тургенева. Александр Блок относился к своей супруге, как к Софии – Премудрости Божьей. Жену поэта происходящее совершенно не устраивало, она думала, что это игра, но для Блока всё было всерьёз.

Почитайте мемуары Андрея Белого, написанные текстом, там он об этом очень много говорит. Кстати, Андрей Белый был частью любовного треугольника с Менделеевой и Блоком, но в определённый момент смог найти в себе человеческие чувства по отношению к девушке. В конце концов роман вспыхнул не только в небесной, но и в земной плоскости, хотя Белый эти два измерения не разделял, а Блок разделял. Вот такой очень тонкий, возвышенный, нежный, высокий, любовный мистический треугольник.

Всё это исходит из второй части «Фауста». Фауст не может расстаться с Маргаритой, поэтому ищет её в мире вечности. Но кто же она? Елена-Прекрасная. Из-за кого все войны? Из-за чего вся история и кем она движима? Только ей одной. Поэтому Фауст просит Мефистофеля показать ему Елену.

Дальше для меня происходит нечто необъяснимое. Каким-то образом Елена-Прекрасная оказывается при дворе Императора, и Фауст хочет похитить её. Перед этим приводят закованного в цепи юношу, наказанного за то, что он проглядел Прекрасную Елену. Девушка, конечно, заступается за него. Елена остаётся при дворе, но для героя она всё та же Маргарита. Мефистофель не отделяет себя от Фауста. Он играет с ним в игру, участвуя в ней как третье лицо. В игре «Бог, Мефистофель и Фауст» Мефистофель выступает в роли Джокера. Он может быть любой масти и принять любую сторону. Мефистофель – трикстер, но где-то в глубине души он очень симпатизирует Фаусту. Происходит постепенное психологическое переливание: всё больше свойств Фауста переходят к Мефистофелю, а Фауст перенимает всё больше игровых свойств Мефистофеля.

В «Фаусте» множество тонкостей, открывающих широкие возможности для актёрской игры. Трагедия написана для чтения, и я согласен, что поставить её будет нелегко, но, с другой стороны, сегодня ставят шестичасовые постановки, а при царе Алексее Михайловиче разыгрывались драмы, которые длились и по двенадцать часов. Конечно, «Фауста» можно поставить, но где взять таких актёров и режиссёров? Действия в трагедии сопровождают многочисленные хоры эльфов, ведьм, кузнециков и даже травы. «Фауст», прежде всего, потрясающая музыкальная феерия. Понятно, что здесь прослеживается влияние последних мистических вещей Шекспира – «Зимних сказок» и «Бури».

В трагедии всё разворачивается в невероятную по масштабам мистерию. Фауст похищает Елену, а Мефистофель просто в ужасе от этого поступка, потому что герой может погибнуть... Снова коморка Фауста. Вновь лежит умирающий старик, а в это время в лаборатории ученики трудятся над выведением гомункулуса (маленького человечка). Одному из студентов удалось создать его. Вскоре гомункулус начинает разговаривать. «Вы поосторожней со мной, – говорит он, – кристаллический человечек это вам не просто так. Всё, созданное природой, существует только вместе со всей вселенной. Всё, созданное искусственно, должно быть защищено и ограждено».

В советском и европейском литературоведении почему-то большое внимание уделялось строительным планам Фауста. Действительно, архитектурные проекты выглядят несколько неожиданно. Одним из советов, данных Императору, стал план грандиозного строительства, на котором будут задействованы все. Когда Фауст приступает к строительству, Мефистофель рисует перед ним картину мегаполиса XIX века, однако с мегаполисом XX века здесь большой разницы нет: «Я вижу, твой проект увенчается успехом: дома, нагромождённые друг на друга, рынок с гниющим мясом, нечистоты, которые некуда девать».

«Это что, светлое будущее всего человечества? – думает Мефистофель. – Ну ладно, строй». В этот момент, уверенный в том, что строительство началось, слепой Фауст читает монолог «Остановись мгновенье, ты прекрасно...», но на самом деле это просто лемуры копают ему могилу. Так гениальная трагедия предостерегает от упоения строительно-индустриальным прогрессом и от наивных мечтаний о том, что машины, индустрия и полезные ископаемые смогут сделать человека счастливее.

В «Фаусте» есть один эпизод, который, несомненно, произвёл большое впечатление на Гоголя. В образах Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны, любовь которых сохранилась даже спустя тридцать лет, Николай Васильевич воплотил античных героев Филимона и Бавкиду. Когда Фауст рыл строительный канал, то наткнулся на их жилище и, не задумываясь, приказал снести его. Вот такое гениальное прозрение. А потом утонули целые города с церквями, кладбищами и пахотными землями. Причём это происходило не только у нас. В Египте Асуанская плотина утопила древние храмы. Вот такой Гёте – масштабный, мистический, энциклопедичный, сверхмудрый человек и в то же время абсолютный лирик и яростный романтик.

В последней части остаются только философы. Я бы посоветовал изучать «Фауста» во всех вузах и школах, поскольку трагедия стоит всех учебников философии. Философы говорят об обретении смысла жизни, который на самом деле заключён в Прекрасной Елене. Посмотрите, как гениально создана сцена Троянской войны. Идёт бой и среди стариков начинается ропот. Они возмущены, что война идёт из-за какой-то Елены, и требуют вернуть её обратно. В античном мире женщине не принято было появляться публично, только на отдельных общественных мероприятиях. Гетерам разрешалось играть на арфе, услаждая мужские компании, и писать стихи. В остальное время женщины находились на своей половине дома.

Нарушая запрет, Прекрасная Елена появляется публично, и старики, которые совсем недавно роптали, восхищаются её красотой и принимают решение продолжать войну. Видимо, эта сцена вдохновила Гёте на написание финала «Фауста». Постепенно в трагедии отпадает всё житейское. То, что узнал Фауст, невозможно выразить словами. Он познал смысл жизни, нашёл то, к чему стремился, но всё это – великая тайна, которая не может быть озвучена.

Таков конец великого произведения великого мастера.

«ЛИТМУЗЕЙ»

К 130-летию со дня рождения А.И. Цветаевой

ОЛЬГА ВЕЛAVИЧЮТЕ

«А ПОМНИШЬ...?». ОБРАЗ АВТОРА И ПРОШЛОГО В «ВОСПОМИНАНИЯХ» АНАСТАСИИ ЦВЕТАЕВОЙ

«Ася, душечка, браво, браво!.. Каким языком сердца всё это написано...»¹, – писал Борис Пастернак после прочтения «Воспоминаний» Анастасии Цветаевой. Эти замечательные слова как нельзя лучше передают первый восторг читателя, буквально «проглотившего» книгу. Она написана живо и увлекательно и, как сказал Б. Пастернак, «дышит почти восстановленным жаром <тех>дней» (877).

Впервые отрывки из «Воспоминаний» были напечатаны в журнале «Новый мир» в 1966 году. С большими трудностями появилось первое издание книги в 1971 году в издательстве «Советский писатель». И это было вторым рождением писательницы Анастасии Ивановны Цветаевой (после ранних публикаций 1915-1916 гг.).

История выпуска «Воспоминаний» была крайне сложной, что отражено в переписке Анастасии Ивановны с Антокольским. Но известность пришла сразу и надолго. За этим последовало несколько переизданий (1974 года, 1983-го, дополнительный тираж в 1984 и 1995-го года). Пятое издание вышло в 2003 году. Каждое новое издание дополнялось новыми страницами, давно хранившимися в архиве автора, но которые по цензурным соображениям времени не могли быть напечатаны раньше. Бессменный редактор четырех изданий книги, Маэль Исаевна Фейнберг незадолго до смерти в интервью призналась, что эта книга – «замечательная русская проза... Я предрекала „Воспоминаниям“ огромный успех дома и за границей и счастлива, что оказалась права» (878).

Творческий путь Анастасии Ивановны Цветаевой оказался трудным и прерывистым. Дочь талантливых родителей: отец – Иван Владимирович Цветаев, профессор изящных искусств, основатель Музея изобразительных искусств в Москве; мать – Мария Александровна Мейн, одарённая пианистка, в совершенстве владевшая четырьмя языками, одна из самых образованных женщин своего времени. Если от отца Анастасия, как и Марина, унаследовала необыкновенную работоспособность и самодисциплину, то от матери – особое музыкально-тонкое отношение к прошлому, гордость и нежность к жизни настоящей, «вчувствованность развитой, разветвлённо-чуткой души»². Конечно, близость к старшей сестре, Марине, во многом повлияла на Анастасию, меняя, в чём-то подчиняя себе внутренний мир младшей.

Уже с раннего детства Цветаева ведёт дневник, который положит начало её творчеству. В 1915 году в печати появляется её первая книга – «Королевские размышления». Это попытка философского осмысления жизни, сопротивление безнадежности и отчаянию молодости. Познакомившись с рукописью «Королевских размышлений», к двадцатилетней Анастасии Цветаевой приехал известный уже тогда философ Лев Шестов. «Ваша книга не совсем верно названа, – сказал мне тогда Шестов, – это ещё не „Королевские размышления“. Было бы вернее назвать её размышлениями королевского пажа... Вы молоды, вы позднее поймёте мои слова. Я бы хотел, чтобы ваша рукопись стала известна России, и я предлагаю вам письмо моё о ней в любой толстый журнал. Её должны прочесть все!» (585). Но с юношеским пылом Анастасия отказывается от такого предложения, предпочитая войти в литературу самостоятельно. И уже через год, в 1916, появляется её новая книга «Дым, дым и дым...», посвящённая сестре, Марине Цветаевой. В предисловии она пишет: «Выпуская в свет мою вторую книгу, я заранее, объясню, что это – вовсе не мой дневник, как сказали ошибочно про мою первую книгу. То были мои мысли, а это – мои всевозможные чувства...»³. Уже в первых двух книгах ярко выражено эмоционально-внимательное, пристальное взгля-

дывание писательницы в свой внутренний мир. Любая деталь, бытовая или природная, любое слово, услышанное, прочитанное или сказанное, каждая встреча с близкими и незнакомыми, – всё осмысливается, включается в богатый внутренний мир, принимается романтически-увлечённо или уверенно-вдохновенно отклоняется как чуждое и неинтересное. Анастасия Цветаева решает «последние вопросы», атеистически безнадежно и в то же время с весёлой дерзостью смотря на окружающий мир. Особенно во второй книге она часто возвращается к своему детству, буквально боготворя ту атмосферу счастья и радости, которая царилла в доме и на даче до смерти матери. Позже многие страницы из этой книги, а скорее, это страницы дневников, войдут и в текст «Воспоминаний».

Начавшаяся война, гибель от перитонита второго мужа, Маврикия Александровича Минца, в 1917 году и через несколько месяцев в Крыму от дизентерии младшего сына Алексея, разруха, голод, поиски работы, попытки просто выжить и спасти старшего сына Андрея, надолго отвлекли Анастасию Ивановну от творчества. Видимо, в это время она продолжает писать дневники, создаёт удивительные фантастически-бытовые сказки уже в 20-е годы, делает наброски к двум романам, но всё это пропадёт при аресте. Дважды арестованная, побывав в лагерях и ссылке, она сумела не только вернуться в жизнь, но и возобновить литературное творчество. Помимо «Воспоминаний» в последнее время были опубликованы её рассказы, по большей части тоже мемуарного жанра, о её жизни в ссылке («Моя Сибирь»), уникальный роман «Атом», написанный в сталинском лагере на папиросной бумаге, которую писательница передавала через вольнонаёмных на волю, музыкальная повесть «Сказ о звонаре московском» (её, кстати, высоко оценил Шостакович); множество очерков, коротеньких зарисовок из своей нелёгкой, но насыщенной чудесами жизни.

И всё же известна Анастасия Ивановна больше именно как сестра Марины Цветаевой, как автор уникальных воспоминаний о ней, о времени их детства, отрочества и юности. К сожалению, специальных работ, посвященных её творчеству, всё ещё нет. После публикации «Воспоминаний» последовало несколько статей в различных журналах.

В первой же рецензии на книгу Антокольский пишет: «Перед нами удивительная, вдохновенная книга: проза, насыщенная электричеством памяти»⁴. Он отмечает «высокий лиризм» и «реалистически точное исследование души». Сравнивая творчество сестёр, критик отмечает, что «у них обеих одинаково владение ритмом времени музыкального, нерасторжимого со временем историческим».

А вот на различие сестёр точно указывает Ирма Кудрова, известный цветаевед: «Марину раздражает быт, Ася его не замечает. Марина вспыльчива, Ася легка; Марина замкнуто и ревниво оберегает „единоличие чувств“, Асе же просто необходимо разделить радость и горе с другими»⁵. И в этой же статье исследовательница замечает, что «иному читателю она <книга> покажется несколько... старомодной, что ли. Да, так писали в начале века». Но это огромное достоинство книги, так как именно в «неподогнанности фактов, чувств, стиля под принятые сегодня стандарты вкуса» выявляется неповторимая особенность Цветаевских воспоминаний.

На уникальность этой книги указывает и Станислав Айдинян, литературный секретарь и редактор Анастасии Ивановны: «Мемуары А.И. Цветаевой в русской художественной культуре явление совершенно особенное. В них явь духовно-тонка, часто – импрессионистически-живописна. Прошлое мастерски приближено чутким видением еле уловимых оттенков чувств, лиц, красок...»⁶.

Особенно хочется отметить рецензию Урбана уже на третье издание книги⁷. На наш взгляд, критик верно подмечает не только основную интонацию «Воспоминаний» – «жестокую искренность, с которой Анастасия Цветаева рассказывает о себе, о своих друзьях и близких, о сестре», но и основной метод *на- и описания*: Анастасия Ивановна «берёт на себя смелость посмотреть на них, <героев> изнутри, раскрыть парадоксальную логику их духовной жизни. Она даёт свою версию, свою интерпретацию, свою эмоциональную оценку». То есть за фактографическим текстом сквозит и особый «внутренний сюжет» повествования. Отталкиваясь от истории, хронологии, реальных встреч и событий, писательница стремится раскрыть внутреннюю подоплёку происходящего: конфликтов, взаимоотношений и поступков. Её «Воспоминания» – словно волшебная музыкальная шкатулка, открыв которую, можно услышать и увидеть удивительно красочный, философски насыщенный и радужно-цветной мир.

Данная работа будет посвящена именно такому «открытию» этой книги. Будет сделана попытка показать «двойственность» образа автора как взаимодействие автобиографического героя с сестрой-близнецом (1 глава). Благодаря такому «двойному взгляду» модифицируется жанр мемуаров (2 глава), усиливается начало психологического романа с его исследованием внутреннего мира героя (в данном случае – Марины и себя) (3 глава).

Анастасия Цветаева видит окружающий мир в его целостности. Отдельные предметы прошлого одухотворяются во времени, они обретают свою историю, становятся частью внутреннего мира автора, не фоном, но содержанием единого пространства текста «Воспоминаний». Поэтому представляется важным рассмотреть в отдельной главе некоторые детали-символы «вещного пространства» писательницы и как «сверхдлинную» бытового окружения – Дом её детства и юности (4 глава). В последней главе предполагается объяснить на примере описания фотографий способ воссоздания прошлого в «Воспоминаниях».

Теоретическим основанием для данного исследования являются книги Н.А. Николиной «Поэтика русской автобиографической прозы»⁸ и Т.М. Колядич «Воспоминания писателей: проблемы поэтики жанра»⁹. Так же используются различные статьи, посвящённые творчеству Анастасии Цветаевой и воспоминания о ней (см. библиографию).

В последнее время интерес к писательнице растёт, на что указывает не только переиздание её «Воспоминаний», но и появление книг, посвящённых ей, воспоминания уже о самой Анастасии Ивановне. Это, прежде всего, «Переписка А.И. Цветаевой и П.Г. Антокольского», «Встречи с Анастасией Цветаевой» Г.И. Медзмариашвили, книга Доброславы Донской «Анастасия Цветаева. Штрихи к портрету». И конечно, многочисленные публикации, очерки о встречах с этой удивительной женщиной в различных журналах и газетах. Несмотря на свой возраст, она обладала необыкновенной силой духа, поразительной наблюдательностью, ясной памятью. Не раз её называли последней представительницей Серебряного века.

Она встречалась и переписывалась со многими известными писателями и поэтами. Несомненно, что опубликование её дневников и писем (многие, к сожалению, не сохранились) станет большим событием в русской литературе. Её книги ещё только начинают приходить к своему читателю, и освоение её наследия во многом ещё впереди.

ОБРАЗ АВТОРА

Исходная ситуация, моделируемая в жанре автобиографии – это рассказ о своей жизни, как в слове отражается «мой образ меня самого. Какой характер носит представление о себе самом, о своём „я“ в целом...»¹⁰. Автор всегда присутствует в тексте, как описывающий субъект речи и как объект наблюдения (настоящее «я» созерцает прошлое «я» и воспринимает его как один из образов в общей картине воспоминаний). Пишущий становится творцом образа собственного «я», и тут автора подстерегает опасность «самовозвеличивания, идеализации того самого „я“»¹¹. В «Воспоминаниях» Анастасии Цветаевой удаётся избежать подобного, часто произвольного, самовозвышения во многом за счёт параллельного изображения Другого: «сестры-двойника»: «Но Муся, лицо которой я не могу воспринять отдельно от себя – родней, нужнее, неотъемлемее: это сама я, мы» (11). Индивидуальная целостность обеих показана в последовательном сопоставлении, самооценки тесно переплетаются с оценками сравнительными, выявляя общее или, наоборот, противопоставляя сестёр: «Обе в очках, русые, Марина – с подобранными по-взрослому напуском надо лбом, плотная, выше среднего; я – меньше и тоньше, с вьющимися до плеч волосами, но – как лошадки той же „породы“ – та же улыбка, те же глаза, тот же смех, тот же голос – этим сходством и упорством ходить вместе мы обращали на себя внимание гимназии» (368). При этом ни одна из них не возвышается, что позволяет устранить излишнюю мифологизацию и надуманность образа как Марины Цветаевой, так и Анастасии. В этом тексте можно говорить о своеобразном «двуединстве» авторского «я» и о постепенном болезненном расщеплении со своим «двойником» («Расставание с Мариной! Даже и сейчас я не верю. Это то, что не ложится в голову, не вмещается в сердце, что разорвёт его, вот сейчас <...> Кончена наша, вдвоём, жизнь. Кончена!») (427-429).

Одна Анастасия редко появляется на страницах книги, чаще всего это совместно-сравнительные действия, слова, жесты, пристрастия и оценки. Автор не только воспринимает и осознаёт своё прошлое, но и интерпретирует: выбирает то главное, что повлияло на её личность. И помимо матери именно их с Мариной «близнецовость» определяет многое в жизни младшей: «сиамские близнецы», как не раз она назовёт их в тексте. И если строго рассматривать «Воспоминания», то они о «себе с Мариной рядом». Это особенно остро чувствуется во второй части книги, когда разные по возрасту девочки уже не проводят столько времени вместе, когда мать уже не так связывает их воедино. Марина отдаляется, у них появляются различные интересы (у Марины – литература, у Анастасии – философия), свои друзья и возлюбленные. И о себе в это время Анастасия Ивановна пишет всё меньше, возвращаясь в основном к тем эпизодам, где присутствует Марина. Заканчивается книга главой «Последнее о Марине», где Анастасия Цветаева рассказывает о попытках найти могилу сестры в Елабуге. Таким образом, «Воспоминания» посвящены именно тому периоду жизни автора, которую она провела с сестрой.

Для образа «я» в автобиографическом произведении очень значимы связи с Другими, расширяющие мир личности. Можно говорить о двух типах характеристик в тексте: собственные и сопоставительные.

Образ сестры – то близкое, что воплощает и с детства во многом определяет авторское «я» (следует отметить, что, скорее всего, это двойная направленность была характерна и для Марины: то есть на себя и Другого, в роли которого для обеих сначала была мать, а потом Марина выбирает себе героиню-трагических личностей). Написанное выше вовсе не означает, что младшая бездумно копирует или подражает поведению старшей. Нет! Образ авторского «я» во многом формируется из того, что автор пишет об их сестринстве, об отношениях между ними, от их сравнения. Прямых самооценок в тексте почти нет. Автор если и рассказывает о событиях, касающихся её одной, то оценку себя в них не даёт, чаще всего это – описание чувств, настроений, за которыми всё же можно угадать душу автобиографического героя:

тонко-ранимую, при твёрдой воле, словно противовес для дальнейшей жизни. Так, узнав о смерти Закржевского, с которым переписывалась и встречалась в детстве, Анастасия Ивановна пишет: «Я бы хотела знать, больше поражает человека физическое ранение, чем душевно была поражена тогда я. Раненная, я металась от журнала – к Маврикию, Марине... Городок, городок над Окой, Таруса! Олес Закржевский. Мои четырнадцать лет!» (607). Но подробно о своих несчастьях автор не пишет. Сигнальным словом трудного душевного состояния выступает слово «тоска». Под конец книги это слово попадает больше в «словарь Маринь». Не поддаваясь тяжёлым жизненным обстоятельствам, Анастасия Цветаева ищет гармонию и пытается создать её даже в хаосе тех дней. Приехав к Марине, она в первые же дни начинает убираться, раз-бираться в разрушенном быте, но Марине это «совершенно не нужно!» (641).

Такие сопоставительные описания можно назвать «окольными» самохарактеристиками, то есть в повествовании о каком-либо эпизоде, поступке, впечатлении, где фигурируют обе сестры, через их сравнение, мы делаем заключения о характере обеих, в данном случае нам важен характер автобиографического героя. Например, автор пишет: «Все ... вещи, обожаемые нами, Муся и я делили мысленно <...> Это давалось с трудом: нам нравилось то же самое, почти всегда!» (30), но если уступчивая Ася была менее требовательна, то в Маринином чувстве была властность единичности – «мне открывалась особая стать Мусино чувства, не моя!.. Тень враждебности падала от её обладания – книгами, музыкой, природой – на тех (на меня), кто похоже чувствует. Движение оттолкнуть, заслонить, завладеть безраздельно, ни с кем не делить... быть единственной и первой – во всём!» (74). Автор не пишет о своём отношении, но лишь упомянув себя в скобках (не моя!), она тем самым позволяет читателям сделать вывод, что сама Ася была мягче, нежнее, более благосклонна к людям, ищущая их общения и умеющая разделять с ними своих любимцев. Об этом говорит даже само повествование о самом дорогом – о детстве, матери, Марине. Автор умеет делиться, умеет передавать своё очарование миром и людьми.

Учитывая, что для Анастасии Цветаевой важно рассказать не только о себе, а во многом – правду о Марине – в повествование вводится романно-биографический уровень, рассказ и интерпретация Другого, причём эта биография по значимости тождественна авторской (во всех других мемуарах автор, естественно, описывает и характеризует других, близких и далёких, личностей, но они всегда – лишь его окружение, а в центре остаётся он сам – автор).

Показанный двунаправленный способ самоосознания и самоинтерпретации (прямо на себя и себя рядом с Мариной) героя автобиографического произведения очень значим как для структуры произведения в целом, так и для жанрового определения «Воспоминаний».

ЖАНР «ВОСПОМИНАНИЙ»

Композиция текста кажется хронологической: действительно, автор соблюдает последовательность событий, точно отмечает год, месяцы, порой даже дни. Но при этом она либо обобщает несколько событий в одно, используя настоящее историческое время, либо переходит на более глубокий психологический уровень повествования, чтобы рассказать о личностном становлении, взрослении, тогда возникает эмоционально-ассоциативное повествование. Но это самоосознание, самопознание происходит рядом, во многом параллельно с Мариной, поэтому и о внутреннем мире сестры она повествует, как о хорошо знакомом. Таким образом, повествование усложняется, переходя в форму психологического романа: вводится иной герой повествования, возможно, главный герой. И автор-двойник этого героя ручается за достоверность своей интерпретации, как доверенное лицо в прошлом и тонкий психолог в настоящем. И жанр «Воспоминаний» близок к «авто-психологической» прозе, где тесно переплетаются автобиографический и психологический типы повествования.

Т. Колядич выделяет два основных типа мемуаров: собственно автобиографию и мемуарно-биографический роман¹². К «чистой» автобиографии «Воспоминания» отнесены быть не могут, так как наравне с описанием своей жизни присутствует законченное (!) повествование о жизни сестры, и цель, таким образом, написания – не просто рассказать о себе, но и о Марине, то есть появляются элементы жанра биографии, «художественного осмысления истории жизни личности»¹³ с предпосылкой этого жанра – признания значимости данной личности.

Мемуарно-биографический роман исследовательница определяет как «воспоминания с акцентировкой на биографии конкретной личности. Сам же автор «ведёт» повествование, открыто выражает своё отношение к тому или иному персонажу, событию, факту... Параллельно жизнеописанию главного героя развивается несколько романских линий, посвящённых судьбам связанных с ним героев... Они образуют фон и в то же время дают простор для авторской мысли»¹⁴. Анастасия Цветаева действительно «ведёт» повествование, и в произведении рассказывает о множестве судеб близких ей людей, и это можно назвать «фоном» основного жизнеописания. Но не является ли героем основного жизнеописания сестринство? Обе сестры? Представляется неправомерным говорить о жизненной линии Анастасии, автобиографического героя, или Марины, равного ему, как о «фоне». Мемуарно-биографический жанр кажется нам нап-

более правильным обозначением того межжанрового синтеза, что представляют собой «Воспоминания», лишь с уточнением, что романские линии, сопровождающие основное описание, могут служить не просто «фоном», но равноправным участником главной линии, если герой «такого романа» в сознании самого автора ему равен и обладает не меньшей, а порой большей значимостью для читателя.

Мемуарный жанр представляет собой повествование о событиях жизни социальной, политической, литературно-художественной¹⁵. При этом эпическое повествование о мире осложняется философскими вставками, элементами романа, документальными очерками о путешествиях (многочисленные описания городов Европы, Коктебеля), лирическими отступлениями вплоть до введения в текст стихов Марины, не просто в качестве иллюстрации творческих возможностей сестры, но как равноценно-полного описания происходящего. Но всё же для мемуариста главным является «реконструкция прежнего психологического состояния и процесс восприятия внешнего мира»¹⁶. Интерес литературы к психологическим состояниям человека изначален. Анастасия Цветаева, с юности интересуясь философией, подробно исследуя собственный внутренний мир еженощно в дневниках, конечно, пристально вглядывается именно в мир сознания и о-сознания, раскрывает «диалектику души» автобиографического героя.

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЗМА

Жанр воспоминаний, начиная с «Исповеди» Ж.Ж. Руссо, обращён к внутренним пространствам человеческого сознания. Не случайно П. Антокольский сравнивает книгу А. Цветаевой со знаменитой трилогией Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность», где психологически внимательно исследуется становление души человека. Как известно, Толстой не раз читал «Исповедь» Руссо и во многом опирался на его открытия, а таковых было два: это «бесконечная дифференцированность душевных движений» и в то же время «их совмещённость», «противоречивое их сосуществование»¹⁷. Анастасия Цветаева, подобно этим писателям, показывает синхронную множественность мотивов поступка, различные импульсы, вызывающие его, «поток сознания», оформленный рационалистически, порой даже бессознательные душевные переживания (сон, бред во время болезни) появляются на страницах «Воспоминаний». «Она – яркая, волевая Личность, в которой талантливость видна невооружённым глазом, в ней – чуткая наблюдательность, проникновенное знание человеческой психологии...»¹⁸. Психологический анализ себя, своей сестры Марины, сводного брата Андрея, Лёры, близких друзей и случайных «попутчиков» автор производит с ласковой строгостью, внимательно и последовательно.

О Марине с детства: «Была в Марине с детства какая-то брешь в её соотношениях с дурным и хорошим: со страстью к чему-то в непомерной гордости она легко и пылко делала зло. Нелегко на добро сдавалась! Насмехалась, отрицала суд над собой. Но зато когда уж приходила к раскаянию, – то скупыми на вид, тяжкими своими слезами сжигала свою вину. Помню и во всю жизнь потом – её лицо таких дней и часов: светлые, светлее обычного от заплаканности и мук застенчивости, глаза. Выражение отрешённости, отсутствия – среди тех, за обиды которых каялась. Словно прислушиваясь к чему-то одной слышимому, что одной ей было непреложно». (90). И все наблюдения подтверждаются многочисленными ярко-выразительными примерами: любимыми книгами, выбором товарищей, собственными стихами Марины. Анастасии Ивановне удаётся показать, как появлялась, развивалась в Марине её известная непримиримость, воля, строгость к себе и другим. За ещё детскими увлечениями девочек скрывалось, как оказывается, внутреннее ядро, которое и определит во многом жизнь обеих.

Первые воспоминания Анастасии – яркая картинка солнечного дня: «от этого сверкания и синевы – чувство счастья» (10), следующее – первое выступление Муси: «тот вечер – в сердце каким-то цветением радости» (12). И потом различные модификации радости, счастья будут неизменно повторяться, и всё это будет в цвете! Цвет глаз, волос, одежды, неба, солнца, улиц – цветовая палитра Анастасии Ивановны необычайно разнообразна и красочна. Именно в детстве проявились её способности к рисованию, мама даже думала, что Ася станет художницей, предполагала, не отдать ли её в будущем в Строгановское училище. Возможно, в художнически-профессиональном взгляде таится секрет живописности её «Воспоминаний»: пристальное внимание к любой мелочи, которая превращается в значительность и необходимость. Характер Аси с детства – добрый, впечатлительный. Многие считают её слабой из-за многочисленных болезней и хрупкой внешности, но незабываемость, природная весёлость и умение радоваться помогает девочке успешно преодолевать жизненные препятствия. Перелом наступает со смертью матери, отношения с которой были необыкновенно близкими.

«С первых лет мы начинаем разговор друг с другом и с мамой и с „А помнишь...“. У нас (и у мамы, должно быть) сосёт тоской по всему, что было, что живёт уже только в душе; что – „прошло“ ...Лирика началась с первого вдохнутого и выдыханного воздуха, с первого глотка, с первого звука, первого запаха, с первого осознания – „живу“» (31). То есть, «живу» значит «помню»! Можно было бы сказать, воспользовавшись научным термином, что Анастасия Ивановна живёт диахронически, храня в памяти мельчайшие подробности своей жизни и близких ей людей, причём в «близкие» включаются не только ныне, рядом

живущие/жившие, но и до-история её семьи: дедушка Мейн, его сестра (сказочно-гордая красавица, с которой ей предстоит встретиться, словно повернув время вспять), полька-бабушка с печально-карими глазами. Мать с детства прививала девочкам бережное, любящее отношение к прошлому, рассказывая им про семью почти романские истории несчастной любви Марии Бернацкой, польки-бабушки, показывая фотографии их прабабушки, вспоминая свою юность. Высота духа всегда подразумевает глубину, которая невозможна без хрупко-внимательного взгляда в прошлое. Нравственная личность матери становится примером для обеих дочерей, примером не только внутренне-напряжённой жизни, но и образцом поведения, общения в жизни общественной: «...именно жар был в наших отношениях с матерью» (45), «она нас не гнула, то есть не ломала; мы гнулись и выпрямлялись сами». (45)

Её молодая смерть омрачила юность девочек и навсегда осталась болезненно-надрывающим воспоминанием: «Огромная пустота пала на дом <...> Она навсегда осталась нам Матерью с большой буквы, без тени упрёка в её сторону. Обожаемой, стоящей над всем героизмом и той честью, с которой она вышла из боя с собою, из битвы между счастьем и долгом <...>. Это вело нас за руку десятилетия спустя в нашем бою с жизнью. Какая радость быть рождёнными от такого сильного и чистого человека, бескорыстно прожившего жизнь, как наш отец, от такой трагически, доблестно прожившей её женщины, как наша мать!» (241). В дальнейшем при знакомстве, сближении с людьми Марина с Асей степень близости будут определять именно «впусканием» другого человека в жизнь их детства, обе будут много вспоминать, рассказывать другим о матери, о себе-девочках: «полноценнее, счастливее детства, чем наше в Тарусе, я не знаю и не могу вообразить» (55), «каким маленьким земным раем это предстаёт мне теперь». (58).

С этого периода девочки меньше проводят времени вместе. «Ко мне она <Марина – О.В.> относилась теперь как к младшей, с появившейся далью взрослости отстраняясь от меня по возрасту (она очень росла, я – мало), она льнула к Лёре и её друзьям и мало бывала со мной. Реже теперь мы вдвоём вспоминали что-то из прошлого» (246). Интересно отметить, что и сестринская близость «измеряется» прошлым: реже вспоминать, следовательно, отдаляться. Прошлое оказывается той основой, что определит будущую душевную близнецовость, понимание с полуслова.

Одиноко проводит время Ася с единственными друзьями: цепным псом и полукотом; «радовали вечером синева неба, огоньки домов надо льдом залитого во дворе катка, маленькие коньковые победы» (244). Не догадывалась ещё Ася, что именно «маленькие коньковые победы» определяют её будущее. Или, может быть, это уловка автора, заглянувшего вперёд?..

Возрастное отдаление оказывается, конечно, временным. И уже осенью 1907 года наступает время, «когда Марина начала писать стихи о нас двух, посвящать мне стихи, когда нас стали, видя вместе, по-хожих – с той же улыбкой и тем же голосом, – звать „Сиамиские близнецы“, хотя я и была худее и ростом ниже Марины. Её интернат кончился, мы теперь много бываем вместе» (259). К этому времени Ася, рано повзрослев, многое обдумав, пережив смерть матери, домашнее одиночество, поступление в гимназию, начинает вести постоянный дневник, куда заносит все наблюдения за день, чувства, мысли, воспоминания. И сама Анастасия Ивановна характеризует себя: «Наедине с Мариной я часто возраста не чувствовала, так кровно сходны были наши состояния, чувства, отношения к людям» (260).

Ася, как и Марина в то время, увлекается революцией, читает «Экономические очерки Баха», порой ведёт себя вызывающе, но это юношеское волнение в ней мягче и ласковее. Они с Мариной по-прежнему много времени проводят вместе, даже с появлением семьи, продолжают считать себя «близнецами». Но безоблачное счастье Марины резко контрастирует с одиночеством Анастасии. Их отдаление вырисовывается не только внешне (живут в разных домах), но и внутренне – Анастасия погружается в себя. Её юность – время первой любви, духовного взросления пристального самонаблюдения: «Есть ли время фантастичнее, беспокойнее юности? <...> И везде – соблазн, и везде – разлука, и всему (мука гордости) сомкнутые уста. И – не те слова! Целый день. Целую юность – слова-прятки, слова-завесы, слова-призраки, пока придут слова слова-признаки, названья вещей» (327). Стиль этих строк напоминает «Королевские размышления», первую книгу Анастасии Цветаевой. Эта книга – «большого одиночества и большого отрицания», «чувств безнадежности и бесконечности», но несмотря на эту философию отчаяния, «в ней даже задорное, неповторимое обаяние бунтарского, талантливо отрицающего полёта в жизнь»¹⁹. Именно эти настроения можно назвать определяющими период 1914-1919 гг., до трагической смерти второго мужа Маврикия Александровича Минца и младшего сына Алёши. Про трудности, о невыносимости горя тех дней Анастасия Ивановна целомудренно умалчивает.

Три с половиной года они разлучены с сестрой, и при встрече выясняется, что «с какого-то перепутья Марина и я шагнули по разным дорогам – и ужели теперь не шагать по одной, как встарь?..» (642). Прямого ответа автор не даёт, но увеличившееся количество диалогов, многоточий, недосказанностей позволяет читателю самому догадаться: нет, как встарь уже не будет... И этот долгий путь «разделения», расхождения их с Мариной знаменует то, что Анастасия Ивановна, как и сестра, становится самостоятельной, Другой, Личностью, близкой Марине, но не тождественной: «уж скользнули какие-то разницы в наших голосах и движениях, в письмах равнявшихся только к сходству, настаивавших на нем» (617).

На этом моменте можно остановиться и увидеть, что формирование характеров двух сестёр эстетически завершено. Ничего нового в психологическом отношении о героях мы не узнаем: описаны главные 25-28 лет жизни становления личности, её вкусов, пристрастий и намерений, причём наиболее подробно рассказано о детстве, как о периоде, когда закладывались основы характера и души. Но если образ автобиографического героя остаётся «открытым», то жизнь героя-двойника показана в его целостности: трагическая смерть Марины дана не как случайность, а как понятное следствие тех жизненных правил, которые прививались с детства, окрепли в юности и стали основными в её отношениях с людьми и миром в зрелом возрасте. И наверное, одно из главных – это безудержность таланта и требовательность духа.

Подобное сюжетное построение образа человека и образа действительности сближает мемуары с психологическим романом (о чём писала ещё Гинзбург²⁰) или жанром биографии. Анастасии Цветаевой удалось показать не только процесс собственного внутреннего самоосознания, но и душевное становление сестры. И особенность её «Воспоминаний» заключается именно в этом *двойном изображении* «непрерывного потока впечатлений и реакций», которые «объединяются человеческим „я“, осознающим себя личностью»²¹. Внутренняя и внешняя жизнь обеих, их сближение, отдаление, взаимные интересы и расхождения позволили ей глубже заглянуть и в собственную душу, собственную жизнь, которая и становится объектом исследования, хотя явно эта тема не заявлена. Порой создаётся впечатление, что автора интересуют больше загадки характера Марины, их совместная схожесть, на чём она основана, где причины её распада, но всё же есть страницы, посвящённые целиком описаниям-объяснениям собственных поступков, желаний, намерений (это прежде всего, повествование о любовных переживаниях и философские размышления о природе человека вообще, о времени, истории и т.д.).

Приёмы, которые использует Анастасия Цветаева для психологически «индивидуализированного проявления переживаний в их взаимосвязи, динамике и неповторимости»²² те же, что и в романе: несобственно-прямая речь, обобщения, комментированное повествование, диалоги героинь. Она описывает переживания, связанные с восприятием природы и бытового окружения, с фактами личной жизни и духовными исканиями. Анастасии Цветаевой присуще эпическое приятие мира, когда все уровни равновелики и взаимопроникаемы. Поэтому даже окружающий предметный мир одухотворяется, поэтизируется. Отдельные предметы становятся символами прошлого, а Дом детства и юности персонифицируется в живого участника событий той поры.

СИМВОЛЫ ПРОШЛОГО

«Значимы для самоинтерпретации и описания окружавших повествователя в прошлом предметов...»²³. Эти описания – «открыто субъективны, часто оценочны и отображают индивидуальные особенности личности, своеобразие её взглядов на мир, воплощают силу его памяти о прошлом»²⁴.

Все рецензенты «Воспоминаний» отмечают необыкновенно богатый описательный фон произведения: Москва, Таруса, Италия, Германия – автор рассказывает не только о том, где и как жили, но и в мельчайших подробностях передаёт быт того времени. Возникает «особый сюжет исторически-конкретных вещей, интерьеров, городских и сельских реалий, подробностей хозяйственного и культурного обихода»²⁵. Некоторые вещные детали, любовно описанные, появляются в разные периоды жизни писательницы, становясь символами прошлого детства. Волшебные и загадочные, лейтмотивами проходят они через книгу, переплетаясь между собой, возрождаются в памяти, превращаясь в мифологемы – свёрнутые символические обобщения конкретных фактов. Таких мифологем-вещей детства три: мамыны шары (сопровождаемые порой и перламутровой раковинкой, но «...раковина была Мусина, шары – мои; затем мы менялись...» (31)), музыкальная шкатулка и панорама.

«...Голубые шары, три – как основа и на них четвёртый, и как ни верти их – всё так же: один сверху и снизу три – такие голубые, светлые, тёмные, такие глубоко голубые, что – синие, как мамино сапфировое кольцо. И такие тяжёлые и прохладные, точно их можешь пить, и потому, что никак нельзя, точно вода заколдованная, их гладить, и лижешь, и жмёшь, руками и глазами глотаешь» (31). Не случайно шары сравниваются с кольцом матери: они – её принадлежность, от неё – дочери, как завещание (при переезде Ася возьмёт эти шары себе, Марина – раковину). Эти шары сопровождали мамино чтение в детстве, они словно бы наполнены её голосом. Они – символ их тройственного союза, их времени-второе (и пара – три!), колдовского и жаркого.

«Шкатулка: длинная, низкая, жёлтая... валик перекрыт серебром... он похож на один из голубых шаров на столе маминой гостиной: он также сияет тёмно-розовым посередине и вспыхивает тёмно-красным, почти чёрным, по всему ободку, как шар сияет голубым посередине и тёмно-синим, почти чёрным, по краям... только это очень маленькая музыка... похожа на мамыны рассказы о её детстве, – как будто эти звуки – давно» (59-60). Сравнив шкатулку с мамыными рассказами, автор дарит ключ к своему восприятию этих вещей – они из прошлого, но даже, или не только, их с Мариной прошлого, но глубже – из мамино, то есть это уже символ прошедшего милого детства вообще, семейного детства, генетически передаваемого. Потом появится ещё одна шкатулка, уже новая, которую подарят Андриюше, а он – сёстрам.

И интересно заметить, что если вначале девочки любили больше мамину, то потом, повзрослев, они включают в свой «пантеон» и вторую, новую, которая теперь становится знаком их детства: «Но нерушимо живут и в моём и в Маринином сердце – наши, мама и Андриюшина (он давно отдал её нам), музыкальные шкатулки, их золотистые и серебряные звуки... От них веяло нашим младенчеством и чьё-то не нашей, совсем другой юностью...» (330). Эти шкатулки Ася с Мариной будут заводить в тоскливые дни, когда вспоминается мама, когда лирическая грусть будет превращаться в невыносимое желание забиться, уйти в далекие, родные звуки.

И была третья драгоценность – волшебная панорама, которую девочкам мама показывала редко, в Рождество или большие праздники: картинки из Гофмана и Андерсона, Гауфа и Венеции, ночь-день – всё менялось по волшебству маминной руки, «панорама наставляла, как приходит праздник, когда ему пора...» (62). Эти меняющиеся картинки, «волшебный китайский фонарь» – символ настоящего праздника, даже не символ, а непереносимое условие возникновения этого праздника, в будущем – сравнительное чувство ликования и радости.

Как значимую и, несомненно, важнейшую мифологему детства стоит упомянуть дом в Трёхпрудном переулке. Дом со всеми наполняющими его вещами, запахами, шорохами, комнатами, чёрными лестницами. Его описанию Анастасия Ивановна посвящает отдельную главу, где любовно проводит читателя по всем закуткам, гостиным, кабинетам, даже вид из окон не забыт! Думается, что современный архитектор без труда смог бы по её словам восстановить дом в его прежнем виде, настолько детально точно он рисуется. Дом – это иная реальность, иное пространство, противопоставляемое всему вне его. Внутри он иерархичен: верх – детский, низ – взрослый. И по мере взросления девочки (сначала Марина) будут переселяться в нижние этажи. А вот Андриюша, романтически-ребячлив, будет жить наверху, играя на мандолине и забавляясь с собакой. Дом – это и место прогулок, когда его стены расширятся и во времени пространственно: разговоры с Эллисом, Нилендером, Волошиным, подругами – через его комнаты, не на улице, а именно в доме. Судьба дома как живого, равноправного героя прослеживается в книге: девочки взрослеют, ищут новое место жительства, и Марина пытается найти похожий Дом! Ася подробно рассказывает о попытках (порой кажущихся удачными) обрести в новой жизни прошлое очарование детства, их Дома: «– Ася, всё решено! – сказала однажды в прекрасный день Марина. – Покупаем! Уже и сил нет искать дальше, но главное – мы нашли дом, который похож на Трёхпрудный! <...> Если эти комнаты увеличить в лупу – то будет Трёхпрудный!» (507-509). Правда, сама Анастасия сразу замечает несходство: если и похоже, то чуть-чуть. Она не обманывается мнимым повторением, не пытается в реальности обрести утерянное, она глубже, ощущениями воссоздаёт тот упешший мир. Скоро и Марина заметит непохожесть и переедет... А дом в Трёхпрудном печально закончит свою историю в руках Анастасии, в 1921 году: «...я стою одна, став старьёвщиком, и роюсь в мусоре, древесной пыли, обломанных кусках кирпичей, подбираю – нашла один и другой – блестящий кусочек кирпича (снизу грубо рыжий, сверху – бело облицованный, с синей каёмочкой, обрывающейся...). Нет сомнения! Это – клочок нашей печки из детской <...> Бережно, как ювелирную драгоценность, кладу в карман два кусочка: один – Марине, другой – себе...» (645).

Вещь, в широком понимании этого слова, как часть неживой природы, становится, таким образом, частью внутреннего мира героев. Освещение вещного мира – возвышающе-поэтическое. Интерьер дома, предметы быта, любимые игрушки в детстве, шарманка, шкатулки, камешки, ракушки – всё одухотворяется (при этом – полное безразличие к одежде). Можно говорить об эстетическом отношении к вещам у Анастасии Цветаевой, когда быт и бытие переплетаются. Автор оказывается связан с вещами глубоко и радостно. И вещи, в свою очередь, приобретают функцию не утилитарную, а символическую – наделяются онтологическим и психологическим значением. Существовала не привязанность к вещам, а желание создать уют, уют среди них и с их помощью, а для этого непереносимым условием являлось – дух вещи, что с собой несли все эти карандаши, ножички, цветы, рояль. У них должна быть история, наполняясь историей, они приобретают в глазах сестёр неизъяснимое очарование, притягательность времени. Осознавали ли они тогда, насколько непрочным окажется их быт? Как быстро они его потеряют? Кажется, да... И в их стремлении сохранить прошлое, в их постоянных беседах о прошлом проскальзывает – «а помнишь?». Появляется грустная обречённость, лирическая грусть: всё пройдёт... (сколько этих «пройдёт» запишет у себя в «Дым, дым, дым...» Анастасия! Всё – дым, всё развеется). Но не только не проходит, чему в первую очередь служит доказательством эта книга, а оставляют свой «вещный знак», вполне реальный облик – фотографию. И любимый Дом сохранился именно там! «Фотограф прислал фотографии нашего дома! Радостно и немного жутко глядеть <...> Взгляд вполз змей и, растворяясь в том воздухе, поселился в никогда уже небыточной комнате... вечно живой <...> И дом наш живет на фотографиях, чтобы мы везде, где будем, могли окунуть в них глаза, и вспоминая, вспоминая наши детства и юность, и сказать друг другу: „А помнишь?“» (463). Но фотография не только стимулирует процесс воспоминания, её функции в общем контексте текста могут быть рассмотрены намного шире.

«ОЖИВШАЯ» ФОТОГРАФИЯ

«Воспоминания» Анастасия Цветаева начинает с описания исчезнувшей фотографии: «В моей памяти – унесенная жизнью фотография четырёхлетней Муси, двухлетней Аси. Большелобое, круглое лицо старшей, на котором вспыхивают мне *зеленью, в сером тоне фотографии*, глаза Марины, взрослый взгляд на детском лице, уже немного надменный сквозь растерянность врождённой близорукости. <...> А лицо рядом – младенческое, детские губы, своей мягкостью оттеняющие твёрдый, волевой абрис тех; волосы – чуть вьющийся пушок. Родственное сходство черт» (9). Уже на этой первой фотографии – зародыш, свёрнутый свиток всего повествования: сестры, их сходство и разница. Обозначены и основные черты характера: Марина – надменность перед враждебным миром, потерянности в нём, раннее взросление, трагическое осмысление себя уже тогда; и Ася: детский, радостный взгляд на мир, младшая, но по силе воли и твёрдости характера, как и Марина, – в мать. И здесь же может быть выявлен и основной приём, способ воспоминания: сквозь «серость» факта к цвету памяти. Чёрно-белая фотография не способна передать зелень глаз, но Анастасия Цветаева её помнит и словом воссоздаёт живую красочность и выразительность взгляда, которая не просто показывается, но осмысливается, объясняется психологически.

Описания фотографий неоднократно встречаются в тексте. Некоторые сохранились только в памяти автора, который расцветивает эти уже несуществующие или потускневшие от времени карточки удивительным чувством вне времени, ощущением причастности к людям, родовой преемственностью. Например, фотография прабабушки со стороны матери: «... глаза – преисполненный собой, рассеянный взгляд, заливающий всё, как река в половодье <...>. И не этот ли взгляд два поколения спустя цвёл на лозаннской фотографии Муси-Марины, в её 11 лет?» (28-29).

Фотография как вещественный документ прошлого позволяет говорить о документальной точности воспоминаний Анастасии Цветаевой. Но какими невзрачным и архивно-бесцветными могли стать эти описания «источников», если бы она художественно их не осмыслила, не так психологически верно передавала скрытые особенности застывшего изображения!

Фотография старшей сестры Валерии Цветаевой, Лёры предварила личное знакомство, и вот уже девочка на картинке и живая взрослая девушка сливаются в один образ – такой же далёкий и притягательно-нежный. Это совмещение двух планов очень показательное: оно демонстрирует и чутко-доверительное восприятие мира через предметы, и в то же время способность самостоятельного выбора, оценки через уже знакомое. И наоборот – фотография способна подтвердить то, что уже пережито, подсказать реальность происходящего (а для Анастасии Ивановны невыдуманность, «всамделишность» происходящего очень важна): «... фотография кабинетного размера <с В.А. Кобылянским – О.В.> осталась нам как вещественное доказательство яви тех дней» (131).

Уже в детстве Анастасия Цветаева ищет образы, постигая мир не только через слово, но во многом – через цвет (окрашенное слово! – великолепная зрительная память): даже сквозь пустоту белого яйца ей светится «какое-то волшебное изображение» (71), а цвет карандашей – «сияющий». А насколько красочно описание её калейдоскопа, сделанного своими (!) руками, как увлечённо маленькая девочка рассматривает по-новому расцветивший мир!

Ещё одна фотография, швейцарская, 1903 год: «Обе <сестры – О.В.> в широкополых соломенных шляпках, шурясь от солнца, смеёмся; у Марины чудесная полуулыбка, счастливое, застенчивое просияние <...>. Сейчас это фотография живёт *только* в моей памяти» (150). Выделенное «только» позволяет предположить, что именно это – причина подобного описания: желание сохранить утерянное, не дать кануть в Лету этой улыбке, этому *счастливому* дню. Автор воссоздаёт прошедшее мгновение, останавливает «бег жизни», скорость повествования, задерживаясь именно на счастливых, светлых днях. Трагические страницы своей жизни Анастасия Цветаева пересказывает скупой, беглой, простым перечислением фактов. Но радостные чувства, красивые слова, впечатления от пейзажей, городов она освещает подробно и с неповторимой ласковостью, оттого общее настроение книги – душевно-светлое, доброе, юное.

Почти в самом конце «Воспоминаний» на глазах читателя возникает ещё одна фотография, наверное, самая важная не только для самой Анастасии Цветаевой. Её создание – ключ ко всей книге, к секрету очарования этой прозой: «... я с вести о Марининой гибели начала увеличивать, в карандаше, пришедшие мне фотографии <Марины – О.В.>: двадцати пяти лет в аметистовом ожерелье, <...> тридцати пяти лет в крупноклетчатом платье, <...> последняя – сорока шести-сорока семи с уже седой головой. <...> Я делала его <портрет с последней фотографии – О.В.> ночь напролёт и затем вновь и вновь дорабатывала, пока не ожили малейшие складки лица, образовавшие у глаз и у губ улыбку: лобезную и страдальческую, застенчивую и тающую – может быть, и не улыбаются вовсе? Я работала – до темноты в глазах. Я не могла закончить. Оно всё оживало и оживало, лицо, оно втягивало мой взгляд. **Я заставила себя отойти**, потому что... что-то начиналось такое, что было уже на границе с волшебством?» (803-804). Как «мёртвые» фотографии оживают под рукой любящей сестры, так и биографически-сухие факты «оживают» под рукой художника. «Чёрно-белые», «неподвижные» картинки прошлого – будь то

люди, вещи или природа – волшебным образом «двигаются», как в детской панораме сестёр, причудливо меняясь, они «втягивают взгляд», создают новый мир отражённого прошлого, невыдуманного, но реально существовавшего и заново появляющегося перед глазами читателя. От книги невозможно оторваться!..

«Живая фотография» текста – принцип написания «Воспоминаний». Анастасия Цветаева документально верно воспроизводит свою и Маринину жизнь. Но под психологически-внимательным и любящим взглядом²⁶ её повествование превращается в интереснейший, эмоционально-яркий рассказ о живом контакте с постоянно изменяющейся действительностью. И книга её ценна не только как свидетельство об ушедшей эпохе, но и как пример причастного, взаимно-радостного отношения человека и окружающего мира.

*

Данная работа посвящена только одному, наиболее известному произведению Анастасии Цветаевой, её «Воспоминаниям». Сама Анастасия Цветаева свою прозу называла «рекой, текущей по долинам», для которой «закон отражения – явь»²⁷. Отражение «яви» прошлого в «Воспоминаниях» – не поверхностное, быстро промелькнувшее в быстрине реки, но – глубинное, обнажившее за прозрачностью воды-памяти удивительный «подводный мир» – душу писательницы.

В книге рассказывается лишь о первых 27 годах жизни Анастасии Ивановны (в приложениях – два эпизода более позднего времени о встречах с Мариной). Это время, когда человек формируется как личность, обретая то важное, что в дальнейшем составит основу его пути. На личностное становление автора огромное влияние оказывает присутствие сестры-«близнеца». Параллельно-сравнительно показано их развитие, отношение к миру и людям. Автобиографический и сопутствующий ему герой уравниваются в пространстве текста. Такое двойное жизнеописание (собственное и Чужое) нехарактерно для мемуарных жанров, поэтому можно говорить о жанровой модификации «Воспоминаний». Усиливается романно-психологическое начало в тексте: исследуется судьба героя (Марины) в «закрытости» его жизненного пространства, на страницах текста показаны и объяснены появление и развитие тех или иных черт характера, его целостность.

Своеобразие авторского «любовного» взгляда на мир отражают описания предметного мира прошлого, которые, будучи открыто оценочны, одухотворяются, наделяются историей и превращаются в символы ушедшего детства. Прошлое автор воссоздаёт на основе точных фактов и собственных наблюдений, по принципу «живой фотографии». Чёрно-белое прошлое под взглядом художника наполняется цветом и жизнью, превращается в увлекательный рассказ не только о своей жизни, но в индивидуальный урокприятия мира в его изменчивости и красочности.

Изучение наследия Анастасии Цветаевой только начинается. Мемуарное начало присутствует почти во всех её произведениях, было бы интересно выявить своеобразие каждого в контексте общего творчества писательницы, проанализировать стиль и композицию, творческий метод и систему «авторских архетипов». Особого внимания заслуживают ранние тексты «Королевские размышления» и «Дым, дым, дым...» как дневнико-философская проза, отправная точка размышлений писательницы о себе, окружающей жизни и отношениях с близкими людьми. Поэтому с уверенностью можно сказать, что освоение наследия Анастасии Цветаевой ещё впереди.

2004

Примечания:

¹ Цветаева А. Воспоминания. – Изографус, Дом-музей Марины Цветаевой. 2003. С. 877. Далее цит. по этому изданию в тексте с указанием страниц в скобках.

² Айдинян Ст. Предисловие / Цветаева А. О чудесах и чудесном. – М.: Фирма «БУТО-ПРЕСС», 1991. С. 8.

³ Цветаева А. Собрание сочинений. Том 1.: Изд-во «ИЗОГРАФ» – М., 1991. С. 65.

⁴ Антокольский П. Проза и память (Анастасия Цветаева. Воспоминания. М. «Советский писатель», 1971) // Новый мир. 1972. № 6. С. 250-254.

⁵ Кудрова И. Листья и корни / Звезда. 1976. № 4. С. 190.

⁶ Айдинян Ст. Предисловие / Цветаева А. О чудесах и чудесном. – М.: Фирма «БУТО-ПРЕСС», 1991. С. 5.

⁷ Урбан А. Память и лица (Анастасия Цветаева. Воспоминания) // Звезда. 1984. № 8. С. 203-206.

⁸ Николина Н.А. Поэтика русской автобиографической прозы: Учебное пособие. – М.: Флинта, Наука, 2002.

⁹ Колядич Т.М. Воспоминания писателей: проблемы поэтики жанра. Монография. – М.: Мегатрон, 1998.

¹⁰ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 351.

¹¹ Бердяев Н. Самопознание: Сочинение. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, Харьков: Изд-во «Фоллио», 1998. С. 251.

¹² Колядич Т.М. С.93.

¹³ Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под. ред. А.Н. Николюкина. Институт научной информации по общественным наукам РАН. – М.: «Интелвак», 2001. С. 90.

¹⁴ Колядич Т.М. С.93.

¹⁵ Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под. ред. А.Н. Николюкина. Институт научной информации по общественным наукам РАН. – М.: «Интелвак», 2001. С. 524.

¹⁶ Комядич Т.М. С. 49.

¹⁷ Гинзбург Л. Мемуары / О психологической прозе. – М., 1977. С. 231.

¹⁸ Айдинян Ст. С. 6.

¹⁹ Айдинян Ст. Первая книга Анастасии Цветаевой // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественный искания XX века. – Иваново, 1996. С. 155-162.

²⁰ «Мемуарные жанры... сближаются с романом, с ним не отождествляясь» / Гинзбург Л. С. 13.

²¹ Гинзбург Л. С.20.

²² Теория литературы: Учебник / В.Е. Хализев. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Высш.шк., 2002. С. 211.

²³ Николина Н.А. С. 232.

²⁴ Там же.

²⁵ Урбан А. Память и лица. С. 204.

²⁶ «Вспоминать надо тех, кого любишь», – говорила Анастасия Ивановна.

²⁷ Цветаева А. Корни и плоды: О мемуарах М. Цветаевой / Звезда. 1979. № 4. С. 192.

СТАНИСЛАВ АЙДИНЯН

ПОСЛЕ БЕСКОНЕЧНОЙ РАЗЛУКИ – М. И А. ЦВЕТАЕВЫ И Б. ПАСТЕРНАК

Борис Пастернак и сёстры Цветаевы – одно поколение, один круг культуры. Переписка Марины Цветаевой и Бориса Пастернака – целая эпоха в русской эпистолярной прозе. Их письма – стремление навстречу друг другу двух одиночеств, двух творческих неповторимостей, двух поэтически родственных душ. Оба они – Цветаева и Пастернак – жили больше собственным внутренним миром, чем окружающей их каждодневностью. И эта их особая чувствительность породила и особенную общность, и отличность от остальных современников...

В разлуке они жаждали встречи. Пастернак из России писал за границу М. Цветаевой: «Я тебе начинал сегодня пять писем... Не разрушай меня, я хочу жить с тобой долго, долго жить...». И через несколько строк: «Ехать ли мне к тебе сейчас, или через год?». И от Цветаевой – Пастернаку: «Борис, Борис, как мы бы с тобой были счастливы и в Москве, и в Веймаре, и в Праге, и на этом свете и особенно на том, который уже весь в нас».

Причастность иным мирам, являвшимся им в сновидениях, в образах, недоосознанных, но столь явственных, что – искры из-под пера, роднила их с великим поэтом Австрии Райнером Марией Рильке. Родство это скрепилось перепиской. В первом письме Рильке Б. Пастернак признаётся: «Я Вам обязан основными чертами моего характера, всем складом духовного существования». Эхом – строки из автобиографической повести Пастернака «Охранная грамота»: «Я не дарю своих воспоминаний памяти Рильке. Наоборот, я сам получил их от него в подарок».

В 1986 году сестра Марины Цветаевой, Анастасия Ивановна Цветаева, подарила мне книгу Рильке, на которой сделала надпись: «Дорогому другу Станиславу, на память о Р.М. Рильке, Б. Пастернаке и моей сестре Марине. Эти трое задумали свидание, но Борис и Марина, жарко стремясь к его воплощению, не смогли понять из дали, их разделявшей, что Рильке умирает, и недоумевали отсутствующим, отлетающим интонациям его писем...».

Итак, М. Цветаеву с Пастернаком связывала более всего переписка, Свидание их по-настоящему, таким, каким они ждали его, – не состоялось. А с Анастасией Ивановной Борис Леонидович общался весьма часто. Познакомилась Анастасия Ивановна с Пастернаком в 1923 году, когда М. Цветаева из Чехии Б. Пастернаку в Берлин передала для дальнейшей передачи сестре свой сборник «Ремесло». В неоконченных и неопубликованных воспоминаниях о Б. Пастернаке Анастасия Ивановна пишет, что с первой же встречи её очаровал смех поэта:

«Смех Бориса! Кто опишет его. Это внезапное вскипание подводных глубей вокруг озаряющего всё его существо потока солнца. Он, потрясённый, теряет власть над собой, рушась в захлёб счастья, без сил с ним бороться и вовлекая в него всех, кто рядом, без различия возраста».

Талант младшей Цветаевой – прозаический – Пастернак знал и ценил. Он писал ей восхищённо о присланной ему машинописи первой части «Воспоминаний», что страницы «дышат почти восстановленным жаром тех дней».

Арест А. Цветаевой в 1937 году прервал общение с Б. Пастернаком, но не дружбу. (Кстати, он хлопотал о её освобождении ещё при первом аресте, в 1933-м).

– Когда я после лагерей была сослана навечно, – вспоминает Анастасия Ивановна, – Борис писал мне и присылал с оказией деньги. Помогал... Как-то прислал туда свой перевод шекспировского «Гамлета». Я,

как специалист по английскому языку, достала там (в лагере) через вольнонаёмных английского «Гамлета». Где-то у меня даже есть эта книга. Она вся испещрена пометками, обозначающими места, которые Пастернак перепел неточно. Я ему об этом написала и всё замеченное в письме перечислила. Он ответил, что не стремился к абсолютной точности перевода, а хотел передать эпоху... Он прекрасно знал языки, но давал себе, как поэту, волю...

Я сама была переводчиком. У меня была задумана книга всех стихов 1841-го смертного года Лермонтова в переводе на английский язык. Задумала я это в 1937 году и за лето перевела три стихотворения. Не знала, что меня арестуют. Потом я была в лагере, вдали от книг, в кошмаре кухонной работы – головой вниз, в котёл (я мыла котлы), рука у меня правая не разгибалась, висела...

Я напомнил Анастасии Ивановне, что она некогда посвятила Пастернаку своё стихотворение «Ёлка» (она до того, как узнала о смерти сестры, писала и стихи).

– У меня хранится его стихотворение «Ёлка». Своё я ему послала не помню в каком году. Оно понравилось. Моя «Ёлка» написана в тюрьме.

– Анастасия Ивановна, а как случилось, что свою поэму «Высокая болезнь» – Пастернак посвятил вам?

– Просто она мне понравилась. Но посвящение это только в первом издании. Потом его не повторяли. Да это и не важно...

(Заметим в скобках, что посвящения репрессированным не могли появиться в те годы в печати. За этим строго следили).

– Пастернак был общительным человеком?

– Да... Конечно! Он с каждым был как у себя дома. В этом – его обаяние, его непосредственность, совершенно детская...

– А как он читал стихи?

– Пастернак? – (на секунду задумалась, подперев узкое лицо узловатой в пальцах, очень тонкой рукой) – читал своим гудящим голосом! Не так выпукло, не так скульптурно, как читал Манделштам. Но, конечно, очень своеобразно. Манделштам скандировал стихи. Волошин читал, как будто делился радостью: как хорошо получилось, как сложились слова, чрезвычайно медленно читал, словно перечёркивая эпоху, когда поэты в чтении летят как на курьерском, думая, что важно читать, а не прочесть...

Я очень прозу Пастернака любила, но не любила роман («Доктор Живаго»). Он прислал мне в ссылку машинопись первой части. Ему казалось, что в романе у него особенная простота высоты – а я люблю его «Детство Люверс». Это как раз то, что потрясло Горького. «Человек в 35 лет так перевоплотился в 13-летнюю девочку! Я бы не мог!» – говорил мне Горький.

– Я видел – у вас фотография, на которой написано...

– Да, да! «После бесконечной разлуки!» Это было 29 июня 1959 года, когда я вернулась для реабилитации. В это время и состоялась наша встреча...

– Вы его нашли очень изменившимся в тот, последний раз?

– Нисколько. Он только белый стал – за 22 года совершенно поседел. А лицо – молодое. Ведь важна игра лица. Игра лица была всё та же!..

– Значит, в нём была всё та же человеческая интенсивность?

– Совершенно, совершенно!..

Я слушал Анастасию Ивановну и думал, что есть редкие, отмеченные Богом натуры, всё существо которых – поэзия. Таким был Борис Пастернак.

...Помогая Анастасии Ивановне разбирать бумаги, я обнаружил листок. Текст я с её разрешения привожу в этих заметках. В нём, неизвестно кем переведённом и подаренном, свидетельство отношения Б.А. Пастернака к поэтам – его современникам.

«Вопрос внучки Леонида Андреева, американской журналистки Ольги Карлайль к Борису Пастернаку (январь 1960 г., Переделкино):

– Кого из ваших современников считаете вы наиболее близким в 20-е годы?

Ответ: «Вы знаете, каковы мои чувства к Маяковскому. Об этом довольно подробно писал я в моей автобиографии „Охранная грамота“. К большей части его последних произведений, исключая, конечно, его незаконченную вещь – «Во весь голос», – я был равнодушен. Упадок в области форм, обеднение мысли, неровность – черты, характерные для поэзии этого периода, – всё это стало мне чуждым. Но были и исключения...»

Я любил всё написанное Есениным, который так схватил и передал запах земли русской. Я очень ценю Марину Цветаеву – она стала совершенной поэтессой с самого её дебюта. В век аффектаций она имела свой голос – человеческий и классический. Она была женщиной, но с мужской душой. Борьба её с обыденщиной закаляла её. Она добивалась и достигала исключительной ясности и прозрачности. Она больший поэт, чем Ахматова, чьей простотой и лиричностью всегда восхищаюсь. Смерть Цветаевой была для меня самым большим горем моей жизни».

О СТИХОТВОРЕНИИ «ПОЛЫНЬ» АНАСТАСИИ ЦВЕТАЕВОЙ

В Литературно-художественном музее Марины и Анастасии Цветаевых в Александрове хранится большое количество листов, исписанных с двух сторон карандашом Анастасией Цветаевой. Среди них и стихотворения, созданные в сталинском лагере во время написания романа «Атом» в 1939-41 гг. Однако в роман были включены далеко не все стихотворения. Очень небольшая часть из них была опубликована в маленькой книжке – Анастасия Цветаева «Тетрадь Ники» – изданной дочерью репрессированного поэта Артёма Весёлого, Заярой Артёмовной Весёлой в серии «Поэты – узники Гулага» (издательство «Возвращение», 1992). В книжке всего 37 страниц. Название книжки условно, поскольку настоящая «Тетрадь Ники», если её собрать из стихов, первоначально предназначенных для романа, значительно обширнее. Наиболее полное «собрание» стихотворений Анастасии Цветаевой вышло посмертно отдельной книгой под авторским названием «Мой единственный сборник» в издательстве «Изограф» в 1995 году. Но и там «Тетрадь Ники» рассыпана по циклам – «Пёс под луной» и «Мыльные пузыри». Перерабатывая в 1970-ых годах роман «Атом», готовя его для публикации, Анастасия Ивановна создала «нелагерную» редакцию для того, чтобы продвинуть роман в печать. Лагерную тему не пропускала цензура. В планируемой книге было около 800 машинописных страниц. В этой версии основной акцент падал на любовь героини, Ники, к основному герою, Морицу. Потом времена изменились, цензура была отменена, и акцент сместился в лагерную обстановку, в которой действуют герои. В последнюю редакцию многие стихотворения по любовному накалу уже не подходили. Тем более что и в реальной жизни, в лагере, А. Цветаева была, по её устному свидетельству, куда менее увлечена прототипом героя, Арсением Этчиным, чем это было описано в романе. Сохранившийся в основном фонде Литературно-художественного музея Марины и Анастасии Цветаевых вариант стихотворения «Полынь» предназначен для «нелагерной» редакции и интересен для истории создания романа, для литературной истории.

Станислав Айдинян

АНАСТАСИЯ ЦВЕТАЕВА

ПОЛЫНЬ

(рукописный вариант)

Вздохну – полынь,
 Глотну – полынь,
 Горечи – полон рот.
 Хоть на минуту с сердца схлынь,
 Полынный водоворот!
 Обид, обид – уж их не счесть,
 А ведь ума палата,
 Но ведь на свете касса есть
 И чеки для расплаты!
 Баланс сведён, предъявлен счёт,
 Безжалостен анализ:
 Мой друг, Вы предо мной банкрот,
 А Крезом мне казались!
 Я б за тебя пошла в огонь,..
 И это зная – что ж?
 Ты, Сцевола, м о ю ладонь
 Невозмутимо жжёшь!

Ответь мне на один вопрос
 Осмелься вправду ты
 (Се человек и его пёс,
 О сколько красоты... –)

Нужна тебе я – да или нет,
Будь другом мне, ответь,
Должна я знать – да или нет?
Ответ – собачья пасть.

Но лишь я на дыбы, так уж ты –
Приветлив, мой нежный друг,
Прощу – и вновь глаза пусты.
Ну, словом, столько мук,
Что уж концов тебе не свесть
При всей ума палате.
Один лишь верный способ есть,
Сиречь, восполнив мужа спесь, –
Без слов раскрыть объятия.
Хоть расплатиться сей ценой
Тебе, Крез, по карману,
Чем шут не шутит? Друже мой,
(И даже без обману –)
Хоть ты, зажмуривши глаза,
Себе честней ответь:
И мне гремит сия гроза?
Желанны эти сети?
Желанны так, как никогда
Ещё не довелось...
Вот то единственное «да»
В ответ на мой вопрос.
Что может быть – и что гадать
Почти что год обид
Покрыло бы (О благодать!)
Что мозг мечтою сыт!
Ответ мой выслушал. Хорош?
Обороти монету!
Ужель ты нищенкой зовёшь
смирненного поэта?
Чтобы принять твоих щедрот
Бессмысленнейший дар.
Чтобы польститься, о Эрот,
На... жалости пожар?..
И пусть хоть раз ты мыслал так,
С плеча, пожав плечом...
Мне нестерпимый этот мрак
Не осветить лучом.
Мой друг, владеешь самой собой
Учусь семнадцать лет
Мериться силами с судьбой,
Следить полет планет.
Всех демонов своих на бой
Уже тогда обет –
И не удался б наш с тобой
Пленительный расцвет.
В моих мечтах отказом – Вам
гордыня напилась –
Давно! Когда я (по шагам)
предугадала Вас.
И хоть сие видений яд
Сим розам не цвести, –
Не мне, мой друг,
Тебе, – свой взгляд
Пришлось бы отвести.

АНАСТАСИЯ ЦВЕТАЕВА**РАЛЬФ**

Из книги «Непостижимые» (1992)

Когда я пришла к моим павлодарским друзьям, в их уютный домик с палисадником, где горели торжественные, упоительные по разноцветности гладнолусы, мне под ноги бросился жёлтый пушистый щенок.

– Это ваш? Откуда такая прелесть? – присев, я стала гладить щенка.

– Привезли из аула! Вместо сбежавшего! Вчера! Ральф. Хорош, правда?

Пёсик рычал, захлёбывался игрой, закатывал глаза, кусался и лизал руки.

И каждый раз, как я приходила к его хозяевам, кормившим, поившим, купавшим его, но с ним не игравшим, – он кидался мне опрометью навстречу, точно я была не человек, а щенок.

Неужели он будет жить в будке в павлодарские крутые морозы?

– Подрастёт ещё до зимы... – сказали мне в утешение.

Год перевалился с боку на бок. Я снова поехала в Казахстан. Когда я вошла радостно в калитку знакомого дома...

– Подождите, не входите, я сейчас собаку привяжу! На днях искусал женщину.

– Такого злюку достали? – отвечала я, постояв за калиткой.

Рыжая громадина, покорясь прищёлкнутой к ошейнику цепи, встала, взвизвись на мощные лапы, и – навстречу мне – молотила воздух передними, счастливо взвизгивая.

– Ральф! На место!

– Как, это тот крошечный Ральф?

– Да куда Вы, он Вас укусит.

– Он меня любит, – крикнула я в пасть его щедрости, и мы уже «лапали» друг друга, восхищённо, под критическим оком хозяйки.

– Осторожней, Вы всё-таки не знаете, какой злой. Его все боятся...

И все недели, что я гостила у родных и приходила часто с внучками к друзьям, – наши встречи множили собачью и человеческую нежность, и дружба цвела. И ещё приезд, и ещё. Внучки боялись входить без меня, а при мне он был к ним приветлив. Но их мать, без меня пришедшую, искусал так, что она месяц ходила на перевязки.

Однажды, придя к друзьям, я не застала их дома. Внучка Оля ждала меня за калиткой. Засунув записку в замок, поласкав Ральфа, я уже уходила, когда он, рывкнув, прыгнул, придавив что-то лапой. Придавленная к земле белая курица голосила по-человечески. Деловито отфыркиваясь, Ральф рвал перья, лапой держа в отчаянии голосящее существо. Раньше, чем я поняла, что делаю, взлетела над Ральфом палка. Ударяя, я метила так, чтобы попасть не по мягкому, – а по твёрдому собачьему окороку. Мне было 70 с лишком, и я в первый раз била собаку. Но собака не выпускала курицу, только дрогнула под ударом. Куриный вопль о помощи был страшен. Ещё миг – пёс разорвёт её. Второй раз взлетела – сильнее – палка над белым комком перьев, но, должно быть, осторожен был мой удар – Ральф не выпустил курицу. Тогда страх, что сейчас на моих глазах он сожрёт кричащее существо, превозмог жалость к другу – по рыжему окороку рухнул третий удар, сильный... Ральф забился в глубь будки и оттуда жалко стучал хвостом, вытянув виноватую морду.

– Ты так кричала на него, – потом говорила мне Оля, – и топала, и стыдила.

– Правда? Совершенно не помню... Я помню одно: как вся целая убежала курица, рассыпая перья. Как она осталась цела?..

Мы шли дальше, я говорила:

– Олечка, самое интересное то, как один рефлекс – страх за курицу – пожрал другой рефлекс – жалость к собаке. Нет, и ещё один рефлекс он пожрал – инстинкт самосохранения. Я первый раз в жизни била собаку – *сильно* била! – позабыв совсем, что ведь она может кинуться...

– А я так кричала тебе, ты не слышала? – прервала меня Оля, – я так испугалась, что она *тебя* разорвёт, а не курицу...

– Ну вот, видишь, что значит любовь собачья! Ему и в голову не пришло на *меня* броситься. Он оттуда, из будки, просил *прощения*, как только опомнился.

Прошло ещё несколько лет. Снова я в Павлодаре. Друзья мои продали домик, переехав в квартиру «с удобствами», – вместе с домом продали сторожа. Я шла на свидание с Ральфом.

– Куда Вы? – истошным голосом кричит женщина, выскочив на порог, видя, что я открываю калитку. И обернулась на нежное зрелище: Ральф, стоя на задних ногах, мотал передними лапами. Но я уже про-
рвалась мимо новой хозяйки, и мы с Ральфом обнялись, празднуя встречу и память, и я что-то кричала
счастливое возмущённо кричавшей хозяйке.

ЭЛЛИС

ПРЕЖНЕЙ АСЕ

Бьётся чистым золотом струна,
и сверкают серебристой льдины.
Что за песнь доходит к нам со дна?
Это – смех резвящейся Ундины.
Чуть кольшат волны тень челна,
парус гибче шеи лебединой.
Что за песнь доходит к нам со дна?
Это – плач покинутой Ундины.
Струны, как медные трубы, гремят,
дрогнул султан исполинского шлема...
Слышишь их рокот? Они говорят
нам про коня и Рустема.
Струны, как флейты, вздыхают, звеня,
отзвуки битвы доносятся слабо,
вижу шатёр в бледных отблесках дня,
вижу в нём тело Зораба.
Тихо померкнул малиновый круг,
грустно вздохнули цветы, поникая;
чья это тень стройно выросла вдруг,
в даях вечерних мелькая?
Лампа, как Ангел, роняет лучи,
в детские глазки, смотрящие прямо...
Где же и шлем и шатёр и мечи?
Сказку читает нам мама.

1905-14, сборник «Арго»

ВАЛЕРИЙ ИСАЯНЦ

АНАСТАСИИ ЦВЕТАЕВОЙ

Забыли мы о ёлочных свечах
Рождественских... а как они горели,
Мерцали, оживали – оживляя,
Равно и Ваша тихая молитва
И точность Ваших поздних слов и взглядов...

Где растерял всё это я, и как
Без этого мне жить? Вновь Рождество,
Бенгальские потушены огни.
Я праздную один. И синий шар
Нелепую улыбку отражает,
Какую бы Вы видеть не хотели...
Как жизнь мертва в тех, кто так жив чрезмерно,
И как она у Вас в лампаде тихим
Неувядаемым горит огнём...
Благословенны трижды
И Ваш приход ко мне и Ваша святость
Сто лет Вам! Больше! Тысячу живите!
Но мне что делать с грустью одичалой
Лукавой пустоты рассудка? Искупить?

Зима 1979

Воронеж

МАРК ЛЯНДО

А. ЦВЕТАЕВОЙ

На море шторм и солнца луч трепещет
Он Вам сродни.
О, как вставал над бездной смерч зловещий
В былые дни.
Но пусть сжимали кобальт небосвода
Левкады туч,
Цветаевская лёгкая природа
Вся – Дух, вся луч!
И вот слонится дымчатым сапфиром
Вся овидь волн,
И мгlistый мир стад новым дивным миром
И блага полн!
Опять в часах кукушка куковала
О, Лета лет...
Но Вы – вся вновь, как прежде, как бывало,
Порыв и свет!
И век, как встарь, и юный и зелёный,
И вновь поэт
Приносит Вам, смиренный, вдохновённый,
Сих строф букет.

22.09.1972 г. Коктебель

ТАТЬЯНА МЕЛЬНИКОВА

ВСТРЕЧА

Посвящается А.И. Цветаевой

I

Это утро – серое и мрачное –
Солнцем заблестело в вышине!
Встреча долгожданная назначена,
Как божественный подарок мне.

В комнате, иконами заставленной,
И портретами, – иных уж нет...
Хрупкая, последняя Цветаева,
Догорала, излучая свет...

II

Сюда вхожу с волнением, не дыша,
И вся за мной повинная Россия.
Былиночка, в чём держится душа –
Маринина сестра, Анастасия –

Навстречу – отрешённа и легка,
Скрипучих не касаясь половиц
(Так в небе проплывают облака),
И хочется пасть на колени, ниц.

Как пред святой, замаливая муки, –
И лагеря, и ссылки и разлуки...
Я ей дарю тарусскую калину
И радость озаряет тихий лик,

И в этот самый сокровенный миг
Вдруг ясно пропускает сквозь морщины
Тарусской девочки нежнейшие черты –
Далёкий свет над бездной темноты.

АНАТОЛИЙ ЯНИ

ВОСПОМИНАНИЕ АНАСТАСИИ ЦВЕТАЕВОЙ

Станиславу Айдиняну

Я и струи реки – визави.
Пароходным гудкам улыбаюсь.
Мама шепчет мне: «Ася, плыви!» –
И из рук я её вырываюсь.

На ладонях держа над водой,
 Мать шепнула: «Пльви без оглядки!..»
 Я рванулась – и мама за мной,
 Под водою хватает за пятки.

Только мутная зелень в глазах.
 Может, траур – зелёного цвета?..
 Вспоминается речка и страх
 Водных струй и коварного лета.

Я живу! Я опять на коне!
 Снова жизнью люблюсь, как розой.
 Шестилетней девчоночке, мне,
 Удалось ускользнуть от безносой.

1983

ВАЛЕРИЯ КИРСАНОВА

СОНЕТЫ К МАРИНЕ ЦВЕТАЕВОЙ

Памяти А.Ц.

1

Любовницы читают ли, Овидий?!
 Они мужчину по-другому видят –
 Как бьётся сердце, спрятанное в схрон,
 В муть карасём, в пруд уткой, зайцем в тёрн,
 Пытается оно избегнуть чувства,
 Которое лишит приятной грусти,
 Взорвёт привычной жизни череду...
 Напрасно заклинанье «не пойду!»,
 Бесмысленное «я собой владею» –
 Подобно придорожному халдею,
 Я предскажу, что скроется беглец
 Лишь от себя. И тут ему конец.
 Чем крепче спит в своём незнании он,
 Тем глубже корни тайной афродиты...

2

*Под римским небом, на ночной веранде,
 Обложенной цветущим олеандром,
 Где свадебные сходят поезда,
 Не с простыни, а с чистого листа
 Начнём. Ты молча отпускаешь руку,
 Что тетиву натягивала в луке,
 Ласкаешь лён распущенных волос,
 И не найти ответа на вопрос:
 Куда же подевалась амазонка,
 Похожая на война-ребёнка,
 Наивная в свирепости своей...*

Она теперь за тридевять морей,
 Гуляет в тишине пустых аллей,
 Навек забыв о прежнем адресанте.

3

Мне синь небес и глаз любимых синь
 Оставь сейчас, на спину опрокинь,
 Дай окунуться в луговые травы –
 Ты изменять судьбу имеешь право,
 А я – любить, когда не до любви.
 Услышу все мелодии Твои,
 И просвищу невидимой тетёркой
 Ответ земли, покрытой твёрдой коркой
 Оставленности. Мягкая, как пух,
 Когда её распахивает плуг,
 И тот же ракурс над собою видит:
 Лицо мужское, мокрое в соитьи,
 Перепелов, летящих из укрытий,
 И пахнущую горечью полынь.

4

Не читанное мною Ars Amandi¹,
 Чужого оболщенья меморандум,
 Не принесёт сюда ответный жар –
 Любить кого-то слишком редкий дар.
 Быть преданной умеет и собака,
 Ты можешь говорить «люблю» и плакать,
 А всё не про него, а про своё.
 Любовь – такое тайное чутьё
 На всё, что нужно не тебе, другому,
 Нечёткий контур обретает форму,
 Когда отдашь без мысли на возврат,
 И хочешь дать ещё, ещё, стократ,
 В награду получив счастливый взгляд –
 Беспенное в любовном преискуранте.

5

Язычника – языческая мечь:
 Сказать в лицо губительную весть,
 Пока идут последние минуты
 Свидания... Как будто яд цикуты,
 Холодным сделал ноги и ладонь,
 И к сердцу подбирается огонь
 Холодный, как ожёг попавших в прорубь.
 В открытое окно заходит голубь –
 Нет, ты не примиришь сегодня нас.
 Целую в губы словно в первый раз,
 А не в последний. Вот теперь – испито,
 Пустая чаша падает разбитой,
 И смертной бабой плачет Афродита,
 Узнав, что всех богинь не перечесть.

И мёртвые встанут как по команде,
 В предбаннике, пропахнувшим лавандой,
 И муж, и дочь, и кто там в темноте
 Заплачет по ещё живой тебе.
 Всё кончилось – продукты, силы, день,
 И даже закричать не стыдно – лень.
 Свисает крюк, торчащий пуп земли,
 Наводит мысли горькие мои
 На вечные последние качели,
 Ногами оттолкнулись – полетели...
 Подхватит кто в небесной высоте?
 В заоблачной господней красоте
 Положат на исписанном листе
 И, может быть, протащат контрабандой...

¹ Ars Amandi – искусство любви.

ГЕОРГИЙ КОВАЛЬЧУК

ОДИН ИЗ ТЫСЯЧ ВЕЧЕРОВ с Хамовников на Каланчёвку к Анастасии Ивановне Цветаевой

3.12.1992 г.

18 часов 30 минут. Давно стемнело, но свет на улицах горит не всюду. Над головой грохочет электричка, под мостом нищих нет, но грязь и сырость остаются, неудобно настолько, что серую громаду «Ленинградской» гостиницы не красят яркие огни казино.

Афиша американского фильма «Калигула» сманила к кинотеатру «Перекоп».

В дом 8 по Большой Спасской я помогал переезжать Анастасии Ивановне с улицы Горького 26/1, где 17 лет жилось ей в коммуналке. В середине октября 1979 года, наняв легковой «шпики» и с той поры немало каблучков стёр на этих тротуарах.

...Резиновый половичёк у двери малость забит пылью. Как правило, наводить порядок начинаю с него. Но сегодня ноет спина, затяжелел портфель, полный книг и хлеба и, поленившись подниматься к мусоропроводу по лестнице, вытряхиваю грязь рядом под щитом электросчётчиков.

На сразу два коротких и длинных звонка, дверная ручка задёргалась мелкой дрожью поплавка. Протискиваюсь бочком в приоткрытую дверь, второй шаг, и лишь потом замечаю за дверью понуро стоящую мягкоглазую, снежноголовую всю из «чуть-чуть» хозяйку.

– Здравствуйте, Анастасия Ивановна! – помогаю закрыть дверь на все защёлки и цепочку. – Как же так, никого нет, а вы выпускаете без оклика? Похожее в сумерках прихожей на спущенный парус лицо, оживает, скользкий дух узнавания перепорхнул к губам.

– А, Юрочка, – выдохнул себя стесняющийся рот без вставных зубов (надеть не успела), глубоко и давно надтреснутым от долгого молчания глуховатым голосом. – Похоже «прихожане» не беспокоили сегодня, – успеваю про себя отметить. – Здравствуйте! – смеётся, – выпустила так, с риском – и нет, не ошиблась. – Голос чуть закругляется, смягчается в улыбке и, овладев ситуацией и собой, звучит «поставленным на собеседование» с желанием звучать властно, чётче, приглашая следовать этому всех, кто к ней обращается.

Снимаю пальто, обувь. Под цвет носков отыскиваю у складной металлической лесенки тапки, приглядываюсь с желанием всё и вся застать без изменений. Стабильность в её быту на 98 году жизни – больше чем благо.

АИ в сереньком, обвисшем на ней (давно уж всё на ней висит хитомом) халатике с длинным рукавом (не признаёт с коротких) и в новом, похоже из недавних подношений «прихожан» полушерстяном фартуке с пеной оборок и зелёно-жёлтыми цветами. Помогаю снять фартук, вешаю на ручку вечно раскрытой

в кухню двери. Стоим рядом. Хозяйка гладит ладонью мою вельветовую цвета тропической ночи куртку, головой чуть наклонена вниз, непослушные пряди из паутинок волос ложатся на бровь, спускаются к носу.

– С рукой случилось что? – ожог или порез – обращаю внимание на лейкопластырь на среднем пальце левой руки.

– Нет, Юрочка, какая история, вы первый, кто спросил об этом! – внимаю всем собой голос Прама-тери и тороплюсь вставить:

– Остальным некогда замечать, заняты собой или приходят с делом. А почему бинт, странно, с обеих сторон? – плеснуло кипятком? На ноги не попало?

– Нет, нет ни ожога, ни пореза, а вывих сустава.

– Господи, падали вновь?

– Скажите, нет, банальный вывих и хорошо, что у меня в этот момент был Саша Ковальджи, он помнил, что мне помогает, и сразу нашёл мазь, наложил повязку, заклеив с обеих сторон.

Да, Саша молодец, пластырь не жалеет, отныне в пластыре не только фотографии, окна, но и вы! Примечательно, знаменательно и любопытно. Кстати, у меня на руках в драках выбиты все суставы и стоит нажать на вот этот большой палец, он съедет в сторону. Как же у вас, тем более средний, умудрился? Здесь речь скорее о сухожилии, т.е. вы путаете вывих с судорогой или спазмом сосудов. А судороги бывают у молодых, здоровых, сведёт ночью ногу и хоть криком кричи. Как при обычных судорогах, вам нужно пить купрум и держать в руке медную иконку.

Зная, что и подозрение на недомогание вызывает у АИ массу беспокойства и мне предстоит услышать ещё многое, стараюсь сменить тему. С удовольствием оглядев три картонные коробки, полные овощей, прохожу вслед в комнату.

– Анастасия Ивановна, вспомните, вам не приносили приложение к «Литературке», посвящённое Марине Ивановне, так называемое «Досье», на этот раз, как я говорю, весьма и весьма грязно спитое. Одно дело оговорить в книге, которая попадает не к каждому, и другое – подобрать скандальное для широкого читателя. Деньги воистину не пахнут...

– Да, мне принесли всего один номер.

– Вот Вам ещё один на всякий случай.

– Хорошо, Юрочка, спасибо, я кому-нибудь подарю.

АИ садится в глубокое кресло, откуда вывалиться, заснув, невозможно, и потому самое безопасное для хозяйки.

– Почитайте мне книжку о явлении Божьей матери где-то в Испании. Недавно принесли и надо чтобы вы прочли, что она говорила детям.

Неожиданно громко, к чему нельзя привыкнуть, звонит телефон. Я моментально схватываю трубку и, не спросив *кто*, устраиваю аппарат у кресла и слушаю и долго слушаю жалобы на непослушный палец, о том, что скоро выйдет большая книга на 20 печатных листов и маленький сборник детских рассказов и как радуется скорая возможность одаривать книгами близких и знакомых. Пока же лежит маленький сборничек Юлии Куниной, изданный за счёт автора, и она с разрешения её подписывает и раздаривает всем, кто приходит. Собеседница обещает в ближайшее время появиться. Пока шли переговоры без всякого желания читать просмотрел слащаво оформленную агитку Ватикана. Вспомнил о 3-х экземплярах «Воспоминаний» третьего издания в портфеле.

– Анастасия Ивановна!.. – сам не успел побывать в магазине за вашей книгой, но обзвонил многих и они нам сохранили экземпляр, и магазину очень и очень признательны. Не подпишите ли для троих?

– Конечно подпишу!.. – ухожу и прихожу с книгами. – Юрочка, вы сможете ночевать у меня в воскресенье? – В скромном уборе до бесцветности истонченных ресниц и бровей белесый ситчик глаз твердеет и ненавязчиво вопрошает.

– Смогу, я привык ночевать у вас в воскресенье, если вы помните, это мой день.

– Станислава срочно вызвали родители в Одессу, он от меня уехал на вокзал. Его младший брат не может отлучиться из Москвы, он в очередной раз решает семейные дела. А сегодня и завтра ко мне должен приехать Витя.

Станислав Айдинян, Саша Ковальджи, Доброслава Анатольевна, Витя – тот лет пять как в помощниках у АИ; освободив меня дали возможность заниматься писанием, чем я, просидев за письменным столом за 16 пенсионных лет, воспользовался, стыдно признаться, нерадиво...

– Давайте так. Уж раз я здесь, позвоню Вите, сейчас 20 часов и, если застану на выходе, предложу ему остаться дома, а я заночую.

– Правильно, звоните (называет наизусть номер), но помните, это номер его родителей и они могут вашу просьбу ему не передать...

Я сообщаю план подмены, мне обещают Виктора оповестить, если он даст о себе знать.

Говорильня окончена, охотно подсаживаюсь к АИ. Она открыла книгу. Под своей фотографией на авантитуле возникают шатающиеся, сучковатые цифры 1971. Пока я рассказываю о приятеле – заме-

чательном художнике самоучке, который, закончив мединститут, врачует кистью и ироническим умом, авторе пьес, своеобразных персонажей – стомаков и далоидов, прекрасном семьянине, на титуле появляется надпись: *Семье Тишковых историю семьи Цветаевых, жившей в очень старой России. Храни вас Бог! Анастасия Цветаева. 98 лет 3.XII. 93 г. Москва.*

– Забыла, какие тут фотографии. Жалко, что не поместили мою фотографию с собакой. – Перелистывает, я помогаю ей найти подборку. – Что здесь, Юрочка? – водит по странице носом в тщетной улыбке рассмотреть.

– Мария Александровна и Иван Владимирович на глыбах мрамора.

– Да, я помню, они уезжали ненадолго и им очень понравилась эта поездка.

– А здесь дача в Тарусе.

– Вспоминаю эту фотографию, сейчас на этом месте танцплощадка. – Страница выпархивает из неловких рук. – А вот ваша любовь с Мариной. – Энергичный подъём головы ко мне, глаза выскивают признаки понимания, рука ощупывает, гладит Кобылянского. – Какие взрослые и многообещающие лица здесь у него и у Марины одиннадцатилетней! Рука скрывает надпись в конце страницы и я путаю Кобылянского с Эллисом.

– Я знаю, Марина Ивановна посвятила ему несколько стихов. Желая скрыть неловкость, помогаю перелистывать, АИ задерживает бег страниц, рассматривает портрет мужа Б.С. Трухачёва. – Какое благородное, человека достойное лицо, правда, похоже на Гёте и Гейне?

– Скорее на Байрона.

Господи, как в голову не приходило!..

– Естественно, ведь все романтики из вымирающей породы.

– А здесь, – взгляд на молодых на странице рядом, – Сергей какой-то отрешённый... – Что подтверждает ваше выражение: «Он пошёл в её руки как голубь».

И властный взгляд супруги, главы семьи, хозяйки. До чего же красивая пара и головы как на иконах, среди облаков.

Бегут, шумят назад страницы.

– Представить невозможно, здесь маме 36, а ушла из жизни в 38. Однажды повела меня мама на Кузнецкий мост к Фишеру фотографироваться. Тогда известное в Москве фотоателье, снимавшее императорскую семью. Мне тогда было годика четыре. Обходительный, вежливостью распираемый мастер, удивлялся воспитанностью дочери, говорил комплименты маме, но услышал моё обращение к маме – «Пёс» – опешил, начал заикаться и не желал услышанному верить. Маме пришлось объяснить, что это самое ласковое слово её дочери.

– А кроме её кого называли этим именем?

– Никого, только маму. С 2,5 лет добавляя по настроению «пёс серебряный», «пёс золотой» и позже даже «бриллиантовый». Правда, в первое время по малолетству, забывая слово бриллиант, называла порой бертолетовый, что всех очень смешило.

– А ведь об этом не написано?

– Верно, Юрочка.

– Славно, будет возможность дополнить новыми чудными страницами и, пожалуйста, помните: самая читающая страна у ваших ног и жаждет ваших публикаций.

Звонит телефон. Бархатисто-плюшевый голос назвался Лилией Газизовой. Я вспоминаю юную, миловидную с тенью перегоревших страстей в лице, пописывающей в рифму, якобы татарскую княжну из Казани.

– Слу-у-у-шаю, – по нисходящей, – кто говорит?! – строго и твердо вверх. А, Лиличка. Вы где сейчас, я рада слышать ваш голос! В Переделкино? – колёсико громкости выкручено полностью и мне отлично слышен голос Лили. – Как вы туда попали?

– Я по путёвке и буду целый месяц.

– Рада за вас. Я люблю Переделкино и в этом году побывала в нём четыре месяца. Как ваше самочувствие, личные дела?

– Хорошее, Анастасия Ивановна. Я вышла замуж.

– Вышла замуж! Поздравляю, муж хороший, заботливый, внимательный к вам?

– Да, мне повезло, я довольна.

– Вероятно, у вас скоро будет ребёнок и кого вы предполагаете?

– Мальчика.

– Я вам советую девочку, поверьте моему опыту, они менее капризны и потом, когда у вас будет мальчик, девочка будет помогать за ним ухаживать.

Лилия признательно схикикивает, голос звучит с заискивающей благодарностью.

– Мой муж... мы хотим иметь только мальчика.

– Надеюсь, ближе к делу вы перемените решение. А как стихи, пишутся? Приезжайте, будет время, почитаете.

– Да, Анастасия Ивановна, если можно, я днями засду. Скажите мне телефон Саши Ковальджи, он у вас бывает по-прежнему часто?

– Да, три раза в неделю бывает, иногда ночует, мне нужно мерить давление потому... потому что недавно давление подскочило до 180/80 и я опасуюсь инсульта. А где вы взяли путёвку, сейчас это удовольствие стоит баснословно дорого?

– Путёвку мне достал муж.

– Ах муж, на то он и муж, чтобы обеспечивать.

АЦ начинает больше слушать, чем говорить, и это первый признак, что беседа её утомляет, слова произносятся в растяжку. Наконец уточняется время и детали встречи. Ссылаясь на свой опыт, АИ советует Лиле звонить Саше поздно и собеседники прощаются. Водворив телефон на место сообщают:

– Я княжну вспомнил, знаю и радуюсь, что она за подходящим литератором, похоже, мечта голубая сбывалась. Женщине важно быть при... Лучше быть чей-то, чем всех. К слову, послушайте об этом байку. Как-то в ЗАГС заявлялась слишком юная, прямо с улицы, пара. Спрашивают у юноши, которому лет 17:

– Твои родители знают о вашем намерении, дают они согласие?

– Да, конечно иначе я сюда бы не зашёл.

– А твоя мама не возражает?

– Нет. – отвечает 15-летняя невеста.

– И что же она сказала тебе в ответ на заявление выйти замуж?

– Так ничего, сказала только «лучше так, чем просто так» и всё.

АИ смущённо опускает голову и охотно смеётся серебристо струющимся хохотком, щёки передёргивает загадочная, таящая века, судьбы многих людей, улыбка. Руки на кресле, чем не облик Вольтера во плоти изваянный в мраморе Гудоном?..

– Хорошо ответила мама.

– В положении многих мам лучше не скажешь, потому ответ этот помнят и будут помнить. А было это кажется в Чехословакии.

Пока мы говорим, тем временем книги подписываются для художника Арона Штаркмана, с которым приятельствую едва ли не с 1950 года; дочери известного в Молдавии журналиста, радио репортера Ф.П. Чащина, Ларисе, тем же текстом, что и семье Тишковых. Книги собираю и уношу в портфель, ставлю по просьбе хозяйки чайник. Проснулся телефон, беру трубку на кухне, говорит едва не ровесница АЦ, ближайшая, старейшая подруга, Е.Ф. Кунина. Пока приятельницы обмениваются жалобами, чищу закопченные, зажаренные миски без всякой надежды управиться до поздней ночи. Тщательно скребу, тороплюсь, заканчивается разговор, с носа срываются увесистые капли пота. Завариваю чай, ухожу с кухни.

Усаживаемся за чтение книжицы Антонио А. Борелли «Фатимская весть: трагедия или надежда?» с явлением Пресвятой Богородицы трём португальским детям между маем и сентябрем 1917 г.

Через детей Пресвятая обратилась – при стечении многотысячных толп – с просьбой к людям – остепениться, иначе с лица земли исчезнут многие народы. Читаю последнее явление: «Шёл дождь на протяжении всего явления. Но в конце явления, когда Богородица начала подниматься, Лусия воскликнула: «Взгляните, солнце!» – облака приоткрылись, открыв солнце в виде огромного серебристого диска. Оно сверкало с невиданной силой, но не ослепляло. Затем огромный шар принялся «танцевать», подобно гигантскому огненному колесу, солнце быстро вертелось, распространяя вокруг себя красные снопы пламени».

Напоминает взлёт ракеты инопланетян. Дети, не знавшие реактивной, атомной энергии иначе и не могли воспринимать... И потом, ведь солнце не в состоянии плясать, вертеться, в природе нет сил, способных «сдвинуть» его с места. – Меняю ритм, так, чтобы А.И. перестала в дремоте ронять на грудь голову. Пока читал, А.И. выуживала из общей коробки нужные коробочки гомеопатических средств, отсчитывала и посасывала шарики. Некоторые белые «дробинки» просочились сквозь «дырявые» пальцы, усеяли пол... Я их собрал и, чтобы дать время на усвоение лекарства, продолжил чтение наиболее интересных с моей точки зрения мест. АИ сосала, дремала и возмутилась лишь однажды показом детям ада.

Договорились чтение прекратить.

Твёрдым, неспешным шагом к кухне, быстрым, как скок, к плите. Голос из-за спины:

– Какая странная каша! – приподняв за «уху» сковородку к глазам рассматривает до плотной корки засохшую гречневую кашу.

– Чай давно ждёт, и если подогреть кашу, чай совсем остынет. Проповедуя древневосточную систему питания, некий Г. Осава, рекомендует жевать то, что мы пьём, и пить то, что жуём, как и принимать жидкость перед едой. Не рискнуть ли нам последовать его совету, и пока каша будет греться, приняться за чай?

– Конечно, давайте пить чай, – выбирает из глубокой чашки остатки тушёных овощей, мешает с кашей и я ставлю сковородку с месивом на плиту. Пьём чай с сахаром, заедаем кусочками печенья с листа целлофанового пакета со сладостями, что покоится на холодильнике. Сотни «прихожан» помнят, как пробовали с этого «листика» угощения. Рот, по аналогии с предбанником, принято считать предкухней живота. Стоит начать пить то, что жуём, организм начнёт усваивать гораздо больше, раньше насыщаясь, и тогда обмен веществ будет похож на обмен, а не обман их. Возможно, потому большие зубы отбирают

сда ли не 15% здоровья. Представляете, как-то Михаил Иванович Чуванов пожаловался на глаукому. Я оббежал высокие инстанции и выхлопотал ему направление в клинику Фёдорова. Кстати, он попал в руки нашей знакомой Григорьянц. Не приняли, а предложили привести в порядок полость рта. Являюсь к нему как-то, Михаил Иванович улыбается, показывая пустой рот. Говорит – «Полюбуйся, что ты наделал, за 3 посещения в течение 3 недель мне вырвали 22 зуба», – и я всплеснул руками, – какой вред нужно было учинить своему здоровью, чтобы жить с таким количеством гнилых зубов и это на 90-м году жизни? Воистину дуб мореный, только богатырское здоровье, закалённое русским «авось» могло позволить подобное издевательство над собой.

Спешу поздравить Вас, Анастасия Ивановна, Вы пережили, не рассчитывая на то, древнейшего из моих знакомых на два года.

– При моём слабом здоровье мне самой странно моё долголетие. Марина куда здоровее меня в детстве и молодости, а вот... – и я впервые наблюдаю, как АИ обращается к сестре, со стен смотрящей на нас со своих трёх портретов, прикреплённых крепко к стенам лейкопластырем.

Странного нет, режим, характер, праведный образ жизни, вегетарианство, голод и холод многих лет, в том числе тюрем, ссылки. Благо воздержания известно, увы, только мудрым. Притом природа сама чудный селекционер, как выясняется при внимательном рассмотрении. Замечено, что из двух вишен увечная калека, худосочная, плодоносит раньше, живёт дольше. Едва ли не все узники Бухенвальда оказались в долгожителях. У имеющего большой гарем шаха, как правило, рождаются наследники. Механизм саморегуляции в природе действует чётко на всех уровнях. Вот почему дворяне, зажиточные люди вырождаются в третьем поколении, природа отдыхает на детях гениев, и всплески творческой и умственной активности целых народов приходится на неблагоприятные годы, т.е. человек в раю непременно превратится в обезьяну.

– Вам, Юрочка, это не грозит.

– В стране вечной борьбы от роскоши не вырождаются. Чувствуется, что отоцал я, дальше некуда. Представляете, коробка «Геркулеса», что пользуется спросом, на то и повышают идиоты цены, – 0,5 кг. Стоит больше 50 рублей вместо недавних 35 копеек. Не запасись крупами заранее, я не знал бы что делать. И с запасом изворачиваюсь ужом. Берёт народ головы сомов для кошек и себе в угоду. Сварганила на неделю полную кастрюлю ухи, и в ус не дую. Представьте, с весны только купил малость картошки. Рука не поднимается платить за неё втридорога, в то время как она гниёт на складах.

В целом 97% продуктов и 99,9% промтоваров давно не по карману, но не унываю. Купил в том месяце на распродаже гуманитарной помощи из США тройку штанов на вес, так обеспечив себя на всю оставшуюся жизнь, которая не столько находчивых, сколько весёлых не оставляет. Послушайте любопытный случай. Осенью, побывав у метро Тушинское у приятеля Арона Штаркмана (Вы подписали ему сегодня книгу), еду домой. И дёрнуло меня ехать «верхом». Ехать подземкой показалось мне издёвкой, а сократить время было заманчиво. Вышел спустя пару остановок к автобусу. Стою, жду. Вдруг металлический звон и в чаше полной урны замечаю калькулятор, выброшенный за ненадобностью кооператором из киоска рядом. Я подобрал, держу в руках, любуюсь дизайном нужной и полезной вещи, которую в руках держать приятно просто так. Стекло разбито и не работает, а ремонт стоит рублей 300, что мне не по карману, и ни к чему. Мелочь свою считать можно и в уме, или с помощью пальцев. Я всё же его приспособил; у каждого прилавка заглядываю в него, якобы считаю, и продавцы обсчитывать побаиваются, т.е. я экономлю ежемесячно немало и можно бы отремонтировать, но мне не хочется, так весело. Весело и Анастасии Ивановне. Или примерно в то же время на мусорных баках вижу две пары туфель моего размера. Беру, и вот обул на многие лета. Смешно, но факт – живём с надеждой не на правительство и новый строй, не на перестройку, а на помойку.

Спал голодным, ну и что же, что сил меньше, но настроение, самочувствие прежнего лучше. Чем меньше масса, легче её двигать, да и годика три как к врачам не обращался. Так что напасти переносу покада с пользой.

– Юрочка, что за чай? Невозможная гадость, настоящее сено! Вы чем заваривали чайник? – вопрос застал меня врасплох. Извечная неприхотливость в одежде, пище, божественное отстранение от быта, ставшее притчей, и такой наскок?

Старую заварку я не выбрасывал, добавил вот из баночки немного новой, только и всего. Правда, смотрите, здесь хоть и на дне, но видно в чае – немного золотистых блёсок, словно подсыпана нашишкованная мелкая банальная соломка. Я её видел и решил, что для Вас с лечебной целью кто-то подложил нужную травку. Нужная травка – всегда неплохо.

– Терпеть не могу в чае травы, даже мяту. Как она туда попала? Я отлично помню, что никого об этом не просила, – сообщила она грустным и твёрдым голосом альта. Я новыми глазами всматриваюсь в чётко выраженный гётевский профиль и нахожу с умилением, что горбоносость придаёт облику необычайную монументальность и жизненность одновременно, и так как голос альта это голос не первой скрипки, поглядывая на портреты сестры старшей, пытаюсь представить её столетней на заветном стуле у этого кухонного стола... но мозг сверлит другое: «почувствовать вкус примеси, всё равно, что ловить микроны?..»

– Что делать, заварил чем есть и, думаю, этот чай попал в вашу банку из роскошной импортной коробки; за граница, особенно англичане, любят всяческие добавки, т.е. чай, как мне кажется, вполне съедобный, его, как говорят в России, «откушать можно», – стало быть, не грех. – Про себя продолжаю строить догадки: – на десятом десятке восстановить вкусовые восприятия ребёнка это ли не чудо женщины, способной дожить до «надцатой» молодости своей! А что, если это симптоматическое начало так называемого впадения в детство? – о худшем думать в этом доме не принято, грешно, и как-то не выходит, слава Богу. И так как за столом разговоры о еде скоро приедаются, постарался сменить тему.

– Слышал, к вам зачастую приятель Юлии, Саид Баев со товарищами и вы дали согласие побывать на вечере в Доме учёных?

– Да, машина обещана, Юлия талантлива и я пообещала сказать вступительное слово.

– Кроме Юлии и Саида кто будет читать свои стихи?

– Какая-то Света Максимова, я её не знаю, вы знаете её?

– Нет, впервые слышу её имя. Но Анастасия Ивановна, справедливо, оправдано ли, не побывав на торжествах к 100-летию сестры, вы вдруг появитесь на вечере неизвестных, пусть и способных поэтов? Лицо, окаменев, помолодело...

– Марины нет, ей не поможешь. А здесь благодаря мне устраивается вечер. Конечно, я дала согласие, – прозвучало не допускающим возражения, сомнений тоном, с чётко выделенными нотками, расставленными акцентами так, что и козе понятно: инцидент исчерпан, но для меня исперчен, и чувствуя себя я крайне неловко под взглядом Марины Ивановны со стен, «Пуританство оправдано тем более, когда живётся «главной жизнью» и, вероятно, грешно осуждать, тем более в женщине, желание быть полезной образованным и одарённым молодым».

Мы пьём чай. Зная, что А.И. любит поговорить и во время еды, а закусив, впадает в спячку, так как вся кровь и силы сосредотачиваются на усвоении, считаю своей обязанностью помешать ей отвлекаться, рассказываю о делах в мире. – О грызне, в запальчивости потерявших последний разум «глав» правительства и Верховного совета, досадуя, что в мире, где о других подумать мало того, что некогда, ещё и нечем, лишь реки крови да годы могут образумить массы.

О том, что иностранцам выгодна наша бедность, и с одним долларом в кармане чувствуют себя у нас богатыми – как у бога за пазухой и что японцы покупают у нас шубы за стоимость бутылки Кока-колы. Все понимают, что если нам не удалось построить социализм с человеческим лицом, то с какой мордой получится у нас капитализм и, страшась этого, разрушают, а не строят, ибо привыкли делать то, что легче. Мы много говорим, осуждаем, клеймим и несёмся неведь куда на тройке русской из «авось», «небось» и «как-нибудь».

На зависть хорошо приматы умеют приспособляться и размножаться, а живородящие – урвать. Лет 30 назад я вслух не стеснялся сокрушаться: не дай боже с советским быдлом встретиться у корыта и, едва стукнуло 40, сказал: грызитесь без меня, друзья, товарищи, – и на пенсию ушёл, довольный тем, что мои годы пришлись на 60-е, а не на 30-е, и потому в живых, в память о многолетней борьбе в авиации с пустоголовыми и прощелыгами. На прощанье заказал экслибрис с запорожским казаком, который нажил себе штаны, а не рубаху, и с саблей наголо воевал с глечниками на тыну. И мысль о том, что в Аэрофлоте вряд ли найдётся кто с карьерой от второго пилота ИЛ-14 до второго пилота ИЛ-18 за 30 лет. Это скорее тешит, нежели греет. Летая, 13 лет мыкался по частным квартирам, в то время, когда едва ли не вся страна въехала в новые дома. Это нужно уметь и это «умение» стоило одному Богу известно чего и как.

Исповедально-отповедальную тираду АИ выслушивает с трогательным смиренным и так, как должно относиться к заговариванию зубов. Я же с пользой для себя облегчив душу, радуясь: хлебу насущному воздаётся как следует и, стало быть, задача решена.

Напившись чаю, скребу на мойке посуду, АИ поедает кашу без крошки чеснока для аппетита, как заведено. До этого я перерыл достаточно богатое содержание холодильника в поисках чесночного зубчика в белёсости изморози морозилки. Когда нашёл чеснок, на чесночной сухой коже увидел сухой белёсый волос с головы хозяйки. Солнце, алмаз, зерно, чеснок, мозг, голова, – какие великолепные «сгустки» величия жизни, природы...

Упоминание о Доме учёных, занозившее память, напомнило мне даму, некогда бывавшую у АИ. Когда умер её муж, большой учёный, она опубликовала его труды и, пристрастившись, пописывала сама, но большую часть времени разъезжала по всевозможным научным симпозиумам, конференциям, конгрессам, как мы предполагали, с пользой для секретных служб. Мы хорошо понимали, о ком идёт речь, но имени её тогда не вспомнили. И я поделился подозрениями о деятельности такого же рода другого общего знакомого, в отличие от первой, во всех отношениях замечательного, всеми любимого человека, который, едва намечаются конфликтные события в юго-восточных странах, он непременно там бывает.

Знакомый в Москве занимал высокие посты и ныне возглавляет крупную организацию, к которой во все времена благоволила правительственная верхушка.

Управившись с кашей подчистую, АИ принялась за ежевечернюю курагу, размоченную в кипятке. Выудив пальцами плохо расчлнённые кружляхи из кружки, долго жевала, сосала и, обессилев, складывала мякиши в горку, жалуясь на вязкие волокна. Не доев, сморкаясь в платок.

– Никак кровь из носа? – заметил я бурые пятна на платке.

– Да, бывает, я сильно сморкаюсь и вот...

– Слабые сосуды. Нужно дышать, сунув нос как можно ближе в горчичницу и накладывать на переносицу смоченный в холодной воде платок. В юности в самое неподходящее время мне тоже такое досталось. Особенно в летнем лагере Сумского учебного центра. Сидишь, бывало, на разборе полётов и вдруг ни с того, ни с сего, закапает, а то и польётся, и это накануне поступления в училище. А закончил училище – новая напасть – близорукость. Одних уколов алое по методу одесского академика Филатова я принял с тыщу, натирал морковь и давил сок, скитаясь по квартирам, учил наизусть таблицу, определяющую остроту зрения, как ни вызубришь кружочки, скажем – в, д, н, – то есть литеры сверху, – слева вниз, стоит указке врача ткнуть, все из головы вон. Кружочков с буквами в ряду много, а заучивать приходилось раза 3-4, и сообразить в критический, напряжённый момент – ну никак. И смех и грех...

– А как вы думаете, палец долго будет меня беспокоить?..

– Думаю, нет. И тем быстрее успокоитесь, чем реже вы о нём будете вспоминать, – пытаюсь настроить на бодрый тон. Пока ели, вели беседу за столом, АИ дважды заводила речь о пальце, и полагаю, не в последний раз.

Посуда перемигта, мы переходим в комнату. На кухне, в комнате нет пустого места без портретов друзей, близких, снимков котов, собак, пейзажей. И куда ни повернись, подарки, превратившие квартиру в музей щедрости народной.

– На 99 году жизни жить одному невесело, связано с риском. Нет ли на этот счёт новых планов?

– Верно, радости мало, но жить с моими много хуже, и я не смогу. А так днём обязательно кто-то приходит, помогает. Я всем конечно рада, но в последнее время устаю, чувствую себя неудобно. А постоянно быть на виду, среди чужих, поверьте, занятие утомительное. Другое дело вы, Саша, Доброслава, Ромена или Ира, люди свои, и с вами по-домашнему свободно, душа отдыхает и я забываюсь. Всё это надёжные для меня люди. И вот недавно Бог дал, а Саша привёл ещё одного славного помощника, вы его знаете и любите, Виталика. Нет, я не чувствую себя одинокой, пожаловаться на судьбу не могу.

Беседуем стоя. Внизу светит мне во всю голову светлая макушка великой женщины с весом второклассницы... Кончается XX век, помнивший, как в его начале волосы двух сестёр промывались до пышности, волшебны вились и взлетали. А ныне можно сосчитать, и смотрятся ветхозаветным серебряным пухом, прозрачным, загадочным, словно серисто-перистые облака...

Слава Всемилостивейшему, «шаг нашей Асенки», как осмеливается называть её Евгения Филипповна, скор и лёгок, и в сухости тела, изжившего себя до лозообразных жил, до какой-то его серебряной, ребристой лунообразности. МИ любила серебро, АИ вся из серебристости, есть нечто от тонизирующего веяния киммерийских тополей. Явь, грёза ли, но умиление моментом, швыряет в лицо кипень акации с ушцы детства, как в недавнем сне холодит лепестков майская свежесть, но без их аромата.

Увы, возвращать запахи способен сон, а не моя память.

АИ полулежит в «гамаке» – покрывало на красном, прекрасном кресле, готовом качать свою драгоценную ношу. Не мешай ему... На половину комнаты распротёртый старенький рояль стенает под тяжестью на него наваленного всяческого добра. Я подношу АИ трубку телефона и слышу поздравление с праздником Пречистой Девы Марии. Праздник ведь завтра – подперев голову ладонью удивляется АИ. Дама оправдывается: на завтра на несколько часов и в помощь посещения церкви предлагает машину. Предложение её оживляет и с радостью принимается... Условившись о времени, АИ торопливо прощается с милой дамой...

(...)

Бросается телефонная трубка, лёгкое шелестение пол длинного халата, хлопок двери потаённого местечка. Как серенькая мышь, была вот и уж нет. Крут на катке «Парка культуры» на беговых коньках АИ сделала в возрасте 78 лет. На 90-летие мы договаривались повторить примечательный акт в столетие и то, что за последние пять лет мы об этом не упоминаем, не говорит о безнадежности затеи.

Стол на середине комнаты обкрадывает пространство. Сегодня стол более или менее убран, но мастерски выполненный Владимиром Тарасовым портрет МИ среди книжных завалов на кресле, помещенный спиной к окну и боком к шкафу с книгами, возмущает. «Откапываю» портрет и водворяю на «распятый» на стене чемоданчик динамиков переносного проигрывателя. Сам проигрыватель пылится без дела на тумбочке рядом, хранящей под замком рукописи и редкие издания. Место портрету в самый раз. На столь высоком уровне в комнате разве что рисунки правнучки Оленьки Мещерской, и клеёнка с былинным сюжетом, записанная масляными красками сыном, Андреем Борисовичем Трухачёвым, главенствующая на стене «будуара», отделённого зелёной занавеской и кютом. Любуюсь удачно найденным местом в этой суетоке вещей, я про себя прикидываю варианты: ведь время позднее, а ночёвщика ещё нет, и любованье растягивается. Порой наши заботы, как и мысли, удивительнейшим образом совпадают.

Появившись, АИ тут же затевает телефонный разговор с Доброславой, живущей неподалёку в Безбожном переулке, с просьбой утром позвонить и, если надо, подойти. Не исключаю возможности остаться одной ночью, АИ решила подстраховать проверку утреннего давления. Обеспокоенная скачками дав-

ления, она несколько лет подряд старается проверять его дважды на день. Пытаюсь уговорить хозяйку оставить меня, а явится Виктор поздно, переночую в её кресле. Не желая принимать от меня жертвы, АИ отмалчивается.

– Юрочка, вы видели мою «Черепашу» в журнале «Свет»? – обрывает меня едва ли на полуслове.

– Какая «Черепаша», я её не помню?

– Сказка, написанная мною в 20-е годы. По-моему написана удачно. – Находит и протягивает мне журнал.

– Поздравляю, замечательно, здесь и статья Рудольфа Штейнера. Всего два имени в журнале «Свет», а ниточки от них опутывают весь свет белый. Чего, бывает, не сплетается с судьбой?.. Если есть экземпляр, подпишите.

– Конечно! – и на его обложке надпись: Юрочке – мою «Черепашу», написанную в 29 лет. Цветаева, 98 лет.

29 и 98 – и это пройдёт, – подумалось мне, – но как много останется от имён Цветаевых...

– Спасибо! – жму необыкновенно тёплую, что случается при нормальной температуре в 36,4 и по-молодому влажную руку... Сонный ветер задул из глаз на веки, голова роняется. Ужин берёт своё. «Господи, сохрани ей то, что так славно сохранил: невесомость, ум, кровеносную систему и жажду к людям, желание жить, творить! Ведь будь Анна Андреевна сухопарой, жила бы и жила...

– Статью Штейнера вам не читали? Называется – «Присмотритесь к ауре» – и публикуется под рубрикой «Познай себя». Начинаю читать: «В ауре волнуются самые разнообразные оттенки цветов. И это волнообразное движение есть верное изображение внутренней человеческой жизни».

Громкая читка оживляет начавшую было кланяться в дремоте АИ. Послеобеденная дремота – естественное явление и для людей молодых, здоровых. Не прочёл очередного абзаца, слышу:

– Как-то собрались на Капри у Горького Борис Михайлович Зубакин и Ракицкий.

Догадываясь о том, что последует, сворачиваюсь, вскакиваю, достаю пару чистых листов на нижнем шкафу, у глухой стены поставленных уступами: шкаф с книгами, с вещами, из строя выпешдший холодильник, набитый чем угодно, и кресло, занавешенное косынками, ковриками, одеждой, и тороплюсь записывать.

– А кто такой Ракицкий?

– Иван Николаевич Ракицкий – художник, жил у Алексея Максимовича, снимал комнату, из состоятельных, имел какое-то своё заведение, словом состоятельный человек из эмигрантов, звали его – Соловей.

– Почему так, а не иначе, не помните?

– Нет, не знаю. Горький сам, несомненно, обладал сверхчувствительностью и перед извержением Везувия обязательно заболел.

– И что делал, когда заболел?

– Как что? Лечился. Значит, о Штейнере. Так вот, когда я пришла, Горький говорит: «Ну, колдуны, давайте смотреть мою аuru». Зубакин и Ракицкий вышли в разные стороны от кабинета, потом входили по очереди и, внимательно присмотревшись, оставляли записки. Когда оба ушли, мы прочли в записках: бледно-лиловая и светло-лиловая. – Сказанное утомляет, АИ умолкает.

Схватываю со стола «Свет», вычитываю: «Отличительное свойство активных душ, в противоположность пассивным, состоит в том, что их синева изнутри наружу пропитана светлыми тонами» – Перебегаю строчки, затрудняясь выискать нужное. Голова АИ начинает клониться. Бегло просматриваю текст и, вычитав, докладываю: «оказывается такая аура характеризует мудрецов, генераторов идей и благородных поступков, т.е. граждан духовного мира, и, если способность к самопожертвованию выражается в деятельном служении, таких «слуг вечности» можно назвать светочами, посредством которых этот мир освещается Творцом... (...)

Мне кажется, и Штейнера можно назвать властителем умов. Как в оное время у нас стекались к старцу Амвросию в Оптину Пустынь, так со всего мира тянулись после Блавацкой и открытия индийской философии, к Штейнеру.

– Но от него ушёл Эллис. Помню, когда мы с Борисом были в Берлине, Эллис уговаривал нас идти с ним на лекцию Штейнера, но сказали: «Нет, мы идём в ресторан», – рот АИ кривит горькая усмешка осуждения.

– В какой, не помните?

– Названия, нет, не помню.

– Видите, а лекция доктора тайноведческих наук наверняка бы отложилась в памяти. «Ах, если б молодость знала, а старость могла», – так, кажется, сокрушались и продолжают сокрушаться мудрецы.

– В те годы, я помню, видела фотографию Штейнера. Меня поразило точно сгоревшее, совершенно сожжённое лицо с той смуглостью, какая не даётся от рождения, а покушается ценой испепеляющих переживаний, и жгли его глаза, как глаза Зубакина.

– И чем глаза Зубакина отличались?

– Это были настоящие огненные глаза, больше, сильнее глаз Пастернака. Когда Зубакин входил в комнату, только на него и обращали всё внимание. Он весь состоял из неожиданностей и импровизировал гораздо сильнее Адама Мицкевича потому, что тот готовился, а Зубакин включался сразу и был сама необыкновенность. Импровизации в Доме учёных публику ошеломили... – имена Горького, Зубакина, Пастернака высекают в глазах у меня искры, туманятся, оплывают портреты корифеев.

Расписной под хохлому стульчик, как малый жеребёнок, не отлучавшийся от кобылы, стоит у спины секретера поставленным в угол провинившимся школьником. Секретер и рояль образуют так называемый кабинет, куда АИ последние годы не заглядывает за ненадобностью. На «спине» секретера вглядываются во входящих, здесь снующих, портреты – красавец-Лермонтов в мундире, Пушкин, сложивший в ожидании славы руки на груди, сумрачный великомученик Достоевский, по-арийски взыскательный Тютчев, удалой Есенин, «преподобный» Горький, живописный Пастернак, кротчайший громовержец Макс Волошин, Рильке, страдалец-Ланн, покончивший с собой и с женой в одночасье, Марина Ивановна с двух портретов. Половины имён хватало бы, чтобы украсить спину вечности, и всё это созвездие меркнет в искрах, а голос монотонно добавляет им огня. – ...Он, Зубакин, был ни на кого не похож, им столько же восторгалась, сколько и не любили и считали «стукачом». В ту пору я писала фантастический роман «Созвездие Скорпиона» и прототип главного героя, астроном, пришёл ко мне за справкой. Борис Михайлович, зная, что астроном распускает о нём слухи, будто он работает в ГПУ, вместо меня отвечает астроному: Анастасия Ивановна не успела эту справку навести, будет время, зайдите ко мне на Лубянку, там и Анастасия Ивановна работает. Когда астроном спешно ушёл, я недоумённо спросила, вы ведь знаете, какого он о вас мнения. «Не всё ли равно, – говорит и улыбается Зубакин, – Ну, пусть говорят, какая разница». – Не подозревал, что играет с огнём и в этом огне однажды погибнет.

– Расскажите ещё раз о его судьбе, в какие годы он выступал в Доме учёных, доме, которым в памятные для москвичей годы владел главный «архаровец», а в ваши годы заправляла жена Горького, Мария Фёдоровна Андреева.

– В 1929 Зубакин был выслан в Архангельск на три года. В 1932 году вернулся и полгода жил у родителей своей жены. Приходил ко мне обедать (но не долго), так как был мясоедом, а я не ела фарш. Через полгода Сталин ввёл паспортный режим и Зубакину в Москве отказали. Он уехал в Архангельск и канул, – в 1937-м его арестовали. Последнее, что я о нём слышала, остались две поэмы, посвящённые мне. Но я благодарна не поэмам, а ему самому, как и каждому незаменимому человеку: тайне его голоса, черт, судьбы, участия в нас, в своём времени. И Горький был прав, назвав в числе гениев в ряду с Лениным, Толстым, Зубакина. Когда из одной тюрьмы перевозили арестованных в другую, Борис Михайлович подбадривал всех, импровизируя стихи. Больше о нём слухов нет, говорят, что его расстреляли. Начиная импровизацию, он умолкал, бледнел и говорил так, будто считывал. Я слышала десятки импровизаций, но запомнилась лишь одна, с заданием на слова «сберкасса», «чёрт», «берет»; –

*Кто куда, а я в сберкассе
Не отправлюсь никогда,
Лучше я отправлюсь в Ахасу,
Пли чёрт знает куда.
Кто куда, а я в сберкассе
Отдалённых звонких лет
Положу мою кирасу
И мой рыцарский берет –*

Та-та – тата – та-та – тата... – отдаёт у меня в ушах чёткая считалочная ритмика детской считалочки.

Постойте, по-моему это уже опубликовано, но где? Да, вот, кажется, в книге «О чудесах и чудесном», где ваш экземпляр? Иду за ширму так называемого Книто-будуара, к чудной, неплохо сохранившейся тумбочке, исполненной, на мой непросвещённый взгляд, в «новом» стиле, извлекаю безвкусно оформленную в оранжево-красных и жёлтых тонах книжицу фирмы «Буто-пресс», 1991 г. Роюсь в обширнейшем предисловии Станислава Айдиняна, нахожу и повторяю прочитанное АИ, удивляясь механической памяти, которая и порядок слов «сберкасса», «чёрт», «берет» запечатлела так, словно они на матрице.

– Дела неважные. – Время жмёт на мозоли, давайте решать. Потому как Виктор не звонил, с минуты на минуту он появится, и чтобы не ночевать вдвоём, а вам с тройной охраной, я предпочитаю смыться вовремя и, стало быть, успеть на электричку.

– Да, да, бегите!..

На ходу одеваюсь, меня крестят, я полон опасения: как бы костёр слов в прихожей в очередной раз не разгорелся, и тогда... Сколько умчалось из каморки прихожей, так и не добежав?

– Пожелайте мне здоровья, вы правильный человек, и я надеюсь, мне это поможет. Возможно, станет час, вы поумнеете и придёте к Богу, тогда вам будет легче. А пока как можно, думайте обо мне и желайте здоровья. Оно совсем уже истощилось! – и взгляд входящий в душу, в сердце валидолом, прослушивающий тайники...

– Как всегда постараюсь так это сделать, чтобы вам ничего не оставалось как о болячках забыть, ну а сегодня все силы положу и вымолю такое самочувствие, чтобы не знать нужды в измерении давления ещё лет 30.

Мы обнимаемся «как лошади», как-то заметила АИ, и расстанемся вагонами поезда, у которых не соединились планги рук.

Октябрь на улице, декабрь в календаре. Климат теплеет, скворцы в Москве зимуют, будто в Кипшинёве...
[...]

С электрички ступаю вниз, на платформу, с освещённой платформы в темень ночную, по искорёженным ступеням, что в подвешенном состоянии, как на лямках парашютных... Их несущая сила изумляет. Наконец шаг обретает привычную опору матушки-земли, а с ним из области затылка, крылышек лопаток, прострел ликующей догадки и ощущения кожей души, плас крестного знамени на спине. Ведь из двери 58 квартиры на Спасской я нырнул в темень лестниц в глазах у АИ, чего она не любит и многих окриком заворачивает к лифту. Меня же, непутевого не окликнула, а перекрестила.

Тёплый декабрь, декабрь без снега скучен в Подмоскowie. Воспевать принято вечную весну, а не предзимье. И если кто о гулкой пустоте и говорил взахлёб (описать серость моли не каждому под силу), так это яростнейший лирик в прозе Николай Зарудин – человек необычайнейшей судьбы, ум, сердце которого утверждает мир, где каждая «былинка знала своё мироздание», а на страницах книг пылают рябины «изнурённым, тревожным румянцем», воздух пахнет «лугами, как какими-то веснушками земли» и я зачитываюсь им многие годы, как нынешние читатели *не*читающей в мире страны, открыв для себя недавно, зачитываются А. Платоновым.

[...]

...Зябко и одиноко под низким хмурым небом в час ночной на дне колодца из домов высотных зданий. На выручку, как дальний свет, память о наказе, «Да светится, святится имя твое, Анастасия, и, да придёт в мире доброта ныне и во веки!..».

00.10 минут. Пришёл. Успел переодеться и звонок. В трубке усталый, вяло скрипящий голос...

– Юрочка, звоню, чтобы сказать вам, что Виталий не явился. Его родственники, я только что звонила, сказали, будто кто-то у меня заночевал, и просил Виктора не приезжать. А я сидела, сидела, не дождалась и вот сейчас выпью лекарства и лягу. Но прежде поставлю квартиру на охрану, хорошо вот поговорила и вспомнила об этом. Иду! Пожелайте мне спокойной ночи.

Мягкая ссылка родственников Виктора на меня глубоко ранит и я чувствую себя виноватым и с первых же слов готов был сорваться и ехать ночевать, хорошо понимая глупость не только жеста, но и самого заявления о том в столь поздний час, во времена всеобщего развала.

Рассказываю скомкано, в спешке, как по дороге к дому выполнял поручение, заверяя, что сила моих просьб уберезит её на долгие годы. Слушала, я заслуженно понимал, без внимания. АИ с желанием сделать это доброжелательно, одобрительно прихмыкнула: «Сейчас иду ставить на охрану и закрывать дверь на цепочку».

И мы обменялись пожеланием спокойной ночи.

00 ч. 35 минут. На кухне. Перекусив, записываю, не отходя от стола, канву событий дня, поверхностные впечатления... [...]

Постскриптум. 5.9.93 г. Описание декабрьского дня на черновик легло легко и сразу, но руки не поднимались печатать текст на машинке. Начав, боялся окончания. Печатаю сегодня, невесть под чью диктовку, в 14 часов дописал абзац: «С электрички ступаю вниз, на платформу». В 15 ч. звонок К.В. Ковальджи – АИ утасла. «Печаль моя светла», но слёзы застыт.

МАРИНА УРУСОВА

КОРОТКАЯ ЖИЗНЬ

эссе

Анастасия Ивановна умерла 5-го сентября 1993 года в 13 часов 50 минут в квартире на Большой Спасской на девяносто девятом году жизни. Преждевременно. В роду были долгожители: прадед по материнской линии прожил сто восемнадцать лет.

Остались неисполненными творческие планы. Не состоялась поездка в Америку, чтобы издать там свои стихи, написанные по-английски.

И вот с её смерти прошло десять лет. В эту печальную дату автор этих строк находилась в столь милой Анастасии Ивановне Феодосии: «В краю том сорок городов, / одетых в панцирь цитаделей, / и тридцать девять языков, / цветущих, словно асфодели»¹

Музей «сестёр Цветаевых» в доме на углу Бассейной улицы, где когда-то с мужем Борисом Трухачёвым и маленьким сыном Андреем жила юная Ася, ещё не открылся. Половина дома пока была занята учреждением. Но экспонаты для музея уже собирались.

Выходит в Феодосии в «Издательском доме „Коктебель“» гордость феодосийцев «Крымский альбом» под редакцией известного подвижника Дмитрия Лосева. Издание уникальное. Его страницы дышат стариной. Гравюры изысканы. Поэтическая подборка и проза безупречны. И вот 6-го сентября 2003 года в галерее Айвазовского должна была состояться презентация очередного феодосийского детища. Среди девятого вала, солёных брызг, среди сложенных мачт, талей, горденей и разорванных в клочья парусов. Интеллектуальная Феодосия бурлила в ожидании.

5-го сентября днём мы собрались помянуть Анастасию Ивановну вчетвером у гостеприимной Людмилы Прупис, москвички с феодосийскими корнями. В саду, конечно, увитом виноградом с розами, герберами, альмами крымскими ночными фиалками, цветущими весь сезон, хризантемами и видом на море. Были ещё хранильница будущего музея Ирина Двойнина и феодосийский краевед Валентина Браславская.

На столе серебристые, любимые Анастасией Ивановной гладиолусы. В бокалах тёмнокрасное вино из подвалов винзавода «Коктебель». За столом только цветаевская тема: помин.

В ту последнюю для Анастасии Ивановны весну 1993 года из Коктебеля в Москву приехала Оксана Бузук, тонкий музыкант-композитор и исполнительница романсов на стихи Марины Цветаевой, одобренных такими авторитетами, как Виктория Швейцер, Станислав Айдинян и самой Анастасией Ивановной.

Оксана Бузук – человек негромкой судьбы. Однако в ту весну музыкальная редакция на улице Качалова пригласила её (редактор М. Левитанская) сделать передачу для радиостанции «Юность» о Коктебеле 10-х годов теперь уже прошлого века. Передача записывалась в марте. Составляли и репетировали её мы в квартире Анастасии Ивановны на Большой Спасской. В эфире передача должна была прозвучать... 5-го сентября в 13 часов 10 минут. Продолжительность её была сорок минут.

Многие «цветаевцы» знали об этом и настроили свои приёмники в этот день и час на волну «Юности».

Силы Анастасии Ивановны день ото дня угасали. Но кто знает, когда пробьёт последний час.

В эфире юная Ася, единственная, кто был ещё жив из тех коктебельских десятых, стояла в охватившем душу одиночестве у кромки черноморской волны; «держала экзамен» в весёлом розыгрыше в доме Макса Волошина и, конечно, выдержала его; читала с сестрой в унисон стихи. Текст ведущего перемежался романсами на стихи Марины Цветаевой, Максимилиана Волошина и Черубины в исполнении коктебельской Оксаны Бузук. Передача закончилась в 13 часов 50 минут...

В этот миг Анастасия Ивановна выдохнула в последний раз.

5-го сентября 2003 года мы поднялись из-за стола в Феодосии и пошли к дому на углу Бассейной. Мы собрали гладиолусы, розы и герберы в букет и понесли его туда.

Как описать этот перекресток? Ещё не тронутый новомодными постройками и перестройками с редкими прохожими, рядом с полуразрушенным каре Виленских казарм и дорогой к Храму, в отцветших акациях и тополях, он, казалось, ещё хранил эхо молодых шагов той, ради которой мы пришли сюда.

В учреждении, ещё размещающемся в будущем музее, нашлись доброты, которые помогли прикрепить букет возле мемориальной доски. Мы забыли взять с собой фотоаппарат.

На следующий день после пышной презентации «Крымского альбома» мы с Людмилой Прупис решили исправить ошибку – сфотографировать украшенный цветами фасад. Прогулка улочками старой Феодосии от Галерейной до Бассейной ностальгически романтична. Не спеша, мы пошли к безлюдному перекрёстку.

Цветов на фасаде не было!

*... Судьбе платила я щедрой данью,
Я розы сытала на гроба,
И на бегу меня тяжкой дланью
Схватила за волосы судьба...*

Марина Цветаева

¹ Средневековый путешественник Вильгельм де Рубрук. Поэтический перевод Сергея Дружинина (1954-2003).

БИОГРАФИИ К ПОДБОРКЕ ПАМЯТИ

А. Цветаевой к 130-летию со дня рождения

Георгий Ковальчук (Юрий Дмитриевич Коваленко, 1937-после 2018) – гражданский лётчик, второй пилот. Писатель-афорист и очеркист. Родился году в Запорожье. Окончил школу в 1955 году, в 1957 году военное училище лётчиков в Кировограде и был направлен в Аэрофлот. Литературные занятия Ковальчука одобрил В.Б. Шкловский, прочитав два рассказа, присланные по почте из Кишинёва. Впоследствии увлёкся жанром афористики. С 1978 году печатался в «Литературной газете», «Крокодиле», «Спутнике», «Советской России».

Валерий Иванович Исайнц (1945-2019) – поэт. Жил в Воронеже, скитался, жил в электричках и в лесу. Автор книг «Стихотворения» (Ереван: «Советакан грох», 1978), «Пейзажи инобытия» (Москва: Водолей, 2013). В 2004 году вышла книга Анастасии Цветаевой «История одного путешествия», где описано путешествие с В. Исайнцем в Крым в 1971 г. В книгу А. Цветаевой «Букет полевых цветов» (2023) входит текст «Чистый источник» о поэзии В. Исайнца, упомянут он и в очерке АЦ «Об Армении» в книге АЦ «Невозвратные дали» (2018).

Марк Александрович Ляндо (1931-2020) – поэт, культуролог. После окончания школы окончил геологический факультет Казанского гос. университета. Жил в подмосковном Томилно с первой женой – композитором Софьей Губайдулиной, работал экскурсоводом, плотно общался с московским «андеграундом». Представитель группы СМОГ, куда входили Л. Губанов, В. Батшев, Ю. Кублановский, В. Алейников и др. Книга стихов «Альфа наших зорь» (Москва, «Аслан», 1994). Публикации в журнале «Гнозис» (трактат «Симгард», 1992), «Арион» («Зеркалы», 1994) «НЛО» («Стихи, посвящённые поэтам группы „Смог“, 1996; «О встрече с Ал. Кручёных у Эдмунда Йодковского», 1998) и др., в том числе самиздатовские публикации.

Татьяна Петровна Мельникова (1938-2019) – поэт, писатель, геолог. Действительный член Академии литературной документалистики (АЛД). Жила в пос. Развилка в Подмосковье. Была членом Союза писателей Москвы и членом Приёмной комиссии Союза писателей Москвы. Автор сборников стихов «Преодоление» (1988), «Звонкие дожди» (1997), «Жизнь как жизнь» (2003), детских книг «Мурка-эмигрантка и другие рассказы о животных» (2000) и «Мама, я бежал быстрее ветра» (2008), документальной повести «Таруса – 101-й километр» (2007). Её очерки выходили в журнале «Мир Паустовского».

Марина Львовна Урсова (в браке Мартинес, 1938-2019) – писательница. Закончила Высшие литературные курсы при Литературном институте, мастерская Юрия Нагибина. Автор книг «Двадцать четыре кадра в секунду: Повести и рассказы» (1988), «Дюжина рассказов о чистой любви» (1996), «Переделкино-92: [О встрече с А.И. Цветаевой]» (1995), «Рассказы для зануд-интеллектуалов» (1995), «Серебряный век в Переделкино» (2017) и др. Жила в Москве, имела дом под Петербургом. Была знакома и бывала у А.И. Цветаевой.

Элис (Лев Львович Кобылинский, 1879-1947) – поэт переводчик, теоретик символизма, публицист, имитатор-импровизатор. Переводил на русский язык Ш. Бодлера, Э. Верхарна. Родился в Москве. Внебрачный сын директора частной мужской гимназии Л.И. Поливанова. В 1902 году окончил юридический факультет Московского университета. Соратник и друг Андрея Белого. Друг юности сестёр М. и А. Цветаевых, герой поэмы Марины Цветаевой «Чародей» (1914). Эмигрировал из России в 1911 г. Ученик Р. Штайнера. Порвав с антропософией, принял католицизм. Жил в Швейцарии. Книги: Стихотворения (Томск: Водолей, 1996), «Русские символисты» (Томск: Водолей, 1996), «Неизданное и несобранное» (Томск: Водолей, 2000) и др.

Анатолій Иванович Яни (1941-2021) – поэт, переводчик, пародист, фельетонист, писатель-прозаик. Член Южно-русского Союза Писателей. Автор иронических и юмористических стихов и палиндромов, эпиграмм. Автор книг «Карманы в черепе» (поэтические пародии и эпиграммы, Одесса, 2006), «И образ твой переживёт века!» (переводы с английского 154 сонетов Шекспира, Одесса, 2006), «Земля родная» (переводы с арабского Дагера Салеха Мухамеда, Одесса, 2010), «Нетронутый Грааль, или Инкарнация» (стихи и переводы, Одесса, 2010), «Поэт с семью сердцами» (переводы с испанского Федерико Гарсиа Лорки, Одесса, 2011) и др. Публикации в журналах «В мире книг», «Вопросы литературы», «Дети Ра», «Дон», «Колесо смеха», «Крокодил», «Огонёк», «Семейный консультант» (Нью-Йорк), «Фонтан», «Южное Сияние», альманахах «Меценат и мир» (Москва), «Сталкер» (Лос-Анджелес), в «Литературной газете» и др.

«КНИЖНАЯ ПОЛКА» ЕЛЕНА СЕВРЮГИНОЙ

МОСТИК ЧЕРЕЗ ВРЕМЯ

(Вера Зубарева, Школьный двор. – Москва: ФЛОБЕРИУМ / RUGRAM, 2023. – 236 с.)

В русской и мировой литературе найдётся не так много произведений оригинального жанра. Пушкин создал не имеющий аналогов «роман в стихах», написанный онегинской строфой. У Анны Ахматовой есть «Поэма без героя».

Повесть Веры Зубаревой «Школьный двор» – это произведение с двумя главными героями, а точнее – героинями. Героини эти – разные ипостаси одного человека. Одна смотрит на читателя из ранней юности, другая – с высоты духовной зрелости, приобретённой в течение жизни.

«А что в этом особенного? – спросит скептический читатель, – Любая мемуаристика предполагает осмысление опыта прошлого сквозь призму настоящего». А особенное в том, что у этих двух героинь довольно непростые отношения. Иногда каждая из них существует вполне самостоятельно, иногда их голоса сливаются в один, и тогда начинает отчётливее звучать голос автора повести. Да, в повести есть ещё и третий герой: незримый наблюдатель – автор. Именно автор становится связующей нитью между Верой прошлой и нынешней – мостиком через время. В то же время авторская позиция, объединяющая взгляды двух «рассказчиц» из прошлого и настоящего, необходима для понимания ключевого замысла произведения. Для ответа на вопрос: а зачем всё это, собственно, нужно, и какое место ранняя юность занимает в жизни человека, уже состоявшегося как личность, поэт, учёный?

Начнём именно с ранней юности героини – с того периода, когда всё зарождалось и закладывалось как духовная основа жизни. Благодаря таланту художественного перевоплощения взрослая Вера превращается в себя-ученицу класса «Б» одесской школы №90. Она влюбляется, разочаровывается, делает для себя маленькие (а может и большие) открытия. Её глазами мы оцениваем всё происходящее и всех участников событий. Крайне важно, что Вера-автор исключительно объективна по отношению к себе. Её героиня отнюдь не идеальна: она может быть разной и вызывать у читателя неоднозначные, даже противоречивые чувства. И всегда она оказывается перед непростым нравственным выбором, в ситуации, когда требуется принять важное решение.

В главе «Казёнка», например, мы видим не примерную ученицу, а бойкую, хулиганскую и готовую на отчаянные поступки школьницу-подростка, способную составить конкуренцию самым отъявленным прогульщикам класса. Впрочем, как выясняется в дальнейшем, поступок героини, рискнувшей «пойти на казёнку» (регионализм), обусловлен не потребностью в свободе, как для её подруги Фели, а элементарным любопытством, желанием узнать, каково это – оказаться по ту сторону предписаний и общепринятых правил? Заурядный прогул превращается в романтическое приключение, своеобразный эксперимент, в ходе которого был сделан вполне логичный вывод: «Свобода – это никакая не необходимость. <...> Свобода – это когда не нужно смотреть на часы. <...> А необходимость это всё остальное». Так обычная школа с партами и учителями превращается в школу жизни.

Это «выпрыгивание» за пределы традиционного толкования слова «школа» вообще характерно для лирической героини Веры. В рассказе «Аллея славы» такие понятия, как «учёба», «урок», «дисциплина», вообще приобретают совсем иное звучание и высший смысл – из разряда вечных ценностей. Думается, рассказ этот особенно важен для автора, чья жизнь неотделима от жизни родного города и его славного исторического прошлого. Ответственная миссия – быть дежурными по Аллее Славы, где стоял памятник Неизвестному матросу, возле которого присягали в верности городу и его традициям – становится для юной Веры и её одноклассницы Кошелевой серьёзным этапом инициации, проверкой на наличие подлинных нравственных ориентиров. Здесь голос автора звучит громче и отчётливее, чем в иных главах повести, проводя незримую нить между взрослой Верой и Верой-участницей давних, но памятных событий. Прямо на наших глазах свершается подлинный урок жизни, где личные судьбы школьников

вплетаются в общую историю города и страны в целом: «Музыка, голос, читающий строки Рождественского, вечный огонь, пляшущий под низким скорбным небом, море, рокошующее внизу, фигурки мальчишек вдалеке по обе стороны обелиска, невидимый враг... Всё это вдруг соединилось в картину жизни и смерти, в которую отныне были включены и мы со всей нашей родословной как частью родословной города.

Волна неведомых доселе эмоций захлестнула нас. Мы стояли, не в силах пошевелиться. Глаза слезились то ли от ветра, то ли оттого, что перехватило горло. Мы мысленно оплакивали тех, кого не знали, а внутренним взором видели облик наших мальчишек. И мы готовы были встать на их защиту, принять удары ветра на себя...».

Школьный двор, ставший концептом жизни, продолжает испытывать героиню на духовную прочность. Успешно пройдя проверку на верность ценностям города, одесская школьница сталкивается с ещё одной задачей – доказать свою способность принимать решения и блестяще справляться с непростой и довольно ответственной работой. В главе «Победы и поражения Сусанина» строгая учительница литературы Сусанна Ивановна вынуждена изменить своё мнение о тех учениках, которых отнюдь не считала своими любимчиками. И всё это по большей части благодаря главной героине, сумевшей победить в олимпиаде по литературе, а затем стать блестящим сценаристом и режиссёром последнего урока. Урока, ставшего показательным не столько в плане знания предмета, сколько в отношении самораскрытия каждого ученика – героя повести. У каждого оказывается свой «скелет в шкафу», своя личная драма, которую невозможно замаскировать даже блестящими монологами классических литературных персонажей. Что же в итоге? Признание Сусаниным своего поражения, которое на самом деле стало подлинной победой: «В глазах у железной леди стояли слёзы. – Вы были моим самым тяжёлым, самым непокорным классом, – сказала она срывающимся голосом. – Мне казалось, что мои ученики были в „А“ классе. И только теперь я поняла, что мои настоящие ученики были здесь...».

Многие испытания уже пройдены, и уроки жизни получены, но главный ещё впереди. Это урок человечности и терпимости – умения быть милосердным и прощать. Юности свойственна жестокость – она легко возводит на пьедестал одних и бесповоротно, без тени сожаления сбрасывает оттуда других. Таким «свергнутым идолом» оказалась немолодая и довольно педантичная учительница немецкого языка Грета Самойловна, которая явно проигрывала молодой, красивой и креативной Маргарите Петровне. Особо подчёркнуто, что роль Маргариты в судьбе класса заключалась не только в обретении знаний по предмету, но и в формировании нравственных основ существования: «имелись в виду не только познания в немецком, но и понятия чести, которые она сумела нам привить». Но как соотносить теорию с практикой и доказать самим себе, что все эти понятия – не пустой звук?

И ученики одесской школы вновь оказываются в ситуации нравственного выбора, из которой выходят, не теряя ни чести, ни достоинства. Отвергнута молодая практикантка Мария Ильинична – «борзая Машка», не сумевшая «купить» класс развязным и фривольным поведением. И вслед за этим прощена Грета Самойловна. Жестокий бойкот, объявленный ей всем классом, сменился «формой перемирия с тяжелобольной, возможно, умирающей учительницей». Демонстрация в её маленькой комнатке показательного урока, столь высоко оцененного Сусанной Ивановной, становится демонстрацией великодушия и всепрощения – как с той, так и с другой стороны:

«– Спасибо, – после продолжительной паузы сказала Грета. – Спасибо.

– И вам спасибо, – заговорили мы наперебой. – Простите нас, простите. Мы не хотели. Мы не думали, что...

Грета подняла руку:

– Подождите. Я должна вам сказать. Я должна вам сказать. Вы вступились за учительницу, которую любили. Правильно, наверно, вступились. Я действовала с точки зрения учебного процесса. Вы действовали с точки зрения любви. Вы не предали её. Не забыли. Не выбросили из сердца. Оставайтесь такими. Не предавайте тех, кого любите...».

Я не сторонник излишней сентиментальности, но в этот момент искренне хочется заплакать – от радости, что и этот, возможно, самый главный урок, пройден с итоговой оценкой «отлично».

И вот реальная школа уже позади – её двери навсегда закрылись за выпускниками. Но школа житейского опыта продолжается – на смену одесской школьнице приходит взрослая женщина: уже известный литератор, поэт, учёный. Жизнь сложилась, но вопросы на этом не закончились. Да и могли ли они закончиться? В очень важном рассказе «Роза ветров» мы отчетливо слышим голос Веры нынешней. Мистический сон, который овладел ею во время разбушевавшейся стихии, становится ареной встречи двух героинь, моментом поиска истины. Вот тут-то и предстоит понять, как именно опыт прошлого может повлиять на будущее? Что стоит принять во внимание? Что необходимо пережить и отпустить навсегда, и с чем нужно остаться до конца жизни? Однако уже есть понимание главного: «в реальности ничего не исчезает... пространство-время скручено из памяти звёзд, людей и рек и ... память – во всём, живая, меняющаяся, порождающая новые памяти».

Этого ли не знать автору, в котором навсегда примирились Вера нынешняя и прежняя? Мостик через время установлен, и, в отличие от всех прочих мостов, он никогда не сможет обрушиться. Потому что его создатель бережно хранит в себе лучшие моменты памяти. Одесская школьница стала выпускницей, но её точная, взрослая копия так и не покинула школу. Она всё ещё там – на школьном дворе, где всё зарождалось, чтобы впоследствии стать жизненной опорой и бесценным опытом духовного взросления:

«Когда тьма накроет город, и у будущего останется только прошлое... Мы придём сюда, где бы мы ни были, и будем ждать тех, кто ещё в пути. Нас будет в десять раз больше, потому что каждый год в школе – это отдельная жизнь. Мы придём сюда со всеми своими жизнями, как приходят родители с детьми, и окно встретит нас тем особым светом, который проявляется лишь годы спустя».

ОСТРОВ ЗАБВЕНИЯ

(*Андрей Крюков, Двое под одной крышей: стихотворения. – Волгоград: Перископ-Волга, 2021. – 140 с.*)

Чтение стихов Андрея Крюкова вызывает весьма необычные, нетипичные для современного читателя ощущения. С первых же страниц его книги «Двое по одной крышей» мы попадаем в особую, герметически замкнутую среду, защищенную от внешних воздействий. Нас как будто водят по историко-архивному музею или по картинной галерее, где на стенах висят старинные гравюры, изображающие идиллические, готические и батальные сцены.

Это своего рода историческая барокамера – время здесь застыло, спрессовав эпохи и цивилизации в единое социокультурное пространство. И всё же подобное погружение в старину отнюдь не означает полный отказ от современности – скорее, это намеренный выбор в пользу неоромантики, которая на новом витке развития поэтического слова обращает нас к вечному, непреложному, а не сиюминутным ценностям. По-своему правы и автор предисловия Елена Крюкова, увидевшая в этой поэзии «классичность в сочетании с нервным лейтмотивом тайного авангарда», оценившая прелесть прогулок «по архетипическим закоулкам романтизма», и Анастасия Русских, сумевшая определить общее настроение автора книги: «оно таково, будто всё, о чём автор ведёт речь, – происходит вне времени, всегда и никогда, в некоем соседнем (резервном?) измерении, где мир таков, каким он должен быть...».

Наглядной демонстрацией художественного метода Андрея Крюкова становится завершающая книгу сценическая зарисовка «Звезда на ладони». Преодолев ложное ощущение реальности, читатель только ближе к концу этой мини-поэмы начинает понимать суть авторского замысла. Перед ним возникает не что иное, как развёрнутая метафора бытия, в которой, выражаясь словами Анастасии Русских, «эпохи, империи, народы выходят на сцену последовательно, не нарушая задуманного кем-то порядка. И за всем этим слышится мерное, глубокое дыхание Вселенной...».

Здесь каждый образ глубоко символичен. Солдат, Рыцарь, Лучник, Всадник, скромно сидящий на полу в углу Бедуин – все это знаки времени, а точнее разных времён, совпавших в условном художественно-мифологическом пространстве трактира. А значит, объект не равен самому себе, и по-настоящему важен не он сам, а тот мощный ассоциативно-смысловой ореол, который возникает вокруг него.

Примечателен и открытый финал мини-пьесы. Бедуин, завершающий торжественную историческую процессию, приходит в трактир, чтобы оповестить его хозяев о скором возвращении сына, считавшегося трагически погибшим в море. Смерть, оказавшаяся ложью, прошлое, ставшее настоящим – такова за- прятанная в иносказание логика авторской мысли:

*Герои, что прошли здесь перед вами, –
Лишь души древних, встреченные им
В дороге, чтобы предварить словами
Его исход из сгинувших к живым.
Проделав путь, указанный звездой,
Поймёт он, что пришлось вам пережить.
А ваших слуг я заберу с собою,
Вам предстоит самим себе служить.*

В этот момент становится понятен смысл выбранного Крюковым названия книги. «Двое под одной крышей» – это не обязательно двое влюблённых, не трактирщик и трактирщица. Скорее, это поэт и время, разросшееся до масштабов вечности.

Поэт и вечность ведут непрерывный диалог и прекрасно понимают друг друга. Очевидно, что сознание творца не может быть тождественно только своей эпохе – оно всеохватно. Именно эту всеохватность глубокую эрудированность, дающую эффект глубокого погружения в иную культуру, мы видим в книге Андрея.

В данном случае и не могло быть иначе. Из небольшого приложения к сборнику, которое по сути является короткой автобиографией Крюкова, мы узнаём весьма любопытные факты его жизни: *«Место, на котором стоял наш дом, находилось внутри Земляного вала, срытого для прокладки Садового кольца. Иначе говоря, мы жили в границах Москвы XVI века»*. Невозможно, живя в границах чужой эпохи, постоянно ощущая её дыхание внутри современности, не стать заложником такого масштабного исторического взгляда на мир.

Всё это находит прямое отражение в поэтике Андрея Крюкова. Она столь же удивительна, сколь и непривычна для нынешнего читателя, приученного к абстрактной и подчас скудной лексике постмодернистского толка. Как для глаз северного жителя, живущего по полгода в условиях полярной ночи, непривычен и резок яркий солнечный свет, так и человеку эпохи авангарда и пост-авангарда изысканный, «сочный» язык, превращающий поэтический текст в красочный натюрморт эпохи фламандских живописцев, может показаться невозможным атаклизмом.

Тяготение к архаической лексике и твёрдой форме, склонность к элегичности и анжамбеманам, кажущаяся избыточной «велеречивость» речи, детальность и конкретика – все эти черты одновременно совмещают величавую неспешность прошлых эпох и ключевые тенденции современного направления европейской живописи, называемого гиперреализмом. Действительно, стихи этой книги очень похожи на картины, где все образы осязаемы, ощущаемы и предельно объёмны. Их хочется потрогать и убедиться в плотности текстуры, в том, что перед нами – подлинная жизнь, а не оптический обман зрения. «Шествуя по эпохам» вслед за автором, мы попадаем в своего рода виртуальную реальность: слышим гул средневековых базарных площадей и мяг железных рыцарских доспехов, попадаем под обаяние проходящей мимо дамы, чьё лицо закрыто вуалью, чувствуем, как учащается наш пульс в предвкушении новых, непредсказуемых поворотов событий. Это ли не подлинная жизнь? И так ли уж важно, к какому веку относится сюжет, описанный автором? Для него дверца в будущее или прошлое всегда остаётся слегка приоткрытой:

*В лето оное, вдоль каменных опор генуэзских,
Где волна, подгоняема ветрам, вонзается в твердь,
Всём торгуется мир, от горшков до шелков королевских,
Что зевая, что вельмож вовлекая в свою круговерть...
<...>*

*Поворот головы, сбился шаг, и за юношей статным
Постешает прислуга, и чуть придержав за рукав,
Обронила платок, где искусно и так деликатно
Вышит вензель фамильный, в нём титул не сразу узнав*

Читатель уже внутри этой картинки, и это с ним, а не с автором, происходят удивительные метаморфозы. Это он, а не автор, влюбляется в прекрасную незнакомку, уплывает в далёкие страны на корабле и страдает от разлуки с любимой. Стихи поражают столь редкой сейчас нарративностью, но при этом речь не идёт о прямом, лобовом высказывании – за избыточной конкретикой и предметностью практически всегда стоит иносказание, и чрезмерная велеречивость автора становится понятной. Это всего лишь стилизация под старину, необходимая для того, чтобы показать: подлинная действительность всегда находится за пределами конкретного времени, а любая эпоха всегда находится «здесь и сейчас». Потому что в жизни важны не её синоминутные, изменчивые оболочки, а скрывающиеся за этой изменчивостью бессмертные смыслы. Оттого так многоголосо эта поэзия. В ней прекрасно уживаются и песни средневековых трубадуров, и вычурный стиль куртуазной литературы, и барокко, и рококо, и неповторимые, сразу же узнаваемые интонации поэтов серебряного века.

Думаю, что именно серебряный век является для автора одним из важнейших источников вдохновения. Он пишет стихи, обращённые к Пастернаку и Гиппиус, гуляет по «улице Мандельштама», преобразуя свойственные ему символы и знаки в абстрактные приметы прекрасного вневременья. Но и век золотой являет здесь себя в полный рост – оттого и сходятся вместе, и начинают полемизировать два русских гения, «два беллетриста-подвижника. То, что один идёт по Невскому, а другой – по Воздвиженке, этому вековому спору не помеха:

*Как-то на Невском, а может, Воздвиженке,
Спорили два беллетриста-подвижника,
Абы обнажили, как два Тадж-Махала –
«Лев Николаич!» – «Фёдор Михалыч!»*

Так современен ли поэт Андрей Крюков? Безусловно. И в каком-то смысле он гораздо более современен, чем другие поэты, живущие с ним в одну эпоху. Потому что подлинно современны только вечность и вневременность.

Уникальный художественный мир, названный нами вначале герметически замкнутым пространством, музейным помещением, на самом деле совершенно не замкнут, а напротив, подобно острову, открыт всем морям и ветрам, всем эпохам и цивилизациям. Эдакий всематериковый остров забвения, попадая на который, человек забывает о том, в каком именно веке он живёт, но вспоминает все прошлые века и цивилизации, знания о которых всегда были ему доступны – просто он этого не знал. Человек забывает себя нынешнего, но открывает себя подлинного – вечного вопрошающего странника, находящегося на пересечении разных миров и культур.

Именно таким можно изобразить современного человека. А значит, книга Андрея Крюкова обязательно найдёт отклик в душе каждого из нас.

УСАБЫШАТЬ МУЗЫКУ ЗА СНЕГОМ

(София Максимычева, Полотно. Сборник стихотворений. – Волгоград: Перископ-Волга, 2023. – 208 с.)

Как-то раз под Новый год мы прогуливались с Софией Максимычевой по улицам её родного Ярославля, и у нас само собой зашёл разговор о поэзии. В частности, мы говорили о том, для чего поэту сейчас необходимо издавать бумажные книги. «Ведь это единственное, что от меня останется: мои мысли, чувства, моя душа», – сказала поэтесса, и думается, что это главная причина, по которой творческий человек стремится сделать созданное им общедоступным.

«Полотно» Софии Максимычевой многослойно: это и название новой книги, и то, что в самом точном и масштабном смысле отражает сущность автора и его творческого метода. Один за другим, с наслаждением знатока и ценителя «затруднённой» образной речи мы снимаем эти пласты, обнаруживая новые смыслы и ярусы поэтического текста.

Здесь всё выверено с архитектурной точностью. Вот первый, относительно поверхностный уровень, на котором формируется образно-ассоциативное поле «живопись»: «Художник», «пюбики с краской», «кисточки», «натюрморт», «охра и сурьма» – все эти слова отсылают читателя к прямому толкованию полотна как произведения живописи. Есть и стихи, в названиях которых упоминаются конкретные имена, хорошо известные в мировой истории культуры: «Брейгель рисует ветви», «Страдания по Брейгелю» и т.д.

Поэзия – тоже живопись, только на ином уровне восприятия мира. Тем, кто хорошо знаком с творчеством Софии, кто знает её предыдущие книги (а их немало) легко путешествовать по увлекательному миру, в котором мотивы и образы уже легко узнаваемы. Здесь и тема женщины, и вода, в тёмных глубинах которой таятся вечные, бессмертные смыслы, и обжигающая современность, и глубокая древность.

«Зелёная шаль», «Дурочка», «Портрет женщины», «Эхолот», «Петербургье» – все эти сборники прочитаны мной тщательно и неоднократно. Это части одной большой картины, из которой складывается общее представление о творчестве автора. Ассоциация с живописью очевидна, поскольку словесные и звуковые краски – та же акварель, только немного другая, видимая внутренним зрением, улавливаемая на уровне интуиции.

А впрочем, почему акварель? Иногда это чёрно-белая графика или даже простой карандашный рисунок. Парадокс заключается в том, что каким бы художественным стилем ни был написан текст, какими бы разнородными ни казались части полотна, они всё равно дают единую, целостную картину мира.

Одна тема логически продлевается другой:

*морозный день нагрянет, аналой
под сводами собора вспечален.
Стекает воск расплавленной свечой.
Отталкивая берег, ты отчалишь,
Оставив на голодном алтаре
сухие ветви, бывшие живыми...*

Как легко, как ловко любовная тема ложится в форму пейзажной зарисовки. София – мастер контаминаций. Но вдумчивого читателя не обманешь – он угадывает тему заглохшего сада по первым строкам. Того самого сада, который разграблен изменой, отсутствием любви – но ею же и возвращён в итоге. А вот, как на параде планет или природных сезонов, представлены все темы сразу: вода, неявные зоны смыслов («тёмные материи»), чистый лист творца, выстраивающего свои отношения с миром не по горизонтали, а по вертикали:

*Воды осенние порывы,
холодной смуты темнота,
Небесных прописей отрывок,
читаем с чистого листа,*

*где с постоянством периодик
спокойный длится беспредел.
И нет иной листвы в природе,
с которой сад бы не свистел.*

Взгляд автора всегда устремлён к Богу – источнику страданий и вдохновения, минутных радостей и вечных смыслов. Читатель поднимается на новый ярус «Полотна», где царствует поэтическое слово, рождающее бесконечное количество аллюзий и ассоциаций, образующее универсальное художественное пространство.

А следом идёт ещё один ярус, находящийся уже где-то на уровне небоскрёба. Полотно – не только живопись или творчество. Это жизнь, выходящая далеко за границы земного зрения лирической героини. Речь идёт уже о вселенском полотне, которое время – вечная мойра – ткёт неустанно. В последней книге Софии Максимычевой немало мрачных раздумий – «смерть» нередко торжествует над жизнью, но извечная попытка избежать тления, оказавшись за пределами мира реального, «за рамками иллюзий», видится автору «на чёрных холстинах времён». Времена эти тянутся от глубокой древности до наших дней, позиционируя автора как человека глубоко эрудированного, свободно путешествующего по запутанным лабиринтам мировой истории и культуры. Иногда в текстах стихотворений оживает древняя Спарта, слышатся голоса римских императоров и египетских богов, а нередко причудливый художественный сплав образуют язычество и христианство.

Христианская тема вообще очень близка автору этой книги. На многие события и даже на свою личную жизнь Максимычева смотрит сквозь призму Нового Завета. Так, стихотворение «Четверг», начатое, казалось бы, с любовной темы, продлевается масштабной картиной одного из самых драматичных дней страстной недели, когда вспоминаются тайная вечера, на которой Иисус Христос установил таинство евхаристии и совершил омовение ног учеников, молитва Христа в Гефсиманском саду и предательство Иуды. Как ниточка сквозь игольное ушко, тема любви, совмещённая с темой творчества, проходит сквозь многовековую священную историю и навсегда становится её частью. Что и говорить – автор искусный портной, сшивающий в единое целое грани гигантского полотна, тщательно следит, чтобы не было зазоров и прорех:

*О Господи, когтистый изувек
Горланит остывающую песню,
Нежданно приближается четверг
к черте, горизонтальной поднебесной.*

*Где намертво приклеенный язык
идёт на дно, взбивая вязкий омут,
а камень к темноте людской привык,
как человек к таинственному злему*

«Таинственное злое» нередко трансформируется у Максимычевой в образ языческой нави. Это ещё одна грань полотна – мистическая тёмная материя. Вспомним, что навь в языческой традиции – это подземный мир, обитель тёмных божеств, но также и альтернативная вселенная, существующая по другим законам. Иногда навью в восточнославянской мифологии называют мертвеца, вставшего из могилы. Таким «мертвецом» – ужасающим призраком прошлого, очертания которого проявились в настоящем, становится мир, описанный Максимычевой в третьей части триптиха «Четверг». Кажется, что произведение написано совсем недавно, по следам тревожных событий – настолько явственной и путающей кажется эта реальность:

*Ты знаешь, до сих пор следы видны
и отпечатки состоявших в членстве
бандитских группировок, ООО,
но перечень состава преступлений
в распахнутое падает окно,
а в нём, прищурив глаз, смеётся Ленин...*

Автор не довольствуется частным фрагментом бытия – ему нужна вся панорама в целом. По страницам стихов Софии Максимычевой шествуют разные эпохи, цивилизации, страны и культуры. В историческом полотне не может быть ничего лишнего и случайного, но исход этих масштабных наблюдений нередко печален. Человечество близится к своему концу – и речь не столько о физическом распаде, сколько о духовной деградации и полной утрате нравственных ориентиров.

И всё же главный смысловый вектор стихов этой книги – прозревание света сквозь тьму, поиск духовных основ и вечных смыслов в тёмном корне бытия. Только эти основы и помогают автору выжить, «услышать музыку сквозь снег», обрести подлинную творческую силу и свой собственный голос, который будет всегда узнаваем для читателя:

*Захлопнуть внутреннюю дверь,
рассыпав мелочь по углам;
Наметить путь иной – теперь,
оставив мизерное – там.*

*Увидеть дальние огни
и учащённой жизни пульс,
где ощущения одни –
была зима, сейчас – июль.*

*Сейчас ложится на плечо
твой отпечаток слабых губ,
но от которых горячо,
но на которые ты скуп.*

*Я оставляю позади
произнесённые слова.
И прижимаю свет к груди,
и понимаю, что жива.*

ИЗ КАЗАНИ С ЛЮБОВЬЮ

(Эдуард Учаров, Каменев идёт умирать... – Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2022. – 120 с.)

«Как известно, история пишется только стихами...», – утверждает автор книги, начатой с краткого очерка об одном из первых русских романтиков, «певце смерти» Гаврииле Каменеве. В это безоговорочно начинаешь верить с того самого момента, как только юный и беспечный поэт «окончательно хлопает дверью рабочего кабинета» и спускается вниз, «по-мальчишески оседлав перила винтовой лестницы». Впереди его ожидает долгожданная прогулка в Сосновой роще и, между прочим, новый стихотворный шедевр.

К чему эти скучные хрестоматийные описания дат жизни и смерти, основных вех творческой биографии? Вот он, перед нами – живой, полный энергии творец, неудержимый в порыве вдохновения, цокающий каблуками по мостовой, под лучами палящего волжского солнца. Он навсегда останется таким, его правда – в поэтических строках, а не в параграфах учебников по истории. Казань прошлого оживает, и с этой призрачной, ставшей мифом платформы начинается путь рассказчика Эдуарда Учарова. Это уже он сам, преодолевая духоту библиотечных стен, которые посетил «китайский вирус», обходя стороной неутешительную статистику по числу заболевших иноземной заразой, громко хлопает дверью кабинета и буквально «выпрыгивает» на одну из казанских станций, с которой электричка уносит его то в далёкое детство, то в мир причудливых грёз, то в недавнее прошлое, проносящееся перед глазами читателя чередой мелькающих станций разных городов и регионов.

Жанровую специфику рассказов Учарова трудно определить однозначно: по его собственным словам, это краткие зарисовки, бессюжетные заметки. Здесь я, пожалуй, не соглашусь. Сюжет учаровских текстов не очевиден, но всё же он есть, он всегда интуитивно угадывается: это история человека-мечтателя и фантазёра, любящего путешествовать и при этом бесконечно влюблённого в родной город, ставшего его бессменным экскурсоводом. А ещё это история поэта, границы личного пространства которого чётко не очерчены – они уходят куда-то за горизонт, за пределы комнаты, города, памяти, реальной географии: «Иду пешком по комнате, а она не кончается. Переходит в коридор. Коридор переходит в улицу. Улица в просёлочную дорогу. Дорога в Волгу. Волга впадает в Каспийское море».

В этом уже угадываются черты духовного травелога – тем более, что автор без труда путешествует не только в пространстве, но и во времени. Для него, как для какого-нибудь древнерусского сказителя, отрезки человеческой жизни весьма условны. То, что когда-то было, может быть и сейчас – стоит только захотеть, совершить небольшое усилие. И тогда что особенного в желании автора «зайти в Оперный театр и позвонить... в 1988 год»? Там ещё жива бабушка, там мама приведёт на детский балет, и папа пока не сделает «ужасный подарок» на 8 марта, уйдя из жизни в праздничный день...

Порой по-хармсовски абсурдный, причудливый мир учаровских рассказов способен утверждать иную логику существования. И в ней гораздо больше здравого смысла, гораздо больше человечности и одухотворённости. Оттого так жалко гору, которая *«пошла к пятёрочке за хлебом»*, но из-за отсутствия местной прописки попала в обезьянник и там умерла в неволе. Довольно прозрачная иносказательность, как ни крути. Но есть в этой книге и «кручение» иного рода – это бесконечная игра со словами, «вспарывание» языковой материи и открытие целой вселенной смысла, а точнее инакомыслия, где слова не боятся быть чем-то другим, где части речи беспрепятственно трансформируются друг в друга, а фразы совершают свободный полёт над изрядно надоевшими законами формальной логики: *«Спать было невозможно. Но спать – ещё было. Оно поерошилось с полчаса и окончательно выползло в форточку...»*.

Только в сознании поэта неопределённая форма глагола может взбунтоваться и заявить о себе, как об одушевлённом объекте. Слова, сказанные Учаровым, как птицы со своих жёрдочек, срываются с традиционных смыслов и уходят в необозримые пространства переносных, весьма отдалённых значений. И кажется, что даже сам автор не в силах их удержать. И начинают фразы веселиться, играть, приплясывать, а точнее танцевать бесконечный танец свободы. Вот как, наверное, любопытно было бы начать урок истории, посвящённый Степану Разину: *«Стенька поднял народное восстание, подержал его и выбросил в Волгу, как персидскую княжну»*.

Автор явно был в ударе, когда писал подобное. Притчи, басни в прозе, социальные сказки-аллегории, даже памфлеты – кажется, Учарову подвластен любой их этих жанров. Чего стоит, например, юмористическая и в то же время тревожная история про обнуление, где герою перед голосованием мерили температуру, но градусник показывал, что он – «абсолютный ноль». А от сказок о поэтах, которые вечно пребывают в поиске идеального стихотворения, строят дома из стихов и кирпичей и заражают своим творческим недугом окружающим, рождается особое чувство – и щемящее, и воздушное одновременно. Трудно, продираясь сквозь череду законов, запретов, ограничений и предписаний остаться верным самому себе.

Но автору это удаётся. Он вопреки всему остаётся творцом и путешественником, и мальчишески лёгкой поступью идёт по улицам Казани, чтобы в очередной раз открыть для себя особую романтику и неуловимое обаяние родного города. Но, конечно, только Казанью дело не ограничивается. Травелогги в прозе Учарова – предмет отдельного разговора. Это не просто короткие зарисовки увиденного, туристические заметки на полях – это запечатлённый на бумаге опыт личного знакомства с новым городом, краем, регионом. С географическим объектом, который довольно скоро становится близким и понятным, приятным своей неповторимостью. Все учаровские города и архитектурные памятники имеют собственное лицо, свою изюминку, превращающую даже самое захолустное место в уникальный объект экскурсионной программы. Монумент стерляди в Сарапале, Университетская площадь в Ижевске, огромная голова Ленина в Улан-Удэ, дацан на Лысой горе, мать Чувашии в Чебоксарах – эти официальные и неофициальные визитные карточки городов навсегда остаются в памяти автора. В его художественной биографии, богатой на события и впечатления. Но дело, конечно, не только в исторических достопримечательностях – дело в живой и неуёмной фантазии автора, силой своего воображения одухотворяющего каждый увиденный объект, превращающего его в героя повествования, способного чувствовать, хранить тайны, говорить с каждым посетителем на особом языке. Учаровское слово – ёмкое, звучное, метафоричное, плещущее каскадом ассоциаций – делает облик провинциальных и столичных городов, улиц, скверов настолько привлекательным для читателя, что впору сорваться с места и отправиться в путь, ещё не дочитав конца фразы. Так, описание Большой Печёрской улицы в Нижнем Новгороде – настоящий шедевр. Оно оглушает звукописью, ослепляет красотой и рождает ощущение полёта, ибо улица крылата: *«Большая Печёрская деревянными узлами вязала взгляды и отсыывала спины зазевавшихся о заносчивые углы срубов. Сползающие на головы балконы и крылатые наличники, стремящиеся взлететь в печёрское небо – тоже собирали наши взоры, сушили их на конфорочном солнце и выкладывали на карниз, дабы насытить жадных синиц и фребезжащих в грязные стёкла воробышков»*.

А каким приятным, живым, поэтически рассеянным и похожим на своего рассказчика в главе о Байкале становится дождь: *«пошёл дождь и китайцы», «топали вверх по философичному дождю. Он был рассеян, часто забывал капать. Размышлял. А мы текли себе уже с горки по Чернышевского мимо Булака и других водяных знаков»*.

Города и населяющие их объекты в травелогах Учарова становятся вполне самостоятельными и очень обаятельными персонажами. Каждый вызывает особое чувство. Например, к Питеру у автора отношение как будто слегка сдержанное – уважительное, но какое-то отстранённое. Как будто есть лёгкая досада по поводу того, как здесь всё устроено: неловко, непонятно и немного нерационально: *«Разочаровавшись, мы миновали Главный штаб и прошли Триумфальную арку. По Большой Морской выплыли на Невский и дошли до канала Грибоедова. Повернули на Спас на Крови. Туристов – спасу никакого нет»*.

Следует отдать должное неизменно сопровождающим любое экскурсионное описание тонкой игре слова и никогда не изменяющему автору чувству юмора. Лёгкому, почти английскому, вызывающему у нас лёгкую улыбку наблюдателя, внезапно открывшего парадоксальность мира, в котором великое

всегда уживается с обыденным и повседневным, а трагическое – со смешным и даже нелепым. Эта едва заметная и добрая авторская ирония лишает повествование ненужного пафоса, превращая серьёзную историческую прогулку в забавное путешествие, ни к чему не обязывающий «флирт»: «На Итальянском мосту подбежал Пётр I и попросил сфотографироваться с ним за деньги. Я отказал. Тогда он стрелянул у меня сигаретку. Я достал красную пачку „Кресты“ с колючей проволокой. Подошла рядом стоящая Екатерина II или Елизавета: „О, прикольные сигареты, а вы откуда?“. Я говорю – из Казани. „О, чо, прикольные сигареты в Казани делают!“ – и тоже стрелянула у меня сигаретку».

Тем прекраснее, что на фоне этого флирта нет-нет, да и промелькнёт ностальгическая нотка признания в любви к городу. Непринуждённо и ненавязчиво автор может сказать о чём-то важном, сокровенном: «Крыши Питера шепчутся с богами, чего уж там...».

Есть и ещё одно, очень важное наблюдение, которым хочется поделиться с каждым потенциальным читателем этой книги. Где бы автор ни находился, какими бы местами ни восхищался – он всегда остаётся жителем Казани, его взгляд путешественника регрессивно обращён в сторону дома. Чужие города и страны потому и приятны, что после них неизменно возвращаешься домой.

Учаров – истинный казанец, преданный своему городу, живущий его законами, мерками, особыми ценностями. И эта книга как будто написана из Казани, с любовью – своего рода тёплый и дружеский привет человека, странствующего по миру для того, в том числе, чтобы в очередной раз признаться себе: в мире нет ничего лучше места, где ты родился и вырос – твоей малой и всё-таки очень большой родины: «В ушах стоял золотой гул. Сердце радовалось. Голова – в чугунных осколках восторга. Кто сегодня слышал обеденный звон с Богоявленской колокольни – это и я вам привет передавал».

КОГДА ПРИХОДИТ РЕЧЬ

(Алексей Прохоров, *Не одинокий рай*. – М.: Издательский Дом «Зебра Е», 2023. – 162 с.)

Поэзия Алексея Прохорова видится мне как процесс развивающийся, становящийся, ещё не до конца сформированный в плане формы и стиля. И едва ли это можно воспринимать как недостаток. В каком-то смысле это даже достоинство, делающее творчество живым и довольно любопытным объектом для наблюдения.

Автор и сам осознаёт себя как человек, постоянно чего-то ищущий, устремлённый к идеалу. Речь не только о мировоззрении и философском самоопределении, но и, в том числе, о той работе над словом и поэтикой в целом, которая необходима для адекватного позиционирования себя в области литературного творчества. Необходимость осознания того момента, «когда приходит речь» – та самая, дарованная творцу свыше – предмет постоянных раздумий автора, источник рефлексии, без которой и вне которой поэт не может состояться:

*быстро сменится скорость
восприятие ритм
и прорежется голос
у скачущих рифм...*

Очень точные слова – ведь именно этого прорезания голоса сквозь привычную заурядность даже поэтического высказывания более всего мы ждём от самих себя в творчестве. И похвально, что автор книги «Не одинокий рай» стремится обрести эту полноту и яркость звучания собственных строк. Процесс нередко бывает мучителен – кому, как не поэту, об этом знать. В жанровом отношении стихи Прохорова охватывают достаточно широкий диапазон: от классики до постмодерна, от коротких лирических зарисовок до целых поэм. Автор как будто и сам до конца ещё не определился, к чему более тяготеет. Но очевидно одно: он хочет звучать современно и самобытно. Тому способствует и современная пунктуация – точнее, её отсутствие. Этим приёмом пользуются сейчас многие, и он по-своему хорош, хотя в случае со стихами Прохорова подобное пунктуационное своеволие не всегда кажется оправданным, особенно в так называемой философской лирике, где тяготение к первоистокам, к серебряному и даже золотому веку, очевидно. Но респать в любом случае автору, а взгляд со стороны всегда субъективен. Как мне кажется, Прохорову весьма удаётся короткая строка – в ней он убедителен и даже пронзителен иногда. Общеизвестно, что за кажущейся простотой всегда стоит искренность и глубокий смысл:

*День уходит. Память беспокойно
борется с забвением в тиши.
Уменьшается произвольно
место обитания души.*

*Скоро сумрак спустится на землю,
для оживших мельниц тихий час.
Колыбельная над колыбелью
снова убаюкивает нас*

В стихотворении, которое по праву можно считать одним из лучших в книге (не случайно с него всё начинается) заявлена ключевая авторская тема – место обитания души. Константин Комаров в своей рецензии на книгу Прохорова тоже выделяет эту строку как сквозной образ-маячок книги. Так к поискам подлинной речи добавляется ещё и традиционный поиск смысла жизни, попытка обретения своего внутреннего, духовного человека, способного оправдать существование на этой земле. Что же позволяет нам выйти за границы «родного шкафа», перестать дышать платяной пылью и открыть новый путь? Прохоров не оригинален в своём ответе, но с ним трудно не согласиться, поскольку залогом нашего духовного бессмертия во все века и времена были и остаются такие непреходящие ценности как любовь, творчество, доброта и милосердие.

Не случайно книга посвящена жене Алексея Юлии. Любовь – краеугольный камень творчества Прохорова, его главный источник вдохновения. Благодаря этому чувству поэт способен сохранить свою личностную целостность, и при этом выйти за границы обыденного, сохранить чистоту и свежесть взгляда на привычные явления:

*вот что значит любовь
без конца день за днём
убегающий свет
и летящие звёзды
нам нельзя упустить
то что можно вдвоём
обнимай ты меня
я тебя но не воздух*

Наверное, таким и должно быть абсолютное счастье – не только простого человека, но и творца. Здесь и находится то самое заповедное место, где душа не ограничена тяготами земного существования и может не прерывать своего полёта. Любовь у Прохорова сродни природной стихии. Не случайно муза поэта тяготеет к морю – но не к тёплому, южному, а скорее, к северному. Балтийскому. Петербург нередко упоминается в книге «Не одинокий рай» – пространством этого города, отчасти реального, отчасти вымышленного, заботливо обустраивается и личное, духовное пространство автора, не желающего «проживать в шкафу» свою единственную жизнь. Ему гораздо ближе и милее «пляж закрытый окнами на север», «белые кудри ночного приюта», февральские чайки. Территория дома осмысливается как нечто, находящееся далеко за пределами привычных стен – в то же время природные объекты одомашниваются, превращаясь в место комфортного пребывания души лирического героя. Отсюда и пляж, ассоциируемый со зданием «окнами на север». Если бы я не знала, что автор – москвич, обязательно подумала бы о том, что он коренной петербуржец. Все петербургские стихи пронизаны особой интонацией и с трудом скрываемой нежностью, да это и не мудрено: ведь «на севере огонь совсем не тот что южный ветер».

Родина Блока, место жительства Гумилёва и Мандельштама, Петербург остаётся истинной культурной столицей России. Константин Комаров, говоря о литературных влияниях, оказанных на Прохорова, упоминает Баратынского. Мне же представляется, что истинной почвой для выстраивания художественного пространства «Не одинокого рая» является поэзия серебряного века – в её северном, не московском воплощении. Переключки с Блоком очевидны – но у Прохорова свои «ночь улица фонарь аптека», менее безысходные и более светлые, как и сознательно выбранная поэтом вечность:

*вечный маяк утренний свет
сон в ноябре вытравивший снег
времени нет лишь любовь на краю
вечный маяк ты жива я люблю*

И всё же, несмотря на явное тяготение к «вечным темам», поэт живо реагирует на современность. Его стихи нередко звучат злободневно – в частности, не остаётся без внимания тема ковида и вынужденного затворничества в четырёх стенах, когда «всё будущее отменили и до конца играют в жизнь». Парадоксально, но даже в этой обращённости к сиюминутному, временно актуальному, Прохоров остаётся верен самому себе, не теряя масштабности художественного мышления. Коронавирус для него – одна из тех пограничных ситуаций всеобщего неблагополучия, которая позволяет человеку в корне пересмотреть свою жизнь,

нащупать внутренние духовные резервы для обретения себя подлинного, уже слегка забытого в повседневной суете. И здесь смыкаются сквозные мотивы книги: поиск душевной обители и поиск подлинной речи, которая, по сути, этой обителью и является. Поэт обретает голос только во время общественных катаклизмов, противопоставляя творчество обывательской рутине:

*Обнулением не сжечь
жир упитанных боков.
Вот тогда приходит речь
Против зла окороков.*

Стихи, собранные в этой книге, различны по уровню техничности и степени воздействия на читателя: какие-то из них сильнее, какие-то – слабее. Но очевидно одно: авторские поиски и усилия были не напрасны. Отдельные тексты, написанные в моменты мистических озарений, наглядно демонстрируют, что чудо поэзии действительно случилось, а значит, состоялся и общий замысел. Именно с этим и хочется поздравить автора и пожелать ему того особенного счастья, которое творец испытывает лишь тогда, «когда приходит речь»:

*когда ты рифмуешь
есть только твой голос
во тьму уходящий
как свет сквозь века*

*когда ты рифмуешь
вся жизнь просто полость
которую сам
заполняешь пока*

«КНИЖНАЯ ПОЛКА» АЛЕКСАНДРА КАРПЕНКО

В ИТАЛИИ ЕСТЬ ВИТАЛЕ

(Серена Витале, Тайна Дантеса, или Пуговица Пушкина. Серия «Культурный слой». – М., Издательство «Родина», перевод Емеляновой Е. М., 2022 – 384 с.)

Покойный мой друг поэт Вадим Ковда в последние годы жизни был увлечён и очарован трудами итальянской пушкинистки Серены Витале. Вадим был человеком пассионарным и невольно передал мне это своё увлечение. В чём уникальность работы Серены Витале? Ей удалось получить архивы семьи Геккернов, содержащие переписку их предка с Дантесом. Прошло без малого 200 лет, но эта злосчастная история дуэли Пушкина на Чёрной речке продолжает обрастать новыми подробностями, в том числе благодаря усилиям Серены Витале. Книга Витале даёт нам возможность ещё раз порассуждать над судьбой поэта. Безусловно, его женитьба на Наталье Гончаровой была редкостным мезальянсом. Великий поэт, который словом мог очаровать любую женщину, женился на той, которая не была ему ровней. Но мы понимаем его выбор – он женился на внешней красоте, которой недоставало ему самому.

Подлинные письма Дантеса – это, конечно, сенсация. Но даже наличия таких писем недостаточно для всестороннего анализа ситуации. Серена Витале проделала огромную работу в архивах Москвы и Германии. Она собрала письма европейских посланников, которые писали о дуэли и смерти Пушкина – любой посланник отчитывался перед своим двором, и этой информации у российских исследователей творчества Пушкина могло не быть. За 36 часов, пока Пушкин лежал при смерти в своей квартире на Мойке, в его доме побывало до 50000 человек. Колоссальная цифра, которая показывает нам масштаб популярности поэта в России. Люди понимали, кого они могут потерять.

Серена Витале – не единственная иностранная пушкинистка, чьи работы имеют успех в России. Широко известна книга «Александр Пушкин» французского писателя Анри Труайя. Однако этот француз на проверку оказался... русским армянином Львом Тарасовым. А вот Серена Витале – имя подлинное. И оно ей очень идёт – сразу же, в духе Пушкина, слышатся рифмы: «В Италии есть Витале! С нами не только крестная, но и витальная сила!». Серена производит на меня впечатление автора, способного к серьёзному анализу. Пушкин в России – религия, и здесь писатель рискует быть подвергнутым остракизму за любое хорошее слово о Дантесе. Это, пожалуй, так же рискованно, как хвалить Иуду Искариота перед собранием верующих христиан. Найденные письма Дантеса исследователю, конечно же, помогают. Но одновременно они ещё больше запутывают дело. Например, Дантес пишет Геккерну, что Наталья Николаевна призналась ему в любви в ответ на его собственное признание. Но может быть, он просто хвастается? И подобных ситуаций, пусть и ретроспективных, возникает очень много.

Но выход у исследователя есть – проанализировать письма других современников этих событий. В эпоху Пушкина мобильных телефонов не было, и люди, если не видели друг друга тет-а-тет, писали друг другу письма. Это обстоятельство облегчает реконструкцию обстоятельств дуэли великого поэта и всего, что ей предшествовало – многие друзья и просто знакомые оставили нам свидетельства, что же происходило в это время в окружении Пушкина. Насыщенность событий вокруг великого поэта, отображённых эпистолярно, так высока, что создаётся впечатление, что всё это совершается здесь и сейчас. И в этом, безусловно, большая заслуга Серены Витале.

То, что Серена – иностранка, с одной стороны, ей помогает – она может проявить в исследованиях независимость от русской традиции. Ведь, чего греха таить, отечественные литературоведы очень пристрастны во всём, что касается Пушкина. С другой стороны, откровенно «продантесовские» выводы могут в России не понять. Мне кажется, Серене Витале удалось проплыть между Сциллой и Харибдой. Для нас любое маленькое открытие, касающееся Пушкина, на вес золота. Из книги Витале мы, например, узнаём, что император Николай велел одному из близких друзей поэта сжечь все его произведения, которые могли бы повредить его славному имени.

Отношения между Пушкиным и царём были сложными. Часто рассказывают об участии Николая Первого в посмертной судьбе поэта, о том, что он оплатил все долги поэта. Но Серена Витале приводит нам и противоположный пример, когда государь прямо встал на сторону Дантеса. Уже после дуэли, когда Геккерен показал ему письмо Пушкина, которое и привело к кровопролитию, Николай сказал, что, если бы подобное письмо пришло к нему, он бы тоже вызвал его автора на дуэль. Если только не знать, что письмо написал великий поэт. Пушкин такого снисхождения, к сожалению, не получил, поскольку, во-первых, иностранцы не сознавали масштаб его величия, во-вторых, они попросту не склонны были его прощать, невзирая на то, что дуэль грозила разрушить их карьеры в России, что в конечном итоге и произошло.

Последние годы жизни поэта были для Александра Пушкина тревожными. Он был вынужден брать всё новые кредиты, чтобы свести концы с концами. Журнал «Современник», на который поэт возлагал большие надежды, оказался не таким прибыльным. А после публикации «Философического письма» Чаадаева царь вообще хотел его закрыть. Звание камер-юнкера, пожалованное Пушкину государем, не обрадовало его, а, наоборот, очень сильно расстроило. Он подозревал, что царь приближает его ко двору, потому что хочет танцевать на придворных балах с его женой. Всё это, безусловно, отравляло жизнь поэта, взвинчивало его. В какой-то момент Пушкин фактически сам себя приговорил – несдержанностью. Но нельзя же позволять другому браконьерствовать в твоём саду! «Что себе позволяет этот чужестранец!» – возмущался поэт. В сущности, оба они в этой истории вышли «за флажки» – как Дантес, так и Пушкин.

Книга Серены Витале, вероятно, не имела бы такого успеха у читателей (она переиздается уже не в первый раз), если бы содержала исключительно фактологические достоинства. Но язык у итальянской писательницы тоже хорош. «Цензоры – царь лично, а также другие унылые стражи литературной непогрешимости – расставляли на его пути бесчисленные препятствия, задерживая и иногда запрещая публиковать то, что он написал. Он пробовал удачи в картах и проиграл, как это всегда случается с игроками, отягощёнными нуждой. Покой и счастье продолжали скользить сквозь пальцы подобно извивающимся змеям. Последней каплей стал камер-юнкерский шутовской мундир – невыносимое оскорбление в его возрасте, при его известности и беспредельной гордости». Как точно, ярко и бескомпромиссно описывает Серена ситуацию, в которой оказался Пушкин!

Хотя мы по привычке проклинаям Дантеса, Пушкин фактически погиб от себя самого, от своей необузданной ревности. Вместе с тем итальянская пушкинистка на основании найденных писем Дантеса доказывает, что француз действительно беспрестанно атаковал Наталью Николаевну своими ухаживаниями. Так что ревность нашего первого поэта была не беспочвенной. Дантес сам признаётся в письмах, что преследует Наталью Николаевну – якобы потому, что ничего не может с собой поделать. Серена Витале пишет о том, что это не был треугольник в обычном понимании. Это был многоугольник: «Ж. и Н. влюблены. Н. отвергает Ж. жертвуя им ради П. Ж. отвергает Н., жертвуя ею ради Г. П. и Г. оба мучаются ревностью к Н., но стремятся это скрыть». А ведь в действе участвуют ещё и старшие сёстры Натальи Николаевны – Екатерина тоже влюблена в Дантеса, а Александрина – в Пушкина. И это не было какой-то распушенностью – в 19-м веке это было в пределах правил, «комильфо». Хотя и чувство ревности в обществе тоже не порицалось.

Серена Витале приводит слова Гончаровой из письма Дантеса Геккерену: «Я люблю вас, как никогда не любила, но никогда не просите у меня более моего сердца, поскольку остальное мне не принадлежит, я могу быть счастлива, только честно выполняя свои обязанности, пожалейте меня и любите меня всегда как теперь, и моя любовь будет вам наградой». Я почему-то верю, что именно так и могла ответить Дантесу Наталья Гончарова. Серена Витале пишет, что Гончарова отвечает Дантесу почти так же, как Татьяна Ларина отвечала Онегину. Литература становится жизнью, жизнь подражает литературе, и всё это очень по-русски. Россия, как выразился Игорь Волгин – страна литературоцентричная. К сожалению, письма Дантеса охватывают сравнительно небольшой период времени, когда Геккерен отлучался из Петербурга. Затем он возвращался в Россию, и Дантес прекращал ему писать, поскольку мог всё поведать лично. По-русски Дантес практически не говорил, но в России 30-х годов 19-го века это не было проблемой, поскольку высшее общество свободно говорило по-французски.

Книга Серены не акцентируется всецело на материалах вокруг дуэли. Есть в книге вроде бы незаметные детали, нюансы, которые помогают нам лучше понимать происходящее. Так, Витале пишет, что родители сестёр Гончаровых много пили, а мать к тому же была очень деспотичной. Становится понятным, почему сёстры стремились, во что бы то ни стало, побыстрее выйти замуж. А позже супруги Пушкины не хотели жить под одной крышей с матерью Натальи Николаевны. Наиболее точный словесный портрет одежды младшей Гончаровой, по мнению Серены Витале, оставил художник Айвазовский. Я вначале, честно говоря, не поверил этому. Как современник Николая Второго Айвазовский мог знать Пушкина и его супругу? Но это оказалось правдой. Девятнадцатилетний выпускник Академии художеств Айвазовский, которого Серена Витале называет «романтическим маринистом», действительно дважды встречался с Пушкиным. Александр Сергеевич поинтересовался у художника, откуда он родом, а затем спросил, как он, человек

южный, выносит суровый климат Петербурга. Пушкин умел общаться с самыми разными людьми. Он и в салоны любил ходить ради общения.

«А что это за „пуговица Пушкина“?» – спросите вы, намекая на название книги. Дело в том, что поэт ходил в бекеше, на хлястике которой не хватало пуговицы. И многие люди обращали на это внимание. Думаю, Пушкин не сильно был озабочен своим внешним видом. Поэтому его так злила необходимость надевать в торжественные дни ненавистный мундир камер-юнкера. Мы видим, что «близнец» Пушкин обладал всеми достоинствами и недостатками, свойственными этому воздушному знаку. Достоинство книги Серены Витале заключается в том, что Пушкин у неё – живой, мятущийся гений. Мы сопереживаем ему с первой и до последней страницы, хотя и знаем точно, что добром всё это не закончится. Женское имя Серена означает «ясная, спокойная, безмятежная». И действительно, писательнице свойственны яркость, чистота и миролюбие, которые в полной мере проявились у неё в книге об Александре Пушкине. Рекомендую книгу Серены Витале для серьёзного, вдумчивого прочтения.

«ТАМ, КУДА Я ВЕРНУСЬ И УЖЕ НИКОГДА НЕ УМРУ...»

(Эльдар Ахадов, Там, куда я вернусь... – Баку, «Наука и просвещение», 2024 – 292 с.)

Эльдар Ахадов постоянно возвращается на свою историческую родину, в Баку, где у него проживают мать и сестра. И там, конечно, он продолжает писать книги, которые часто по замыслу носят концептуальный характер. Не стала исключением и новая книга, связанная с исторической родиной поэта и названная по строчке из его стихотворения – «Там, куда я вернусь и уже никогда не умру». С одной стороны, данный проект продолжает линию книг благодарности родной земле, таких как «Цветок любви». С другой, он продолжает линию книг о литературных путешествиях – таких как книга Ахадова о Лермонтове. Новая книга родилась на перекрестье направлений творческой деятельности писателя.

Всё это можно проследить по его публикациям на фейсбуке. Написав интересную литературоведческую статью, Эльдар смотрит, может ли она стать частью чего-то большего. Например, поэт уже рассказывал в других книгах о приездах в Баку Сергея Есенина, о службе на Кавказе Михаила Лермонтова. Резонно может возникнуть вопрос: а кто ещё из знаменитых писателей бывал в Баку или других регионах Азербайджана? Так, видимо, и возникла концепция книги «Там, куда я вернусь». Здесь одно работает на другое – красоты Азербайджана привлекают известных писателей из других стран, а интерес писателей убеждает в том, что это замечательная страна, которую, конечно же, стоит посетить. Новая книга Эльдара Ахадова умножает количество желающих побывать в Азербайджане, поскольку в стране много мест, так или иначе связанных со знаменитыми писателями.

Эльдар Ахадов наделён редким даром: у поэта пульсирует жилка исследователя, и она только помогает вдохновению. Он пишет так, что это интересно как профессионалам, так и простым читателям. Эльдар прекрасный рассказчик, и это помогает ему в литературоведении. Простота изложения, вездливость и системность исследований, увлекательность, заразительность повествования, сенсационность открытий и находок – всё это определяет успех его научно-исследовательских произведений. Вместе с тем, это достаточно «популярная» литература. Новая книга Эльдара Ахадова вышла в издательстве «Наука и просвещение», и профиль издательства полностью соответствует жанру этой книги.

Некоторые из рассказов Эльдара о пребывании известных наших поэтов на азербайджанской земле мне уже попадались ранее. Но вот что интересно – автор не переносит механично свои заметки из книги в книгу. Он доисследует, переосмысливает сказанное, иногда спорит с самим собой. Его исследования – не застывшая ткань. Так, например, мне знаком очерк Ахадова о происхождении имени Шаганэ из стихотворения Сергея Есенина. Поэт нашёл разгадку имени персиянки, и она оказалась не из Персии, а из азербайджанской деревни Шаган. Но Ахадов не ставит на этом точку, и это полностью соответствует его творческому кредо: «Никогда не торопитесь делать окончательные выводы, даже если они кажутся вам очевидными. Не захлопывайте дверь в прошлое. Оставьте её приоткрытой. И Бог знает, какие подробности могут появиться спустя бездну лет...».

В исследовании Эльдара Ахадова о жизни Сергея Есенина в Баку появились новые подробности. Нет, он не отказался от версии с деревней Шаган – просто, по некоторым сведениям, поэт мог побывать в Персии несколькими годами ранее, в августе-сентябре 1920 года. И тогда становится понятным, почему Есенин населил свои стихи из «Персидских мотивов» флорой, которая присутствует только в Иране. Поэт мог съездить в Иран вместе с эсером Блюмкиным – строит новую гипотезу Эльдар Ахадов. Это тот самый Блюмкин, чьи расстрельные списки порвал Мандельштам, а затем несколько лет был в бегах, – боялся мести этого революционера, вооружённого гаганом. Вражда с Мандельштамом не мешала Блюмкину дружить с другими известными поэтами, в том числе с Есениным. Сразу два достоверных источника указывают на то, что Есенин действительно мог побывать в Персии, но только не в 1925, а в 1920 году. Я думаю, что Сергей действительно мог писать свой цикл в 1925 году ретроспективно, используя впечатления 1920-го года. Может быть, что-то азербайджанское напомнило ему персидское,

ведь раньше Азербайджан был частью Персии. Исследования Эльдара Ахадова не только креативны сами по себе, но и будят творческую мысль у его читателей.

На земле Азербайджана побывали в разное время Александр Дюма и Михаил Лермонтов, Максим Горький и Кнут Гамсун, Теодор Драйзер и Сергей Есенин, Велимир Хлебников, Сергей Городецкий, Осип Мандельштам, Олжас Сулейменов и многие другие писатели. А известный символист Вячеслав Иванов преподавал в Баку в течение пяти лет. Там же, в Баку, Мандельштам встретился не только с Ивановым, но и с Сергеем Городецким. Какими ветрами заносило всех этих знаменитых людей в Азербайджан? Если мы говорим о послереволюционном периоде, там было относительно безопасно, никто не голодал, как в других регионах разрушенной страны.

Эльдар Ахадов собрал в своей книге пантеон мировых знаменитостей не случайно. Буквально каждого из этих авторов он высоко ценит, даже малоизвестного ныне нобелиата Кнута Гамсуна. Ахадов не делит писателей на выдающихся и более скромных по вкладу в литературу. Азербайджан, где обожают поэзию, словно бы уравнивает всех авторов в превосходной степени. Каждый из них в восточных путешествиях только умножает свои достоинства. И в этом, безусловно, велика заслуга Эльдара Ахадова, биографа и энциклопедиста. Каждая глава новой книги снабжена библиографией – поэт умеет общаться с первоисточниками и затем их анализировать. Читатели могут пойти тем же путём и перечислить эти открытые источники.

Другое обстоятельство, выгодно отличающее новую книгу Эльдара Ахадова – большой временной промежуток, охватывающий повествования – с середины 19-го века по наши дни. Эссе о путешествиях классиков продолжены рассказами о пребывании в Баку современных писателей со всего мира, прибывших на всемирный фестиваль поэзии ЛиФфт в 2019 году, чему я тоже был свидетелем. Должен сказать, что «современные» материалы не уступают по увлекательности главам о писателях прошлых лет. Приезд и пребывание в Баку таких всемирно известных авторов, как Эдуардо Эспина, Ричард Беренгартен, Ашраф Дали, Олжас Сулейменов, Фернандо Рендон, Паоло Руффилли, Мамта Сагар, Константин Кедров, надолго запомнится бакинцам.

Порой мы хорошо знакомы с творчеством того или иного писателя, но недостаточно знаем его биографию. Например, для меня явилось открытием, что бабушка Александра Дюма была негритянкой. Что Лермонтов испытал огромное влияние Бестужева-Марлинского. Даже строчка «Белеет парус одинокий» впервые встречается именно у Марлинского! Что Александр Грин строил бульвар в Баку. Все эти сведения можно почерпнуть из новой книги Эльдара Ахадова. В книге много цитат. Писатели сами рассказывают о своих впечатлениях. Мы узнаём, например, что Теодор Драйзер посетил в Баку мечеть. Американский писатель искренне удивился, что «неверным» тоже позволено посещать мусульманский храм. Заканчивается щедрая книга Эльдара Ахадова мини-антологией стихов об Азербайджане. В добрый путь, книга любви!

«ЗОЛОТО ТИГРОВ НА ЧЁРНОМ». ЦВЕТОМУЗЫКА ЕВГЕНИЯ ВОЛКОВА

(Евгений Волков, *Натюрморт. Стихи.* – М., *Стеклограф*, 2023. – 88 с.)

«Натюрморт» – книга относительно небольшая, но плотность бумаги и текстов поэта создают у читателя иллюзию большого, полновесного тома. Новая книга Евгения Волкова, как и предыдущая, «Колокол» – настоящее произведение полиграфического искусства. Хорошо, что у нас есть издательства, которые обращают пристальное внимание на «обёртку». Вдобавок к ставшей уже традиционной для книг Волкова в «Стеклографе» мелованной бумаге издатели порадовали нас, читателей, двумя суперобложками. Их сочетание создаёт образ зеркала, занавешенного чёрным. Несомненно, такие концептуальные вещи без ведома автора не делаются. Выступивший на презентации книги Волкова критик Данила Давыдов, говоря об оформлении книги, вспомнил строки Андрея Вознесенского из стихотворения «Смерть Шукшина», продублированные позже метаметафористом Александром Ерёмко: «Занавесить бы чёрным Байкал, / словно зеркало в доме покойника». Критик отметил в стихах Волкова параллели с метареализмом Ерёмко. Я нашёл у Александра Ерёмко ещё несколько строк, которыми вполне можно проиллюстрировать обложку новой книги Евгения Волкова: «где аккуратно вставленная смерть / глядит вокруг открытыми глазами». Волкова и Ерёмко роднит сочетание в их стихах центонов и силлаботоники. Вместе с тем, оба поэта – несомненно, прекрасные лирики. Всё это очень интересно исследовать.

вечерних звуков бредень разверну –

для серебра что попадётся в сети

*для тёмных вод умноживших луну
для междометий брошенных на ветер*

мне на ветру привычно каменеть –

личинами чинами ли чужими

и забывать развешанное имя

и не искать утраченное впрямь

*не ведают покоя жернова
сминая зёрна сумрака и страха –*

и для которых я лишь сгусток праха

наощуть разбивающий слова

Обращает на себя внимание строфика стихов Евгения. Его тексты идут целиком от начала до конца, не разбиваясь на катрены. Где-то его строчки прижимаются друг к другу, будто в любовном экстазе. А где-то между ними и отдельными словами возникают воздушные пробелы. Поэтому, наверное, тексты Волкова нецелесообразно давать в строчку. В стихах Евгения нет никаких знаков препинания – только редкие тире для обозначения смысловых пауз. В новую книгу поэта вошли как свежие, так и уже хорошо зарекомендовавшие себя стихи, опубликованные в толстых журналах. «Я пишу медленно, мучительно, мне приходилось заново придумывать язык», – сказал на презентации книги автор о своём детище.

Книга Евгения Волкова открывается стихотворением памяти Олега Бабинова – «Никто». Так же называлась одна из последних книг Олега, которого связывала с Волковым крепкая дружба. Откуда взялось такое странное название? Дело в том, что поэт в настоящее время больше не «властитель дум». Он – «никто», он ни на что не претендует. Но мы помним: «кто был никем, тот станет всем». Или, как гласит ещё более поздний сакральный текст – «последние станут первыми». Конечно, подобное «самоуничтожение» – не более чем игра на контрастах, как у Бабинова, так и у Волкова. «Я – свет, стреляющий с двух рук», – заявляет в своём стихотворении Олег. У Евгения чеканка слов остаётся столь же приоритетной задачей, какой она была у предыдущих поэтических поколений: «вот только сам не ведая зачем / чеканил слово как свою монету – / я есть никто рождённый быть никем / и скоро буду призванным к ответу». Сочетание высокого и низкого – один из любимых стилистических приёмов Евгения Волкова, и стихотворение «Никто» – ещё одно тому подтверждение. Поэт трогательно посвятил эти стихи памяти друга.

Волков – автор умный и эрудированный. Его стихи – чтение во многом интеллектуальное. Стихи Волкова разнообразны по тематике и оригинальны по исполнению. Поэтическая речь Евгения напоминает по звучанию англоязычную речь, в которой много коротких слов. Как нельзя лучше отвечают этому такие размеры, как хорей и особенно ямб. Но если в английском языке такая речь естественна, то в русском это звучит как «высокое косноязычье», свойственное исключительно поэзии. Слог – это атом речи, и поэт увлечённо разбивает молекулы на атомы, высвобождая энергию постижения. Даже в тех стихах, где Евгений ломает силлаботонику, как в стихотворении «погоде всё хнычется», ставка у него всё равно делается на короткие одно-двухсложные слова. Опять-таки, я ощущаю здесь влияние английского языка. И у меня есть для этого веские основания: текст «Love me do», представленный в «Натюрморте», выдаёт в авторе меломана, который с удовольствием слушает песни «Битлз». Добавляют стихам Волкова музыкальности и рефрены, часто встречающиеся в книге. Например, «дорогая выпьем яду» (стихотворение «накануне камнепада»). На рефренах построена и сага поэта о «простейших». Простейшие пируют, выходят на балкон, производят другие несложные действия (стихотворение «постылые орудия труда»). В сущности, простейшие – это та же пушкинская чернь, которая противостоит поэзии и поэтам. И патриотизм хорошо «строит» простейших.

В стихотворениях Евгения Волкова чётко прослеживается антивоенная позиция: «пусть бросит камень тот в ком нет вины – / и тот кто говорил что их там нету / нерусские опять хотят войны / и бьют поклоны имхо / имхотепу / касательно сойдут с небес дожди – / мир справедлив и потому прекрасен / что вожделяют испокон вожди / иметь героев молодое мясо». «Война – отец и царь всего», – писал ещё древнегреческий философ Гераклит. Произведения Волкова соединяют порой, казалось бы, несочетаемое. На одной странице его стихов сходятся Библия, Древний Египет, Михаил Лермонтов, Евгений Евтушенко, цитируются строки из песен «Комбат» группы «Любэ» и «Москва майская».

Структура поэтической речи позволяет Евгению много экспериментировать в слове. Словесные изобретения Волкова самодостаточны и интересны сами по себе. Его слух способен обнаружить самые неочевидные прочтения хорошо известных слов: боль нищцы, кар навал, бай конур, бога тырь, поза быта,

о бог рей, на выход ной, кол о кол. Поэт стремится вносить разнообразие в ритмические рисунки своих стихотворений. Пожалуй, мы все так или иначе окликаемся на зов чужих строчек и потом, как пазл, строим из заученных строк и стойких словосочетаний свой язык. Омонимические двусмысленности Волкова подобны палиндромам, которые можно читать по-разному, и так, и эдак. Часто это производит впечатление слуховой аберрации, но на самом деле автор демонстрирует нам абсолютный поэтический слух. Центоны в умелых руках обладают ценнейшим свойством – с их помощью поэт, вставая в один мысленный ряд с классиками, не только притягивает смыслы, но и выстраивает мост между прошлым и будущим. Иногда это не прямые, цитатные параллели, а смысловые. Например, «Натюрморт» Волкова родствен «Натюрморту» Бродского, в котором есть такие строки: «Смерть придёт, у неё / будут твои глаза». Голос Волкова фугой вылетается и в известное нам со школьной программы стихотворение Блока «в соседнем доме окна желты».

Невзирая на авангардное направление творчества, многие стихи Евгения Волкова – песенны. Он – сказитель, он – звуковик, который ловит музыку слов. Эта звуковая дорожка слышится во всех его произведениях. Звук в них доминирует и торжествует: «загораются в небе огни – / видит бог и навряд ли поможет / позади наши красные дни / наши добрые синие тоже / день который всему богодан / в небе утреннем и золочёном – / мой пароль потому майоран / что есть золото тигров на чёрном». Дивная музыка! И конечно, у Волкова – несомненный талант живописца. Вы посмотрите, какая у него цветомузыка, как умело чередуется цвет. «Золото тигров на чёрном» напоминает мне Уильяма Блейка, художника и поэта, и его знаменитого «Тигра».

Мир Волкова фантастичен и апокалиптичен: «ивы машут дредами – / на дворе темно / проданным и преданным / в общем всё равно / в общем ничего себе / остальное вам / мёртвым и разбросанным / по чужим полям / ломом подпоясаны / в небо ставят мост – / мужики с лампасами / да иисус христос». Это стихи высокого качества и абсолютно современного содержания. Некоторые строки поэта вызывают у меня чисто эстетическое наслаждение: «нас трогают глодая троглодиты», «подымая солнце бурлаками», «посапывает город оймякон – / разлит покой в стаканы ойкумены». Евгений Волков препарировал речь, и в его арсенале – не только цитаты. На фоне простоты ритма и метра в его стихах ещё чётче заметен превосходный звук.

Лирика Евгения Волкова искренна и свободна. В книге много изобретательной эротики: «и тот блажен кто не существовал – / чьё свято место тупо пустовало / кто пошевеливал под одеялом вал / когда мёд пиво пил под одеялом». Нестандартные стихи Волкова можно опознать по почерку среди десятков других текстов. Если поэт посеял качественные семена, они непременно взойдут. Именно такой вывод я сделал из книги «Натюрморт». Разнообразие замыслов и прекрасное исполнение делают новую книгу поэта находкой для читателя, который любит поэзию.

*времен и судеб прерывая нить –
вымарывая наши письма
они хотели нас похоронить
совсем не зная что мы семена*

«ПЕРЕЛЁТНЫЕ ПИСЬМА ЛЮБВИ»

(Ольга Харламова, *Сегодня день. Избранное. Серия «Поэтическая библиотека»*. – М., Издательство «Время», 2023 – 184 с.)

«Сегодня день» у поэта Ольги Харламовой – избранное из десяти книг разных лет. Личность поэта в новом издании укрупнена высокой концентрацией лучших текстов. Книга вышла в серьёзном и престижном издательстве «Время», в серии «Поэтическая библиотека». Уже в её названии есть скрытая недосказанность. День – понятие объёмное и безразмерное. Это ведь не только светлое время суток, но и вечер, и ночь, и утро. День выступает не только как единица времени, но и как единица бытия. «И дольше века длится день», – сказал Пастернак, а затем повторил Айтматов. На мой взгляд, Ольга Харламова мыслит здесь в унисон с нашими классиками. «Был вечер, был день, было утро, / а ночь – как была не была. / Отчалла в лодочке утлой, / ни паруса нет, ни весла...», – пишет она. «Сегодня день» – усечённая строка одного из её стихотворений:

*Сегодня день так скуп на свет,
что в комнате темно,
но розов на столе букет
и зелено вино.*

*Сегодня день на свет так скуп,
но столько в нём тепла,
что ласка рук твоих и губ
с ума меня свела.*

*Сегодня день белёс как мел,
и всё белым-бело,
вчера ещё асфальт чёрнел,
да за ночь намело.*

*Сегодня тот особый день,
бывает раз в сто лет,
когда весь день лежать не лень,
не зажигая свет.*

Книга избранного ярко высвечивает интересы автора, пристрастия, тревоги и упования. Ольга Харламова – человек верующий. Как проникновенно говорит она о Пасхе: «Нет существу начала, нет конца. / Испытывая чувство постоянства, / ощупываю пальцами пространство / заветного пасхального яйца». Вера гармонизирует душу поэта, примиряет его с неизбежностью утрат. Дарит свет, даёт возможность любой будний день проживать как воскресный (стихотворение «Светлый день»). «Быть частью целого – и выше счастья нет», – говорит Ольга Харламова в стихотворении «Счастье».

Любовь – сквозная тема её стихотворений в любое время года. «Я жива одной любовью», – признаётся она. Когда женщина говорит в стихах о любви, это отнюдь не мелкотемье. Это – вселенная, это – оркестр чувств!

*Одному покою рада.
Ни добра, ни зла
нет к тебе, да и не надо,
я сожгла дотла
чувство нежное, слепое.
Малостью такой
мне даровано судьбою
обрести покой.
Без тебя вполне достойно
жизнь моя идёт,
и свободно, и спокойно –
никаких забот.*

*Мысль одна меня тревожит –
не твою ли тень
я с себя сдираю с кожей
каждый божий день?*

У Харламовой любовь носит порой оттенок неразделённости. Именно этот вид любви часто востребован в русской поэзии. Вспоминаются строки Евгения Евтушенко: «В ком дара нет любви неразделённой, / В том нету дара божьего любви». Если ты не умеешь любить в одиночестве, взаимные чувства к тебе тоже не придут. Поэзия компенсирует недостаток счастья гармонией слов. Стихи Ольги Харламовой исповедальны: по секрету – всему свету: «Ты далёк, как в небе месяц, / неприступен, как скала, / нет таких на свете лестниц, / чтоб приблизиться могла». Глава, из которой я взял это стихотворение, называется «Перелётные письма любви», по названию одной из прежних книг Ольги.

В стихах Ольги Харламовой много маленьких деталей, различных женских аксессуаров, важных для её истории любви. Платочки, фотографии, шали, поясочки, подсвечники, перчатки, перстни, вазы, бантики, духи, бусы, монетки, колечки – можно долго перечислять всё то, что помогает влюблённой женщине вспоминать о минутах счастья и мечтать.

«РУБАШКА В ЦВЕТ ТВОИХ ГЛАЗ»:

*Я купила тебе в подарок рубашку голубого цвета,
в цвет твоих глаз, как небо.
Ты далеко – там, где небо всегда голубое, как твои глаза.
Там тёплое море и горячий песок, и жаркое солнце.*

От солнечных лучей лицо твоё потемнело,
 а глаза стали совсем светлыми, немислимо голубыми.
 Я потеряла счёт дням и ночам, прожитым без тебя, я заблуну.
 И только, когда ты вернёшься,
 и я увижу в глазах твоих небо и солнце –
 мне станет тепло, горячо, жарко.
 И я подарю тебе рубашку в цвет твоих глаз.
 Ты будешь смотреть на меня, застёгивая пуговицы снизу вверх.
 Оставишь ворот нараспашку, закатаешь рукава до локтя.
 Голубая ткань оттенит золотисто-коричневый загар твоей кожи.
 Ты обнимешь меня, и я захохочу от счастья, и засмеюсь, и заплачу.
 И ты поцелуешь мои мокрые глаза.
 И я расстегну, все до одной, пуговицы на твоей рубашке.

Лирика Ольги Харламовой очень разнообразна. Здесь и верлибры в духе «Александрійских песен» Михаила Кузмина, и персонификации в духе Высоцкого («Ведьма», «Рыжая кошка», «Монолог дворовой собаки», «Монолог дворовой кошки»). Есть и монолог, обращённый к неодушевлённому предмету – в стихотворении «Микрофон»: «Я заклиная змея. / Смотрю в гортань ему, / от ужаса немея, / на связки резко жму»). Представлены в сборнике и песенные тексты, и другие стихотворные жанры.

В целом, я бы отнёс стихи Ольгу Харламовой к неоромантизму. Обращает на себя внимание особенность поэтики Ольги. Мысль у неё часто на рифме не заканчивается и переносится в строчку ниже. Стихи Харламовой убеждают нас, что через одну тему – любовь – можно писать обо всём на свете, даже о войне:

Тает снег, да не скоро растает,
 а войне скоро ль будет конец?
 В талой луже кораблик пускает
 наш с тобой сорванец.

Невредим будь.
 И пусть тебя встретят,
 и еды принесут, и питья,
 пригубят тебя и приветят –
 это я. Это – я!
 («Тает лёд и на линии фронта»)

Это стихи из книги 2007 года «Женский календарь», а как свежо воспринимаются, будто написаны вчера! В таких стихах важен эффект присутствия. Арсений Тарковский пишет в стихотворении «Зегзица» о том, как он ходил в поход вместе с князем Игорем. Личное присутствие помогает автору приблизить к нам относительно далёкие события. Именно так, с эффектом личного присутствия, пишет о событиях давно минувших дней Ольга Харламова. И меня это впечатляет даже больше, чем в случае с Тарковским: тот ведь и сам воевал, но на другой войне, а Харламова пишет ассоциативно, «с чистого листа»:

Лишь ордена и медали
 той сумасшедшей весны
 помнят, как мы воевали,
 как не вернулись с войны.
 Мчатся составы столетий,
 а фронтовые друзья
 и нерождённые дети
 смотрят из небытия.
 («Весна сорок пятого»)

Ольга Харламова – поэт Москвы. Сретенка, Арбат, Пресня, Петровка, Садовое кольцо, Покровка, Бульварное кольцо – по её стихам можно изучать топонимику города. Впрочем, ничего удивительного в том, что поэт пишет о любимом городе, в котором живёт, нет.

*Наше неприкаянное лето
Обогнёт Садового сада,
И дузу Бульварного сонета
изогнёт подковой у воды.*

*Наше неприкаянное лето!
Это лето подарил мне ты.*

«Поэзия Ольги Харламовой – рандеву с реальностью, где история непоправимыми шрамами рассклала душу», – написал о творчестве Ольги Харламовой известный критик Лев Аннинский. Здесь как раз я с Аннинским не согласен – в стихах Харламовой есть всё что угодно, но непоправимости и близко нет, благодаря счастливым особенностям её характера. Она и «на земле стоит двумя ногами», и всё время парит в небе любви. В стихах Ольги есть, конечно, и минор, но мажор – преобладает. Радость жизни, её приятие («узнаю тебя, жизнь, принимаю», как говорил Блок) смягчают удары судьбы. Творчество помогает легче переносить такие обстоятельства, в которых другой человек мог бы сломаться. Солнечной лирике Ольги свойственны пушкинская лёгкость и задорность: «Ворожи мне, ворожея, / привораживай скорее». Элементы народного фольклора делают её поэтическую речь яркой и узнаваемой.

*И когда глубоко за полночь
засидишься уже всерьёз,
соскользнёт ненароком обруч
с шелковистых моих волос,
и не будет тебе спасенья,
захлестнёт волной до утра...
Понимаешь ли, Песня Песней –
не компьютерная игра.*

Мы видим, что в стихах Ольги есть и юмор, порой с элементами сарказма: «комаров кормить пойду». Есть в них и философия житейской мудрости («чтобы кто-то родился, / кто-то должен уйти», «воскресить не поможет / даже сила любви»). Поразило стихотворение Ольги «Сродники».

*Сегодня видела их всех,
они сидели за столом,
их вздохи слышала, и смех,
и разговоры о былом.
Они общались меж собой
без лености и суеты,
с какой-то высшей простотой,
но были их глаза пусты:
ни чувства луч, ни блеск идей
глазниц не отражала гладь,
и захотелось мне скорей
застолья этого бежать.
Зажечь свечу «за упокой»
всех сродников, кого уж нет.
И окунуться с головой
в мир, полный всяческих свет.*

Я уже писал о новом бродячем сюжете в русской поэзии начала XX-го века, когда мёртвые сидят с живыми за одним столом, в статье «Я – жизнь, пришедшая на ужин»: <https://ursp.org/index.php/proizvedeniya/item/4306> («Южное Сияние». №2, 2022). Об этом есть стихи у Ахматовой (Новогодняя баллада), у Кузмина («Второе вступление к поэме «Форель разбивает лёд»), у Тарковского («Стол накрыт на шестерых...») и у Цветаевой («Всё повторяю первый стих...»). Ольга Харламова влетает свой голос в этот мысленный ряд замечательных русских поэтов. Я не думаю, что она планировала это заранее. Но её вдовство сделало возможными эти стихи.

Любовь у Ольги – чувство энергичное и бесстрашное. Её героиня не ждёт у моря погоды, а идёт и действует, хотя и знает, что любовь – это страна метаморфоз, в которой нежность то и дело оборачивается снежностью. Многие стихи Харламовой посвящены противостоянию красоты неумолимому времени. И, может быть, не случайно издательство, в котором вышла книга, тоже называется «Время».

«Затягивает время / меня в круговорот / и свой, / несообразный / с моим, / диктует ход – / ползёт и ускользает, / не терпит и не ждёт, / то в дрожь, то в жар бросает / и бьёт из года в год». Любовь у Харламовой то молитвенна, то сладострастна: «Накопила соты сладости, / мой медовый, для тебя». «Тетиву натягивая медленно, / открывая свой победный тур, / прямо в сердце, / сердце моё бедное, / голенький нацелился Амур». В сущности, вся лирика Ольги Харламовой, в прямом и переносном смысле – это «перелётные письма любви». Книга вызывает массу эмоций – значит, она удалась.

«ДЛЯ ПАМЯТИ НЕ ТАК УЖ ВАЖНО ВРЕМЯ...»

(Елена Ткачевская, *Улов искомых слов. Стихи.* –

М., Издательство Евгения Степанова, книжная серия «Авангарды», 2023 – 86 с.)

Новая книга Елены Ткачевской открылась у меня на верлибре, где все слова начинаются на букву «с»: «Сложенъе / степеней / свободы / свободного / стиха / стократ / сложнее / сопряженья / смыслов / Стихийное / слянье / сновидений / смыкает / соль / сердечной / смуты / Серьёзней / суеты / сосредоточенность / сопрано / созвучная / свободному / стиху». Все слова в этом тексте начинаются на «с». Такой акцентированный верлибр – визитная карточка Елены Ткачевской. Таких стихов, с акцентом на одну букву, в новой книге сразу несколько.

«Улов искомых слов» – вторая книга верлибров и белых стихов Елены Ткачевской. В 2021 году у неё вышла книга «Стиха свободная стихия». Мастерства, чтобы работать в этом сложном жанре, на мой взгляд, автору вполне хватает. Конечно, в таком верлибре тоже есть свои подводные камни. Например, в приведённом выше стихотворении подряд идут слова на «с». Но в какой-то момент получается тавтология – «свободы свободного стиха». Казалось бы, можно заменить «свободный стих» на «верлибр», и дело в шляпе. Но автором задана программа – все слова должны начинаться на «с», а «верлибр», увы, начинается на «в». Для слов на «в» у Елены Ткачевской есть своя программа: «Волна / вздымается / волнуется / вздыхает / во всём вольна / всегда / вольна / везде вольна / волненью / ветра / вторит / второпях / воспоминанья / ветра / воскрешая / волненьем / вольности / весёлой». Поэт хорошо играет буквой, но выйти за её пределы не может. То, что даёт поэту свободу, её же и ограничивает.

Возможно, не все тексты в книге Елены равноценны. Но есть много таких, над которыми хочется подолгу размышлять.

*Над временем не властен человек.
Но есть попытка удержаться мгновенье.
Для памяти не так уж важно время...*

У Ткачевской есть философские категории, к которым она постоянно обращается в стихах. Время – одна из таких категорий. В другом стихотворении читаем: «Раны, что саднят, бинтует время». А вот ещё интересная пара противоположностей у Елены – свобода и долг. Наличие долга, согласно Ткачевской, не сковывает человека, а, наоборот, раскрепощает, придаёт его жизни смысл:

*Не найдёт на горе зацепки,
не почувствует твёрдой опоры
долга не знающий...
не добудет воды в пустыне,
не отыщет искомый оазис
долга не знающий.
Ни по воздуху,
ни водою,
ни дорогой земною
не воротится
долга не знающий.
И искомое благословение или,
пуще того, сострадание
не найдёт себе
долга не знающий.*

Парадокс – если человек взвалил на себя какое-то бремя, идти по жизни ему становится легче. То, что отнято, ему возвращается. Елена хорошо использует повторы и рефрены для кристаллизации своих мыслей.

Опыты Елены Ткачевской в свободном стихе очень интересны тем, что она широко использует наработки прежних поколений верлибристов – Валентина Сидорова, Рабиндраната Тагора, Николая Рериха, Михаила Кузмина, а также современных мастеров этого жанра. Многие её верлибры можно отнести в разряд духовных: «Родник, / питающий реку, / подобен человеку, / идущему в мир, / ищущему / свои отражения, / продолжения, / преображения...». Все стихотворения у Ткачевской датированы; это – дневниковые «выдохи». О чём подумалось в этот миг – о том и пишется, как у Василия Розанова в его «Мимолётном», «Уединённом», «Опавших листьях». И чем богаче личность поэта, тем интереснее для читателей эти «выдохи».

Иногда под стихотворением Елены сразу две даты: что-то дописывалось или поправлялось. Отдельные слова в верлибре могут и рифмоваться случайными рифмами: «реку – человеку». Такая традиция давно уже существует в западноевропейской поэзии: в рифму они не пишут, но, если неожиданно встретилась рифма и хорошо легла в текст, это становится «визюминкой». Вот пример такой случайно попавшей в сети «Улова» Елены Ткачевской рифмы «Если бы / были мы только как рыбы, / избегающие безрыбья / пуще всякой сЕти или сетИ, / мы бы / были как дети, как предназначено свыше». «Сети – дети». Но это именно случайная рифма – речь о том, чтобы продолжить писать стихотворение в рифму, не идёт. Есть у Елены в новой книге и стихи, написанные в смешанной технике, где есть и рифма, и свободный стих. Такая подача материала должна быть обусловлена содержанием стихотворения:

*Обрекает зеркальную зрячесть
успокоенная вода,
не оглянется никогда,
утекает как время, не прячась
в бесконечность, и безоглядно
устремляется капля за каплей.*

Здесь вода, застывая, «успокаивается» во льдах. И метаморфозы, происходящие с водой, отражаются в изменении стилистики стихотворения, и рифмованный катрен продолжается свободным стихом. Разнообразие творческих направлений внутри верлибра представляется мне достоинством новой книги Елены Ткачевской. Белые стихи здесь словно бы проводят водораздел между силлаботоникой и свободным стихом:

*Белый стих ступает, как в полусне,
по первому снегу,
яснее ясного тяготение души чувствует,
вне зависимости от чего-то такого внешнего, ибо
душа – не то, что непрочитанная,
но даже и ненаписанная книга.*

Очень интересно сравнение души с ненаписанной или непрочитанной книгой. Душа представляется мне сосудом, который наполовину полон и наполовину пуст. В ней есть твоя данность, твой характер. Но есть и то, что можно изменить, развить, направить, наполнить чем-то новым. «Написать» душу – чем не вызов для поэта? Но вначале душу нужно «прочитать».

Есть в «Улове» Елены Ткачевской и пейзажные зарисовки, и чисто женские исповедальные миниатюры: «Льдинкой / от берега отплываю / в холод / твоего молчания, / в омут мыслей / моих потаённых... / Так и растаю, / тепла не чувствую».

В рифмованном стихотворении порой сложно найти точную строчку. Но в свободном стихе, на мой взгляд, нужна ещё большая точность. Ошибки здесь ещё заметнее. Верлибр – дело смелых. Елена Ткачевская демонстрирует, что в верлибрах можно использовать те же художественные средства, что и в традиционных стихах. Например, центоны. Иногда строки классиков поэт переосмысливает совсем в ином ключе. Строка Иосифа Бродского у Елены Ткачевской вызывает улыбку: «С шубой не расставайся, / не совершай ошибку». Елена широко использует звукопись, вдохновлённая опытами современного автора Натальи Лунёвой.

Мне очень нравятся пейзажи Елены. Она великолепно рисует словами, находя такие состояния природы, которые словно бы сами просятся на холст. Приведу два фрагмента, лирическим героем которых стали... небоскрёбы: «Зеркалом мутным / для небоскрёба – / пруд, / застывший / осенним утром». «Весенний туман / отменил небоскрёбы / Как в детстве / стал город малоэтажным / В реальность трамвай выплывает / как лайнер морской». Мы видим, что автору свойственна наблюдательность. Какие-то строчки Елены напоминают по форме японские хокку. Как в этом стихотворении: «Ночь, похоже, / в звёздах запуталась, / набрала их / пригоршню полную, / по небесному / тёмному куполу / разбросала / россыпью / в полночь».

Поэтический космос Елены Ткачевской пластичен. Чувства мимикрируют, приходят и уходят, и автор умеет взглянуть на эти процессы не только изнутри, но и как бы со стороны. Её мир не статичен, он всё время в динамике. Перемены, которые происходят с нежностью или печалью, с тишиной – всё это можно найти в стихотворениях Елены:

*Если бы нежность могла
не затеряться
в зияющей пустоте
пространства,
она вездесущей была бы,
и всем бы её хватило.
Но не цепка,
не гласта нежность,
скорее, эфемерна,
а иным и не ведома даже...*

Это и поэтично, и глубоко:

*Я замечаю, что печаль моя
светлеет облаком тумана на рассвете,
что у границы леса и реки.
Печаль не знает, ей куда податься...
А блики света на воде легки,
и молоко тумана утекает.
Лишь мечется печаль,
пристанница не зная.*

«Улов искомым слов» – вроде бы небольшая книга, как тесно мыслям, как просторно читательскому домысливанию!

*Прежде слова была тишина,
после слова тоже будет тишина,
но это будет другая тишина,
ведь слово дало ей
иное звучание,
новое знание...*

Конечно, «слово» у Ткачевской здесь – высокого звучания: не каждое слово и не у каждого человека на что-то влияет. А вот слово Толстого или Шекспира – да, способно влиять на людей на протяжении длительного времени.

То, что Елена не только поэт, но и учёный, очень помогает ей в творчестве. В середине 20-го века было деление на физиков и лириков. Считалось, что учёные, настроенные мыслить рационально, теряются, когда нужно писать страстно. Возможно, так оно и было. Но в 21-м веке, когда универсализм помогает человеку во всех его начинаниях, учёные научились писать хорошие стихи. Мы видим это и на примере Елены Ткачевской. Она не боится демонстрировать свою научную подкованность и филологическую оснащённость:

*Если есть теория вероятности,
Значит и теория невероятности есть.
Всё имеет своё отрицание,
Оборотную сторону,
Лицо и изнанку,
Всё изначальное
Тяготеет к противоположности:
Возможность к невозможности,
Хаос к гармонии,
Звучание к молчанию
И даже неоправимое
Во что-то преобразяется.*

*Вот и слова мои тяготеют к точке.
 И этому есть продолжение,
 Потому что есть текущее время,
 А оно-то – вне всех тяготений,
 Течёт себе и течёт.
 Если есть время...*

Интересная, нестандартная книга! Елена Ткачевская пишет стихи с раннего детства. Бывает так, что человек рождается поэтом, но судьба его складывается таким образом, что реализовать себя в творчестве удаётся только спустя десятилетия. Таков путь Елены Ткачевской. Долгие годы отсутствия в литературе бывали и в судьбах других заметных современных поэтов – Ян Бруштейн и Бориса Фабриканта. Все они в это время успешно работали в других профессиях. Но поэзия, подобно побегам травы, пробивается сквозь асфальт жизни и берёт своё. За это мы её и любим.

«СЕРДОЛИКОВОЕ ИМЯ»

(Юлия Белохвостова, Синдром Айседоры. – М., Стеклограф, 2020. – 70 с.)

Книга Юлии Белохвостовой возвращает нас к истории любви Сергея Есенина и Айседоры Дункан, «божественной босоножки». Цикл стихов Белохвостовой, посвящённый этой прославленной семейной паре, превратился в книгу, где любовная лирика Юлии обрамлена историей любви Сергея и Айседоры. Название книги загадало мне загадку: почему «синдром»? Это слово практически не употребляется в сочетании с именем человека. Как явление – да, безусловно, встречается. Например, военный синдром, стоковский синдром. Но ведь мы не скажем «синдром Александра Македонского», имея в виду, к примеру, ранний уход человека из жизни. Само слово «синдром» несёт в себе что-то неприятное, нежелательное, то, чему трудно противодействовать. Обычно это цепная реакция, механизм, когда одно действие или событие неизбежно влечёт за собой ряд других. Что же может подразумевать «синдром Айседоры»? Возможно, это способность выбирать в любви трагический мезальянс. Влюбляться в тех мужчин или женщин, которые по ряду причин совершенно тебе не подходят. И шире, «синдром Айседоры» – это умение обманываться в любви. Любимый человек – это айсберг, которого целиком, с первого раза, не рассмотришь. А любви – свойственно фонтанировать, фантазировать и обманываться. «Я сам обманываться рад», – признавался Пушкин. Юлия Белохвостова не считает судьбу человека некоей заданностью, где всё определено заранее. Она пишет, что и у Айседоры с Есениным всё могло сложиться по-другому:

*Могло бы сложиться совсем по-другому –
 он был бы нежнее к своей иностранке
 и, словно собака, приученный к даму,
 забыл бы со временем пьянки-гулянки.*

*Она бы меняла шарфы и диеты
 в борьбе со своей ускользающей формой,
 давала уроки – и – реже – концерты,
 учила бы русский, смешно и упорно.*

В данном конкретном случае я очень сомневаюсь, что всё могло быть по-другому. Есенин был человеком малообразованным; английского языка он не знал. Он был моложе своей жены на 18 лет. И, конечно, он слишком много пил, и в таком состоянии периодически поднимал руку на своих избранниц. А его гениальность была непонятна Айседоре из-за языкового барьера. Всё это в совокупности не могло не сказаться на долговечности их чувств. А вот, скажем, Марина Влади могла оценить по достоинству гениальность Высоцкого. Но самое трагичное в истории с Айседорой и Есениным – пожалуй, насильственная смерть обоих. А ещё перед знакомством с Сергеем у Айседоры трагически погибли её дети. Тем не менее любовь между ними была, яркая, нестандартная, легендарная. Многие люди оставили об этом воспоминания. Среди них – переводчица Нина Яковлева, в квартире которой позже встретятся Арсений Тарковский и Марина Цветаева.

*Что он может дать, этот вечер,
 в части счастья – полный банкрот?
 Нечем одарить ему, нечем
 чувственные плечи и рот...*

*В городе усталом, холодном,
в доме, бесконечно чужом,
быть поэтом, видимо, модно,
модно собираться без жён.*

*Нужно ли понять ей пытаться
то, что он сейчас говорит?
Плавные движения танца
слушают дыхания ритм.*

*Кто он, что он, чёрт или ангел,
на кого до боли похож?
Истина любая с изнанки –
самая банальная ложь.*

*В золото волос его руки
ласково вплетая, молчит...
От какого счастья и муки
этот танец дал ей ключи?*

*Для того и нужен был вечер,
чтобы эти двое сошлись.
Больше одарить ему нечем
странную и страстную жизнь.*

Крепкое слово «мерзавец», адресованное Сергею Есенину в другом стихотворении, признаюсь, не вызвало у меня протеста. Это ведь касалось не творчества поэта, а его поведения по отношению к женщинам. Книга Юлии Белохвостовой выстроена так, что читателям порой непонятно, это всё ещё стихи про Есенина и Айседору или уже нет? Лирическая канва этих стихотворений, их житейская подоплёка во многом совпадают. В «Синдроме Айседоры» звучит и тема преодоления, обретения себя, невзирая на житейские невзгоды.

*Не бойся за меня – не пропаду,
переживу период Айседоры,
перетерплю, переболело скоро
привычкой быть с собою не в ладу.*

*Мост от себя к себе не пробегу,
не перейду – легко перетанцую.
Удержит ли танцовщицу босую
хоть кто-нибудь на этом берегу?*

*Удерживая сердце на весу,
удерживая в голосе рыданье,
не уронив ни одного касанья,
перенесу себя, перенесу*

*былых потерь невыплаканный сруз
и будущих потерь неотвратимость –
не бойся за меня, мне приходилось
и тяжелей, я больше не боюсь.*

Я люблю знакомиться со стихами Юлии Белохвостовой «с голоса». У её стихов – колдовской звук, и это непременно нужно слушать. Хотя и на бумаге стихи ничуть не теряют своих достоинств. Таково и стихотворение «Сердоликовое имя»:

*Перебираю слова – закатных бус
камешки перекатываю во рту я.
Пробую языком на ощупь, на вкус:
гладкие до чего! Проглотить боюсь,
вот и молчу, не думай, что я флиртую.*

*Тайнами так и полнится сердолик,
имя моё звучит так ласково: «Юля»,
катится леденцом тебе на язык.
Кажется только, к сладкаму ты привык –
пробуешь выжидательно, не горчу ли?*

*Горечи нет в предчувствиях у меня,
знаю наверно – ты позабудешь имя
цвета заката, радости и огня,
то, что, от бед и гнева тебя храня,
делало сердце день ото дня ранимее.*

Это стихотворение вызывает у меня любопытные ассоциации. Известно, что Демосфен упражнялся в ораторском искусстве, набрав в рот камешков, и эти упражнения помогали ему совершенствоваться дикцией. У поэта задачи несколько другие. Что же помогает поэту обрести свою личную просодию? Какие драгоценные камешки ему в этом способствуют? По стилистике стихи Белохвостовой из «Айседоры» близки к ранней Ахматовой: «Не словами его, не взглядом / не намёками смущена, / только тем, что садится рядом / у зашторенного окна, / только тем, что, руки касаясь, / руку сразу не уберёт... / Я же вижу, какая зависть / у подруги ломает рот. / Что с того, что ни сном ни духом, / ни единой пока строкой? / По вполне достоверным слухам, / он боится за свой покой. / Только мне беспокойства мало, я надеялась на испуг, / потому и не отнимала / у него медлительных рук».

В «Айседоре» много лирических пейзажей, посвящённых морю. Юлия родилась в солнечной Евпатории, где работал тогда её папа. «Из моря, из белой воздушной пены – / не рождена из неё, но всё же / похожа, / когда вот так, высоко поднимая колено, / блестящее загорелой кожей, / я выхожу на жутищий ступни песок. / До горизонта... Впрочем, / разве его между небом и морем увидишь ночью? / До тонкой полоски суши, врезанной в воду косой – / мир равномерно засыпан / золотом тёплым, влажным, / будто однажды / были часы разбиты – / кто-то из неба в темень / высыпал время». Море объединяет двух главных героинь книги – Айседору и Юлию. Это Айседора, танцующая Афродиту в своём древнегреческом танце, выходит из пены. Но море, по праву рождения, принадлежит и Юлии.

Юлия Белохвостова умеет удивлять читателей. «Как хорошо расстаться в ноябре...» – так начинается она одно из своих стихотворений. «Читатель ждёт уж рифмы розы!» С кем это она хочет расстаться? И тут, как гром среди ясного неба – «С бессонницей, назойливой, как муха». Это делает книгу Белохвостовой интересной, эмоциональной, запоминающейся. Что бы ни происходило в жизни творца, он остаётся в памяти потомков благодаря своему творчеству.

*Шаги этой девочки так легки –
не крылья ли там к ступням привязаны?
Не быть никогда этим ножкам грязными,
не им предназначены сапоги,*

*и узкие туфли, и чинный вальс –
до трёх досчитать с её ли трением?
О, как незначительна сила трения
для той, что в движении родилась!*

*Для той, что, как посуху – в небесах,
и только босые следы оставила,
и тот, кто для всех обозначил правила,
её в исключения записал.*

*Не ей ли и в храм заходить, и в хлев,
венок Терпсихоры на кудри медные,
не ей ли возлюбленной быть и преданной,
и самой несчастной из смертных дев?*

*И в мёртвую воду реки войти,
движения волн повторяя жестами,
и выйти на берег – босой, божественной,
бессмертной богиней во плоти.*

«КНИЖНАЯ ПОЛКА» АЛЕКСАНДРА РУДНЕВА

ОБОБЩЕНИЯ ИСКУШЁННОГО МОСКВИЧА

(Е.М. Бень, Этюды московского наблюдателя. Избранные эссе и смыслы. Предисловие П. Басинского. – М., Б.С.Г.-Пресс, 2023 – 396 с., илл.)

В книгу известного филолога-архивиста, а также издателя и мастера публицистического жанра Евгения Моисеевича Бень вошли литературоведческие статьи, которые сам автор обозначил как эссе, хотя это и не совсем так, как нам представляется – всё же это вполне полноценные исследовательские работы с широким использованием архивных материалов. Впервые собранные под единой обложкой статьи публиковались на протяжении разных десятилетий в периодических изданиях – еженедельнике «Литературная Россия», журнале «Наше наследие», сетевых изданиях и др.

В предисловии под заглавием «Путешествие в прошлое, возвращение в настоящее» известный современный писатель и литературный критик Павел Басинский пишет, что автор затрагивает и «опасные темы» (с. 10), что совершенно справедливо, «отважно высказывает свою точку зрения» (там же). В последних разделах книги мы видим воспоминания автора о друзьях, коллегах, родителях, а также многочисленные интервью.

П. Басинский особо отмечает, что публицистические материалы Бень «охватывают пласты разных времён, в том числе и последние тридцать лет нашей жизни, от попытки государственного переворота 1991 года до короновирусного безумия...» (с. 10).

Это книга во многом, по замечанию П. Басинского, мыслится как итог многолетней деятельности автора, хотя ему ещё далеко до преклонного возраста. В литературоведческом разделе перед нами статьи Бень о литературе Серебряного века, прежде всего, о А. Блоке, являющимся главной любовью автора, если можно так сказать о предмете его многолетних занятий и разысканий. Мы целиком присоединяемся к мнению П. Басинского, который полагает, что наиболее значительной в этом плане является статья о поэме А. Блока «Двенадцать», которая ставится в один ряд с «прорывом Данте и Достоевского» (с. 16). «Одержимый праведным огнём, он сам (Блок – А.Р.) сжёг мосты между собой и гнилой почвой советских и постсоветских десятилетий» (там же) и написал свою «гениальную симфонию всеобщего бессмертия» (с. 53), которая являлась криком неподдельного отчаяния от всего того, что громко и нагло заявило о себе в первые послереволюционные годы. В поэме «Двенадцать», отмечает Бень, «сполна проявилась способность Блока взглянуть на мир глазами того или иного другого человека и голодного пса» (с. 56) – это разные персонажи – Катька, Ванька, буржуй, поп, старушка, вития, скорбящие о гибели России, двенадцать красноармейцев и т.д.

И автору представляется неслучайным, что после «Двенадцати» Блок больше стихов не писал, хотя этому есть и всякие другие причины, как говорят филологи, «нетекстового» характера.

Безусловно, нам свежи и интересны наблюдения автора по поводу жанра городского романа в поэзии А. Блока («Не пробуждай воспоминаний»), о миротворчестве Блока (Гаманон, Сирия и Алконост, что в свою очередь содержит отсылку к символике имён в поэзии и поэтике Блока). Вспомним об этом давнюю, очень интересную работу М.В.Безродного «Имя в поэтическом сознании Блока», об архивных материалах Блока, хранящихся в РГАЛИ. Там, например, другая редакция стихотворения «Вот они – большие звуки...» (1903-04), посвящённого жене поэта А.Д. Блок, а также биографические, мемуарные и эпистолярные материалы о поэте – как, к примеру, письма троюродного брата поэта Г.П. Блока, известного ленинградского литературоведа, тётке Блока, М.А. Бекетовой, касающиеся биографии отца Блока, Александра Львовича; деловые записки, а также переписка матери Блока А.А. Кублицкой-Пиотух с мужем, Ф.Ф. Кублицким-Пиотухом, где впервые публикуются ранее неизвестные материалы и сводки о работе Блока в Репертуарной секции Наркомпроса в 1918 году.

Заметим, что в этой книге помещён и мемуарный очерк Е.М. Бенья о Наталье Сергеевне Соловьевой (1913-1995), троюродной племяннице А. Блока (с ней некогда дружил и автор этой рецензии), она была по профессии техническим специалистом, но подлинной аристократкой духа, чьи мысли, слова и поступки были чисты и ясны, – как чиста и благородна была вся её очень нелёгкая жизнь, наполненная заботами о людях и заступничеством «за униженных и оскорблённых». (с. 305).

Несколько статей книги посвящены изучению интересных и опять же малоисследованных аспектов биографии и творчества В.Ф. Ходасевича (1886-1939) – «О Владиславе Ходасевиче и его мемуарах», «Правда стекла», «Ходасевич и Айхенвальд» – который и в России, и в эмигрантский период своей жизни, самой личностью поэта, критика, мемуариста и прозаика способствовал тому, чтобы, по выражению В. Вейдле, «дом русской литературы не превратился в дом терпимости» (с. 86).

По поводу известной мемуарной книги В. Ходасевича «Некрополь» Е.М. Бень справедливо, как нам кажется, полагает, что в ней Ходасевич пишет исключительно о том, «что сам видел и слышал, стараясь скрупулёзно восстановить ткань отошедшего времени». При этом мемуары Ходасевича очень «личностны», но эта сторона никак не поглощает строго фактической основы, где личные воспоминания порой пересекаются с литературно-критическими размышлениями – очерки о Горьком, Брюсове, Есенине и др., где это своего рода «селение живых людей и город их похороненных иллюзий – цельное воплощение трагедии предреволюционного и послереволюционного времени, созданное пером независимого писателя, никогда не примыкавшего ни к символизму, ни к каким-либо последующим эстетическим течениям или идеологическим группировкам» (с. 102). Нам предоставляется такое определение очень тяжёлым и проникновенным.

В других статьях о Ходасевиче впервые публикуются его письма Г.И. Чулкову, Ю.И. Айхенвальду, Н.Н. Берберовой. В скобках не могу не вспомнить о том, что в далёком уже 1989 году я имел удовольствие присутствовать на встрече сотрудников ИМЛИ с Н.Н. Берберовой, приехавшей тогда ненадолго из США в Москву и проводившей, так сказать, пресс-конференцию. Впечатление, помнится, были захватывающим, интересным прежде всего от соприкосновения со старой, уже навсегда уходящей интеллигенцией.

В.Ф. Ходасевич, как уже было сказано, был исключительно честным, правдивым и бескомпромиссным литератором и человеком, конечно, в обычной жизни бывшим не из числа лёгких. Поэтому мы всецело присоединяемся к Е.М. Бенью, который пишет: «Теперь, во времена агрессивного цинизма, террора и демографического истощения многие из нас избегают заглянуть в зеркало, страшась того, что поэт назвал „правдой стекла“. Поэтому эпидемия самоутешительного обмана всё набирает силу» (с. 109).

В статье «Солнечный певец Константин Бальмонт» Е.М. Бень делает очень, на наш взгляд, важное замечание о том, что «пожалуй, ни у кого из русских поэтов не было столь характерного для Бальмонта культа солнца, огня, пожара, земли, воды, воздуха, ветра». «Образы природы... наделены в поэзии Бальмонта в известной мере неизменным смыслом... и связаны с совокупностью мифологических стихий основ мироздания» (с. 126), будь то сборники «Горящие здания» (1899), «Будем как солнце» (1902) или же позднее стихотворение «Северное сияние» (1928), и носят более обобщённый и отвлечённый характер, нежели в классической лирике Державина, Пушкина, Жуковского, Тютчева, Фета. Никто из русских поэтов до Бальмонта так не абсолютизировал величие солнечного света (с. 126), и это было «естеством души Бальмонта» (с. 199), от себя добавим, души всё-таки в чём-то дисгармоничной.

В статье «Бессмертный роман Фёдора Сологуба» Е.М. Бень устанавливает во многом по-новому литературный генезис соловубовского «Мелкого беса». Его предтечи оказываются, по мнению автора, «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Нос», «Мёртвые души» Н.В. Гоголя, затем «Двойник», «Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского, «Смерть чиновника», «Злой мальчик» и «Человек в футляре» А.П. Чехова, отчасти ранняя проза А.М. Ремизова. Мотивы нравственного хаоса и распад морально большого главного героя «Мелкого беса», провинциального гимназического педагога Арнольда Борисовича Передонова в послереволюционную пору дают о себе знать, по мнению автора, в «Дьяволиаде» и «Мастере и Маргарите» М.А. Булгакова, в прозе М.М. Зощенко с его убийственным изображением урюмого обывательского мира, а сюжетная близость Передонова с героем «Двенадцати стульев» И. Ильфа и Е. Петрова Ипполитом Матвеевичем, в первую очередь, проявляется в том, что дурные порочные страсти героев приводят к «убийству посредством перерезания горла» (с. 145).

А в современной русской литературе, как представляется Е.М. Бенью, наиболее последовательным продолжателем традиций прозы Ф. Сологуба выступил Ю.В. Мамлеев.

Один из крупнейших русских поэтов-символистов Андрей Белый в статье «Неприкаянный странник Андрей Белый» определяется как «обнажённый нерв, к тому же нерв наэлектризованный» (с. 147). Поэтому его творческая и человеческая судьба – это вечная неприкаянность, своего рода духовная бездомность. Этим были обусловлены и столь памятные современникам и знакомым его странности, чудачества, эксцентризм поведения, а также во многом и литературно-эстетические искания. От полного саморазрушения А. Белого, по мнению автора, предохраняло, очевидно, только одно творчество, осуществлять которое в послереволюционное время, особенно этому абсолютному интеллигенту, во многом не от мира сего,

было трагически сложно. Ведь он был вскормлен и всегда обращён внутренним взором к безвозвратно ушедшему и растоптанному тогда Серебряному веку русской литературы.

Личные и литературные отношения Анны Ахматовой, Г.И. Чулкова и его жены Н.Г. Чулковой – в центре внимания статьи Бени «Анна Ахматова и Чулковы».

Коллизии недавней отечественной истории, сопряжённые с личными воспоминаниями и впечатлениями, а также многие современные социально-экономические проблемы (и политические, конечно, тоже) раскрываются Бенею в статьях «Недорогой Леонид Ильич», «На машине времени в брежневский СССР», «Август 1991 года», «Горбачёв и опыт переломной эпохи» и многих других. Точно также остро и проблемно автор пишет о кино и телевидении; о вытеснении книжной литературы и культуры интернетом. Автор также не оставляет без внимания и проблемы экологии во вселенском масштабе и многое другое.

В разделе «Негаснущий свет» читатели могут ознакомиться с воспоминаниями о РГАЛИ /ЦГАЛИ, где работал автор, об одной из ведущих сотрудниц архива – К.Н. Суворовой, вместе с которой автор исследовал материалы из архива Блока, о Льве Аннинском (1934–2019), о котором очень точно и столь проникновенно сказано, что он достиг невероятных вершин в литературоведении. Это был литературовед и критик, которому была присуща такая прозорливость и мастерство обобщений, которые делали Льва Аннинского не просто очень большим писателем, а летописцем русской литературы, будь то особенно любимый им Лесков или Лев Толстой, или Мельников-Печерский – огромный пласт поэзии XX века. Все это проникнуто редкостным сплавом научного анализа, литературного мастерства и «мелеющей души гуманности» (по выражению В.Г. Белинского) (с. 234).

Кроме того, в книгу вошли мемуары, очерки и заметки о Римме Казаковой, Георгии Белле и других известных людях, встреченных Бенею на его жизненном пути. Написал он также о своих корнях, своих родственниках, и этим также запечатлел своё время – оно у него получилось живое и дышащее.

ИСПОВЕДЬ ЖЕНСКОЙ ДУШИ

(Н.С. Аришина, *Немилосердные лета: Стихи, проза, дневниковые записи. Серия «Поэтическая библиотека». – М., «Время», 2023 – 442 с.*)

В книгу, озаглавленную словами из стихотворения автора, вошли стихи, проза, мемуары, дневниковые записи известной современной писательницы Натальи Сергеевны Аришиной (1943–2022), менее года тому назад ушедшей из жизни. Стихи публикуются преимущественно впервые.

Поэтическое наследие Н. Аришиной, очень женское по своему стилю и настрою, как, впрочем, и другие её произведения, представляет собой очень профессиональное, убедительное, яркое явление в современной русской поэзии. В плане чисто женского поэтического мироощущения её талант отмечен приближением к творчеству А. Ахматовой и М. Цветаевой.

В её стихах, прежде всего, обращает на себя внимание выраженное акменстическое начало, проявляющееся в особом пристрастии к «вещному» миру и «бедной утвари мира». В поэзии Н. Аришиной, опять же по словам поэта и переводчика Григория Кружкова, порой «...возникает смесь сугубо современного материала с какой-то простодушной гармонией, напоминающей о домовитой музе Древней Эллады» (с. 437). Очень сильны и знаменательны в этих стихах и тонкие культурно-исторические реминисценции.

Именно таковы стихотворения «Шумит платан», «Осень Воронцова» (написанное верлибром), «Скоро осень», «Нотрадамские пчёлки», во многом программное стихотворение «Немилосердные лета», «Белье снега», «Край скалы» и др.

Известный поэт Юрий Ряшенцев справедливо замечает, что «Всё в стихах Натальи Аришиной устремлено к прекрасной правде. Никакого украшательства... Вообще Наталья Аришина очень свободна в обращении со стихотворной ритмикой. В её арсенале есть даже такие экзотические для русской поэзии формы, как лимерик» (с. 437). И ранее, о другом устном, дружеском отклике – на сей раз О. Чухонцева: «Неожиданно Олег заговорил о моей книжке. Подбирал слова, волновался. Сказал, что никогда подряд стихи не читает, а тут прочитал сразу. Меня признал акварелисткой. (Фаликов «пишет маслом»)... Это впервые за наше тридцатилетнее знакомство он говорил обо мне. И волновался. Я – тоже» (с. 348). Поэтика стихов Натальи Аришиной, замечает Татьяна Бек, «в отсветах античности и позднего язычества. Она суверенна: толкует сны, гадает и загадывает, верит в приметы. Но главное, что за этим вера, а не случайность призвания, в тайну высшей доли, в сладкую тяжесть дара. Аришина заверяет:

*Когда стихи согреты тайным жаром,
невидимо горя, –
поверь, они сработаны недаром,
загадочны не зря».*
(с. 345).

Классическое женское начало видно и в следующих стихах:

*Я вас переживу, я старая ведунья,
С душою беспощадной, но живой.
Как тень седа, устав от полнолуныя,
По-прежнему колдую над строкой.
(с. 345)*

Несомненно, что некоторые черты и особенности поэзии проявилось и в прозе Натальи Арипиной, наполненной очаровательными подробностями окружающего мира – и в этой книге проза, насколько мы можем судить, представлена, кажется, достаточно полно.

В мемуарной повести «Воспоминанья зарифмуют» перед нами предстаёт целая красочная панорама культурно-исторической и современной литературной Москвы, её людей, какими их видела Наталья Арипина. Перед читателями проходит длинная вереница разных известных имён, как живых, так и из недавнего прошлого. С легкой иронией подан сюжет мнимого «вселения» (вместе с мужем – поэтом Ильей Фаликовым) в квартиру в доме на Фрунзенской набережной, где некогда жила вместе многочисленными кошками дочь А.И. Куприна Ксения (которую в семье, как мы знаем, называли Кисой). Или же упоминание об Ольге Леонардовне Книшпер-Чеховой, «даме очень элегантной»... В повести Арипиной на каждом шагу – неповторимые чисто московские приметы и детали: Александровский сад, Кисловский и Лебяжий переулки, Поварская, Никитский бульвар со старым памятником Гоголю возле дома, в котором он умер, Большая Никитская, где находится знаменитый ЦДА, который часто в центре внимания писательницы – ведь столько всего у неё было связано с этим домом!

Арипиной свойственна изощрённая и иногда довольно острая наблюдательность, например, когда она пишет о памятнике И.А. Бунину, установленному в сквере на Поварской, напротив дома, где он жил: «Это какими же глазами надо было увидеть Ивана Алексеевича, чтобы он оказался похож на трактирного полового? Стоит истукан с перекинутым через руку полотенцем: „Чего изволите?“» (с. 101). Такая чуть ядовитая и, возможно, недобрая, но справедливая наблюдательность сделала бы честь и самому Бунину, который, как известно, очень отличался ироничным, отрицательным и просто злым взглядом на мир и современников...

На этих страницах вдруг возникает и «красный граф А.Н. Толстой», бронзовую барственную фигуру которого изваял Г.И. Мотовилов. «Красный граф» сидит в кресле, положив ногу на ногу, против церкви Большого Вознесения, где венчался в 1837 году, как известно, Пушкин, а за углом находится столь же барская квартира советского классика с антикварной мебелью, с великолепными произведениями живописи, – в ней, как известно, располагается музей-квартира А.Н. Толстого, один из лучших московских литературных музеев. У Н. Арипиной мы часто попадаем в увлекательное путешествие по литературной Москве, по местам, многим хорошо знакомым и для многих бесконечно дорогим.

В московские реалии вдруг неожиданно вторгается знаменитая питерская дача – «будка А.А. Ахматовой в Комарове». Автор этой рецензии часто бывает и ныне в этом легендарном месте в гостях у нового арендатора, петербургского литератора, носящего по удивительному совпадению также фамилию «Ахматов». Совсем рядом – кладбище, где находится последний приют великой поэтессы. А чуть подалее, окружённое черничными лесами, Щучье озеро с его водяными лилиями. Столь же личным для Арипиной стал и сам Петербург – Ленинград, который сейчас, пожалуй, не всегда поворачивается язык назвать Петербургом; Кронштадт, с которым у автора было много связано личного...

Далее на страницах этих мемуаров мы видим и известную Ларису Васильеву, любившую «руководить и покровительствовать» (с. 117), и секретаршу С.В. Михалкова, его многолетнюю верную помощницу Людмилу Дмитриевну Салтыкову, которую она, правда, довольно странно окрестила верным «Фирсом» престарелого поэта, и поэтому не совсем понятно, кто же из них тогда истинный чеховский Фирс из «Вишневого сада». В книге часто появляется и друг семьи, «непредсказуемый человек», крупный советский поэт Александр Петрович Межиров.

Вслед за названными персонажами появляется Станислав Стефанович Лесневский, который часто будет фигурировать по разным поводам и далее, глубочайший специалист в области изучения наследия А. Блока, возглавивший комиссию по литературному наследию Владимира Соколова. Тут же проходит Аза Алибековна Тахо-Годи, вдова всемирно известного академика-античника Алексея Федоровича Лосева; литературовед Александр Парнис, с которым Арипина познакомилась в издательстве «Прогресс-Плеяда», возглавляемом Ст. Лесневским до самой его кончины в 2014 году. И с тем, и с другим автор статьи был хорошо знаком, работая с ними в отделе Серебряного века Института мировой литературы, и был свидетелем их позорного изгнания из этого почтенного заведения, которому всегда были, к сожалению, присущи интриганство и склоки.

Прекрасный образец русского мемуарно-автобиографического жанра – так можно характеризовать прозу и отчасти «дневниковые записи» Н. Арипиной. По мнению составителя книги Ильи Фаликова,

это «В общем-то не дневник как таковой, а именно дневниковые записи» (с. 317). И нельзя не заметить, что дневниковые записи Н. Аришиной опять же перемежаются стихами, которые являются как бы их своеобразным камертоном, как и цитатами из стихотворных произведений других поэтов.

Но в то же время мы здесь можем встретить и просто жизненные записи, сообщающие о разного рода фактах и событиях, в частности, печальных – к примеру, о смерти и похоронах в конце февраля 1990 года Давида Самойлова, о кончине в Филадельфии Н.Н. Берберовой 26 сентября 1993 года, об уходе из жизни Ю.М. Лотмана 28 октября того же 1993 года и т.д.

Здесь подробности окружающего мира, проявляющееся наряду с прочими в очень проникновенных описаниях природы, например, Ялты и окрестностей. И, конечно, вновь – многие известные персонажи, современные литературные деятели, как живые, так и уже ушедшие – тот же Ст. Лесневский, известный поэт и исследователь Достоевского, профессор-литературовед Игорь Волгин, Зоя Богуславская, Евгений Евтушенко, о котором И. Фаликов создал замечательную книгу для ЖЗЛ, одобренную при жизни самим Евтушенко. В этих записях фигурируют колоритные описания современной литературы и околосредоточной жизни, написанные пером профессионального литератора, но опять же преимущественно под женским углом зрения, о чём свидетельствуют детали и подробности (например, описано, как Н. Аришина собирается куда-либо идти из дома, во что она одевается и т.д.).

В книге публикуется также и повесть Аришиной, заглавие которой – «Восьмислойные облака» – становится в определённом смысле многозначным. В этом произведении повествование ведётся как бы в двух планах – действие происходит в Москве, в подмосковных Люберцах, где живёт один из героев, и в Японии. Везде действуют, страдают, чувствуют, наслаждаются любовью и переживают разные горести и разочарования герои – Денис, Наталья, Мария, Борислава, Стриж, японка Тиё. Повесть «Восьмислойные облака» отличается очень прямым и терпким, иногда откровенным эротизмом, зачастую почти натуралистичным, и очень напряжённым сюжетом, который сопровождают вполне органично всё те же подробности и детали «вещного мира», о которых мы уже говорили.

Таким образом можно сделать вывод, что читатель получает в высшей степени увлекательную книгу, которая держит его в напряжении от первой до последней страницы. И в целом книга Н. Аришиной «Немилосердные лета», как пишет И. Фаликов в коротком предисловии, представляет собой отнюдь «не финально-всеобъемлющий отчёт литератора о своей работе. Мы застали автора в процессе. Может быть, элемент финиша не чужд самоощущению поэта. Но процесс был прерван. Свет внезапно пропал. Ищем в сумерках» (с. 6).

«ПЕСНЬ КРАСОТЫ» ретрорецензия

К 65-летию Ст. А. Айдиняна

В качестве заголовка статьи мы не совсем случайно использовали название одной из коротких новелл-медитаций, как это определяет сам автор, из книги Станислава Айдиняна «Атлантический перстень», которая появилась в уже давнем 1994 году, а краткое предисловие к ней написала ещё раньше – в 1989 году, Анастасия Ивановна Цветаева. Но к моменту выхода книги её уже не было в живых.

Станислав Артурович Айдинян, как это хорошо многим известно, был дружен с А.И. Цветаевой в последнее десятилетие её жизни, будучи её литературным секретарем и редактором, младшим другом и, можно сказать, конфидентом.

Небольшая по объёму книжка, содержащая новеллы, эссе, медитации, легенды, написанные в лучших мировых литературных традициях, особенно явственно несёт в себе отголоски и черты русского Серебряного века, поэтому краткое предисловие А.И. Цветаевой многое объясняет в ней – а ведь старейшая писательница, как это также хорошо известно, была живым свидетелем и участником, если можно так сказать, литературы и в целом культурной атмосферы Серебряного века.

Новеллы Ст. Айдиняна по точному и тонкому определению А.И. Цветаевой – один из ярких образцов интеллектуальной прозы, в которой она усматривала не только влияние русской словесности означенной эпохи, но и одного из известных западных романтиков XIX века – Новалиса, ибо, по мысли А.И. Цветаевой, «это крылатая проза, отлетающая от буден, улетающая в область чистой мысли, философской символики».

Поэтому в данном контексте есть все основания, как мы полагаем, говорить о «неосимволизме», одним из современных представителей которого является Ст. Айдинян, как в своей прозе, так и поэзии.

Один из столпов русского символизма Андрей Белый в своей широко известной книге «Символизм как миропонимание» сопоставляет это направление (одно из главных в искусстве Серебряного века) прежде всего с культом индивидуализма, но не в негативном смысле, который очень выразительно заявил о себе в эту эпоху. И наиболее важным в теоретической концепции символизма, разработанной А. Белым,

является тот момент, что он не считает символизм чем-то абсолютно новым, а «лишь своеобразным сочетанием старых приёмов, их большей детализацией» (Андрей Белый. Ук. соч., М., «Республика», 1994, с. 25).

Интересно, что наиболее характерным в этом смысле представителем искусства эпохи, в том числе и символизма, Андрей Белый считает Леонида Андреева, отразившего в своём творчестве «обе тенденции русской литературы – социальную и декадентскую, реальную и призрачную, не слияние, а смешение, не единство, а параллель. (...) Смешение двух мирозосерцаний не изгладилось с ростом его таланта: вот почему идейный хаос нарисовал ему картину жизненного хаоса!» (там же, с. 355).

Может возникнуть вопрос: зачем мы привели этот довольно пространственный пассаж и какое он имеет отношение к рассматриваемой нами книге Ст. Айдиняна?

Ответ мы бы дали следующий: Ст. Айдинян в своём творчестве, насколько оно нам известно, живо и творчески воспринял многие постулаты символизма и они в каком-то новом варианте и новой огласовке оказались совершенно налицо в таких, например, рассказах, как «Странная молитва», «Следом идущие», «Его превосходительство» – последний рассказ содержит если не столь явную, то скрытую отсылку (здесь прослеживается определённая реминисценция) к идейно-образному строю известного рассказа Л. Андреева 1906 года «Губернатор», в котором основным лейтмотивом является идея неизбежной смерти. Только у Ст. Айдиняна герой – генерал – не может уйти от разверзшихся перед ним врат вечности в условиях войны, а губернатор Л. Андреева ждёт неизбежной смерти от рук восставших рабочих, в которых он приказал стрелять. «Взмах красного платка, выстрелы, крики, кровь». И смерть от руки террористов была ему непременно обещана: «В час дня, ваше превосходительство».

Образно-стилистический строй и наполнение разных произведений Л. Андреева – таких как «Призраки», «Проклятие зверя» с рефреном «Возлюбленная моя!», отчасти «Елеазар» с его пряным восточным колоритом и постоянно звучащим мотивом бренности, призрачности и эфемерности человеческой жизни, определённо напоминают некоторые прозаические произведения Айдиняна, вошедшие в книгу – «Повелительница», «Унесённый временем», «Абсолют» и др.

Отчасти столь же правомерным представляется также и сопоставление книги Ст. Айдиняна с некоторыми произведениями Фёдора Сологуба, одного из ярчайших представителей русского символизма – «Страна, где воцарился зверь», «Призывающий зверя», «Любови!», «Красота» – в последнем рассказе, да и во многих других, особенно ошутим излюбленный сологубовский приём – превращение, как бы прорастание в реальный мир неких фантастических, преральных сфер. Это характерно и для некоторых произведений Ст. Айдиняна. Во многом сходным с Сологубом образом Айдинян ощущает хрупкость, эфемерность красоты перед лицом жестокой и тоскливой, будничной повседневной жизни. Однако в рассказах и эссе Айдиняна начисто отсутствует тот пряный, даже похотливый эротизм, который так сильно заявляет о себе в прозе Ф. Сологуба.

Проза Ст. Айдиняна очень поэтична и возвышенна и потому в целом позитивна, невзирая на трагическую тональность некоторых его вещей (например, рассказ «Повелительница» и др.). Именно таковы «Странная молитва», рассказ, основанный на древнегреческой мифологии, «Гэфест и Пандора», «Атлантический перстень», «Гишина», «Обретение» и др.

Но рассмотрение творчества Ст. Айдиняна-прозаика, вернее, одного из его аспектов, было бы неполным, на наш взгляд, если не вспомнить в этой связи, казалось бы, несколько неожиданным образом один из классических литературных прецедентов – а именно И.С. Тургенева и прежде всего «Стихотворения в прозе», а также и так называемые «таинственные повести», окрашенные мистическим колоритом, особенно рассказы «Призраки» и «Довольно», а также с предсмертными произведениями великого писателя «Песнь торжествующей любви» и «После смерти (Клара Милич)». Во всех названных произведениях Тургенев определённо приближался к символизму и Серебряному веку, как бы предвосхищая его и во многом преодолевая традиционный классический реализм, первейшим представителем которого он был всегда, не отрекаясь от него. Странно, что исследователи явно недостаточно изучили этот пласт тургеневского творчества, хотя существует расхожее мнение, что Тургенев изучен вдоль и поперёк. Оказывается, не совсем. В лучшем случае литературоведы разного, особенно прежнего времени, писали о каких-то не совсем органичных для Тургенева мистических исканиях, глубоком пессимизме стареющего писателя на закате жизни и т.п.

Некоторые короткие притчеобразные рассказы Ст. Айдиняна «Memento mori», «Дерево», «Мгновение» в определённой мере заставляют вспомнить мотивы и интонации тургеневских «Стихотворений в прозе» («Как хороши, как свежи были розы...») и другие аналогичные произведения). И в этом, как нам кажется, нет особой натяжки – такое сопоставление, наверное, может быть небезынтересным.

Заключая наши наблюдения, мы бы хотели сказать вот о чём: сквозь почти всю так изящно написанную эссеистику Ст. Айдиняна проходит мотив ожидания чуда, которое всё-таки должно совершиться, несмотря ни на что. Именно об этом совсем короткий, в несколько строчек рассказ «Песнь красоты».

«Мелодия чуда изредка возвращается с неба на землю. Неужели вы никогда не слышали её?» – обращается автор к читателям.

Очень хотелось бы услышать, да кажется, что, скорее всего, слышали.